Мухин Юрий Игнатьевич

Генеральская мафия - от Кутузова до Жукова

Предисловие----2

Глава 1. Конкуренты----5

Кратко об источниках информации----5
Воспоминания Ермолова----6
Генерал Беннигсен----8
Прейсиш-Эйлау----11
Битва под Аустерлицем. Официальная версия----16
Битва под Аустерлицем. Реконструкция----18
Схема Аустерлицкого сражения----20
Лживый характер----22
Кутузов и Жуков----26

Глава 2. Армия без полководца----30

Последующая служба----30
Стратегия войны 1812 года----32
Кадры генералов----33
Немного о тактике того времени----35
Выбор поля боя и расстановка сил----41
Схема Бородинского сражения----42
И грянула битва----46
Всё пошло не по плану----49
Оставление Москвы----53
Грызня внутри армии----59
После оставления Москвы----63
Бог знает для чего при армии влачившийся----66

Глава 3. Брать на себя!----68

Непреодолимый ратоборец----69
Брать на себя!----72
Не оправдали надежд----74
Сначала и Сталин им верил----76
Ожидания Генштаба----76
План «Барбаросса»----76
Положение на советско-германском фронте на 29 июля 1941 года----77
По примеру войны 1812 года----80
Сам за всех----82
Генерал-адъютанты----85
О национальной гордости интеллигентов-великороссов----88

Глава 4. Военная юстиция на страже армии----92

Положение усложнилось----92
О карателях----95
Военно-морские итоги----96
Технические причины - не главные----98
Источник информации----99
Устав Петра и его забвение----100
«Погода была ясная и тихая»----101
Мысль о сдаче----103
Риторика прокурора----105

Гуманный суд----106
А драться было можно!----107
Все, как один----108
Тактика----110
«Профессионалы»----112
Распространение заразы----116

Глава 5. Наследники адмиралов и офицеров царского флота----121
Заказ кораблей и оружия----121
Использование минного оружия----122
Использование артиллерии----124
Несчастные десанты----126
Воспрепятствование вражескому судоходству----126
Защита своего судоходства----128
Оборона Севастополя----131
Этапы обороны Севастополя----132
Безвыходное положение Сталина----134
Безнаказанная трусость----137
Последствия генеральской трусости----141
А в это время герои...----143
Самые ценные кадры----144

Глава 6. Генералы без чести----146
Бросающаяся в глаза разница----146
Окружение под Киевом----149
Отход----151
Саботаж----153
Дезорганизация войск фронта----155
Топтание на месте----156
Избавление от честных----158
Немцы всё испортили----160
Позорный конец----163
Вязьма----165
Комсомолка и генерал----168
Боевой генерал и пропаганда вместо истории----171
Предшественник Власова----172

Послесловие----173

Предисловие

Начну с того, что есть ИСТОРИЯ - объективные знания о прошлом и есть ПРОПАГАНДА - те знания, которые полезны обществу или правящему в обществе режиму. Отсюда понятно, что потребности истории в истине и потребности пропаганды могут сильно не совпадать. С ходу осуждать пропаганду во лжи или тенденциозности нельзя, поскольку во время войны пропаганда - это всегда главный род войск, а в некоторых войнах и основной.

Однако пропаганда хороша и необходима только в самой войне - в этот момент она конструктивна, поскольку позволяет государству защититься, но когда после войны пропаганде придают статус истории, то последствиями этой пропаганды будут деструктивный самообман и непрерывные ошибки в настоящем. Или, если сказать о том же, но другими словами, - при организации обороны своей страны от внешнего врага и при оценке силы этого врага нужны факты, а не легенды. И если

мы имеем вместо истории пропаганду, то можем основываться совершенно не на том, что нам нужно было бы для своей обороны иметь в первую очередь.

Это книга не вообще о пропаганде или истории, а о генералах и адмиралах в пропаганде и реальной истории.

Совершенно очевидно, что во время войны пропаганда требует безмерно возвеличивать полководческие таланты своих, скажем, русских полководцев и беззастенчиво унижать способности полководцев врага скажем, немцев. Почему? Потому что неверие войск в своих полководцев и страх перед полководцами врага имеет последствием, в зависимости от масштаба войны, тысячи и миллионы убитых своих же солдат и поражение в войне.

Однако после войны потребности истории требуют возвеличивать тех, кто действительно отличился полководческим талантом и героизмом, и унижать дураков, трусов и предателей среди полководцев. Почему? Потому что пропагандистская слава полководцу создаётся по велению начальства, а подвиг полководца - его собственными умом и мужеством. И любой стране нужны только те генералы, которые собираются приобрести свою славу исключительно подвигом своего ума и мужества, а не лизоблюдством. Если историческую истину не восстанавливать, то армию неумолимо заполнят лизоблюды, бесполезные для страны и опасные для армии.

Чтобы было понятно, о чём разговор, приведу такой пример.

По плану нападения на СССР «Барбаросса» основной удар немцев следовал из района Белоруссии через Смоленск на Москву. С взятием Москвы, крупнейшего железнодорожного узла, европейская часть Советского Союза разрывалась на отдельные части, что, по мнению Гитлера, и означало конец войны - СССР оказался бы не способным к дальнейшему сопротивлению. Однако прорыв к Москве возможен был только в случае, если на севере и на юге немецкие войска разгромят советские армии.

В центре, из-за предательства командующего в этом месте советскими войсками генерала Павлова, у немцев всё шло по плану, они взяли Смоленск и вышли на прямую линию к Москве, а сил защитить Москву у СССР пока не было. Но Гитлер продолжать наступление в центре не мог потому, что на юге и севере план «Барбаросса» не был исполнен. Советские войска здесь отступали, но не были разгромлены. Следовательно, сорвали план «Барбаросса» командующие войсками на юге и севере - Будённый и Ворошилов. Казалось бы, должна история отдать им за это должное?

Скажем, 14 июля 1941 г. Ворошилов четырьмя дивизиями под городом Сольцы начинает операцию по окружению немецкого танкового корпуса под командованием Манштейна, немцы еле вырываются, оставляя в наших руках тылы и штабы. В начале августа посланная Манштейну в помощь дивизия СС «Мёртвая голова» была разбита,

потеряла две трети своего состава и сведена в один полк. Но под давлением немцев Ворошилов отводит войска к Ленинграду, он защитил город от захвата, но был не в состоянии защитить от блокады. Тем не менее Гитлер понял, что Ленинград он у Ворошилова не возьмёт, поэтому *«6 сентября 1941 года Гитлер своим приказом (Weisung № 35) останавливает наступление группы войск «Север» на Ленинграду уже достигших пригородов города, и отдаёт приказание фельдмаршалу Леебу отдать все танки Гёпнера и значительное число войск для того, чтобы «как можно быстрее» начать наступление на Москву»*. Таким образом, с 6 сентября число и сила немецких войск под Ленинградом значительно уменьшаются. Через неделю, 13 сентября, в Ленинград приезжает Жуков с приказом прорвать блокаду Ленинграда. Прорвать блокаду не смог, хотя и положил десятки тыс. советских солдат в своих бездарных попытках выполнить полученный приказ.

А что об этом говорится в нашей «истории»? А в «истории» Жуков стал великим полководцем за то, что не дал немцам штурмом взять Ленинград, который немцы и не собирались штурмовать. А Ворошилов? А о Ворошилове практически у всех историков и литераторов можно прочесть нечто подобное: *«10 июля 1941 г. был назначен главнокомандующим Северо-Западного направления. Однако здесь обнаружилась полная несостоятельность его как руководителя в современной войне»*.

Что получилось? Бездарность, оказавшая в мирное время услуги Хрущёву, стала великим полководцем потому, что Хрущёв заказывал, так сказать, историкам не историю, а пропаганду. Соответственно, нормальный полководец Ворошилов был низведён историками до уровня дурака.

Подумайте, какое поведение отечественным генералам мы задаём такой «историей»? С риском для жизни во время войны напрягать свой интеллект на решение полководческих задач или в мирное время оказывать некие услуги различным Хрущёвым и их окружению?

Народу, на шее которого сидят эти генералы, нужны такие полководцы?

Ещё пример, который до сих пор у многих перед глазами. После Великой Отечественной войны, повторю, пропаганда не была заменена историей, и все генералы той войны вне зависимости от совершённых ими подвигов стали безусловными «героями» и «великими полководцами». Это сильно помогло СССР? Каких генералов Советский Союз стал иметь к своему концу? Мы увидели их - тех, которые, не колеблясь, предали присягу, данную советскому народу. И не только спокойно смотрели на развал страны, целостность которой они присягали сохранять, но и активно участвовали в этом развале собственной страны и последовавшем грабеже её остатков. Какому народу нужны такие генералы - идущие в армию не для защиты своего народа, не для исполнения данной народу присяги, а для корыстного услужения начальству?

А если бы советский народ после войны, к примеру, узнал, что командующий Западным Особым военным округом Павлов в 1941 г. показал на заседании военного трибунала, что до войны начальник Генштаба Красной Армии Мерецков своим друзьям в генеральской среде постоянно указывал на *«неизбежность поражения Красной Армии в предстоящей войне с немцами»*. И убеждал Мерецков в этом коллег не для того, чтобы обдумать, как не допустить поражения, нет! Мерецков убеждал коллег, что *«в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет»*.

Председатель военного трибунала Ульрих не поверил и переспросил Павлова: *«Такой разговор у вас с Мерецковым был?*

***Павлов**. Да у такой разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.*

***Ульрих**. Кому это «нам» хуже не будет?*

***Павлов**. Я понял его, что мне и ему.*

***Ульрих**. Вы соглашались с ним?*

***Павлов**. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват».*

Но ведь Мерецков считался в послевоенном СССР героем и выдающимся полководцем! Так что же мы удивляемся, что генералы СССР образца 1991 г. (за редким исключением, только подчеркнувшим правило) дружно согласились, что им и при американцах во главе остатков СССР хуже не будет? Какая им разница, какому начальнику зад лизать? Это же проще и безопаснее того подвига, которого от них ждал народ, подвига, который они обязались исполнить в присяге и за обещание которого советский народ их содержал.

И началось подобная подмена истории пропагандой не вчера. Возможно, такое всегда было, но, по моему мнению, особо такая подмена расцвела после войны 1812 года.

Так что в итоге?

В итоге о своих полководцах лучше всего знать правду, какой бы она ни была.

Как ни странно, но у многих существует устойчивое мнение, что историческая ложь нас, ныне живущих, прославляет, дескать, возвеличивать предков это очень патриотично.

Это дикое заблуждение, во-первых, потому, что нам есть кем гордиться и без липовых героев. Однако по причинам, показанным выше, когда начинают прославлять липовых героев, о настоящих героях забывают. Поверьте, это так.

Во-вторых, надо поменьше прятаться за предков, поскольку мы сами скоро ими будем, а нас могут прославить не дела наших предков, а только и исключительно наши собственные дела.

Глава 1. Конкуренты

Кратко об источниках информации

Дискуссия об интеллекте государственных деятелей у меня на сайте быстро отошла от заданной темы, что обычно и бывает, но неожиданно для меня коснулась темы Кутузова и войны 1812 года. Я не готов был много об этом писать, поскольку в своих работах эту войну как-то обходил, ввиду того что не видел в ней примеров для раскрытия тех тем, которыми занимался. В связи с этим я и знал о войне 1812 года, пожалуй, не более того, что знают (знали раньше) все. Однако как-то прочёл воспоминания генерала Ермолова, в которых высказан определённый скепсис как относительно необходимости сдачи Москвы французам, так и относительно полководческой деятельности самого Кутузова. Скепсис Ермолова показался мне убедительным, почему я и имел неосторожность высказаться по этому поводу в дискуссии.

А дальше, ввиду необходимости отвечать на вопросы, я начал знакомиться с этой темой и пришёл к выводу, что события той двухвековой давности войны тоже являются неплохой иллюстрацией как к вопросу о роли генералов в войнах, так и к вопросу замены истории пропагандой.

Поскольку на эти размышления меня подвиг Ермолов, ещё раз упомяну о том, как надо пользоваться мемуарами. Немцы, по-моему, говорят, что нигде так не врут, как на охоте и войне. Это действительно так. И тем не менее мемуары являются важным источником фактов. Просто нужно смотреть, что именно в мемуарах можно считать фактом.

Во-первых, как и в любом ином случае, необходимо образно представлять описываемые события - прожить их в уме. Тогда, как только появится ложь, у вас в уме картинка событий прервётся - вы не сможете себе её представить, и вы засомневаетесь: а так ли всё было? В таком случае надо пытаться подтвердить или опровергнуть этот факт из других источников.

Во-вторых, надо смотреть на отношения самого мемуариста к описываемым им событиям - насколько они его прославляют или унижают, насколько он заинтересован именно в таком описании? Если он заинтересован, то надо искать и другие источники, поскольку это может быть и просто ложь, а чаще всего тенденциозное (далеко не полное) изложение факта.

К примеру, образцом нагло-хвастливой и настолько же глупой лжи являются мемуары Г. Жукова, их достаточно честная противоположность - мемуары К. Рокоссовского. Однако и у Рокоссовского есть моменты (один момент, по крайней мере, я знаю), когда в принципе честно изложенное событие, украшающее Рокоссовского, при наличии дополнительных сведений выглядит уже не так красиво. Скажем, да, Рокоссовский выбил немцев из данного города, однако ведь он хотел не просто выбить, а окружить их и уничтожить, а вот это у него не получилось. Наверное, не

получился этот замысел у Рокоссовского по объективным причинам, но он всё же обязан был бы упомянуть об этом, а не просто промолчать, делая вид, что так и было задумано.

Вот по этим двум критериям и стоит оценивать мемуариста, но особенно по его нейтральности к описываемым фактам, по его личной незаинтересованности в их искажении.

Воспоминания Ермолова

Теперь о мемуарах Ермолова. С учётом сказанного выше они вызывают доверие. Надо сказать, что Ермолов был человеком остроумным, легко изобретающим каламбурчики, мигом становившиеся известными в армии (и ставшие историческими анекдотами) и не прибавляющими ему симпатий у героев этих каламбуров. Не прибавляющими потому, что, как мне кажется, Ермолов был тот, о котором народ говорит: «Ради красного словца не пожалеет и отца».

К примеру, когда его высочайший шеф Аракчеев сделал ему, тогда подполковнику, замечание о худобе лошадей в его конноартиллерийской роте, Ермолов (уже обиженный в чинах, о чём Аракчеев знал), надо думать, с невинным видом, ответил согласием с начальником и посетовал, что судьба русского офицера часто зависит от скотов. Это остроумно, но, должен сказать, в отношении Аракчеева, беззаветно служившего даже не царю, а прямо России, это было несправедливо.

Или, скажем, вернувшись из штаба Барклая де Толли, в котором начальником канцелярии служил офицер по фамилии Безродный, Ермолов с грустью сообщил, что в штабе одни немцы, немцы, немцы и всего один русский, да и тот безродный. Это, конечно, смешно, но, по сути, и это было не так. Я тут наткнулся на список чинов штаба 1-й Западной армии, которой командовал Барклай де Толли, так вот, на июнь 1812 г. начальником штаба у Барклая был генерал-лейтенант Лавров, генерал-квартирмейстером был генерал-майор Мухин, дежурным генералом был полковник Кикин, начальником артиллерии был генерал-майор Кутайсов и только начальником инженеров был генерал-лейтенант Трузсон.

Кстати, об этих каламбурах сам Ермолов в мемуарах не сообщает, видимо, к старости начал их стыдиться. Более того, сетуя на нерасположение к нему Аракчеева, ни словом не опорочил его (хотя и ни разу не похвалил), а у Барклая де Толли он был начальником штаба и с глубоким уважением пишет о нём, как о храбрейшем генерале и хорошем специалисте.

Ермолов много служил под командою князя Багратиона, пишет о нём с восхищением его талантом и мужеством, неоднократно указывает на его огромную роль в армии. Кроме этого, с одной стороны, показывает, насколько Багратион мог пренебречь мнением о себе у начальства: *«Приезжает дежурный генерал-майор Фок и с негодованием спрашивает князя Багратиона, отчего отступает он, не имевши приказания, тогда как армия не успела ещё расположиться в укреплениях? Неприятно было*

князю Багратиону подобное замечание от г. Фока, который только не в больших чинах известен был смелым офицером и далее нигде употреблён не был. Князь Багратион повёл его в самый пыл сражения, чтобы показать причину, понуждающую к отступлению, и в глазах его приказал идти вперёд. Не прошло пяти минут, как генерал Фок получил тяжёлую рану, и мы преследованы до самых окопов».

С другой стороны, Ермолов не только упоминает в числе достоинств князя умение понравиться начальству, но и показывает, как тонко Багратион умел это делать:

> «В продолжение пребывания армии в Ольмюце около Вишау происходили небольшие перестрелки. Князь Багратион, заметив, что неприятель мало имеет в городе пехоты, но более кавалерии, приказал шефу Мариупольского гусарского полка генерал-майору графу Витгенштейну расположиться при выездах из оного, так чтоб неприятель не мог уйти, а пехоте приказал атаковать город. Кавалерия неприятельская вырвалась с малою весьма потерею, и граф Витгенштейн не успел ничего сделать. Оставленную его пехоту, с небольшим сто человек, взял в плен находившийся в авангарде генерал-адъютант князь Долгорукий (Пётр Петрович). Дело представлено было гораздо в важнейшем виде, и князь Багратион, как ловкий человек, приписал успех князю Долгорукому, который, пользуясь большою доверенностию государя, мог быть ему надобным».

Кутузов тоже входил в число тех, кто «ласково» относился к Ермолову, и, строго говоря, у Ермолова не было никакого основания порочить Кутузова, скажем, он пишет: *«В Ольмюце нашёл я инспектора всей артиллерии графа Аракчеева, в том же могуществе при государе, с тем же ко мне неблагорасположением, невзирая на лестное свидетельство главнокомандующего на счёт мой»*. То есть Кутузов был высокого мнения о Ермолове ещё в 1805 г., когда Ермолов был всего лишь подполковником. В свою очередь, Ермолов восхищался тем, как Кутузов в Австрии уводил свою слабую армию от преследовавшего её Наполеона. Но у Ермолова возникают сомнения в действиях Кутузова в войне 1812 года, и эти сомнения так просто со счетов не сбросишь.

Ещё немного о мемуарах Ермолова. Он скромен и своих подвигов не восхваляет и всегда пишет о них как бы о само собой разумеющихся. Вот его собственное описание его роли о битве под Прейсиш-Эйлау.

Пара слов об обстановке. В этой битве у командовавшего русскими войсками Беннигсена и так было меньше сил, чем у командующего французской армией Наполеона, кроме того, к началу битвы ещё не подошёл к левому флангу русской армии союзный корпус немецкого генерала Лестока. Наполеон, не давая Лестоку соединиться с русской армией, атаковал левый фланг Беннигсена, настал критический момент, потери были велики, уже был тяжело ранен участвовавший в битве Барклай де Толли, всё висело на волоске. А Ермолов об этом вспоминает так:

> «Посланная туда 8-я дивизия отозвана к центру, где необходимо было умножение сил; резервы наши давно уже были в действии. Итак, мне приказано идти туда с двумя конными ротами. Дежурный генерал-лейтенант граф Толстой махнул рукою влево, и я должен был принять сие за направление. Я не знал, с каким намерением я туда отправляюсь, кого там найду, к кому поступаю под начальство. Присоединив ещё одну роту конной артиллерии, прибыл я на обширное поле на оконечности левого фланга, где слабые остатки войск едва держались против превосходного неприятеля, который подвинулся вправо, занял высоты батареями и одну мызу почти уже в тылу войск наших. Я зажёг сию последнюю и выгнал

пехоту, которая вредила мне своими выстрелами. Против батарей начал я канонаду и сохранил место своей около двух часов. Тогда начал приближаться корпус генерала Лестока, в голове колонны шли два наши полка, Калужский и Выборгский, направляясь на оконечность неприятельского фланга. Против меня стали реже выстрелы, и я увидел большую часть орудий, обратившихся на генерала Лестока.

Я подвигал на людях мою батарею всякий раз, как она покрывалась дымом, отослал назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей собственной, объявил людям, что об отступлении помышлять не должно. Я подошёл почти под выстрелы и всё внимание обращал на дорогу, лежащую у подошвы возвышения, по которой неприятель усиливался провести свою пехоту, ибо по причине глубокого снега нельзя было пройти стороною. Картечными выстрелами из тридцати орудий всякий раз обращал я его с большим уроном. Словом, до конца сражения не прошёл он мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генерал Лесток, встретив умеренные силы, опрокинул их, обошёл высоту и батареи, которые неприятель, оставив во власти его, предался совершенному бегству, и мрачная ночь покрыла поле сражения. Главнокомандующий, желая видеть ближе действия генерала Лестока, был на левом фланге и удивлён был, нашедши от моих рот всех лошадей, все передки и ни одного орудия; узнавши о причине, был чрезвычайно доволен».

Вы в этом описании поймёте что-либо о роли Ермолова в этой битве? Да, он отрезал себе пути к отступлению, отправив лошадей в тыл с боевых позиций, но насколько его действия определили исход самой битвы? Да вроде ничего особенного. А в энциклопедическом описании этой битвы написано: *«Левый фланг Беннигсена медленно отступал к Кучиттену, оставляя в руках неприятеля опорные пункты своей обороны. Исправили положение меткий огонь 36 орудий на конной тяге под командованием Ермолова и 6000 человек из корпуса Лестока, которые прибыли на помощь войскам Остермана-Толстого. Вскоре на всём левом фланге французы были отбиты. На этом фактически битва при Прейсиш-Эйлау закончилась. До 21 часа продолжалась канонада с обеих сторон, но обессиленные и обескровленные войска больше не предпринимали новых атак».* То есть Ермолов, благодаря своей инициативе и храбрости, сыграл ключевую роль в битве у Прейсиш-Эйлау и не мог не понимать этого. Но ведь из его воспоминаний это никак не следует!

Аналогичен его рассказ и о Бородинской битве, в которой его появление в решающий момент в ключевой точке боя тоже предотвратило разгром. В разгар битвы французы захватили ключевую позицию - батарею Раевского, а Ермолов в это время проезжал мимо, посланный Кутузовым для оценки обстановки на левом фланге. Поняв, что происходит, но не имея в своём распоряжении никаких сил, Ермолов подчинил себе всего один пехотный батальон и повёл его в атаку на французскую бригаду, захватившую батарею Раевского. Это был чистейшей воды акт отчаяния, поскольку и атаковать превосходящие силы французов надо было из невыгодного положения - снизу из лощины. Но спустившись в эту лощину, Ермолов нашёл там отсиживающимися три егерских полка! Ермолов и их подчинил себе, с ними атаковал и практически уничтожил французскую бригаду, отбив батарею. И нет бы ему написать о своих глубоких генеральских тактических замыслах, предшествовавших этому подвигу, а он пишет: *«Внезапность происшествия не дала места размышлению; совершившееся предприятие не допускало возврата. Неожиданно была моя встреча с егерскими полками. Предприятие перестало быть безрассудною дерзостию, и моему счастию немало было завиствующих!»*

Ермолов закончил доработкой свои «Записки» практически перед кончиной в 1861 г. (опубликованы они были после его смерти). К этому времени не осталось в живых практически никого, кто бы мог опровергнуть написанное Ермоловым, казалось бы, Ермолов мог позволить себе что-то забыть и, к примеру, всю славу подвига боёв за батарею Раевского оставить себе. Но никого не забыл! *«Три конноартиллерийские роты прибывшего со мною полковника Никитина много содействовали успеху. ...Всюду, где есть опасность, находился главнокомандующий* (1-й армией) *военный министр* (Барклай де Толли)*. Внимательно наблюдая за действиями, он видел положение моё и, не ожидая требования помощи, прислал немедленно батарейную роту и два полка пехоты, так что под руками у меня было всё готово и всё в излишестве»*.

В «Записках» Ермолова он предстаёт как своеобразный, не без, скажем так, странностей, но действительно герой-воин, которому на веку посчастливилось совершить такую массу военных подвигов, что ему не было необходимости что-то врать или как-то эти подвиги преувеличивать. А в целом мемуары Ермолова вызывают доверие вот этими качествами мемуариста - умён и честен!

Тем не менее и к сообщаемым Ермоловым фактам тоже нелишне присматриваться.

Генерал Беннигсен

Главным оппонентом Кутузова в вопросе, оставлять Москву без боя или нет, стал генерал Беннигсен. И Беннигсен, пожалуй, один из главных потерпевших от той рекламы, которую создали Кутузову сначала высшая знать России, а потом и историки. Кроме этого, полагаю, что Беннигсена совершенно задвинули в тень ещё и по причине его немецкого происхождения. Давайте немного подробнее об этом выдающемся русском полководце.

Беннигсен родом из Ганновера, вступил в ганноверскую армию в 14 лет, участвовал в Семилетней войне и к 28 годам был подполковником. Затем, с понижением в чине до майора, перешёл на русскую службу. Интересно, что через 15 лет после Беннигсена на русскую службу пытался поступить и Наполеон Бонапарт, но, узнав, что принимают с понижением в чине, отказался. Беннигсен же к Бородинскому сражению уже 39 лет служил России, участвуя во всех её войнах.

Его упрекают в участии в убийстве Павла I и в том, что он, дескать, придворный интриган. Да, он участвовал в этом убийстве, но что это добавляет к его военной характеристике полевого генерала? Свидетельствует о его трусости?

Кстати, монархи очень не любят и не доверяют тем, кто участвовал в убийстве монарха, даже если эти люди убили предыдущего, чтобы данный монарх взошёл на престол. Ведь если эти подданные убили одного, то могут убить и другого, не так ли? И участие в убийстве Павла I

сильно повредило карьере Беннигсена в мирное время: Александр I, взошедший на престол после смерти Павла I, «в благодарность» отправил Беннигсена практически в ссылку в Вильно не на командную, а на военно-административную должность. И Беннигсен так никогда и не стал генерал-фельдмаршалом, хотя реальных заслуг перед Россией у него поболее, чем у Кутузова.

Кстати, если говорить об интриганстве и о способностях втереться в доверие к монарху, то тут, пожалуй, сразу же приходит на ум именно Кутузов. Ведь именно Кутузов сумел возвыситься благодаря интригам при дворе, вернее, умению подольститься ко всем царям и заручиться поддержкой нужных вельмож при дворе. Именно Кутузов, в отличие от многих других генералов эпохи императрицы Екатерины II, скажем, того же Суворова, сумел удержаться в фаворе и при сумасброде Павле I - именно при нём Кутузов стал генералом от инфантерии. Его современник, генерал С.И. Маевский, писал: *«Никто лучше его не умел одного заставить говорить, а другого - чувствовать, и никто тоньше его не был в ласкательстве и провидении того, кого обмануть или обворожить принял он намерение...»*

И возможно, благодаря такому таланту даже позорнейшее поражение под Аустерлицем не стало для Кутузова фатальным - в 1812 г. Александр I назначил главнокомандующим русской армией именно Кутузова, а не Багратиона или Беннигсена. Хотя, видимо, царь понимал превосходство Беннигсена перед Кутузовым, почему и назначил Беннигсена начальником Главного штаба при Кутузове. На царя сильно давили в пользу Кутузова, но об этом в конце.

Ведь на 1812 г. Кутузов имел в войне с Наполеоном одно, очень позорное поражение, а вот у Беннигсена был совершенно иной опыт войны с Бонапартом.

В кампанию 1806 г., командуя отдельным корпусом, Беннигсен нанёс первое поражение Наполеону под Пултуском. Правда, у историков к Беннигсену весьма особое отношение. Да что историки, даже Маркс с Энгельсом уверяют, что в бою под Пултуском Наполеона не было, а был только маршал Ланн. Но ведь это естественно - «города сдают солдаты, генералы их берут». Если бы французы победили, то и Маркс с Энгельсом записали бы эту победу Наполеону.

Ермолов был рядовым участником этого боя, ему в принципе было совершенно всё равно, кто был во главе французов, но Ермолов наверняка расспрашивал пленных, чтобы узнать, кто именно ими командовал. Ермолов пишет:

> «В тот же самый день, как при Голимине, произошло в Пултуске главное сражение. Наполеон, собрав все силы, за исключением бывшей кавалерии с принцем Мюратом, сблизился с генералом Беннигсеном, и сей, не имея возможности отступить, не подвергаясь крайней опасности, решился дождаться неприятеля. Наполеон употребил все усилия; войска, присутствием его ободрённые, действовали с возможною решительностию и бесстрашием. Уже ослабевали войска наши, ибо превосходство сил было на стороне неприятеля и победа, очевидно, склонялась в его пользу. Оттеснённые на некоторых пунктах, уже истощали они последние средства невыгодной обороны, но, по счастию, неприятель не мог противопоставить равного действия нашей артиллерии, ибо его за худыми дорогами

оставалась назади, и сие одно не только могло продлить сражение, но в некоторых местах даже восстановить оное с большою для нас выгодою.

Генерал Беннигсен непоколебим в твёрдости своей и, самым отчаянным положением возбуждаемый, прибегнул к последним средствам и резерву, состоявшему из двух пехотных полков, приказал ударить в штыки. Начальнику полков истолковано было, что от сего последнего усилия зависит спасение прочих войск, и полки бросились стремительно. Неприятель отступил, не устояв против штыков. Войска его, потеряв взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успехи в сём пункте, искали в скором удалении средства спасти от поражения разорванные части, и мгновенно часть лучшей позиции неприятеля была в руках наших. Клонившийся к самому вечеру день не допустил Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было некоторое время для приведения в порядок расстроенных войск, прежде нежели приступить к какому-либо предприятию. Итак, твёрдость генерала Беннигсена самое опасное положение обратила в победу совершённую. Отразить превосходные силы под личным Наполеона предводительством есть подвиг великий, но преодолеть и обратить в бегство есть слава, которую доселе никто не стяжал из его противников».

Беннигсен оставил записки о войне с Наполеоном в 1806-1807 гг. Написал он их в 1810-1811 гг. в виде писем своему сослуживцу, тем не менее война в Пруссии считается проигранной, Беннигсен считается проигравшим генералом, и как он ни уверяет в своей объективности, но мы понимаем, что верить ему безусловно нельзя. Тем не менее сделаю несколько замечаний.

Если не знать, кто автор, то не поймёшь, что Беннигсен немец, настолько много у него гордости за русского солдата, высказанной вскользь, между прочим. К примеру: *«Видно было, что наша пехота решилась в этот день оправдать мнение о её храбрости, которым она всегда пользовалась в Европе и которое могли некоторые неудачные дела предшествовавших кампаний поколебать только в глазах лиц, не знающих основательно русского солдата. ...Неприятель, полагаясь на своё значительное численное превосходство, льстил себя надеждою, что наши войска не перейдут реку Алле без большого урона. Но когда он отважился на решительный удар, долженствовавший опрокинуть наши ряды, он сам был до того сильно отражён, что возымел ещё большее уважение к храбрости русского солдата, внушённой ему уже предшествовавшими сражениями. ...Русская армия вела эту войну против страшного врага, который, заставив уже трепетать Европу, угрожал неприкосновенности нашей Империи и желал предписать сверху законы подобно тому, как он их предписал государствам юга. Русская армия рассеяла эти надежды Наполеона, сохранив вполне славу, честь и неприкосновенность русской Империи, тогда как в других войнах Наполеон только, так сказать, поражал армии неприятеля мимоходом, стремясь скорее занять столицу и овладеть государством».*

Второе: Беннигсен говорит о своих ошибках, что для мемуариста чрезвычайная редкость! К примеру: *«Дело под Фридландом началось с раннего утра. Оно разгоралось незаметно, без значительного пролития крови, против некоторых французских корпусов, мною выше поименованных. Честь нашей армии не дозволяла нам уступать им поле сражения. Добавлю к этому, что мы были притом в неведении о приближении всей французской армии.*

Признаюсь охотно, по совести, что поступил бы лучше, избегнув

совершенно этого столкновения. Это вполне от меня зависело, и я, конечно, остался бы верен моей решимости не вступать ни в какое серьёзное дело, разве что оно явилось бы необходимым для обеспечения дальнейшего движения нашей армии, если бы только ложные сообщения, которым подвержен всякий генерал, не ввели бы меня в заблуждение и если бы все показания пленных, схваченных в разное время и в различных местах, не свидетельствовали единогласно, что по ту сторону Фридланда находятся только корпуса маршалов Данна и Удино и отряд Домбровского с иностранными полками, но что император Наполеон со всей армией двинулся по дороге к Кёнигсбергу». На самом деле разведка доложила точно, да только Наполеон имел и свою разведку и, как только узнал, что Беннигсен даёт бой у Фридланда, тут же повернул войска на Фридланд.

И, тем не менее, разумно брать у Беннигсена только то, что безусловно не может быть ложью, поскольку проверяется надёжными фактами.

Чем интересен Беннигсен? Он был генерал, способный презреть приказ начальника во имя победы. Под Пултуском он не имел права принимать бой, поскольку имел прямой приказ командующего отступить за Нарев. Но тогда не успели бы отойти оставшиеся русские войска. И он ведёт бой с Наполеоном, зная, что с ним будет, если он этот бой проиграет: *«Положение, в котором я находился в день сражения, было для меня бесспорно тяжело и затруднительно. Я получил положительное приказание немедленно отступить в пределы наших границ; следовательно, я не должен был вступать в сражение. Какой же я подвергался личной ответственности, если бы имел несчастье претерпеть значительную неудачу? Печальные последствия поражения были бы поставлены мне в вину; основательные доводы, которые я мог бы привести в оправдание моего решения стойко ожидать неприятеля и остановить его хотя бы на один день, чтобы дать время нашим войскам, разбросанным по правому берегу Немана, достичь этой реки, не послужили бы оправданием моего неповиновения, тем более что могли мне доказать, что я имел ещё достаточно времени, чтобы перевести мои войска за Нарев по мостам, мною устроенным на этой реке. Но исход дня был в нашу пользу; меня настолько же одобрили, насколько в противоположном исходе меня порицали бы. Мой всемилостивейший монарх, чтобы выразить мне своё благоволение, удостоил пожаловать мне орден Св. Георгия 2-й степени, присоединив к этому ещё и подарок в 3000 червонцев»*. Надо думать, что и царь не сомневался, кто именно командовал французами под Пултуском, раз Беннигсен был награждён орденом Св. Георгия II степени, ведь этой степенью за всю почти полуторастолетнюю историю ордена было награждено всего 125 человек.

Статистика боёв Беннигсена с Наполеоном такова: если у Беннигсена были силы, примерно равные силам Наполеона, то он либо выигрывал сражение, либо сводил к ничьей, которая для активно действующего Наполеона была равносильна поражению. Один из моих комментаторов уверен, что в бою под Прейсиш-Эйлау Наполеон нанёс Беннигсену поражение. А в связи с чем так утверждать?

Прейсиш-Эйлау

На зиму 1807 г. у Беннигсена главной задачей было защитить от французов Кёнигсберг и часть Восточной Пруссии - единственную оставшуюся территорию прусского короля, союзника России. В январе 1807 г. маршал Ней, командовавший силами французской армии на этом театре военных действий, пограбив округу и в связи с этим недовольный своими зимними квартирами, по своей инициативе двинулся вглубь Восточной Пруссии по направлению к Кёнигсбергу. Главнокомандующий русской армии Беннигсен не мог оставить это без внимания - в Кёнигсберге находились главные склады союзнической армии. Поэтому русская армия немедленно снялась с зимних квартир, и Беннигсен начал маневрировать, стремясь атаковать французов по частям, но Ней, неся потери, всё же уклонялся от главного боя. В Варшаве Наполеон, узнав о том, что русская армия вышла в поле, вначале выразил сильное недовольство Неем, однако, ввиду морозной погоды, сделавшей дороги проходимыми, решает окружить и разгромить армию Беннигсена.

Наполеон стягивает к месту события войска Великой Армии и старается сделать это в глубокой тайне (даже об отъезде Наполеона в войска сообщили как об обычной инспекционной поездке). Однако у Беннигсена чётко действовали все виды разведки, к примеру, он вспоминает: *«От тайных своих агентов я узнал, что один из корпусов французской армии по-прежнему занимает зимние квартиры в окрестностях Остероде. ...Самые точные и самые достоверные известия получались нами из Варшавы, исправно два раза в неделю, из весьма хорошего источника...»* Войсковая разведка тоже действовала прекрасно: казаки неоднократно перехватывали курьера, и Беннигсен знал планы французов. Итак, вся русская армия начала концентрироваться для боя близ Янково. И именно здесь Наполеон задумал манёвр, чтобы окружить и уничтожить русские войска.

Однако манёвр Наполеона успехом не кончился - его удар пришёлся по пустому месту, - Беннигсен разгадал опасность, поменял планы и начал отводить войска на соединение с ещё не подошедшим корпусом союзных пруссаков под командой генерала Лестока. Французы преследовали, отбиваемые русским арьергардом, которым командовали князь Багратион и Барклай де Толли. (Нужно восхититься Багратионом - во всех операциях той войны он командовал арьергардом, если наша армия отступала, и авангардом, если наступала. Непрерывно в боях!)

Бои арьергарда были тяжёлыми, Ермолов пишет: *«Артиллерия во весь день была в ужасном огне, и если бы перебитых лошадей не заменяли гусары отнятыми у неприятеля, я должен был бы потерять несколько орудий. Конную мою роту, как наиболее подвижную, употреблял я наиболее. Нельзя было обойтись без её содействия в лесу, и даже ночью она направляла свои выстрелы или на крик неприятеля, или на звук его барабана. Войска были ею чрезвычайно довольны, и князь Багратион отозвался с особенною похвалою. Урон наш во весь день был весьма значителен и, по крайней мере, равен неприятельскому. Против*

нас дрался корпус маршала Даву».

Наконец, у Прейсиш-Эйлау Беннигсен решил принять бой.

Может, и не стоило бы об этом писать, но предшествовавшие битве события выглядели уж очень по-русски. Ермолов, находившийся в арьергарде, так описал отвод войск с боями к Эйлау 26 января: *«До одиннадцати часов утра дрались мы с умеренною потерею, но по дороге нашедши разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркитанты оставляли для облегчения своих повозок, спасая более дорогой товар, невозможно было удержать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того сделались пьяны, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка. Они останавливались толпами там, где не надобно было, шли вперёд, когда нужно отступить поспешнее. Неприятель, приметив замешательство, нападал решительнее, охватывал по возможности более пространства, и не было в лесу тропинки, на которой бы не появлялся; в защиту пьяных надлежало употреблять артиллерию, и движения сделались медленнее. Храбрые генералы граф Палён и граф Ламберт употребляли кавалерию, заменяя их; но невозможно было отвести их назад, и мы теряли их во множестве и убитыми, и пленными. Приближаясь к местечку Прейсиш-Эйлау, арриергард вышел на открытые места, и ему показана позиция, которая заслоняла собою местечко, позади которого на обширной равнине армия наша устраивалась в боевой порядок»*. На следующий день похмелья и произошла одна из славнейших битв русской военной истории.

Я не буду её описывать, просто несколько общих чисел. 70 тыс. французов атаковали 58 тыс. русских войск и 9 тыс. пруссаков, всего 67 тыс. То есть силы были примерно равными. Французы потеряли 30 тыс. и 5 знамён, союзные войска знамён не потеряли, но и их потери исчисляются огромным по тем временам числом - 22 тыс. человек убитых и раненых (хотя Беннигсен подтверждает 18 тыс.) Участник битвы, французский маршал Ней, оценив потери сторон, воскликнул: *«Что за бойня, и без всякой пользы!»* Но это он сильно преуменьшал итог.

Интересен тактический замысел Беннигсена. Под Прейсиш-Эйлау у русской армии хорош был только центр позиции - просторное поле, удобное для атак кавалерии, и высоты, удобные для расположения артиллерии. А фланги были слабоваты. Но это ведь Наполеон, он мог не ударить по сильному центру, а бить по флангам. Что делать? Перед этой позицией центра и был город Прейсиш-Эйлау, а битва продолжалась два дня - с обеда 26-го по ночь 27 января 1807 г. Вечером 26-го, когда Наполеон ещё не подтянул все силы, Беннигсен отчаянно дерётся за город, а ночью его оставляет. Зачем? Он поясняет: *«...легко себе представить, что бы могло постичь нас, если бы неприятель, вместо того чтобы упорствовать в намерении своём прорвать наш центр, удовольствовался бы только ложными демонстрациями на центр и направил против нашего левого крыла все свои силы, совершенно бесполезно потраченные им против нашего центра»*. То есть он заманивал

Наполеона в центр! И получилось! *«Три неприятельские колонны (маршала Ожеро, Даву и Сент-Илера), при которых находилась также императорская гвардия, снова подвигались против нашего центра»*, - вспоминает Беннигсен, но он, видимо, не знал, что и Наполеон всю битву простоял на кладбище Прейсиш-Эйлау, лично руководя войсками в центре русской позиции. Почему именно здесь?

Прорыв в центре давал возможность и русским, и французам разделить армию противника, развернуть вправо или влево войска и уничтожить какой-либо фланг противника полностью - одержать оглушительную победу. Весь вопрос был в том, силён ли центр у противника? Стоит ли наносить главный удар в центре? И то, что Беннигсен как бы отчаянно дрался за Прейсиш-Эйлау, а потом бросил его, показало Наполеону, что у Беннигсена здесь недостаточно войск, следовательно, прорыв русской армии в центре был возможен. Наполеон «купился» на этот тактический обман, нанёс главный удар по центру, и далее последовало: *«Генерал Дохтуров выслал им навстречу генерала Запольского с колонной из резерва. Она развернулась, и оба фронта очень близко подошли друг другу, поддерживая беспрерывный огонь. Заметив, что неприятель остановился, генерал Запольский ударил в штыки, смял его и преследовал на значительное расстояние. Эта колонна французов потеряла очень много людей убитыми и ранеными. Кроме того, она лишилась орла и ста тридцати человек пленными. В то же самое время часть неприятельской колонны, поддержанная другою, подошла опять к первой линии нашего центра. Наши полки, наиболее близкие к ней, храбро встретили их штыками и обратили в бегство. Несколько полков, находившихся в резерве позади центра, воспользовались этой минутой и уничтожили большую часть этой колонны»*.

Такое эффективное отражение атак получалось благодаря особому тактическому построению войск, Беннигсен эту тактику объясняет, но о ней ниже. Закончились атаки Наполеона тем, что *«корпус маршала Ожеро был почти весь уничтожен в сражении при Прейсиш-Эйлау, при его атаке на центр нашей позиции, ...уцелевшие от гибели 5000 человек его корпуса были распределены на пополнение других корпусов, пострадавших также в этом деле, в особенности первого армейского корпуса или корпуса принца Понте-Корво»*.

Беннигсен в последовавшую после битвы ночь отвёл свою армию к Кёнигсбергу и там начал спешно приводить её в порядок. Но и французы ночью тоже отступили, бросив все тяжёлые материалы, однако потом первыми вернулись, что и дало Наполеону возможность объявить о своей победе. Однако через 10 дней Беннигсен, переформировавшись и дав отдохнуть войскам, снова двинул русскую армию навстречу французам. И вот тут уж Наполеон не выдержал - не стал принимать бой и окончательно сбежал.

Интересно, что Наполеон не нашёл ничего лучшего, чем, наврав о трофеях и смолчав о своих потерях, объяснить войскам причину отступления мыслью, что зимою, дескать, надо отдыхать. В своём приказе

он писал: *«Солдаты! Мы начали только немного отдыхать в наших зимних квартирах, как неприятель атаковал первый корпус и появился на Нижней Висле. Мы двинулись против него и упорно его преследовали на расстояние восьмидесяти лье. Он укрылся за своими укреплениями и перешёл обратно Прегель. В сражениях при Бергфриде, Деппене, Хофе, в битве при Эйлаумы отняли у него 65 орудий, 16 знамён и лишили его убитыми, ранеными и взятыми в плен более сорока тыс. человек. Храбрые, павшие с нашей стороны на поле чести, почили славною смертью, смертью истинных солдат. Их семейства имеют всегда полное право на нашу о них заботливость и на наши благодеяния. Расстроив все замыслы врага, мы приближаемся к Висле и отступаем в наши кантонир-квартиры. Осмелившийся нарушть наш отдых раскается. За Вислой, как и за Дунаем, среди зимней стужи, как и при начале весны, вы пребудете всегда французскими солдатами, и при том солдатами великой французской армии»*.

Ермолов вспоминает:

«Менее двух недель пробывши около Кёнигсберга, армия выступила вперёд. Авангард в команде генерал-майора Маркова в два перехода прибыл к Прейсиш-Эйлау. Его подкреплял квалериею генерал князь Голицын.

С любопытством осматривал я поле сражения.

Я ужаснулся, увидевши число тел на местах, где стояли наши линии, но я более нашёл их там, где были войска непрителя, и особенно, где стеснялись его колонны, готовясь к нападению, невзирая, что в продолжение нескольких дней приказано было жителям местечка (как то они сами сказывали) тела французов отвозить в ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать в землю замёрзлую. Как артиллерийский офицер примечал я действие наших батарей и был доволен. В местечке не было целого дома; сожжён квартал, где, по словам жителей, сносились раненые, причём много их истреблено.

- При нашем приближении к Прейсиш-Эйлау неприятель тотчас вышел. Поспешное его отступление свидетельствовали разбросанные во множестве обозы, снаряды и лазареты с ранеными и больными. Сильная оттепель сделала дороги непроходимыми, и как в подобных случаях терпит наиболее отступающий, то французы в городах и селениях оставили все свои лазареты. (Всего было собрано более 2 тыс. раненых.)

Прибывши в Ландсберг, нашли мы госпиталь офицерский, и к удивлению их, они видели в нас гораздо большее о них попечение. Многие по нескольку дней были не перевязаны. Хозяин моей квартиры, знающий французский язык, сказывал, что он слышал французских офицеров, рассуждающих, в каком состоянии была армия их, когда после сражения в ту же ночь прошла она Ландсберг. Они говорили, что если бы не корпус маршала Бернадотта, не бывший в деле, который оставлен был в арриергарде, то некому было бы прикрыть отступление, ибо войска были в ужаснейшем беспорядке и число мародёров неимоверное».

Итак, Беннигсен не только оставил за собою место битвы, что является формальным подтверждением победы, но он и полностью решил задачу кампании - не дал Наполеону вывести Пруссию из числа союзников России. Мало этого, Наполеону был нанесён столь огромный урон, что он в 1807 г. призвал в армию французов, призыв которых должен был бы быть в 1808 г.

Надо сказать, что эта слава русского оружия как-то очень малоизвестна, кроме того, практически сразу же была предпринята попытка её изолгать, преуменьшить её результаты. Ермолов пишет: *«Не избежал однако же главнокомандующий порицаний; и как не менее рассуждают те, кои не имеют понятия о вещах, то много было*

обвиняющих. ...Генерал князь Багратион отправлен главнокомандующим в С.-Петербург с подробным объяснением о Прейсиш-Эйлавском сражении, которое по разным интригам представлено было государю в несправедливом виде. Слышно было, что генерал-лейтенант граф Толстой посредством брата, весьма приближённого к государю, доводил до сведения вымыслы, вредные главнокомандующему. Мнение было, однако же, в пользу последнего, и с графом Толстым ни в каком отношении не сравнивали». Ермолов не пишет, что хотел Остерман-Толстой (граф Толстой), но запомним эту интригу.

Видимо, Багратион убедил Александра I, поскольку уже в то время эта битва заняла почётное место в ряду славных битв русской армии. И какое бы ни было отношение монарха к Беннигсену, но он наградил его за эту битву высшей наградой России - орденом Андрея Первозванного.

Между прочим, Ермолов высказал и явную обиду на Беннигсена. Во время боя у Прейсиш-Эйлау к Ермолову на батарею заглянул граф Кутайсов, которому тот не подчинялся, но ловкий граф после сражения приписал все заслуги Ермолова себе. В результате вместо Св. Георгия 3-й степени, к которому Беннигсен представил Ермолова, тот получил всего лишь орден Св. Владимира, а Св. Георгия получил Кутайсов. Ермолов пожаловался Беннигсену на несправедливость, Беннигсен пообещал её исправить, но либо ничего не сделал, либо у него ничего не получилось. Мало того, в воспоминаниях, множество раз отмечая Ермолова, в данном случае приписывает подвиг Кутайсову.

Кстати, у ордена Св. Георгия было интересное дополнение - за особо выдающиеся победы в отдельных выдающихся сражениях все участвовавшие в бою офицеры награждались специально для этого учреждёнными золотыми крестами. За всю историю этой награды было всего пять случаев её учреждения: за взятие Очакова (1778 г.), Измаила (1790 г.) и Праги - пригорода Варшавы (1794 г.) войсками под командованием генерал-аншефа А. Суворова; за взятие турецкой крепости Базарджик (1811 г.) войсками под командованием генерал-лейтенанта С. Каменского и за «Победу при Прейсиш-Эйлау» войсками под командованием генерала от кавалерии Л. Беннигсена. Сам Беннигсен об этой награде с понятной гордостью пишет: *«Его величество, по моему о том представлению, приказал пожаловать более 1200 офицерам особый знак отличия, состоявший из золотого креста, который носился в петлице, с изображением в нём года, числа и месяца знаменитых дней под Прейсиш-Эйлау. Этот крест всем, получившим оный, сокращал на три года установленный законом двадцатипятилетний срок беспорочной службы, для лиц военного звания - на получение ордена Св. Георгия 4-й степени. Кроме того, государь император приказал унтер-офицерам и рядовым всей действующей армии, находившимся в деле под Прейсиш-Эйлау, выдать в награду одну треть получаемого ими жалования»*.

Выигранные Кутузовым битвы никакими специальными наградами не отмечены.

В продолжение кампании весной 1807 г. Беннигсен, действуя против

начавших наступление превосходящих французов (123 тыс. французов против 105 тыс. русских), задумывает операцию по окружению корпуса французского маршала Нея у Гуттштадта. Из-за промедления командиров соединений, имевших задачу отрезать Нея, замысел не удался, тем не менее Ней, потеряв до 7 тыс. человек при 3 тыс. русских потерь, с большим трудом прорвался назад, оставив русским не только 3 тыс. пленных, но и свою коляску с личными вещами.

Почти сразу же последовал удар собственно Наполеона по армии Беннигсена под Гейльсбергом. Искусство Наполеона не помогло: потеряв почти 13 тыс. убитых, раненых и пленных при 8 тыс. потерь у Беннигсена, Наполеон прекратил битву, оставив поле боя за русскими.

И наконец, в июне 1807 г. в сражении под Фридландом Наполеон, имея 80 тыс. солдат против 61 тыс. у Беннигсена, добивается убедительной победы: потеряв 12 тыс. французов, Наполеон нанёс русским войскам потери в 18 тыс., кроме того, захватил 80 из 120 бывших у Беннигсена орудий. После этого заключается мир, а Александр I отправляет Беннигсена в отставку по болезни.

Беннигсен в то время действительно болел: за две недели до своего последнего сражения с Наполеоном под Фридландом, в сражении под Гейльсбергом, Беннигсен потерял сознание из-за резких болей в желудке и окончание битвы происходило под командованием князя Горчакова. (Ермолов высказывает мысль, что именно из-за выбытия из строя командующего не удалось нанести Наполеону решительное поражение.)

Но что в итоге? В итоге к войне 1812 года генерал от кавалерии Беннигсен имел опыт войны с Наполеоном со счётом: две победы при двух, в худшем случае, ничьих и одном поражении.

А какой опыт сражений с Наполеоном был у генерала от инфантерии Кутузова?

Битва под Аустерлицем. Официальная версия

В активе (пассиве?) Кутузова была только битва под Аустерлицем.

До этой работы её описание не вызывало у меня сомнения, тем более что основные сведения о ней заложены романом Льва Толстого «Война и мир». Типа сошлись в чистом поле армии Наполеона и Кутузова. Кутузов подтягивает ещё войска, а царь его торопит начинать битву, но Кутузов сообщает, что ещё не все подошли, однако царь ему дескать, мы не на Марсовом поле, чтобы начинать, когда все соберутся. А Кутузов ему так мудро: потому и не начинаем, что не на Марсовом поле. А что ещё вспомнить после романа «Война и мир»?

Суммарно версию Л. Толстого можно изложить словами князя Андрея: *«Сражение выиграет тот, кто твёрдо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, - и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Проиграли - ну так*

бежать!» - мы и побежали. Ежели бы до вечера мы не говорили этого, бог знает что бы было». Короче, сошлись войска, и была битва, но мы проиграли её потому, что на чужбине драться не хотели.

Но вот читаю статью об Аустерлице в «Военной энциклопедии» (простите за длинную цитату), кстати, кратко изложенную и на сайте Министерства обороны России.

> «Генеральное сражение в русско-австро-французской войне 1805 года состоялось 2 декабря (20 ноября по старому стилю) 1805 года возле Аустерлица (современный чешский город Славков-у-Брна) и вошло в современную историографию как битва трёх императоров, поскольку в ней лично принимали участие императоры Франции, России и Австрии - Наполеон I, Александр I и Франц II.
>
> Накануне сражения русско-австрийская армия под командованием генерала Михаила Кутузова насчитывала 86 тыс. человек (в том числе 15 тыс. австрийцев), французская армия Наполеона I - 73 тыс. Русско-австрийские войска занимали сильные позиции в районе Ольмюца (ныне город Оломоуц в Чехии) в ожидании подхода подкреплений. Александр I, игнорируя мнение Кутузова, принял план австрийского генерала Франца Вейротера, предусматривавший наступление на основе устаревшей стратегии без учёта манёвра противника и достаточных данных об обстановке.
>
> Этим он фактически отстранил Михаила Кутузова от руководства войсками.
>
> План Александра I, предложенный генералом Вейротером, предусматривал тремя колоннами нанести главный удар по правому флангу противника и продвигаться на север. Четвёртая колонна должна была наступать через Праценские высоты на Кобельниц, пятой колонне было поручено сковать противника, обеспечивая обходный манёвр главных сил. Наполеон, заранее осведомлённый разведкой о планах союзников, занял позицию за ручьями Гольдбах и Бозеницкий, планируя ударом по центру разобщить русско-австрийские войска, выйти во фланг и в тыл главной группировки союзников и уничтожить их порознь.
>
> 1 декабря союзная армия, совершив за четыре дня 60-километровый марш, заняла позиции на линии Коваловиц - Праценские высоты.
>
> Сражение началось 2 декабря в 7 часов утра наступлением русско-австрийских войск. Обходящие колонны генерал-лейтенантов Дохтурова, Ланжерона и Пржибышевского, развёрнутые в две линии, под командованием генерала Буксгевдена атаковали правый фланг французской армии. Четвёртая колонна генералов Коловрата и Милорадовича выдвинулась на Праценские высоты. Пятая колонна генерала Лихтенштейна (австрийская конница) и авангард союзной армии под командованием генерал-лейтенанта Багратиона прикрыли правый фланг армии союзников. Резерв (русская гвардия) расположился за высотами.
>
> Главные силы союзной армии, встретившись с нарастающим сопротивлением подходивших частей корпуса маршала Даву, заняли Тельниц, Сокольниц и Сокольницкий замок. Для их усиления Александр I приказал колонне Коловрата - Милорадовича оставить Праценские высоты и следовать к главным силам. Этим просчётом воспользовался Наполеон - в 9 часов корпус маршала Сульта атаковал Праценские высоты. Колонна Коловрата - Милорадовича, понеся потери, отступила.
>
> Попытка русской гвардии и колонны Лихтенштейна остановить корпуса маршалов Бернадота и Мюрата также не имела успеха - к 11 часам Праценские высоты оказались у французов. Развернув на них 42 орудия, корпуса Сульта и Бернадота атаковали тыл и фланг обходящих колонн. Французские войска перешли в наступление.
>
> Не выдержав натиска французов, русско-австрийские войска начали отход по всему фронту. Обходящие колонны, втянутые в бой, вынуждены были отступать. Они оказались в окружении и должны были пробиваться через вышедшие им в тыл французские войска по узкому проходу между озёрами Мониц и Зачан, неся тяжёлые потери.
>
> К исходу дня союзные войска отошли за реку Литава и ручей Раусниц, потеряв 27 тыс. человек и 185 единиц техники. Потери французов составили свыше 12 тыс. человек.
>
> Поражение было сокрушительным. Австрия была вынуждена заключить 7 января (26 декабря по старому стилю) в Пресбурге (ныне Братислава) тяжёлый для неё мирный договор с Францией. Россия отвела войска на свои территории. Таким образом, третья

антифранцузская коалиция распалась.

Победа Наполеона в Аустерлицком сражении показала преимущества новой военной системы французской армии - тактики колонн в сочетании с рассыпным строем стрелков - над военной системой и линейной тактикой русско-австрийской армии. Важную роль сыграли в этом грубые просчёты в организации боевых действий со стороны союзной армии - слабая разведка, недооценка сил противника.

Умелое применение военной хитрости, сосредоточение сил на направлении главного удара (50 тыс. из 73 тыс. человек), удачный выбор момента атаки привели Наполеона к одной из ярких побед в его жизни».

Я писал в начале статьи, что, читая мемуары (да и всё, что читаешь), надо в уме представлять себе происходящее в описании. Так вот, читая эту статью в энциклопедии, представить происходящее невозможно.

К примеру: этот самый авторитетный источник (остальные ещё хуже) сообщает, что Кутузов наступал на французов пятью колоннами общей численностью в 86 тыс. человек, то есть одна колонна была средней численностью в 17 тыс. человек! Но по тем временам это корпус, включающий в себя две дивизии по шесть полков в каждой! Как наступать колонной корпуса?

Поясню: колоннами (да и линиями) наступали, вернее, маневрировали, на поле боя только и исключительно батальоны. То есть подразделения численностью от 400 до 1000 человек, в зависимости от того, какой это батальон - егерский или мушкетёрский, гренадерский или гвардейский. Да и то при непосредственном огневом или штыковом взаимодействии с противником батальоны из колонн разворачивались в три шеренги боевых линий. Колонна корпуса в наступлении - это бред! Это представить невозможно. Корпус мог быть построен в колонну только для марша - для перехода к новому месту расположения или к полю боя.

Или как представить себе это: *«Обходящие колонны генерал-лейтенантов Дохтурова, Ланжерона и Пржибышевского, развёрнутые в две линии...»*. Как колонну (прямоугольник) представить в виде двух «развёрнутых» линий?

Или такое: *«Для их усиления Александр I приказал колонне Коловрата - Милорадовича оставить Праценские высоты и следовать к главным силам. Этим просчётом воспользовался Наполеон - в 9 часов корпус маршала Сульта атаковал Праценские высоты. Колонна Коловрата - Милорадовича, понеся потери, отступила»*. Так колонна Коловрата - Милорадовича ушла с Праценских высот или всё же осталась там наступать? Если она ушла, то кому французы нанесли потери и кого заставили отступать? Если не ушла, то почему тогда невыполненная команда Александра I по уводу колонны Коловрата - Милорадовича ослабила русские войска и вызвала поражение?

Начал разбираться и, кажется, понял, что же там произошло.

Битва под Аустерлицем. Реконструкция

Сначала об оперативной обстановке на этом театре боевых действий. Россия с Австрией были главной силой третьей антинаполеоновской

коалиции. Русские войска под командованием Кутузова двинулись в Баварию для соединения с расположенной там австрийской армией под командованием эрцгерцога Фердинанда, но пока русские войска шли, Наполеон под Ульмом разгромил и пленил почти все силы этой австрийской армии. Кутузов попал в сложное положение и начал с арьергардными боями (Багратион) отходить на Вену, преследуемый французскими маршалами. По пути войска Кутузова (опять же, под командованием Багратиона и Дохтурова) нанесли поражение войскам французского маршала Мюрата под Амштеттеном и Мортье под Дюренштейном. Однако, пока Кутузов шёл к Вене, Наполеон взял её без боя.

Кутузов свернул на север и через Брюнн (ныне чешский город Брно) дошёл до города Ольмюц. Здесь уже были русский и австрийский императоры, сюда подходили остальные соединения русской армии: уже подошла армия Буксгевдена, вот-вот ожидалась русская гвардия под командованием великого князя Константина. Наполеон, по пятам Кутузова, тоже подвёл к Ольмюцу свои войска.

И вот тут и французы, и союзные войска попали в положение, когда у них было только одно решение, причём одно не потому, что оно лучшее, а потому, что оно вообще было одно.

Дело в том, что разбитая под Кульмом армия была у Австрии не единственная - в Италии у Австрии была армия эрцгерцога Карла. К тому же Карл разбил в Италии под Кальдиеро войска французского маршала Массены, и теперь вёл армию из Италии на Вену. А Ольмюц, Брно (буду называть его по-современному), Вена и армия Карла находились практически на одной прямой (одном меридиане). Получилась ситуация, когда на одном конце прямой на севере союзные войска под командованием императоров и Кутузова, на другом конце - австрийская армия Карла, между ними - Наполеон.

Что делать Наполеону? Союзники уже собрали у Ольмюца силы, по численности превышающие войска в распоряжении Наполеона, мало этого, союзные войска опирались на первоклассную крепость Ольмюц, в Семилетнюю войну выдержавшую осаду самого Фридриха II. Атаковать союзные войска было очень рискованно. Ждать, пока Карл вернёт Австрии Вену и подойдёт к Ольмюцу? Оказаться зажатым между двух армий? Безумие! Наполеону оставалось одно - оторваться от Кутузова и как можно быстрее добраться до Вены и Карла. И сначала разбить его армию, а потом уж вернуться и заняться армией Кутузова. И Наполеон начал отвод войск на юг по дороге Ольмюц - Брно - Вена.

А что делать союзным войскам? Допустить, чтобы Наполеон ушёл один и разбил изолированного от них Карла? Но после этого Австрия немедленно заключит с Наполеоном мир, поскольку у неё больше не стало бы армии. И императоры принимают решение идти за Наполеоном.

Однако просто преследование Наполеона не решало главный вопрос - вопрос соединения с Карлом, - ведь Наполеон по-прежнему разделял

Кутузова и Карла. Надо было как-то опередить его! Но была европейская зима, то есть в морозы грунт замерзал и делался проезжим, в оттепель становился непроходимым. Была оттепель, к примеру, под Аустерлицем многие полки французской пехоты атаковали наши войска босиком, поскольку их обувь застряла в грязи в начале атаки. Наполеон шёл по дороге на Брно, за ним по этой же дороге шла союзная армия. И что толку в таком преследовании? Надо было забежать впереди Наполеона, но по грунтовым дорогам и просто по бездорожью это было непросто. Или надо было хотя бы сбить Наполеона с дороги на Брно, что было ещё сложнее.

Авангард Багратиона каждый день имел стычки с арьергардом Наполеона, но задержать главные силы французских войск, чтобы дать своим силам их обойти или хотя бы зайти Наполеону во фланг, не мог - Наполеон свою армию уводил и уводил, но тоже не мог оторваться от преследования! Так продолжалось 4 дня, пока не настал кульминационный момент.

До этого Наполеон не имел сил остановить преследование. Поскольку союзная армия по численности превосходила французские войска, то Наполеону для арьергарда, способного надолго задержать Кутузова, надо было выделить слишком много сил, и выделить их, по сути, на уничтожение. Однако впереди был город Брно с крепостью, контролирующей дорогу. Вот тут Наполеону можно было задержать союзную армию силами небольшого гарнизона крепости Брно.

Императоры Александр I и Франциск II и штаб союзных войск это понимали: понимали, что если они немедленно что-нибудь не предпримут, то Наполеон оторвётся от преследования и разделается с Карлом. Ответственность за судьбу своих стран заставляла императоров принимать решение, хотя на тот момент это были люди, не очень умудрённые опытом: австрийскому императору было 37 лет, а русскому вообще 28.

План боя (диспозицию) составил австрийский генерал Вейротер, и, на мой взгляд, она была не только единственно возможной, но и по-своему блестящей. *«План Вейротера был хорош,* - говорил Наполеон, - *если б моя армия стояла всё время не двигаясь, как верстовые столбы. Атакуй я на шесть часов позже - я был бы разбит»*. Наполеон не искренен и не говорит всего, просто нужно представить себе местность.

Дорога с Ольмюца на Брно шла на юг, но не прямо к Брно, а только до широты этого города и уже на этой широте сворачивала на Брно участком километров в 20 с востока на запад. Проходила дорога через город вдоль крепости и только после этого сворачивала строго на юг - на Вену. То есть дороги Ольмюц - Брно и Брно - Вена в этом месте образовывали прямой угол. Практически перед последним переходом Наполеона до Брно, примерно за 15 км до города, союзные армии сошли с дороги влево - в этот угол - и расположились перед и в городке Аустерлиц на ночлег. Что получилось? Союзные войска отошли от дороги Ольмюц - Брно до 10 км и теперь получили возможность на следующий день, сделав рывок в 10-15 км параллельно дороге, а затем повернув к ней, выйти к находящейся на

дороге армии Наполеона во фланг или даже в тыл, не дав Наполеону войти в Брно.

Надо сказать, что прямо об этом ни один историк не пишет - все придерживаются принятой в исторической науке «линии партии». Но это становится очевидно, когда читаешь про «обходные колонны» и смотришь на схемах, куда эти «обходные колонны» союзной армии должны были выйти. Но это были не атакующие колонны, а походные колонны войск на марше.

Мало этого, свернув к Аустерлицу вечером 1 декабря 1805 г., союзные войска проделали треть пути (по прямой - по гипотенузе) к дороге Брно - Вена! То есть если удар по Наполеону не имел бы желаемого успеха и не лишил Наполеона возможности прорваться к Брно, то союзные войска могли выйти на дорогу к Вене, минуя Брно. И при любом варианте боя с французами союзные войска становились впереди Наполеона на пути в Вену, после чего уже Наполеон обязан был бы преследовать их на пути объединения союзной армии Кутузова с австрийской армией эрцгерцога Карла.

Что примечательно - Наполеон либо знал, либо разгадал возможность такого развития событий. Обычно этот момент не указан на картах Аустерлицкого сражения, но на одной австрийской схеме показано, что на прямой возможного выхода союзных войск прямо к дороге на Вену стоит некое соединение французских войск. И это соединение могло иметь только одну задачу: задержать прямой выход союзной армии на дорогу Брно - Вена!

Если бы союзные войска и не находились в состоянии жизненной необходимости объединиться с Карлом, то и тогда план спрямить дорогу (замаскировав часть пути ночлегом) и выйти в тыл противнику вошёл бы в анналы военной истории. Но для того тяжёлого положения, в котором находились молодые императоры, это было блистательным и спасительным решением.

Однако для воплощения этого решения в жизнь требовалось исполнение хотя бы одного из двух обязательных условий: во-первых, Наполеон должен был продолжать отходить на Брно и, во-вторых, исполнением плана должен был заняться ответственный главнокомандующий.

Но ни одно из этих условий не было выполнено!

В войсках союзников был шпион Наполеона, и в этом нет сомнений. Это доказывается тем, что Наполеон подготовился не к обычному бою с идущим на него противником - не сжал войска в один кулак. Наполеон устроил засаду на походные колонны войск союзников, которые они должны были выстроить только назавтра! Но это невозможно было сделать, не имея точной диспозиции, - не имея точных маршрутов, по которым войска союзников будут пытаться обогнать французов, невозможно было выбрать места засад. Значит, кто-то передал Наполеону диспозицию генерала Вейротера!

Схема Аустерлицкого сражения

И Наполеон сделал то, на что мог решиться или дурак, или военный гений. Он, оставив на дороге корпус Ланна для прикрытия от прорыва к Брно Багратиона, остальные свои войска растянул вдоль маршрутов предстоящего движения союзных войск. Он расположил свои войска численностью 73 тыс. человек на фронте от фланга до фланга более 15 км! Для сравнения: под Прейсиш-Эйлау 70 тыс. французов вели атаки на 67 тыс. русских и пруссаков на фронте 4,5 км, под Бородино 150 тыс. французов атаковали русскую армию на фронте в 5 км. При том уровне развития оружия меньшая плотность войск разделяла войска на части, которые противник легко мог отделить и уничтожить по отдельности.

Представьте, ну что было бы, если бы и у французов были австро-русские шпионы, доложившие союзникам о таком растягивании фронта Наполеоном? А что было бы, если бы у союзников был ответственный главнокомандующий, который разведкой и боевым охранением вскрыл бы, что у Наполеона дивизии не имеют локтевой и огневой связи? Наполеону наступил бы конец! Союзники имели достаточно войск, чтобы войти в незащищённые промежутки между дивизиями Наполеона, окружить и уничтожить их по отдельности!

Наполеон пошёл на огромный риск, но что тут скажешь? Наполеон!

Теперь о том, как происходило сражение в описании его участника Ермолова.

> «Я с конноартиллерийскою ротою находился при кавалерийской дивизии генерал-адъютанта Уварова, которая пред некоторою частью армии составляла передовое войско.
>
> ... Темнота ночи остановила нас на вершине одного возвышения, в хорошем местоположении. Недалеко позади стала в бивуаках вся армия. Впереди нас изредка видны были неприятельские огни, которые, казалось, означали цепь передовой стражи. В армии был слух, и почти все верили, что неприятель уходит. Около полуночи у подошвы возвышения, на котором стояла наша дивизия, в одно мгновение загорелись огни, охватившие большое пространство. Мы увидели обширные бивуаки и движение великого числа людей, что наиболее утвердило многих во мнении, что неприятель не ищет даже скрывать своего отступления».

Вот это, надо думать, и было доложено Кутузову и императорам, и укрепило их во мнении, что всё идёт по плану - Наполеон отступает на Брно! На самом деле огни были зажжены в честь приезда в войска Наполеона, и его армия действительно пришла в движение, но не на Брно, а вправо от дороги - к местам засад вдоль маршрутов завтрашнего выдвижения союзных войск.

> «Генерал-адъютант Уваров позван был в главную квартиру, откуда возвратился в скором времени. Немедля за ним прислан офицер с диспозициею на нескольких листах, наполненною трудными названиями селений, озёр, рек, долин и возвышений и так запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочитать многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную, столько же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о её существовании; одно то ясно было, что назавтра атакуем мы неприятеля».

Этой диспозиции в истории, судя по всему, не осталось, по крайней мере, я не встречал у историков её текста, кроме как якобы начала этой

диспозиции в романе Л. Толстого. И этот рассказ о ней Ермолова очень важен, причём не тем, что он о её содержании вспомнил, а тем, чего не вспомнил. Так вот, Ермолов помнит, что речь шла об атаке, но в приказе об атаке обязана быть поставлена задача атаки - объект, занятый противником, который подлежит атаковать, уничтожив противника в этом объекте, - населённый пункт, высоту, рубеж. Всякие там немецкие названия селений, через которые их проведёт адъютант (начальник штаба, колонновожатый), Ермолов мог и не помнить, но объекты, которые подлежали атаке, он обязан был помнить! Что именно должен был атаковать корпус Уварова? Что должны атаковать остальные корпуса? Это было бы в диспозиции обязательно, если бы атаке подвергался противник, находящийся рядом. Но войскам объекты атаки в диспозиции не были указаны, следовательно, Вейротер не мог их указать, поскольку сам ещё не знал, что именно и кто будет атаковать. Для этого надо было сначала дойти до противника, увидеть его и только потом поставить задачи войскам. Следовательно, если Ермолов не вспоминает, кого надо было атаковать, то диспозиция предусматривала только марш.

Я ещё вернусь к диспозиции Вейротера, а пока продолжу тем, что Наполеон во всех названиях селений диспозиции Вейротера, надо думать, разобрался досконально и очень точно устроил засады на пути следования армии союзников.

«Ещё до рассвета выступила армия, опасаясь, по-видимому, чтобы неприятель не успел уйти далеко». Это обычная ирония Ермолова, он довольно часто её использует, хотя она невоенному человеку, да ещё и современному, может быть и непонятна. Однако из неё следует, что колонны строились не для атаки французских позиций, а для преследования французов. В любом случае рассвет был около 7.00, солнце начало всходить в 7.40. По Л. Толстому, войска начали строиться в 5 утра, к 8 часам головные колонны союзников уже могли уйти на 5-6 км от места ночёвки под Аустерлицем, задние могли ещё и не начинать движения, но, безусловно, все войска уже были построены в походные колонны.

> «С началом дня, когда полагали мы себя в довольном расстоянии от неприятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядок, мы увидели всю французскую армию в боевом порядке, и между нами не было двух вёрст расстояния.
>
> ...Совершенная готовность неприятеля доказывает, что он предуведомлен был о нашем предприятии, ибо не предпочитал за нужное открывать следования нашего, и даже до самой занимаемой им позиции не было ни одного пикета».

Это надо пояснить. Чтобы на войска не было внезапного нападения, они окружают себя пикетами - группами пехоты или кавалерии на таком расстоянии от войск, с которого можно предупредить своих о приближении противника. Но и противник, видя пикеты, догадывается о том, что где-то близко крупные силы неприятеля. Так вот, Наполеон, чтобы разведка и охранение союзных войск не вскрыли раньше времени засады французов, приказал вообще не высылать пикеты - оставил свои войска на ночь без охраны.

Итак, солнце встало, и марширующие колонны русских войск увидели справа от себя жерла наведённых на себя орудий, французские пехоту и

кавалерию, развёрнутые в боевые порядки.

Ещё немного об иронии Ермолова, которая может быть непонятой. Он пишет: *«Войска его оставались в бездействии, удивлённые странным явлением, ибо трудно предположить, чтобы могла армия в присутствии неприятеля, устроенного в боевой порядок, совершать подобное движение, не имея какого-нибудь хитрого замысла»*. Понимаете, в засаду запросто могут попасть несколько человек, отдельная рота или даже батальон, может даже полк, хотя уже полк обязан на марше иметь головную походную заставу и боковое охранение, тем не менее такие случаи можно себе представить. Но чтобы в засаду попалась целая армия?! Это невозможно!! Завести свою армию в засаду может только выдающийся полководец! Вот Ермолов и иронизирует насчёт *«хитрого замысла»*.

Лживый характер

На самом деле французы не изумлялись, у них не было на это времени.

> «Когда же перешли мы болотистый и топкий ручей, - вспоминает Ермолов, - и многие из колонн вдались в селения, лежащие между озёр по низменной долине, простирающейся до подошвы занимаемых неприятелем возвышенностей, когда обнаружились все наши силы и несоразмерные между колонн промежутки, - открылся ужасный с батарей огонь, и неприятель двинулся к нам навстречу, сохраняя всегда выгоду возвышенного положения. Некоторые из колонн наших в следовании их были атакованы во фланг и не имели времени развернуться. Другие хотя и устроили полки свои, но лишены будучи содействия и помощи других войск или даже окружённые, не могли удержаться против превосходных сил, и в самое короткое время многие части армии нашей приведены были в ужаснейшее замешательство.
>
> ...Действия сделались частными, связи между войсками не существовало, и сблизиться не имели они возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейский корпус под начальством его высочества цесаревича, назначенный составлять резерв, должен был при самом начале сражения вступить в первую линию и по необходимости столько занять места, что не мог он отделить ничего на составление второй линии. Левый фланг под командою генерала графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, где прежде находилась дивизия генерал-адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступил с меньшею потерею людей; но батарейные 24 орудия, бывшие в долине, и часть пехоты у прикрытия их достались во власть неприятеля. Изломавшийся под передним орудием мост остановил прочие в следовании. Колонна, находившаяся в центре генерала Милорадовича, по долгом сопротивлении рассеяна; генерал-лейтенанта Пршибышевского, неосторожно проходя селение, окружена и, потерпев весьма большой урон, чрезвычайно много потеряла пленными, в числе коих попался и сам начальствующий колонною; генерал-лейтенанта графа Ланжерона, по неудобству места, недолго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейб-гвардии сделали несколько неудачных атак, но в них не было связи, и люди, не обвыкшие к войне, увлечены будучи храбростию и бесполезно истощив усилия, понесли большой урон.
>
> С отличною неустрашимостью действовали полки кавалергардский и конной гвардии, и часть сего последнего, врубившись в конницу, взяла одного орла, но, общий испытав жребий, была опрокинута с потерею. Неприятель, одержав сии успехи, умножил войска свои против авангарда князя Багратиона, расположенного на конечности правого фланга, и против кавалерийских дивизий генерал-лейтенанта Эссена 2-го и генерал-адъютанта Уварова, которые до того сохранили места свои единственно по той причине, что неприятель обратил внимание в другую сторону, а их истребление определил впоследствии. Вся сия кавалерия состояла в команде австрийского генерала князя Лихтенштейна. Многие из полков врубались в неприятельские войска, но должны были уступать превосходным силам. При самом начале сражения генерал-майор барон Мёллер-Закомельский с уланским полком его высочества цесаревича сделал блистательную атаку, опрокинул противостоящую кавалерию, рассеял часть ближайшей пехоты, но тяжёлая рана, пресекшая его успехи, оставила его во власти

неприятеля у самых пушек, которым угрожала его храбрость, и полк рассеянный обратился. В кавалерии нашей, точно как и в других войсках, действия по большой части были частные, без всякого взаимного вспомоществования.

И так с одного крыла до другого войска наши по очереди, одни после других, были расстроены, опрокинуты и преследуемы. Потеря наша наиболее умножилась, когда войска стеснились у канала чрезвычайно топкого, на котором мало было мостов, а иначе как по мосту перейти чрез оный было невозможно. Здесь бегущая конница наша бросилась вброд и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коих я находился, остановил свою батарею, предполагая своим действием оной удержать преследующую нас конницу. Первые орудия, которые я мог освободить от подавляющей их собственной кавалерии, сделав несколько выстрелов, были взяты, люди переколоты, и я достался в плен. Дивизия генерал-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имела время осмотреться, что она бежала от малого числа неприятеля и что главные его силы остановились на возвышении, не спускаясь в долину. Прогнавшие нас были обращены в бегство и истреблены, и мне чрез самое короткое время возвращена свобода, когда я уже был близко от французской линии. Присоединяясь к остаткам истреблённой моей роты, нашёл я дивизию в величайшем беспорядке у подошвы холма, на коем находился государь. Холм занят был лейб-гренадерским полком и одной ротою гвардейской артиллерии, которые участвовали в сражении и потому сохранили устройство. При государе почти никого не было из приближённых, на лице его изображалась величайшая горесть, глаза были наполнены слезами. Здесь можно было видеть части почти всей армии, и если премудрая диспозиция нас разделила, то бегство соединило многих. На месте сражения оставили мы более шестидесяти орудий, и армия отступила. ...Но, к счастию нашему, время клонилось к вечеру, и неприятель далее болотистого канала нас не преследовал».

Отметим слёзы на глазах молодого царя, это нам пригодится, но обратим внимание, что историки числят в потерях союзных войск 185 орудий, а Ермолов говорит только о 60. Но это орудия, потерянные на поле боя, или, если сказать правильнее, на поле избиения. В бою орудия отцепляются от передков и лошади, возящие орудия, отправляются в тыл, в безопасное место. И если противник внезапно нападает на орудия, как в случае с ротой самого Ермолова, то орудия без лошадей невозможно от противника увезти. Однако союзные войска были на марше, орудия были на передках - в орудия уже были впряжены лошади, - поэтому орудия можно было быстро увезти от французов, что и делали. Однако толку от этого было не много.

«Пред полуночью я получил приказание отойти, что должно было последовать гораздо прежде, но посланный офицер ко мне не доехал. В городке Аустерлице, давшем имя незабвенному сражению, нашёл я арриергард князя Багратиона, который не хотел верить, чтобы могли держать одного меня в шести верстах впереди, и не восхитился сим распоряжением генерал-адъютанта Уварова. Прошедши далее четыре версты, прибыл я к армии, но ещё не все в оной части собраны были и о некоторых не было даже известия; беспорядок дошёл до того, что в армии, казалось, полков не бывало: видны были разные толпы. Государь не знал, где был главнокомандующий генерал Кутузов, а сей беспокоился насчёт государя. ...На рассвете стали собираться разбросанные войска, и около десяти часов утра появилась неприятельская кавалерия, наблюдавшая за нашим отступлением. В сей день, по причине совершенного изнурения лошадей, оставили мы на дороге не менее орудий, как и на месте сражения».

Да, прямо скажем, как-то не очень это описание согласуется с тем, что написано об Аустерлицком сражении историками. По их описанию, это было пусть и неудачное, но как бы сражение. А по факту это был расстрел застигнутых на марше войск. И такое искажение уже и в те времена устраивало всех. С русско-австрийской стороны такая версия не так позорила не только императоров, но и участвующих в деле генералов и офицеров. И с точки зрения Наполеона выгодно было Аустерлиц представить именно так. Да, с точки зрения войны засада это тоже

подвиг, но есть всё же разница между убийством противника из-за угла и на дуэли.

По итогам войны царь наградил Кутузова орденом Св. Владимира 1-й степени, однако помнил и свои слёзы, и через много лет, в письме сестре от 18 сентября 1812 г., у него прорвалось: *«По воспоминанию, что произошло при Аустерлице из-за лживого характера Кутузова»*.

Давайте теперь попробуем понять, что именно мог иметь в виду Александр I под лживым характером Кутузова.

Все участники этого сражения, как и любого другого, вложили в него свой интеллект, свои идеи. Разумеется, огромное (но далеко не всегда определяющее) значение имеют плоды ума командующих. Плоды ума Наполеона на виду и понятны. Его уму противопоставляли результаты своего ума союзные генералы. Да, неудачно, но они пробовали это сделать. Австрийский генерал Вейротер вложил свой ум в план, императоры вложили свой ум в решение о его принятии. Но главнокомандующим был Кутузов. Где результаты его ума? Известно, что он был против и сражения, и против плана Вейротера. Это хорошо, но что предлагал сам Кутузов, ведь это его ОБЯЗАННОСТЬ!

Интересно, что это понимают даже современные историки, выдумывая за Кутузова такие бредовые предложение (типа увести войска в Россию), что он в гробу вертится. Но над тем, что именно предлагал делать Кутузов, ломал голову и Ермолов. Он рассказывает о различных соображениях, созревавших в головах участников событий, надо думать, уже после сражения, но о Кутузове пишет: *«Армия наша получила повеление выступить вперёд. Генерал Кутузов был противного мнения, и рассуждения на сей предмет были различные»*. Рассуждения иных лиц были, но что именно Кутузов предлагал, во исполнение своей обязанности главнокомандующего, осталось тайной.

Я эту тайну раскрою - он ничего не предлагал. И его мнение, «противное» против решения императора, это чистейшей воды интриганство. Если бы Кутузов что-то конкретное предлагал, но его решение не было принято императорами, он обязан был бы подать в отставку и освободить место иному генералу. Но Кутузов в отставку не подал, следовательно, согласился с тем, что предлагали другие. Но Кутузов, интригуя, принял все меры, чтобы их предложения обгадить. Зачем? Затем, что если бы дело кончилось удачей, то тогда он герой - ведь это он командовал! А в случае неудачи Кутузов мог заявить и заявлял, что «он ведь предупреждал!».

Кутузов органически боялся принимать собственные решения!

Напомню, что решение является плодом оценки обстановки, и если человек не верит в свои способности обстановку оценить, то он и не способен принять решение - он боится, что оно будет неправильным и повлечёт неудачу. Это не страх за собственную жизнь (храбрость Кутузова отмечал и Суворов). Это неверие в свой ум, в свой профессионализм, это страх бюрократа, которому очень хочется занимать

свою должность, но не хватает знаний (чаще всего из-за лени), характера и, как итог, уверенности в том, что он справится с задачами, которые ему полагается решать. Отсюда стремление бюрократа любое, мало-мальски ответственное решение не самому принимать, а получать его в готовом виде от начальства, чтобы в случае неудачи на начальство же (или совет) и свалить вину.

Кутузов в своей карьере до Аустерлица показал себя очень храбрым офицером, но он никогда не воевал самостоятельно, он всегда был под командой, чаще всего Суворова. О Кутузове есть анекдот, в реальность которого приходится поверить. При штурме Измаила генерал-майор Кутузов с вверенной ему штурмующей колонной уже взошёл на крепостной вал, но тут ему надо было принять решение, врываться в крепость или отойти? Он лучше всех видел обстановку, поэтому ему и надо было решать, что делать. Но он посылает к Суворову гонца с донесением о невозможности удержаться на валу. Суворов ответил, что он уже послал донесение императрице о том, что Измаил взят. Теперь всё было в порядке, теперь Кутузов рванулся в крепость и получил за этот подвиг орден Св. Георгия 3-й степени. И чин генерал-поручика.

Однако не думаю, что царь назвал его лживым за бюрократическую трусость - за перекладывание решений на царя и Вейротера. Если бы Кутузов добросовестно исполнил свои обязанности главнокомандующего, то царь не мог бы иметь к нему претензий. Смотрите: Кутузов не подал в отставку, не дал заменить себя тем же, скажем, Багратионом, он согласился командовать войсками, то есть давать им команды во время боя. Поскольку в бою эти войска действовали на фронте не менее 4-5 км (а в походе расстояния были ещё больше), то нужна была связь Кутузова с войсками, а в те времена связь без кавалеристов была невозможна. Но смотрите, что, по воспоминаниям Ермолова, происходило в союзных войсках утром в день аустерлицкого сражения:

«Колонны пехоты, состоящие из большого числа полков, не имели при себе ни человека конницы, так что нечем было открыть, что происходит впереди, или узнать, что делают и где находятся ближайшие войска, назначенные к содействию. Генерал Милорадович на моих глазах выпросил по знакомству у одного шефа полка двадцать гусар для необходимых посылок». Как это понять? Как Кутузов собирался командовать, не получая донесений от войск?

Далее. В диспозиции Вейротер не указал противника, которого надлежало атаковать, в том числе и потому, что это было не его, начальника штаба, дело. В то время функции штабов были иные, да и начальники штабов так не назывались. Они назывались адъютантами или квартирмейстерами, и их задачей было довести войска до нужного места. Кстати, в XIX веке Академия Генерального штаба России называлась Школой колонновожатых. А указать войскам того противника, которого нужно уничтожить, это дело командующего. Но для этого командовавший войсками Кутузов обязан был «держать руку на пульсе» - ежеминутно знать, где находится противник. А для этого он обязан был вести

непрерывную разведку за противником всеми средствами. В том числе средствами боевого охранения колонн, боевыми разведдозорами. Но, как видите, Кутузов не только не знал, где находятся французы, он, лишив войска кавалерийского охранения, вообще не сделал даже элементарного для предупреждения внезапного нападения. Ермолов сообщает:

«К сему прибавить надобно, что ни одна из колонн не имела впереди себя авангарда. Общий авангард всей армии находился весьма мало впереди и на самой конечности правого фланга, так что собою не закрывал он ни одной колонны, и армия в движении своём совершенно была открыта. Дивизия генерал-адъютанта Уварова отведена была довольно далеко назад, чтобы потом перейти ближе к правому флангу, вся почти кавалерия соединена была особенно». Правый фланг был назначен действовать прямо на Брно по дороге, и по отношению ко всей армии это был хвост её корпусных колонн.

Итак, пехота корпусов шла в темноту предрассветной ночи без авангарда, не охраняемая кавалерией и ничего впереди не видя, кроме дороги под ногами.

Как вы узнаете дальше, командование Кутузова и в 1812 г. сопровождал исключительный бардак в области организации управления войсками, но под Аустерлицем Кутузов, судя по всему, был ещё и глубоко уверен, что французов поблизости нет, до места сражения ещё идти и идти, поэтому ему нечего понапрасну суетиться со связью и охранением. Ну а солнышко взойдёт, так и без кавалерии будет всё видно. Ведь не самоубийцей же Кутузов был!

И получилось так. Молодой царь, не имея ни малейшего опыта командования, поручил Кутузову, как бы старому и опытному генералу, русскую армию, в ответ Кутузов важно надул щёки: *«А как же, Ваше Величество, всё будет в лучшем виде!»* А сам не сделал даже элементарного во исполнение своих обязанностей.

Откуда скорее всего и царская обида на Кутузова за Аустерлиц: «Лживый!»

Кутузов и Жуков

При обсуждении приведённых выше особенностей Аустерлицкой битвы получил вопрос: был ли Кутузов реальным главнокомандующим в момент битвы или он самоустранился? Как он мог быть главнокомандующим и не командовать? В двух словах это не объяснишь.

Я понимаю, что этот вопрос читатели понимают плохо, поскольку или не имеют опыта работы с начальственными бюрократами, или не пытаются понять, что ими движет, - не пытаются понять мотивы их действий. Пусть меня простят за занудность, но я повторю ещё раз и приведу в качестве разъясняющего примера аналогию.

Итак, работа любого человека состоит из трёх составляющих: оценки обстановки, принятия решения и собственно действия (для командира - приказ войскам). Так поступают абсолютно все и всегда. Скажем, вы

пришли в магазин, смотрите на витрину - это оценка обстановки, при которой вы прикидываете нужность вам выставленных товаров, их цену, наличие денег и прочее, что может подвигнуть вас на покупку. За оценку обстановки вы не несёте ответственности - смотрите себе на товары сколько вам угодно. Ответственность наступает только за ваше решение: купить - не купить. Откажетесь - возможно, накажете себя тем, что упустите возможность купить нужную вещь или продукт по приемлемой цене. Примете решение купить - возможно, накажете себя ненужной вещью и бессмысленной тратой своего труда, выраженного в деньгах. Следующее действие - собственно покупка - уже не наказывается, это действие является следствием решения.

Итак, ответственность (наказание) - это следствие неправильного решения, неправильность решения зависит от вашей способности оценить обстановку, а ваша способность искать правильные решения - от вашего ума и опыта.

Вернёмся к начальственным бюрократам.

Раз наказание наступает за неправильное решение, то глупый или малоопытный бюрократ всеми силами старается это решение сам не принимать! И чем он глупее, тем больше страшит его наказание за его решение - он понимает, что умное решение он не примет. Но он же обязан принимать решения и давать команды, раз залез в начальственное кресло!

И по мере укрепления бюрократической системы управления бюрократы, инстинктивно и смотря друг на друга, нашли выход из положения - научились сидеть в кресле начальника, но никаких ответственных решений не принимать. Способ довольно простой - надо, чтобы решение за тебя принял начальник. Идеально - прямой начальник, но сойдут суррогаты начальника - «закон», «инструкция», «приказ», «совет специалистов», «наука», «народный глас». И бюрократ будет до конца вертеться и крутиться, пока не вынудит начальника или его суррогат принять решение за себя.

Но этого маловато, поскольку бюрократ ведь обязан советовать начальнику, а начальник, даже приняв решение за бюрократа, потом может сказать: «Да ведь ты же был согласен и не предупредил меня, что это может так закончиться!» Поэтому мало того, что бюрократ не будет принимать своё решение, но он ещё и будет критиковать и критиковать любое принятое решение, добиваясь вида, как будто его вынудили принять и исполнять это решение помимо его воли и вопреки его советам.

Начальникам это может и надоесть, и начальники потребуют от бюрократа его собственное решение - ведь бюрократ в своей должности обязан принимать решения. Вот тогда-то бюрократ выдаст своё настолько же заведомо «хорошее» и «правильное» решение, насколько и заведомо не приемлемое или заведомо не исполнимое.

Если взять пример сегодняшнего дня и «борьбу умных патриотов» за «народное счастье», то они отвергают любое реальное решение, скажем,

участвовать в митингах за честные выборы, но, не краснея, предлагают нелепости, скажем, бесконечно «поднимать самосознание народа», срочно организовать «пролетарскую революцию» или силой «захватить власть». Разве плохо силой захватить власть? Очень хорошо! А можно? Спрятавшись под юбкой у жены - можно. Советовать.

Но вернёмся к военным бюрократам. Итак, получив от начальника или его суррогата решение, бюрократы тупо, без добавления своего интеллекта к решению начальника, перебрасывают это решение войскам в виде своего приказа. И тогда если решение окончится победой, то бюрократы - герои, это они победили. Если решение закончится поражением, то дурак - начальник! Это ведь «он приказал», а я, мудрый бюрократ, «советовал не делать».

Вот аналог Кутузова из Великой Отечественной войны - Г.К. Жуков. Хорош тем, что и в старости не понимал, кем он был и что он делал, поэтому, в отличие от Кутузова, в мемуарах даёт уйму примеров своего тупого бюрократизма.

К примеру, эпизод из периода битвы за Москву:

> «В начале ноября у меня состоялся не совсем приятный разговор по телефону с Верховным.
>
> - Как ведёт себя противник? - спросил И.В. Сталин.
>
> - Заканчивает сосредоточение своих ударных группировок и, видимо, в скором времени перейдёт в наступление.
>
> - Где вы ожидаете главный удар?
>
> - Из района Волоколамска. Танковая группа Гудериана, видимо, ударит в обход Тулы на Каширу.
>
> - Мы с Шапошниковым считаем, что нужно сорвать готовящиеся удары противника своими упреждающими контрударами. Один контрудар надо нанести в районе Волоколамска, другой - из района Серпухова во фланг 4-й армии немцев. Видимо, там собираются крупные силы, чтобы ударить на Москву».

То есть Сталин предлагал проявить инициативу, а именно - на отдельных участках фронта сосредоточить силы, превосходящие там силы немцев, и ударить по немцам, а не подставлять свои участки фронта для немецкой инициативы - под удары превосходящих на этих участках фронта сил немцев. Это аксиома войны. Настоящий полководец на месте Жукова тут же занялся бы поиском такого слабого участка фронта у немцев и разработкой плана нанесения удара.

Скажем, в это же время маршал Тимошенко сам, ведя ожесточённые оборонительные бои, соскребая резервы со второстепенных участков своих фронтов, без приказа Ставки и без её помощи готовил операцию по разгрому 1-й танковой армии немцев ударом по её флангу. Но Тимошенко был полководец, а Жуков вместо подготовки операции начинает «критиковать» решение Сталина:

> «Какими же силами, товарищ Верховный Главнокомандующий, мы будем наносить эти контрудары? Западный Фронт свободных сил не имеет. У нас есть силы только для обороны».

Иными словами, Жуков предлагает Сталину не мешать инициативе немцев, скапливающих на отдельных участках фронта превосходящие силы, уничтожать обороняющиеся советские войска по очереди. И не

трогать у Жукова резервы, чтобы Жуков, после очередного уничтожения части советских войск немцами и прорыва ими фронта, мог бросать навстречу немцам эти резервы - войска с марша, не успевшие провести разведку, подтянуть артиллерию, подготовить позиции. Чтобы немцы уничтожали и уничтожали эти советские войска, пока не захлебнутся в их крови.

Сталин с таким полководческим решением не согласился:

> «В районе Волоколамска используйте правофланговые соединения армии Рокоссовского, танковую дивизию и кавкорпус Доватора. В районе Серпухова используйте кавкорпус Белова, танковую дивизию Гетмана и часть сил 49-й армии».

Жуков, как видите, уже вынудил Сталина принять решение за Жукова - ведь это была обязанность Жукова найти у себя на фронте нужные силы, найти место контрудара и организовать войска для него. (Кстати, корпус Белова Сталин забрал у Тимошенко, которому тоже катастрофически не хватало сил для контрудара под Ростовом.) И вместо своей полководческой работы Жуков продолжает критиковать «глупое» решение Сталина:

> «Считаю, что этого делать сейчас нельзя. Мы не можем бросать на контрудары, успех которых сомнителен, последние резервы фронта. Нам нечем будет тогда подкрепить оборону войск армий, когда противник перейдёт в наступление своими ударными группировками.
>
> - Ваш фронт имеет шесть армий. Разве этого мало?
>
> - Но ведь линия обороны войск Западного фронта сильно растянулась; с изгибами она достигла в настоящее время более 600 километров. У нас очень мало резервов в глубине, особенно в центре фронта».

Как видите, Жуков упорно критикует и критикует все решения, которые бы ему ни предложили, хотя уже привёл немцев к Москве и собирается немцам Москву сдать своим трусливым отказом от инициативных решений по их разгрому. Сталину надоедает изворачивающийся Жуков.

> «Вопрос о контрударах считайте решённым. План сообщите сегодня вечером, - недовольно отрезал И.В. Сталин.
>
> Я вновь попытался доказать И.В. Сталину нецелесообразность контрударов, на которые пришлось бы израсходовать последние резервы. Но в телефонной трубке послышался отбой, и разговор был окончен».

Как видите, Жуков получил то, что и хотел, - решение на инициативный контрудар принял не он, а Сталин, а Жуков это решение «мудро раскритиковал». А далее, чтобы понять, что делал Кутузов под Аустерлицем, обратите внимание, что делал Жуков под Москвой. Но сначала его сентенция, которая показывает, что даже к глубокой старости он так и не стал полководцем:

> «Тяжёлое впечатление осталось у меня от этого разговора с Верховным. Конечно, не потому, что он не посчитался с моим мнением, а потому, что Москва, которую бойцы поклялись защищать до последней капли крови, находилась в смертельной опасности, а нам безоговорочно приказывалось бросить на контрудары последние резервы. Израсходовав их, мы не смогли бы в дальнейшем укреплять слабые участки нашей обороны».

Как видите, Жуков и на пенсии плачет, что не смог войска, направленные на удар по немцам, подставить под удары немцев позже -

когда немцы прорвутся. Не смог «израсходовать» их.

Ну а вот собственно интеллектуальная работа Жукова как полководца:

> «Часа через два штаб фронта дал приказ командующим 16-й и 49-й армиями и командирам соединений о проведении контрударов, о чём мы и доложили в Ставку».

То есть Жуков не поехал на места ударов, не оценил обстановку, не принял ни малейшего собственного решения - Жуков приказал штабу, и штаб тупо перебросил приказ Сталина войскам.

А может, так и надо? Может, это и есть умственная работа настоящего полководца?

Нет! Решение на бой требует от командира не в штабе в носу ковыряться, а тысячи новых решений того, как организовать этот бой, и тысячи решений по ходу боя.

И пока Жуков перебрасывал приказ Сталина в войска, под Ростовом заболевший ангиной Тимошенко в постели неустанно готовил операцию - изучал разведданные и данные о силе собственных войск и занимался теми вопросами, которые командующие армиями сами не могли решить. Скажем, в полосе намеченного удара было много речушек, могли быть минные поля немцев, поэтому Тимошенко собрал с других армий необходимое количество инженерных и сапёрных батальонов для разминирования и строительства мостов. Были морозы, раненые не могли в таких условиях долго оставаться без помощи, и Тимошенко со всех городов в тылах фронта собрал санитарные машины и дополнил их армейскими автомашинами, в результате наступление ждали автоколонны, готовые принять и вывезти раненых. Командующие его армиями для подобных решения не имели власти, это мог сделать только Тимошенко.

Ещё момент, для чего отвлекусь. Летом 1941 г. Жукову была поставлена задача окружить и уничтожить немцев в Ельнинском выступе, и для этого Жукову дали более чем достаточное количество войск. Жуков задачу выполнить не смог, мало этого, он и не вытеснил немцев из выступа - немцы сами вывели свои дивизии из Ельнинского выступа, поскольку им нужны были эти войска для наступления на Киев. Сначала немцы вывели танковые дивизии, заменив их пехотными, а потом и пехотные. Но характерный момент, который начальник Генштаба сухопутных войск Германии Гальдер отметил в своём дневнике: *«...наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник ещё долгое время, после того как наши части уже были выведены, вёл огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования»*. То есть немцы уже вывели войска, а Жуков всё ещё молотил артиллерией по пустому месту.

А маршал Тимошенко воевал не так. В ночь перед атакой Тимошенко послал разведотряды посмотреть: не почувствовали ли чего немцы, не отвели ли за ночь свои войска, чтобы мы снаряды артподготовки

выпустили по пустому месту? Точно! Немцы отошли на 8 км. Их догнали и уже тут накрыли артогнём. Мало этого, бои по уничтожению 1-й танковой армии немцев ещё шли, а Тимошенко заметил, что на северном крыле его направления 34-й немецкий пехотный корпус неосторожно отделился от основной группировки немецких войск. Тимошенко тут же ищет незадействованные силы, создаёт группировку, окружает и уничтожает и этот корпус.

А вот результат полководца Жукова:

> «Однако эти контрудары, где главным образом действовала конница, не дали тех положительных результатов, которых ожидал Верховный. Враг был достаточно силён, а его наступательный пыл ещё не охладел. Только в районе Алексина нам удалось добиться значительных результатов: части 4-й армии противника здесь понесли большие потери и не смогли принять участия в общем наступлении на Москву».

И вот результат: Жукову дали огромные силы, забрали у Тимошенко и дали корпус Белова - немецкое проклятье 1941-1942 гг., а что толку? А кто виноват? Как кто? Конечно, Сталин - это же он принял решение нанести не готовым к бою немцам удар, а мудрый полководец Жуков предупреждал его этого не делать!

Вот и ответьте на вопрос - был ли Жуков реальным командующим или самоустранился от этой работы?

Вот так вёл себя и «полководец» Кутузов под Аустерлицем, да и практически во всех битвах и кампаниях, в которых ему доверяли единолично командовать.

Глава 2. Армия без полководца

Последующая служба

После Аустерлица Александр I «задвигает» Кутузова в киевские губернаторы, но в 1808 г. Кутузов назначен командиром корпуса в воюющую в Румынии армию, которой командовал генерал-фельдмаршал А. Прозоровский. Кутузов участвует в неудачном штурме крепости Браилов, причём Прозоровский обвиняет его в неудаче, а Кутузов, что уже не удивляет, объясняет, что виноват Прозоровский, который начал штурм вопреки мудрым предостережениям Кутузова.

Попробовал немного разобраться, что там было. Апологет полководца Кутузова А. Шишов в книге «Кутузов. Фельдмаршал Великой империи» сообщает такие подробности.

Браилов три дня бомбардировался осадной артиллерией, и Прозоровский поручил Кутузову взять её штурмом. Кутузов задумал хитрый план - взять крепость ночью тремя штурмующими колоннами. Этого показалось мало: *«В начале штурма Кутузов решил предпринять военную хитрость: основную атаку сделать первой, а вторую ложной - демонстративной. Именно на неё должен был прийтись главный удар контратакующих турок»*. Вот эта хитрость такая большая, что я её понять так и не смог, возможно, это хитрость самого Шишова, пишущего слова,

не понимая, что они значат. Если первая атака основная, то она обязана была закончиться взятием Браилова, но тогда зачем была нужна ещё и вторая атака - демонстративная? Короче, если это и не информация о Кутузове, то информация о тех, кто нахваливает его полководческие таланты.

Источник «Русская национальная философия» о штурме Браилова кратко сообщает так: *«Браилов - осада и штурм Браилова корпусом под командованием генерала М.И. Кутузова (8 тыс. чел.) в апреле 1809 г. Крепость защищал 12-тысячный турецкий гарнизон. (Русско-турецкая война, 1806-1812). После трёхдневного обстрела крепости командующий русскими войсками генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский отдал приказ штурмовать Браилов, несмотря на возражения Кутузова, считавшего штурм преждевременным. Войска пошли на приступ в ночь с 20 на 21 апреля без достаточной подготовки. С самого начала всё пошло не по плану, поскольку сигнальная ракета к штурму была выпущена по ошибке на 4 часа раньше срока. Кроме того, не было доведено до конца сооружение траншей к крепостному валу, не проводилась рекогносцировка маршрутов движения колонн. Штурм длился всю ночь. К утру русские, потеряв более половины войск (5 тыс. чел.), были вынуждены отступить. 7 мая Прозоровский снял осаду Браилова и прекратил активные действия»*. Тоже, надо сказать, не для слабого ума. Чем Кутузову помешали траншеи, которые роются для осады, а не для штурма? Характерно и то, что ракета была пущена за 4 часа до начала, то есть в 19.00, когда ещё было светло. И войска пошли на ночной штурм днём? А где был Кутузов?

А вот из дневника участника штурма князя В. Вяземского, командовавшего колонной егерей при штурме Браилова. Колонна, которой командовал Вяземский, сбилась с пути в темноте, попала в ров и подверглась уничтожающему расстрелу со стороны осаждённых турок. В полку Вяземского было потеряно убитыми и ранеными почти две трети - около 900 солдат и офицеров. В итоге Кутузов нанёс русской армии невосполнимые потери - 5 тысяч человек из 8 тысяч, имевшихся у него, и о Браилове в эту кампанию пришлось забыть.

Возникает вопрос: почему Кутузов, который, как видим, оказался не способным организовать штурм, решился на этот очень сложный для командования вид боя - штурмовать крепость ночью? Думаю, ответ в том, что Кутузов был участником штурма Измаила в 1790 г., а взявший Измаил Суворов начал штурм ночью, и к рассвету русские войска уже были на стенах. Кутузов тупо попытался повторить Суворова, но оказалось, что тот далеко не Суворов.

В любом случае под Браиловым мы видим повторение Аустерлица - такой же полный бардак в организации боя и командовании им, а в оправдание полководческой беспомощности рассуждения, что Кутузов, дескать, был против штурма.

Так или иначе, но царь счёл правым Прозоровского, и отправил Кутузова... нет, не в его деревню без права ношения мундира, а

губернатором в Вильно. Кутузов был непотопляемым полководцем.

И когда в 1809 г. умирает командующий генерал-фельдмаршал Каменский и дела в Румынии идут неважно, в марте 1811-го Кутузова назначают главнокомандующим Дунайской армии, численность которой определяется сегодня в 45 тыс. человек. Здесь считается, что Кутузов разгромил 60-тысячную турецкую армию под Рущуком, но на самом деле он просто отбил атаку турецкой армии, а сам отступил за Дунай. В этом сражении в открытом поле потери русских войск были в 500 человек, а туркам записали 5000. Кутузов оставил Рущук, а сам перешёл на левый берег, преследуя его, турки тоже переправились частью сил. И вот затем следует исключительно красивая операция русской армии под Слободзеей.

Переправившиеся турки встали укреплённым лагерем близ Слободзеи, а основной их лагерь с запасами продовольствия и боеприпасов остался на правом берегу Дуная под Рущуком. Часто забывают, что совместно с армией Кутузова действовала и Дунайская военная флотилия, которая перерезала пути снабжения войск на левом берегу и обстреливала на нём турецкий лагерь. Однако в данном случае и Кутузов не оставался безучастным и направил 7,5 тыс. человек под командованием генерала Е. Маркова скрытно переправиться обратно на правый берег Дуная и внезапной атакой захватить турецкий лагерь у Рущука, разбив находящееся в нём и не ожидавшее нападения турецкое войско, как считается, в 20 тыс. человек. Марков это выполнил, однако, учитывая, что сам отряд Маркова потерял во время атаки всего 9 убитых и 40 раненых, как-то в большие тысячи разбитых турок не особо верится. Но в итоге лишённые подвоза боеприпасов и продовольствия турецкие войска на левом берегу начали терпеть огромные лишения, что и привело к их сдаче в числе 12 тысяч в конце ноября.

Если вдуматься в произошедшее, то Кутузов, имея даже многократное превосходство в силах, не рискнул сам дать туркам бой и дождался их сдачи. В любом случае, победа была полной, мало того, вызвала выгодные для России итоги.

Сосредоточивая к русским границам свои корпуса, Наполеон рассчитывал на союз с султаном, который Наполеон заключил весной 1812 г., рассчитывал, что Турция скуёт силы русских на юге. Но после сдачи своих сил у Слободзеи турки согласились на мир с Россией. Переговоры о мире в Бухаресте тоже вёл Кутузов, и 4 мая 1812 г. он заключил мир, убедив турок принять очень выгодные для России условия - Бессарабия с частью Молдавии переходила к России. Но не только это было важно - накануне ожидаемой войны с Наполеоном освободилась Дунайская армия, которой впоследствии, в 1812 г., командовал адмирал Чичагов.

То есть заслуги Кутузова перед Россией в этих делах были несомненны, но надо оговорить, что к тому времени русские как-то привыкли бить турецких генералов, и, надо полагать, Кутузов не боялся их так, как боялся Наполеона.

Стратегия войны 1812 года

Считается, что Кутузов заманил Наполеона в глубь России, но на самом деле Кутузов к этому плану вряд ли имеет хоть какое-то отношение.

Напомню, что стратегия - это замысел того, как выиграть всю войну. В начале 1812 г. военный министр России Барклай де Толли запросил у начальника своей разведки соображения по поводу того, как вести назревающую войну с Наполеоном. Тогдашний начальник ГРУ, который назывался экспедитором 1-го стола секретной экспедиции Военного министерства, подполковник П. Чуйкевич, 2 апреля 1812 г. такую записку подготовил. В её выводах он написал:

> «§ 8. Род войны, который должно вести против Наполеона.
>
> Оборонительная война есть мера необходимости для России. Главнейшее правило в войне такого роду состоит: предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает.
>
> Наполеон, имея все способы к начатию и продолжению наступательной войны, ищет генеральных баталий; нам должно избегать генеральных сражений до базиса наших продовольствий. Он часто предпринимает дела свои и движения на удачу и не жалеет людей; нам должно щадить их для важных случаев, соображать свои действия с осторожностию и останавливаться на верном.
>
> Обыкновенный образ нынешней войны Наполеону известен совершенно и стоил всем народам весьма дорого.
>
> Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он ещё не привык, и успехи свои основывать на свойственной ему нетерпеливости от продолжающейся войны, которая вовлечёт его в ошибки, коими должно без упущения времени воспользоваться, и тогда оборонительную войну переменить в наступательную.
>
> Уклонение от генеральных сражений; партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, не допускания до фуражировки и решительность в продолжение войны: суть меры для Наполеона новыя, для французов утомительныя и союзникам их нестерпимыя.
>
> Быть может, что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большое пространство земли; но дав одно генеральное сражение со свежими и превосходными силами против его утомлённых и уменьшающихся по мере вступления внутрь наших владений, можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомительное, на что мы имеем перед ним важное преимущество в числе и доброте нашей конницы...»

Тут, в общем, разведка ошибалась, Наполеон имел как более численную кавалерию, так и лучше вооружённую за счёт стальных кирас и касок. Тем не менее продолжим соображения:

> «Из всего вышесказаннаго выводятся следующий правила:
>
> 1-е. Уклоняться до удобного случая с главною силою от Генерального сражения.
>
> 2-е. Не упускать случая, коль скоро Наполеон отделит где-либо часть своих войск, сосредоточить против них превосходнейшее число своих и истребить сию часть прежде, нежели он подаст ей помощь.
>
> 3-е. Безпрестанно развлекать внимание неприятеля, посылая сильныя партии иррегулярных войск безпокоить его денно и нощно, в чем мы имеем неоспоримое и важное преимущество.
>
> 4-е. Иметь несколько отделённых летучих отрядов из лёгких войск по одной или по две тысячи человек, которые должны поручены быть в команду отважнейшим офицерам из регулярных войск. Дело их есть прорывать безпрестанно неприятельскую операционную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля истреблением того, что будет им по силе и возможности».

Раньше мне казалось, что написанное выше абсолютно понятно, но, читая людей, занимающихся историей, пришёл к выводу, что из всего написанного подполковником Чуйкевичем понимают только «заманить». Ну заманили, ну и что? Пограбил враг и ушёл? А армия зачем нужна? Нет, речь идёт о том, чтобы растянуть коммуникации противника и сделать их уязвимыми, вынудить противника разделиться и уничтожить его по частям. То есть уничтожить его вооружённой силой, а не надеждой на то, что он сам подохнет, иначе зачем нужна армия?

Это был стратегический замысел, и, надо полагать, и Царь, и Барклай де Толли о нём молчали. Я так думаю потому, что командующий 2-й Западной армией Багратион, жаждавший боя с Наполеоном, после сдачи французам Смоленска писал: *«Скажите ради Бога, что наша Россия - мать наша - скажет, что так страшимся и за что такое доброе и усердное Отечество отдаём сволочам? Чего трусить и кого бояться?»* То есть, скорее всего, и Багратион не был в курсе дела о том, что замыслили царь и его военный министр.

Но недовольство отступающей и не дающей боя армией было всеобщим. Его сестра Екатерина писала: *«Недовольство дошло до высшей точки, и Вашу особу далеко не щадят... Вас громко обвиняют в несчастье, постигшем Вашу империю, во всеобщем разорении и разорении частных лиц, наконец, в том, что Вы погубили честь страны и Вашу личную честь».*

Царь не был свободен в этом вопросе - он, по своему смыслу царя, обязан был сделать то, на чём настаивало общество, - обязан был показать, что он защитник, а армию содержал на шее России для защиты России, а не для бегства от противника. После Смоленска 1-я и 2-я Западные армии объединились, нужно было давать бой, а для этого требовался главнокомандующий объединённых армий.

Кадры генералов

Обычно считается, что у любого начальника полно блестящих подчинённых, на самом деле хороший подчинённый - это большое счастье. Царь стоял перед трудным выбором: кому вверить объединённые войска. Уверяют, что Наполеон оценивал генеральский корпус России накануне войны 1812 года так: *«Генералов хороших у России нет, кроме одного Багратиона»*. Трудно сказать, насколько это было сказано искренне, а не с умыслом, но это было сказано.

С другой стороны, у Беннигсена в воспоминаниях есть такие примечательные строки: *«Это происходило в Тильзите во время мирных переговоров. Однажды я проходил мимо занимаемого Наполеоном помещения. Он послал ко мне офицера для сообщения мне его желания, чтобы я пришёл к нему. Я имел честь быть введённым в его кабинет, в котором он находился один. После нескольких лестных для меня слов Наполеон сказал мне: «Итак, генерал, я был очевидцем ваших талантов и вашего благоразумия», - и придавая, как я мог заметить, особенное значение этому последнему слову. Не упрекайте меня, читатель, в излишнем самолюбии, побуждающем меня повторять эти слова*

императора Наполеона. Могу ли я быть нечувствительным к столь лестному для меня отзыву такого великого человека!»

Считается, что цари были совершенно свободны в своём выборе - делали что хотели, назначали на любые должности кого хотели. Это не так, цари, как и любые ответственные начальники, обязаны были поступать так, как это примет организация, в данном случае Россия или военные России, в противном случае указ будет саботироваться.

Как и во всём мире, военная каста России, помимо чинов, руководствовалась временем производства в чин. Даже официально, при равных чинах, главным был тот, кто получил чин раньше, более того, если чин давался не в награду, то повышать в чинах надо было сначала тех, кто раньше получил предыдущий чин. Это могло быть причиной откровенного неповиновения, к примеру, когда в 1788 г. князь Потёмкин заболел и поручил командование армией генерал-аншефу Каховскому, генерал-аншеф Каменский, ссылаясь на старшинство, не захотел повиноваться Каховскому, за что и был уволен из армии. Знал, что будет уволен, но старшинство есть старшинство!

Считается, что Барклая де Толли не любили из-за того, что он немец и окружал себя немцами. Думаю, что дело не в этом: Барклай был сыном уже русского бедного дворянина, правда, выходца из немецко-шотландских родов. В этом смысле он был не менее русским, чем Багратион, тоже бывший первым поколением принявшего российское гражданство грузинского князя. Но когда весной 1809 г. царь произвёл Барклая де Толли в генералы от инфантерии, в России было 46 генерал-лейтенантов, более старших по времени производства в этот чин. Их возмущение было таковым, что некоторые, как водится, демонстративно подавали в отставку, а на Барклая обозлились, считая его выскочкой.

Ермолов сообщает: *«Барклай де Толли, быстро достигнувши чина полного генерала, совсем неожиданно звания военного министра, и вскоре соединя с ним власть главнокомандующего 1-ю Западною армиею, возбудил во многих зависть, приобрёл недоброжелателей. Неловкий у двора, не расположил к себе людей, близких государю; холодностию в обращении не снискал приязни равных, ни приверженности подчинённых. Приступивши в скором времени к некоторым по управлению переменам, изобличая тем недостатки прежних распоряжений, он вызвал злобу сильного своего предместника, который поставлял на вид малейшие из его погрешностей»*. А «сильным предместником» Барклая был граф Аракчеев, имевший на царя огромное влияние и пользовавшийся особым царским доверием.

Кроме этого, надо сказать, что Багратиона произвели в чин генерала от инфантерии той же весной 1809 г., следовательно, и для него старшинство Барклая, пусть даже военного министра, было не очевидным. Кроме этого, Багратион был энергичным сторонником генерального сражения и по этой причине имел холодные отношения с Барклаем, который настойчиво проводил в жизнь принятый царём стратегический план заманивания Наполеона вглубь России и от

генерального сражения уклонялся. Правда, повоевав в своё время и под командованием Кутузова, Багратион и о нём имел весьма плохое мнение, утверждая: *«Этот гусь неприятеля в Москву приведёт»*.

Но на тот момент генерал-фельдмаршал, который мог бы помирить своим чином всех полных генералов, в России оставался один, да и тот ослепший, престарелый и вышедший по этой причине в отставку генерал-фельдмаршал И. Гудович.

Думаю, что лучшим главнокомандующим был бы всё же Беннигсен, имевший опыт побед над Наполеоном в труднейших боях. Но уж он-то был чистый немец, не принявший русского подданства и в 1818 г., испросив увольнение от должности, вернувшийся на родину в Ганновер. А вину за отступление русской армии возлагали не на царя, а как раз на немцев, даже Багратион. Кроме этого, Беннигсен имел старшинство производства в чине от 1799 г., а Кутузов от 1798-го.

И 17 августа 1812 г. (за 9 дней до Бородинского сражения) Кутузов вступает в командование соединёнными армиями, а Беннигсен становится начальником штаба этих армий.

Осталось выбрать поле боя.

Немного о тактике того времени

Надо обсудить немного и вопросы тактики, иначе понять замысел Кутузова в Бородинской битве будет не просто.

В настоящее время тактикой считается искусство выиграть бой, но в исконном значении этого слова это искусство использовать местность для победы. То есть использовать её для придания дополнительной силы свои войскам или, иными словами, для придания дополнительной поражающей силы имеющемуся у твоих войск оружию.

К тому времени артиллерия уже занимала определяющее значение в бою за счёт того, что могла поражать пехоту и кавалерию с расстояния, когда те своим оружием ещё ничего не могли ей сделать. Таким образом, идеальным полем боя в первую очередь была местность, на которой твоя артиллерия была бы особенно эффективна. Во вторую очередь, что, впрочем, требовалось и для артиллерии, прямо перед тобою должна быть местность с минимумом преград в виде рек, оврагов или лесов. Все эти препятствия были полезны только на флангах, чтобы фланги надёжнее защитить, но на самом поле боя они служили препятствием не только противнику, но и своим войскам, поскольку препятствовали контратакам на понёсшего потери противника - мешают его добить. Хотя, разумеется, в определённых случаях полководец мог использовать и препятствия с большим успехом, к примеру, как это сделал Кутузов под Слободзеей.

Русская полевая артиллерия стараниями графа Аракчеева к тому моменту была вооружена унифицированными в 1805 г. орудиями: 6- и 12-фунтовыми пушками (примерно 90-мм и 120-мм калибра) и гаубицами, которые назывались единорогами, калибра четверть- и полпуда (примерно 120- и 150-мм калибра). Пушки стреляли ядрами (сплошными

чугунными шарами) и картечью (собранными в пакет, чугунными пулями). Единороги стреляли фанатами (полыми чугунными шарами, в которые засыпался порох и которые, долетев до противника, взрывались, давая до 15 осколков) и картечью.

По противнику, который маневрировал на поле боя колоннами, огонь вёлся ядрами и гранатами, если колонны противника разворачивались в боевой порядок (в шеренги по три ряда) и приближались на расстояние менее 600 м, то дальней картечью, если подходил ещё ближе - ближней. Ближняя картечь, в зависимости калибра орудия, состояла из пуль диаметром от 20 до 30 мм, числом до 150, дальняя - из пуль от 30 до 50 мм, числом до 60.

Предельная дальность стрельбы орудий того времени была менее 3 км даже для пушек, но большая дальность была бессмысленна, поскольку реальная местность редко давала возможность увидеть противника на таком расстоянии, а приборы того времени не давали корректировать огонь на больших расстояниях. Практическая дальность стрельбы (то есть когда огонь орудий более-менее эффективен) была до 1200 м для огня ядрами и гранатами, а картечью, как я уже написал, - ближе 600 м. Опыт предписывал на дальности свыше 850 м стрелять редко, чтобы иметь возможность тщательно прицелиться, на дальностях от 850 и до 600 м стрелять быстро, ну, а если противник подходил на расстояние ближе 600 м, то стрелять «стремительно». Обычная стрельба предусматривала темп один выстрел в минуту, «стремительная» - три, но с таким темпом стрелять можно было не более трёх минут, то есть сделать не более 9 выстрелов подряд (иначе сильно разогревался ствол орудия).

Но была и тонкость. Если ядро падало на колонну сверху, а граната перед колонной, то они, конечно, ущерб противнику наносили. Но особенно эффективен был огонь, когда ядра и гранаты падали пред колонной и рикошетировали, то есть отскакивали от земли и летели дальше низко над землёй. Попадая в колонну (или даже в боевой порядок противника при стрельбе ему во фланг или наискосок), такие ядра и гранаты наносили противнику особо большой ущерб. Причём, поскольку граната при одинаковом калибре имела вес всего в 2/3 от ядра, ядро было предпочтительней гранаты при стрельбе по скоплениям противника на дальних расстояниях - ядро и на таких расстояниях давало рикошет, в отличие от гранаты, которая на больших расстояниях падала отвесно, а осколков давала немного. Но чтобы ядро срикошетировало, надо было, чтобы оно упало на землю под малым углом, поскольку при больших углах падения оно зарывалось в землю. Эти малые углы на ровной местности могут быть только на небольших дальностях, но когда местность наклонена к противнику, то углы падения ядер на землю уменьшаются и дальность стрельбы рикошетом увеличивается, следовательно, резко возрастает и эффективность своей артиллерии. А у противника всё наоборот: если он внизу, то даже при небольших расстояниях, когда ядро ещё летит настильно, оно не даст рикошета, так как встретится с поверхностью склона под большим углом. Но для стрельбы рикошетом не годится просто горка или курган, тут нужна ровная местность, на

километр-полтора понижающаяся к противнику. Но не более.

А дальше желательны препятствия - леса, идущие поперёк фронта противника овраги или реки. Зачем? Чтобы противник за пределами дальности твоего артиллерийского огня не мог развернуть и построить большие массы своих войск и этими массами ударить по твоим войскам. Соответственно, у себя в тылу нежелательны никакие препятствия, никакие овраги, чтобы они не мешали тебе выстроить массу своих войск и ударить ею по противнику.

Однако и без этих тонкостей понятно, что занять возвышенности - это хорошо: с позиций у гребня возвышенности противник хорошо виден на больших расстояниях, видны его манёвры. А резервы своих войск и их манёвры легко спрятать за этим гребнем.

Кроме этого, построение фронта своих войск углом вперёд - к противнику - было не выгодно. При прямом фронте артиллерия противника будет бить по развёрнутым в боевой порядок шеренгам, и в самом удачном случае ядро выбьет из этих шеренг трёх солдат. Но когда фронт выдаётся к противнику, то его артиллерия с флангов имеет возможность стрелять вдоль шеренг наших войск, и их потери намного возрастают. Выгодно было строить фронт углом назад, тогда своя артиллерия имела возможность стрелять по шеренгам противника наискосок. В русской военной терминологии той поры такой огонь назывался «косвенным», позже - «перекрёстным». Такой огонь ставил противника в положение, при котором как бы противник ни развернулся, а всё равно будет подвержен огню в самом губительном его виде.

Продолжая обсуждать тактику в более широком смысле слова, затрону важнейший момент, казалось бы, понятный и известный с древнейших времён, а за два века до Бородино удачно сформулированный французским маршалом де Эстамп де ла Ферте: *«Бог всегда на стороне больших батальонов»*.

Вот давайте гармонию этой мысли проверим алгеброй, вернее арифметикой.

Предположим, у нас 100 солдат-роботов с одной и другой стороны, они стоят строем друг против друга (как реально и было в тех войнах) и стреляют друг в друга. Предположим также, что вероятность попадания с обеих сторон одинакова и равна 10%. Посмотрим теперь, каковы будут потери сторон после 5 залпов. После 1-го залпа в строю каждой стороны останется по 90 солдат, после 2-го - по 81, после 3-го - по 73, после 4-го - по 66, после 5-го - меньше 60. То есть потери будут около 41 солдата. А теперь представим, что одна из сторон имеет не 100, а 200 солдат. Тогда после 1-го залпа у этой стороны в строю останется 190 солдат, а у противника - 80. После 2-го - 182 и 61, после 3-го - 176 и 43, после 4-го - 172 и 26, после 5-го - 169 и 9. Потери «большого батальона» - 31 солдат, «малого» - 91 солдат. Не только слабые потеряли более чем в два раза больше, но и сильные потеряли существенно меньше, чем в случае сражения равными силами.

А если это будут не роботы, а люди? Тогда солдаты большого батальона будут уверены, что победят, это даст им спокойствие и уверенность при прицеливании, они будут более точны и будут наносить более чем 10% потери, а солдаты «малых батальонов» отчаются, будут думать, как бы отступить, сбежать, их огонь будет неточен.

Следовательно, главным в искусстве тактики является создание численного перевеса в бою. Кредо Наполеона: *«Военное искусство - это умение быть сильнее противника в нужном месте и в нужное время»*. Как это сделать с точки зрения тактики всего боя? Если твоя армия численно больше, то тогда понятно, но тогда и противник будет избегать боя. А за счёт чего создаётся численный перевес при равных силах? За счёт того, что в армии называется инициативой, - это ты, а не противник, выбираешь место удара и численный состав ударных войск.

Наполеон был генералом ИНИЦИАТИВЫ. Инициатива была источником его побед.

В отличие от него, в русской армии господствовала оборонительная тактика. Да, были исключения даже в войне с французами, и тогда тоже добивались успеха, как, скажем, Милорадович под Кремсом в 1805 г. или Беннигсен под Пултуском в 1806-м, но в основном русские войска ожидали французов на оборонительных позициях.

Удивительно, но к тому времени и для пехотных полков оборонительный пехотный огонь по уставу стал основным. На штыковую атаку смотрели, как на вредное исключение. Причина была, полагаю, в слабом обучении войск маневрированию. Дело в том, что по уставу тех времён боевой порядок пехотного батальона представлял из себя три шеренги, простирающиеся на длину до 300 м. Эти шеренги во время боя должны были сохранять равнение, чтобы двигаться в указанном направлении и вести в этом направлении огонь. Шаг в строю был установлен не более 45-55 см (это при обычном шаге мужчины в 70 см) и тоже исключительно для того, чтобы не поломать строй. И штыкового удара, при котором батальон должен был рвануть вперёд, боялись потому, что он сломает строй и превратит батальон в неуправляемые разрозненные кучи солдат.

Тут надо оговориться. Линия в три шеренги пехоты была наиболее эффективной по использованию солдат: при таком построении максимальное их количество стреляло и минимальное гибло от артиллерийского огня противника при сближении с ним. Так воевали несколько веков - полки и дивизии подходили к полю боя колоннами, но перед боем строились в несколько таких трехшереножных линий. Но при всей эффективности пехоты сами линии были крайне неповоротливы на поле боя, и было практически невозможно выполнить войсками при таком построении какой-либо маневр. И когда Фридрих II ввёл «косую атаку» - атаку теми же линиями, но по флангу противника, - это в принципе ничего не меняло. Революцию в тактике сделал Наполеон.

Беннигсен рассказывает об этом так:

«Император Наполеон, этот великий полководец, очень хорошо рассчитал выгоду глубоких колонн для атаки перед системой тонких линий в три шеренги, от которой не хотели до сих пор отказаться. Он весьма легко опрокидывал и совершенно разбивал все армии, с которыми до настоящего времени вступал в сражение. При первом столкновении эти густые колонны, конечно, должны терять много людей от выстрелов неприятельской артиллерии, но коль скоро боевая линия прорвана этими массами, то ей нет более спасения».

Обратите внимание, что до соприкосновения с линией противника атакующий колоннами несёт большие, несоразмерные с линейным построением потери, которые тем больше, чем больше артиллерийского огня его встречает.

«Эти колонны подвигаются вперёд, не давая разорванным и рассеянным линиям время собраться и сомкнуться вновь. Ничто не может остановить наступления подобных колонн. Армия, раз уже порванная ими и не имеющая других масс, готовых удержать наступление этих сильных колонн, всегда будет совершенно разбита. По этой же системе тактики Наполеон, во всех своих предшествовавших войнах, разбивал до того сильно и окончательно все армии своих противников при первой с ними встрече, что для него было вполне достаточно одного сражения, чтобы принудить противника просить мира с величайшими пожертвованиями; этому можно привести очень много примеров».

Чтобы противодействовать такой атаке, Беннигсен применял следующую тактику (он и намёка не делает, что он пионер, надо думать, что то же делал и Суворов):

«Я заключаю, следовательно, из этого, что для успешного сопротивления атакам таких больших колонн не существует другого начала, как действовать так же массами, как и французы, и всегда иметь под рукою наготове сильные резервы».

Но какими массами? Беннигсен поясняет:

«Боевой порядок, мною устроенный, состоял в следующем. В первой линии каждый полк ставил свой третий батальон в резерв, на расстоянии ста шагов позади первых двух своих батальонов. Во второй линии каждый полк стоял в развёрнутых батальонных колоннах. Этим путём третьи батальоны первой линии, стоявшие в резерве, могли явиться на помощь этой линии весьма быстро, везде, где бы это оказалось необходимым, не прерывая линии.

Во всех сражениях я замечал преимущества этого боевого порядка перед обыкновенно принятой системой густых колонн, которую французская армия приняла для своих атак».

Итак, встречал французов трехшереночный строй - наиболее эффективный для ведения пехотой ружейного огня и наименее уязвимый для вражеской артиллерии. Но затем стояли батальоны в колоннах - они-то, легко маневрирующие, и обрушивались на колонны французов, прорывающих боевые линии русских войск.

Напомню, что происходило в центре битвы под Прейсиш-Эйлау, в которой Беннигсен русские войска так и выстроил: *«Генерал Дохтуров выслал им навстречу генерала Запольского с колонной из резерва. Она развернулась, и оба фронта очень близко подошли друг к другу, поддерживая беспрерывный огонь. Заметив, что неприятель остановился, генерал Запольский ударил в штыки, смял его и преследовал на значительное расстояние. Эта колонна французов потеряла очень много людей убитыми и ранеными. Кроме того, она лишилась орла и ста тридцати человек пленными. В то же самое время часть неприятельской колонны, поддержанная другою, подошла опять к первой линии нашего центра. Наши полки, наиболее близкие к ней, храбро встретили их штыками и обратили в бегство. Несколько полков, находившихся в резерве позади центра, воспользовались этой минутой и уничтожили большую часть этой колонны»*.

И, как вы увидите дальше, под Бородино русская армия именно так, как и считал нужным Беннигсен, и была построена.

Пожалуй, обзор тактических приёмов надо закончить общими сведениями о пехоте и кавалерии.

В общем, пехотинец того времени - это солдат, вооружённый ружьём со штыком. Калибр в 1808 г. был стандартизирован и принят в 7 линий - 17,8 мм, вес пули - 25 г. Длина ружья со штыком - 189 см, вес около 4,5 кг. Но на самом деле применялись ружья самых разнообразных калибров и видов. Ружьё заряжалось с дула, замок был кремнёвый, прицел постоянный, поэтому при стрельбе на предельную дальность в 200 м нужно было целиться «в шляпу», при дальности в 150 м - в пояс, начиная со 100 м - в колени или ниже. При трёх шеренгах боевого порядка пехотного батальона в ряду было три солдата, в затылок друг другу. Обычно они шли в двух шагах друг за другом, но при действии штыками задние прижимались к передним, чтобы помочь передним действовать штыками.

Пехотинцы делились по качеству и специализации. Лучшие по храбрости и опыту солдаты у себя в полку переводились в гренадёры, а каждый полк должен был ежегодно дать на комплектование гвардейских частей по 6 гренадёров, причём командиры полков предупреждались, что речь идёт не о самых высоких солдатах, а о самых лучших.

Молодые, «проворные» и ростом не более 160 см солдаты направлялись в егеря. Егеря были во всех полках и в каждом батальоне, и в бою, при определении командиром батальона противника, с которым будет бой, егеря выбегали из боевых порядков батальона вперёд и обстреливали этого противника, отступая к своему батальону, если противник наступал, или преследуя отступающего противника. Естественно, их обучали метко стрелять. Действовали егеря рассыпным строем, парами, на расстоянии 5 шагов от соседних пар, обычно в две шеренги. Взвод егерей в развёрнутом строю пехотного батальона был на левом фланге батальона. На правом фланге был взвод стрелков - самых метких солдат батальона. Эти тоже действовали, как и егеря. В батальоне

было 8 взводов, остальные взводы были гренадёрскими и просто пехотой, которая в пехотных батальонах называлась мушкетёрами, а в гренадёрских - фузилёрами.

Гренадёры составляли и отдельные части и соединения - ударные войска. Были также и чисто егерские полки, задачей которых, помимо описанной, была защита лесов, в которых строй пехоты был невозможен, и вообще егеря действовали в труднодоступных местах, не позволявших пехоте действовать строем.

Мушкетёры, фузилёры и гренадёры часто стреляли (особенно залпом), практически не целясь - «в сторону противника». И хотя французы по стрелковой подготовке превосходили русскую армию, но, видимо, и у них целились только стрелки и егеря. Такая вот статистика. Под Бородино русская армия потеряла, скорее всего, 45 тыс. человек. Эти потери вызваны ружейным огнём, артиллерией и холодным оружием. Положим, что на ружейный огонь падает треть потерь, то есть 15 тыс. человек. Так вот, французы израсходовали в Бородинском сражении 1,5 млн патронов, то есть формальная эффективность ружейного огня даже у них была в пределах 1% (на самом деле несколько больше, если учесть потерю патронов у убитых солдат). Кстати, французы в Бородинском сражении израсходовали и 60 тыс. артиллерийских снарядов. Тоже, надо сказать, эффективность артиллерии на первый взгляд не впечатляет, хотя в боях Второй мировой она была ещё меньше.

И немного о кавалерии. Это самый дорогой род войск, эффективность которого со временем неуклонно падала. Так-сяк кавалерия ещё могла бороться с кавалерией противника, но чем дальше, тем меньше она могла что-либо предпринять против пехоты.

Применительно к началу войны 1812 года и собственно к Бородинской битве русская регулярная кавалерия (без казаков) оказалась даже численно в два раза меньше наполеоновской, кроме этого, французы были представлены кирасирами - всадниками, у которых тело защищено стальной кирасой, а голова - стальным шлемом. По этой причине казаки, к примеру, должны были атаковать кирасира вдвоём: один стремился дротиком (коротким копьём) сбить кирасиру шлем, а второй - саблей поразить его в обнажившуюся голову.

И совсем бесперспективной была атака кавалерии на готовую к атаке пехоту. Вообще, как ни в каком другом роде войск, успех кавалерийской атаки определялся командиром. Во-первых, кавалерийский командир должен был быть безусловно дерзким храбрецом, чтобы без приказа сверху решиться на атаку. Неудивительно, что прославленные в Великую Отечественную войну маршалы были, как минимум командирами кавалерийских полков в Гражданскую войну, к примеру, Будённый, Тимошенко, Рокоссовский, Горбатов. Во-вторых, кавалерийские командиры должны были иметь такое свойство, как глазомер, в данном случае они должны были чувствовать, успеют ли их конники доскакать до пехоты ещё до того, как пехота подготовится к отражению атаки. Если успевали, то разгром пехоты был оглушительный (даже в Великую

Отечественную войну), если не успевали - разгром кавалерии был оглушительный.

Приведу несколько примеров кавалерийских атак на пехоту войны 1812 года.

Первые два примера касаются Бородинской битвы.

Вот цитата из рапорта Барклая де Толли Кутузову о подробностях сражения под Бородино: *«Во время сего происшествия* (одной из атак французской кавалерии на батарею Раевского) *неприятельская конница, кирасиры и уланы повели атаку на пехоту 4-го корпуса, но сия храбрая пехота встретила оную с удивительной твердостию, подпустила её на 60 шагов, а потом открыла такой деятельный огонь, что неприятель совершенно был опрокинут и в большом расстройстве искал спасение своё в бегстве.*

При сём особенно отличились Перновский пехотный и 34-й егерский полки, коим в каждую роту назначил по 3 знака отличия».

А вот из воспоминаний командира батальона о том, как лейб-гвардии Измайловский и Литовский пехотные полки приняли на себя атаку французской тяжёлой кавалерии. Командир одного из батальонов В. Тимофеев приказал своим солдатам, перестроившимся в каре (прямоугольник из 4 рот), не стрелять, а лишь *«махать штыками»* (лошади боялись сверкающего металла) и *«колоть в морду тех лошадей, которых кирасиры принудили бы приблизиться к фронту»*. Французы сначала замешкались перед каре, но пехота не стала ждать: *«Я,* - вспоминал Тимофеев, - *скомандовав «ура», бросился с батальоном в штыки. Передние кирасиры были жертвою наших штыков, опрокинулись на свою колонну; смешали ещё более оную и обратились все в бегство. Тогда я приказал открыть по ним батальный огонь, и тем было довершено поражение»*. (Батальный огонь - это огонь пехотинцев без команды, когда каждый солдат стреляет, когда хорошо прицелится.)

А вот эпизод воспоминаний прославленного партизана, профессионального кавалериста Дениса Давыдова, и в этом эпизоде кавалерист Давыдов восхищается гвардией Наполеона, хотя на самом деле это восхищение кавалериста хорошо обученной пехотой.

Начало ноября 1812-го, войска Наполеона бегут из России, а партизаны потрошат их колонны.

> «Сего числа, на рассвете, разъезды наши дали знать, что пехотные неприятельские колонны тянутся между Никулиным и Стеснами. Мы помчались к большой дороге и покрыли нашею ордою всё пространство от Аносова до Мерлина. Неприятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, бежавшего во всю прыть для сомкнутия. Заметив сие, граф Орлов-Денисов приказал нам атаковать их. Расстройство сей части колонны неприятельской способствовало нам почти беспрепятственно затоптать её и захватить в плен генералов Альмераса и Бюрта, до двухсот нижних чинов, четыре орудия и множество обоза». То есть прекрасный результат атаки на не подготовившуюся к атаке пехоту.
>
> Однако далее: «Наконец подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Это было уже гораздо за полдень. Мы вскочили на конь и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружьё под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых

колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осенённые высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля! Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, бог знает для чего при армии влачившаяся, то, как передовая, так и следующие за нею в сей день колонны вряд ли отошли бы с столь малым уроном, каковой они в сей день потерпели.

Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отставшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми.

Видя, что все наши азиатские атаки рушатся у сомкнутого строя европейского, я решился под вечер послать Чеченского полка вперёд, чтобы ломать мостики, находящиеся на пути к Красному, заваливать дорогу и стараться всяким образом преграждать шествие неприятеля; всеми же силами, окружая справа и слева и пересекая дорогу спереди, мы перестреливались со стрелками и составляли, так сказать, авангард французской армии.

Я, как теперь, вижу Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на рыжем коне своём, окружённого моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейб-гвардии казацкого полка. Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки бросались к самому фронту, - но всё было тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами, и смеялись над нашим вокруг них безуспешным рыцарством.

В течение дня сего мы ещё взяли одного генерала (Мартушевича), множество обозов и пленных до семисот человек; но гвардия с Наполеоном прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками».

Я завёл разговор о кавалерии и привёл эти эпизоды, собственно, с одной целью - заставить задуматься над тем, почему Наполеон, прекрасный знаток военного дела, в Бородинском сражении посылал свою кавалерию атаковать русскую пехоту, готовую к бою? Ведь после этих атак батарея Раевского в наполеоновской армии получила название «кладбище французской кавалерии». Зачем он губил свой подвижный род войск в заведомо гибельных атаках? Полагаю, что это был жест отчаяния.

Но вернёмся к Кутузову и рассмотрим его как тактика.

Выбор поля боя и расстановка сил

Итак, Кутузов принял армию и сразу же начал искать место будущего генерального сражения. Вообще-то, место поля боя подобрали ещё до приезда Кутузова, в том числе и с точки зрения эффективности действия артиллерией, и даже начали строить укрепления, но Кутузову это поле боя не понравилось: *«Князь Кутузов вознамерился дать сражение близ Колоцкого монастыря. Также производилось построение укреплений и также позиция оставлена. Она имела свои выгоды и не менее недостатков. Правый фланг, составляя важнейшие возвышения, господствовал местами на протяжении всей линии, но если бы невозможно было удержать его, отступление делалось затруднительным, тем более что в тылу лежала тесная и заселённая долина»*.

Как видите, Кутузов не руководствовался мыслью «сжечь за собою мосты», для него выгоды занятия «важнейших возвышений» меркли перед затруднениями отступления. И вот если эту мысль не проследить, то мы не поймём, какими критериями руководствовался Кутузов, выбрав для сражения местность за селом Бородино на Смоленской дороге.

В Интернете у одного из апологетов Кутузова прочёл: *«Выбирая*

позицию, Кутузов - один из самых блестящих тактиков военной истории - главным образом выбирал её с точки зрения маневрирования и ведения прицельного огня артиллерией». Вывод поразителен уже тем, что даже этот источник сообщает, что половина артиллерии русской армии не была установлена на этих «прекрасных артиллерийских позициях» ни для «ведения прицельного огня», ни для какого иного и находилась к началу боя в резерве, чёрт знает где от места событий.

Бородинское поле удивило даже артиллерийского офицера Л. Толстого, и удивило именно несуразностью этого выбора: *«Факт тот - что прежние позиции были сильнее и что Бородинская позиция (та, на которой дано сражение) не только не сильна, но вовсе не есть почему-нибудь позиция более, чем всякое другое место в Российской империи, на которое, гадая, указать бы булавкой на карте»*.

Возникает вопрос: почему Кутузов не дал сражение на более сильной позиции? Ответа у историков нет. И напрашивается первая беспокоящая мысль о том, что у Кутузова были какие-то свои резоны, о которых история умалчивает.

Позиция русской армии по условной прямой с северо-востока на юго-запад пересекала новую Смоленскую дорогу на Москву, идущую с запада на восток. Длина фронта была примерно 10 км (по прямой) от деревни Маслово до деревни Шевардино. По полю предстоящего боя протекала река Колоча - правый рукав Москвы-реки - и впадала в Москву-реку за правым флангом русских позиций. Правая половина фронта шла вдоль Колочи, имевшей очень крутой правый (русский) берег и низкий левый (французский) берег. Правда, и на левом берегу были возвышенности, однако они отстояли далеко от реки, образуя до воды низкий берег и болотистую пойму. Но далее, к левому флангу, позиции русских войск. Колоча текла с запада, поэтому линия фронта на левом фланге от реки отклонялась, оставляя между берегом и позициями достаточно пространства для действий французских войск - до 2 км в районе левого фланга.

Поперёк русских позиций, из их тыла к реке Колоче, с расстояния примерно 5 (южный) и 8 (северный) километров шли два глубоких оврага, практически соединяющихся у реки, по дну оврагов к реке текли ручьи. Овраги были проходимы, но с точки зрения манёвра русских войск это было очень неудобно. Ермолов вспоминает: *«Рано утром князь Кутузов осматривал армию. Не всюду могли проходить большие дрожки, в которых его возили»*. А пушки везде могли проходить?

Итак, правый фланг русской армии с севера был защищён Москвой-рекой, с фронта крутым (метров 10-15) обрывом правого берега Колочи, слева (от левого фланга русской армии) правый фланг был отгорожен глубоким и длинным оврагом. Правый фланг фактически был крепостью, через которую и проходила новая Смоленская дорога. Скажем так, была прекрасная возможность пострелять по французам с высокого берега правого фланга и удобно отступать по этой дороге дальше на Москву и за Москву.

Схема Бородинского сражения

А левый фланг шёл через чистое поле, упираясь в очень условное препятствие - леса, скорее даже рощи. Поскольку эти рощи защищали фланг уж очень условно, то у деревни Шевардино 6 тыс. рабочих построили полевую земляную крепость - редут. Смысл Шевардинского редута многим историкам непонятен, поскольку он никак не защищал выхода французов в тыл левого фланга с юга, а сам редут, открытый со всех сторон, защитить было очень тяжело. Это было попыткой хоть как-то улучшить заведомо негодное для битвы поле боя.

Что ещё важно понимать: на юге, параллельно новой Смоленской дороге, из Ельни шла старая (почтовая) Смоленская дорога, а километрах в 10 в тылу нашей армии старая дорога почти вплотную подходила к новой Смоленской дороге. То есть если бы Наполеону не нужно было разгромить русскую армию, а просто быстро дойти до Москвы, и если бы он пошёл по старой дороге, то обошёл бы русскую армию, оказавшись у неё в тылу. И возможность каким-то соединениям французской армии (той же коннице) выйти в тыл Кутузову по этой дороге у французов сохранялась всё сражение, и они пытались это сделать.

Что вообще становится понятным после обозрения карты Бородинской битвы? Что не только Наполеон, но и никакой дурак не стал бы атаковать правый фланг русской армии. Ведь атаковать пришлось бы под русским огнём с высокого берега. Правый фланг был заведомо бездействующим, и было совершенно понятно, что все события обязаны были происходить на левом фланге.

Так оно и было. 24 августа подошёл французский авангард и ударил по Шевардинскому редуту, который мешал переправе и развёртыванию французской армии. Разгорелся ожесточённый бой, в ходе которого редут переходил из рук в руки и в конце концов остался в наших руках, но, ввиду его изначальной бесполезности, редут ночью оставили.

Правда, уже к этому времени стало понятно, что выходу французов через левый фланг в тыл противопоставить нечего, и фронт русских войск загнули на юг. У деревни Семёновское спешно строились полевые укрепления - флеши, названные впоследствии «Багратионовы», - это был центр левого фланга. Левой оконечностью фланга была стоящая на старой Смоленской дороге деревня Утица, а правой - высота с батареей, впоследствии названной «батареей Раевского». В этом месте фронт всей армии ломался, выдаваясь углом вперёд, - заведомо убийственное для армии построение. А в тылу фланга оказался южный (Семёновский) овраг, мешавший быстро подать в передовую линию большую массу войск, - опять убийственное построение.

Правый (русский) берег р. Колочи у д. Горки. На берегу русскими было выстроено 4 батареи (на 34 орудия)

Таким образом, позиция была исключительно мерзкой - такой, на которой местность никак не используется для повышения эффективности своего оружия, а конфигурация фронта даёт преимущество противнику,

особенно в артиллерии. Опытный артиллерист Ермолов написал о получившейся на начало битвы позиции: *«Но в то же время преломление линии, образуя исходящий угол, давало неприятелю выгоду продольных рикошетных выстрелов»*. И какую выгоду!

Барклай де Толли пишет в рапорте об этом сражении: *«В сей позиции сии войска стояли под перекрёстным огнём неприятельской артиллерии; с правой стороны от той части, которая действовала против центра армии и вышеупомянутого кургана, и сия неприятельская артиллерия даже анфилировала* (простреливала вдоль) *нашу линию, с левой стороны от той части, которая овладела всею позицией 2-й армии; но дабы сделать преграду неприятельским успехам и удерживать остальные, нами ещё занимаемые места, не можно было избегнуть сего неудобства, ибо в противном случае мы должны были бы оставить вышеупомянутый курган, который был ключ всей нашей позиции, и сии храбрые войска под начальством генерала от инфантерии Милорадовича и генерал-лейтенанта Остермана выдержали сей страшный огонь с удивительным мужеством»*.

Раз уж так получилось, раз уж Кутузов с точки зрения тактики выбрал позицию исключительно бездарно, то что было делать? Нужно было усилить её огневую защиту - заполнить левый фланг войсками и артиллерией, чтобы артиллерийских стволов хватало не только для поражения пехоты, но и для сбитая французских батарей.

Напомню, что французы атаковали колоннами, и эти колонны были исключительно уязвимы от огня артиллерии при подходе к нашим боевым линиям. Когда колонны прорвутся, тогда войска перемешаются и артиллерии тяжело стрелять, но пока они идут - это идеальная цель! Вот цитата из рапорта командира 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора Сиверса:

«Когда две передние флеши нашими войсками оставлены быт, усмотрел я намерение неприятеля, в нескольких колоннах пехоты и кавалерии следующего, под прикрытием тиральеров (лёгкие войска, стрелки) *обойти наш левый фланг, через что зайти в тыл всей нашей позиции и отрезать корпус генерал-лейтенанта Багговута. В ту минуту взяты мною от ближайшей батареи два батарейных орудия и три лёгких и поставлена батарея гораздо впереди 2-й армии на пригорке возле самого лесу; действие картечных выстрелов по оным колоннам было столь разительно, что колонны были опрокинуты и неприятель уже не осмелился повторить атаку, но, усмотрев вскоре батарею, старался сбить мною поставленную...»* Всего пять орудий смели атаку нескольких колонн французов!

И вот теперь ответьте на вопрос: как Кутузов распределил силы между правым, заведомо бездействующим флангом, и левым, по которому назавтра ожидался удар основных сил Наполеона? Правильно: он на правый фланг поставил две трети сил и артиллерии, а на левый - одну треть! Почему?!

Правый фланг занимала 1-я армия Барклая де Толли, левый - 2-я армия Багратиона. У 1-й армии было и за ней закреплялось 420 орудий, за 2-й - 204. Кутузов заведомо обрекал пехотные корпуса 1-й армии (Багговута, Остермана-Толстого и Дохтурова) на бездействие в битве, а два корпуса Багратиона (Раевского и Бороздина) - на уничтожение.

Протестовали против такой диспозиции остальные генералы? Можно не сомневаться, что Багратион не молчал, но Ермолов этого не слышал, зато слышал, как протестовал начальник штаба Беннигсен.

> «25-го августа армии в полном бездействии обозревали одна другую. В ночи взят у нас редут при селении Шевардине; из него видно левое наше крыло со всеми недостатками местности, недостроенными укреплениями, и не могло быть сомнения, что оно будет предметом атак, и уже в том направлении замечены генералом Бениигсеном главные силы неприятеля, хотя по превосходству повсюду было их достаточно. Исправляя должность начальника главного штаба всех действующих войск при князе Кутузове, он предложил, как меру предосторожности, сократить линию заблаговременно, оставя на правом крыле, в лесу и засеках, несколько егерских полков, два пехотные корпуса, бесполезно стоящие поблизости, передвинув к центру, дабы могли вспомоществовать 2-й армии; предложение не уважено!
>
> ...Генерал Беннигсен остановил его у возвышения, господствующего над окрестностию, на котором конечность крыла 2-й армии (правого) занимала только что начатое укрепление, вооружённое 12-ю батарейными и 6-ю лёгкими орудиями. Прикрытием служила пехотная дивизия корпуса генерала Раевского. Возвышение это называл генерал Беннигсен ключом позиции, объясняя необходимость употребить возможные средства удерживать его, ибо потеря его может быть причиною гибельных последствий. Князь Кутузов ограничился тем, что, не изменяя положение 1-й армии, приказал левое её крыло довольно далеко отклонить назад, отчего конечность избегала внезапных атак скрывающегося в лесу неприятеля и возможности быть обойдённою.
>
> ...Если бы по настоянию генерала Беннигсена II-й и VI-й корпуса прежде сражения поставлены были ближе и в непосредственное сношение со 2-ю армиею, при содействии их войска, их составляющие, не одни противостали бы непрестанно возобновляемым с чрезвычайными усилиями атакам неприятеля. Армия не подверглась бы ужасному раздроблению. Не так далеки были соображения Кутузова, и то доказали последствия».

Протест генералов Кутузов, по-видимому, не мог так просто игнорировать, и он 25-го, в день перед сражением, передаёт Багратиону из своего огромного резерва корпус Тучкова, но как передаёт! Формально корпус передавался 2-й армии, но Кутузов приказал этому корпусу стоять на старой Смоленской дороге за батареей и войсками, оборонявшими перед этим корпусом деревню Утицу. Кутузов поставил его в это место якобы для засады, но на кого он устраивал засаду в тылу своих войск? Рано утром в день битвы Беннигсен, втайне от Кутузова, своей властью снял этот корпус «из засады» и перевёл на высоты у крайней оконечности левого фланга. Его за это ныне попрекают - нарушил хитроумные планы Кутузова! Какие? Какой противник мог беспечно проходить мимо выбранного Кутузовым места, чтобы целый пехотный корпус мог на него внезапно напасть?

Теперь об обязанности Кутузова проявить инициативу в битве, то есть самому ударить по французам. Ведь всё его командование битвой выглядит очень сомнительно именно с полководческой точки зрения. Ермолов пишет: *«Недостаточны были средства наши, и князь Кутузов, пребывающий постоянно на батарее у селения Горки, не видя близко мест, где явно было, сколько сомнительно и опасно положение наше»*. Автор статьи в Википедии, оправдывая то, что Кутузов на правом фланге

запер в бездействии главные силы армии, пишет: *«По замыслу Кутузова такая мощная группировка войск надёжно прикрывала московское направление и одновременно позволяла при необходимости наносить удары во фланг и тыл французских войск»*. А историк Тарле приводит и слова Кутузова: *«Когда неприятель... употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пущу ему скрытое войско во фланг и тыл»*. Во как!

Хотелось бы, чтобы это было так, поскольку позиция у Бородино уж больно напоминала ту позицию, в которой Кутузов одержал красивейшую победу над турками год назад, когда он ударом на другом берегу Дуная по турецкому тылу запер переправившихся через Дунай турок в их лагере и заставил сдаться. Здесь, у Бородино, тоже была похожая ситуация, хотя Колоча - это, конечно, далеко не Дунай.

Но главные силы (правый фланг) Наполеона оказались на правом берегу, а тылы (левый фланг) на левом.

И было исключительное место для осуществления такого удара по тылам Наполеона - деревня Бородино, расположенная на левом, французском берегу. К ней вёл мост через Колочу, эта позиция была ограждена двумя оврагами, в вершинах оврагов была господствующая над местностью высота (на которой французы потом поставили батареи для обстрела нашего берега). Этот плацдарм легко укреплялся, завести бы сюда 1-2 бездействовавших на правом фланге корпуса (тысяч 20-30 пехоты) и артиллерию из резерва, и Наполеон был бы поставлен в тяжелейшее положение и, скорее всего, не переправлялся бы на правый берег, пока не разрешил бы вопрос с этой проблемой. При этом его войска стали бы углом вперёд, подвергаясь перекрёстному огню артиллерии 2-й армии и артиллерии с этого плацдарма у Бородино. Кутузов это видел. Я так уверенно пишу потому, что он имитировал подготовку такого удара - он создал плацдарм вокруг Бородино. Но как!

Бородино защищали две пушки и гвардейский егерский полк. Во-первых, егеря не приспособлены для защиты таких объектов, потом, это вообще не силы - в егерском полку было даже по штату менее 1400 строевых (в пехотном - более 1900). Кроме того, егеря, прекрасно отбив атаки французов 24 августа, 26-го встретили врага так, что цензурных слов не хватает.

И грянула битва

Статья в Википедии сообщает: *«В 5.30 утра 26 августа более 100 французских орудий начали артиллерийский обстрел позиций левого фланга. Одновременно с началом обстрела на центр русской позиции, село Бородино, под прикрытием утреннего тумана в отвлекающую атаку двинулась дивизия генерала Дельзона из корпуса вице-короля Италии Евгения Богарнэ. Село оборонял гвардейский Егерский полк под командованием полковника Бистрома. Около получаса егеря отбивались от 4-кратно превосходящего противника, однако под угрозой обхода с фланга вынуждены были отступить за реку Колочу. Вслед за ними*

переправился и 106-й линейный полк французов. Командующий 1-й Западной армией Барклай де Толли направил на помощь 1, 19 и 40-й егерские полки, которые контратаковали французов, сбросили их в Колочу и сожгли мост через реку. В результате этого боя французский 106-й полк понёс тяжёлые потери».

А Ермолов исправляет в этой красивой версии: *«В баталионе на аванпостах до того была велика беспечность, что многие нижние чины спали, снявши мундиры. Прочих баталионов в равной степени была неосторожность, но немного менее беспорядков»*. То есть гвардейские егеря проспали атаку и удрали на правый берег в подштанниках, после этого плацдарм закончился не начавшись. Надо думать, к великой радости Кутузова, поскольку теперь было хорошее оправдание тому, почему он не мог проявить инициативу ударом по тылам Наполеона, - не стало плацдарма.

Однако проявить инициативу всё же пришлось. Шло время, а левый фланг дрался и не сдавался, поводов дать команду удирать всей армии у Кутузова всё не было и не было, и было понятно, что невозможно будет найти объяснений для царя, почему вся кавалерия армии простояла без дела всю битву. И в полдень Кутузов направляет кавалерийский корпус Уварова (2500 всадников) и 8 полков казаков Платова на левый берег Колочи без определённых задач. Форсировать Колочу пришлось днём, на виду неприятельских разъездов и пикетов. Французская пехота и артиллерия, естественно, изготовились, и атака нашей кавалерии, само собой, закончилась только её собственными потерями.

Интересно, что впоследствии историки восхвалили этот полководческий подвиг Кутузова и приписали ему то, что французы, дескать, на 2 часа прекратили атаки левого фланга. Но французы начали атаковать в 5 утра, им обед и отдых надо было дать? А что касается подвига передышки от французских атак, то сам Кутузов в то время этот заведомо обречённый на неудачу рейд кавалерии за свой подвиг выдать не догадался. Мало этого, Платов и Уваров, пожалуй, единственные из генералов, которые участвовали в боях Бородинской битвы, но не были представлены Кутузовым за это к наградам...

Немного отвлекусь на подробности. Уваров в рапорте о сражении на имя Барклая де Толли сообщает подробности атаки - то, что ему пришлось переходить Колочу в виду противника, а атаковать из оврага снизу вверх, что он взял было два орудия, но из-за этого же оврага не мог их перевезти и вынужден был бросить, то есть даёт подробности боя. А вот Платов написал короткий рапорт прямо на имя Кутузова: *«В бывшем 26-го числа прошлого августа месяца, при селе Бородине, генеральном с неприятелем сражении, находился я, по приказанию Вашей Светлости с казачьими полками на правом фланге, и каково происходило действие против неприятельской левого фланга, Вашей Светлости по личному присутствию вашему известно...»* Это когда Кутузов, всё сражение просидевший в штабе, присутствовал при атаке казаков левого фланга французов? И далее Платов в рапорте просит наградить его генералов и

полковников. Казаки - народ наглый, что в определённых случаях является их достоинством. Но всё же тут какая-то наглость, основанная на уверенности, что Кутузов её проглотит. Что там происходило? Платов отказался посылать своих казаков на верную смерть, и это было согласовано с Кутузовым? Трудно сказать.

Теперь об артиллерии.

Линия фронта русских войск строилась так. По всей линии были выстроены батареи. Сегодня батареями называются подразделения артиллерии, а тогда артиллерия делилась на взводы, роты и бригады, а батареями называлась укреплённая огневая позиция для артиллерии, и эта позиция могла заниматься разным количеством орудий. Правый фланг (1-я Западная армия Барклая де Толли) был укреплён семью батареями, левый фланг (2-я Западная армия Багратиона) - двумя укреплениями (батареей Раевского и Багратионовыми флешами). Перед батареями в 50 м боевыми линиями выстраивались батальоны пехотного прибытия, от этого прикрытия впереди высылалась цепь стрелков. Сразу за батареями был резерв этого прикрытия.

Первая линия войск уже в батальонных колоннах выстраивалась позади батарей и в промежутках между ними, примерно в 100 м от линии батарей. Артиллерия этих войск стояла открыто в боевых порядках полков. Примерно в километре от первой линии находилась вторая линия войск, тоже со своей артиллерией. Уже эта линия своей артиллерией в отражении атак участвовать никак не могла из-за дальности своего расположения от противника. Примерно в 300 м за второй линией войск находились соединения и части резерва.

Таким образом, в войсках 1-й армии находилось 222 орудия, но из-за такого построения трудно сказать, сколько из них непосредственно участвовало в отражении французских атак. Известно только, что на 7 батареях находилось в общей сложности 69 орудий из 222.

В войсках 2-й армий находилось 106 орудий, из них на батарее Раевского - 18 и на Багратионовых флешах - 40 орудий, да у Семёновского ручья ещё 18 орудий. Из-за малости сил Багратион почти всю свою артиллерию поставил в батарейную линию. То есть по плану Кутузова весь удар практически всей армии Наполеона должны были принять на себя всего 106 орудий из 624 имевшихся в распоряжении Кутузова. Мало этого, на момент главного удара у Кутузова в резерве находилось 300 (по другим данным, даже 390) орудий, причём то ли все они, то ли их большая часть находились в достаточно глубоком тылу у деревни Псарево, примерно в 5 км от Багратионовых флешей. Примечательно, место сосредоточения резерва артиллерии было тем, что оно находилось на дороге, через 2 км заканчивающейся развилкой с новой Смоленской дорогой, то есть резерв артиллерии стоял в готовности к бегству.

И то, что французы сразу же не смяли 2-ю армию, скорее всего объясняется тем, что Беннигсен втайне от Кутузова утром перевёл 3-й корпус Тучкова «из засады» к левому флангу, а этот корпус, поставленный

Кутузовым прикрывать предполагаемое отступление, имел 98 стволов артиллерии. (Сравните: вся вторая армия Багратиона имела 106 орудий, а 3-й корпус Тучкова - 98!) Конечно, строить батареи было уже поздно, но всё же какая-то часть орудий Тучкова приняла участие в отражении уже первых атак французов.

И ведь все понимали (и Кутузов тоже!), что Наполеон будет атаковать колоннами и что главное - нанести ему непоправимый урон своей артиллерией. Кутайсов накануне боя дал приказ артиллеристам: *«Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, что неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесёт неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий»*.

Артиллерийский окоп по фронту занимал 4 м, орудия одно от другого располагали в 6 м по фронту (чтобы расчёты слышали команды офицеров), при такой плотности на фронте 2-й армии можно было без труда в одну линию выставить все 624 орудия. Так почему Багратиону дали всего 106?!

Как понять такую расстановку артиллерии «блестящим тактиком» Кутузовым?

Да, конечно, потом артиллерию из резерва брали, но много ли от этого было толку? По правилам и уставам, наконец, по здравому смыслу артиллерия в обороне должна была стрелять только по пехоте и кавалерии противника, если те атаковали. Стрелять именно по ним, потому что именно пехота и кавалерия в такой момент наиболее угрожали своим войскам. А если свои войска сами атаковали, то артиллерия обязана была стрелять по артиллерии противника, поскольку его артиллерия в данный момент наиболее угрожала своим войскам.

А под Бородино получилось так. Из-за слабости артиллерийского прикрытия французы громили и захватывали позиции русских войск, русские войска откатывались, оставляя раненых и пушки. Тут подвозили нашу резервную артиллерию, она открывала огонь по французам, батальоны шли в контратаку, отбивали у французов позиции, но ведь потери уже было не вернуть! И такое использование артиллерии было при огромном её количестве в распоряжении Кутузова, ведь 96 орудий из числа резерва, в том числе гвардейская артиллерийская бригада, так и не сделали по французам ни единого выстрела.

Через 5 часов боя, когда уже выбыл из строя смертельно раненный командующий 2-й армией Багратион, Кутузов посылает начальника штаба 1-й армии Ермолова узнать что происходит на Багратионовых флешах. Ермолов пишет: *«...ожидал я встретить большие затруднения, и что бы не появиться вполне бесполезным, предложил начальнику артиллерии 1-й*

армии графу Кутайсову назначить в распоряжение моё три конноартиллерийские роты с полковником Никитиным, известным отличной своей храбростию. Во весь карьер неслись роты из резерва, и Никитин уже при мне за приказанием». То есть Ермолов из резерва, приписанного к 1-й армии, взял с собою «на всякий случай» 36 орудий! Оцените это количество, исходя из того, что у Багратиона, ещё раз повторю, к началу боя их было всего 106 - на все случаи!

Ещё момент. Нужно отдать должное царю, Аракчееву и Барклаю де Толли, готовившим Россию к войне 1812 года, но ни в одном воспоминании нет даже упоминания о какой-либо нехватке боеприпасов в ходе всей той войны. Чего-чего, а их хватало. Тогда как понять, что Багратионовы флеши французы захватили, когда у орудий этих укреплений кончились боеприпасы и они замолчали, и батарею Раевского французы захватили потому, что её орудия замолчали из-за нехватки боеприпасов? Когда Ермолов её отбил, то, как он пишет в своём рапорте, нашёл на позициях переколотую прислугу орудий и всего два картечных снаряда на 18 орудий. Почему не завезли с запасом и не завозили туда артиллерийские заряды и снаряды во время боя?

Что в итоге?

В итоге получается, что Кутузов:

- выбрал поле боя, с тактической точки зрения не подходившее для нанесения поражения противнику, но очень удобное для отвода большей части армии;

- на направлении главного удара французов заведомо оставил слабые силы;

- половину артиллерии вывел в резерв, расположив резерв в месте, удобном для отступления;

- не предусмотрел ничего для активных действий против французов;

- на старой Смоленской дороге поставил мощный заслон с явной целью не дать французам помешать отступлению.

Как это объяснить?

У меня такая версия. Кутузов не верил в то, что сможет разгромить Наполеона такой армией, какой он её видел. Возможно, в его памяти свежи были воспоминания об Аустерлице, когда русские солдаты толпами бежали и сдавались в плен. Он не верил в свои способности победить Наполеона, считал, что если ввяжется с Наполеоном в настоящий бой, то вся армия будет разгромлена. А Кутузов был одержим мыслью «спасти армию» и этим оказать услугу Отечеству, возглавляемому неразумным царём, требующим дать Наполеону генеральное сражение.

Всё пошло не по плану

Но для отвода армии и дальнейшего отступления нужен был повод, таким поводом мог быть только разгром части армии. Вот Кутузов под

этот разгром и подставил Багратиона, не дав тому нужного количества войск и артиллерии. Думаю, что он полагал, что Наполеон в несколько часов сомнёт 2-ю армию, та, как и под Аустерлицем, побежит и начнёт сдаваться, тогда он начнёт выводить с правого фланга войска на новую Смоленскую дорогу, а Тучков на старой Смоленской дороге не даст французам опередить и остановить отводимые Кутузовым остатки армии. Кутузов при этом отводил бы две трети армии, а с учётом того, что какая-то часть 2-й армии могла и спастись, то и больше. Терял бы 100-150 стволов артиллерии, но основная её масса была бы цела.

Не исключаю, что может быть и какая-то иная версия, непротиворечиво объясняющая перечисленные выше факты, у меня такой версии нет. Моя версия - за победу французов над русскими под Бородино боролись два полководца - Наполеон и Кутузов. Но даже при этом французы не победили. Почему? Потому что русская армия категорически не хотела терпеть поражение.

Русская армия стала качественно иной, хотя сама об этом пока и не знала. До сих пор был страх перед силой французов, но оставление русской армией своих сёл и городов, арьергардные бои и Смоленское сражение вызывали и вызывали сомнение - а надо ли французов уж так бояться? Эти сомнения требовали своего разрешения, и Бородино их разрешило.

Но сначала технические подробности.

Ещё до сражения события начали разворачиваться либо совершенно без Кутузова (перевод Беннигсеном корпуса Тучкова к Багратионовым флешам), либо так, что Кутузов просто вынужден был принимать решения на продолжение сражения, поскольку тот момент, после которого он мог бы дать приказ на отступление, так и не наступил. А командовать он был обязан.

2-я армия дралась самоотверженно, несла огромные потери, но не признавала себя побеждённой. Да, были моменты, когда её войска бежали, но солдаты не бросали оружия и бежали до рубежа, на котором их останавливали командиры и требовали построиться и открыть огонь. Генералы 2-й армии в гуще боя: смертельную рану получает командир третьего корпуса генерал-лейтенант Тучков 1-й, во время штыковой атаки гибнет его младший брат генерал-майор Тучков 4-й, наконец, смертельно ранен Багратион.

Но, может, в данном случае интересно поведение генералов 1-й армии. Начальник штаба этой армии Ермолов по просьбе Кутузова едет узнать, что происходит у Багратионовых флешей, в это время командир корпуса 2-й армии Раевский снимает со своего участка фронта вторую линию войск и ведёт на помощь дивизиям, сражающимся на направлении главного удара французов. И тут французы на участке Раевского захватывают батарею. Какое дело до этого Ермолову, у которого своё задание? Но Ермолов тут же организовывает атаку с целью вернуть батарею 2-й армии. Вместе с ним и командующий артиллерией 1-й армий

Кутайсов, а когда выяснилось, что сил удержать батарею маловато, оказалось, что и командующий 1-й армией Барклай де Толли тоже здесь, организуя сопротивление французам войск 2-й армии.

Вот обратите внимание на то, кто перевёл из шестого корпуса 1-й армии 24-ю пехотную дивизию Лихачёва на батарею Раевского: *«Но прежде из ближайшего VI-го корпуса вызвал я командующего дивизиею генерал-майора Лихачёва, и он заступил моё место»*. Это, как видите, не Кутузов, это раненый Ермолов распорядился свой властью начальника штаба 1-й армии. И, скорее всего, даже доложить Кутузову не успел: *«Картечь, поразившая насмерть унтер-офицера, прошед сквозь его рёбра, пробила воротник моей шинели, разодрала воротник сюртука, но шёлковый на шее платок смягчил удар контузии. Я упал, некоторое время был без чувств, шея была синего цвета, большая вокруг опухоль и сильно помятые на шее жилы. Меня снесли с возвышения, и отдых возвратил мне чувства»*. А Барклай, судя по его рапорту, тут же подтвердил своей властью приказ своего начальника штаба.

Повторяя утренний поступок Беннигсена, теперь уже Барклай де Толли самостоятельно снимает с позиций на правом фланге корпус Багговута, входивший в состав его 1-й армии, и посылает этот корпус на левый фланг 2-й армии, а затем и корпус Остермана, и передвигает на левый фланг корпус Дохтурова. И колонны этого корпуса пошли с правого на левый фланг, устилая свой путь телами бойцов, гибнущих от флангового огня французской артиллерии. В итоге в ходе боя произошла именно та перегруппировка сил, что ещё до боя и предлагал сделать Беннигсен, но из-за Кутузова перегруппировка была проведена поздно и ценою огромных жертв.

Ермолов вспоминает *«На другой день после Бородинского сражения главнокомандующий Барклай де Толли, самым лестным для меня образом одобрив действия мои в сражении, бывши ближайшим свидетелем их и говоря о многих других обстоятельствах, сказал мне: «Вчера я искал смерти и не нашёл её»*. Психологически это понятно: Барклая де Толли обвиняли в трусости и отступлении, а теперь он ещё и командует битвой при затаившемся в штабе Кутузове. А если битва будет проиграна? Как тогда Барклаю оправдаться?

Потери русских войск, повторю, оцениваются в 45 тыс. человек убитыми и ранеными. В это число верится, поскольку скрывать результат свой доблести русским не было смысла. Французы потери скрывают - а что им делать? Если уж потерпели поражение, то приходится хвалиться, что они русских всё же убили больше.

Если по генералам, выделяющимся своей свитой и передвигающимся по полю боя на лошадях, с обеих сторон мог специально вестись огонь, то ядра или картечь, летящие в колонны и боевые порядки войск, вряд ли разбирали, кто там офицер, а кто рядовой. А убитые в битве офицеры поимённо учтены обеими сторонами: в русской армии убито 1487 человек, во французской - 1928 человек. Пропорциональной должна быть и потеря солдат.

Бородинская битва была самой жестокой и кровавой битвой той эпохи, и эта жестокость, полагаю, была определена французской армией. Уже лет 15 эта армия не терпела поражений, французы захватили практически всю континентальную Европу, солдаты Франции всё ещё были героями и на своей родине, и в своих глазах, ими под Бородино командовал сам Наполеон! Как они могли не победить, да ещё и каких-то русских? Да ещё и собрав под свои знамёна сволочь со всей Европы!

Турки бы уже утром сбежали с Бородинского поля, а французы шли на русский огонь, думая: «Ещё немного, ещё чуть-чуть, и русские сломаются и побегут, как они бежали под Аустерлицем!»

А русские не бежали!

В корпусе Уварова в Бородинской битве участвовал немец-доброволец Карл Клаузевиц. Не зная русского языка, он мог командовать только примером («Делай, как я!») и, по сути, дрался, как рядовой кавалерист. Но прошли годы, и Клаузевиц стал общеизвестным военным теоретиком. Он и дал признак победы для той эпохи: *«Победителем в сражении может назвать себя лишь тот, за кем осталось поле боя».* Однако, несколько противореча себе и дезавуируя первый вывод, признал: *«Сражение - это не столько сокрушение воинства врага, сколько сокрушение его мужества»*.

Мужества русской армии Наполеон сокрушить не смог.

Когда можно сказать, что армия побеждена? Когда она бежит, бросая оружие, а те, кто не может убежать, сдаются в плен. Количество пленных и захваченных пушек - вот что было настоящим критерием победы. Адъютант Наполеона А. Коленкур сообщил: *«Император много раз повторял, что он не может понять, каким образом редуты и позиции, которые были захвачены с такой отвагой и которые мы так упорно защищали, дали нам лишь небольшое число пленных. Он много раз спрашивал у офицеров, прибывших с донесениями, где пленные, которых должны были взять. Он посылал даже в соответствующие пункты удостовериться, не были ли взяты ещё другие пленные. Эти успехи без пленных, без трофеев не удовлетворяли его... Неприятель унёс подавляющее большинство своих раненых, и нам достались только те пленные, о которых я уже говорил, 12 орудий редута... и три или четыре других, взятых при первых атаках»*.

Под Аустерлицем французы взяли 12 тыс. пленных и 180 орудий, при Бородино около 1 тыс. пленных и 13 орудий. Русская армия тоже взяла 1 тыс. пленных и 15 французских орудий. У Наполеона был принцип: *«Генерал, который будет сохранять свежие войска к следующему за сражением дню, будет почти всегда бит»*. У него ещё оставалось 18 тыс. человек старой гвардии, но Наполеон был слишком далеко от Франции, а перед ним была армия, которая не хотела быть побеждённой. Он не мог рисковать последним резервом, более того, вечером французы покинули все занятые ими за день русские позиции - подготовленные для защиты с запада, эти позиции не были хорошим рубежом для обороны от русского

контрудара, если он последует. А Наполеон его не исключал. Ночью казачьи разъезды вновь заняли и батарею Раевского, и Багратионовы флеши.

Воля Наполеона под Бородино была видна, видны его тактические замыслы. Сначала он бьёт по центру левого фланга - по Багратионовым флешам, чтобы ворваться через Семёновский овраг в тыл 2-й армии, прижать оставшиеся её войска к Колоче и пленить их. Когда это не получается и русские закрепляются за Семёновским оврагом, то Наполеон меняет направление главного удара - теперь он бьёт по батарее Раевского, чтобы ворваться внутрь расположения русских войск и, прикрываясь оврагом, разделяющим русские армии, от контрударов со стороны 1-й армии, прижать войска 2-й армии к Семёновскому оврагу и пленить их.

А в чём замыслы Кутузова? Где его единое управление армией?

По версии Льва Толстого, задача командующего якобы подвести войска к месту битвы, а там как бог решит. Но ведь под Бородино не бог решал, а русские генералы. Беннигсен без Кутузова и бога меняет расположение войск, Барклай де Толли фактически командует битвой, Ермолов организует контратаку на батарею Раевского и т. п. и т. д.

В 100-летний юбилей были изданы рапорты 15 генералов, участвовавших в Бородинской битве. Из командиров корпусов и дивизий только начальник 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Уваров в рапорте о ходе сражения упомянул: *«...самим главнокомандующим всех армий Светлейшим Князем лично послан перейти речку Колочу и атаковать неприятельский левый фланг с тем, чтобы хотя несколько оттянуть его силы...»* - да Ермолов в донесении Барклаю: *«...около полудня был я его Его Светлостью послан на левый фланг осмотреть расположение артиллерии и усилить оную по обстоятельствам»*. Из остальных никто не вспомнил ни малейшего приказа или указания Кутузова, данного по ходу битвы. Никто не вспомнил, что он что-то согласовывал с Кутузовым, что-то у него просил.

Мне могут сказать, что Кутузов приказы на ведение сражения давал командующим армиями, а не через их головы. Как Кутузов давал команды через головы Барклая и Багратиона до битвы и после битвы, вы ещё увидите, но Дохтуров, принявший командование 2-й армией от смертельно раненного Багратиона, упомянул только о том, что он Кутузовым был назначен на эту должность. А командующий 1-й армией Барклай де Толли в рапорте самому Кутузову о Кутузове в ходе Бородинской битвы упомянул только при описании того, как Барклай после сражения 26-го готовил войска к сражению следующего дня: *«...Генералу от инфантерии Милорадовину поручил я перед рассветом снова занять курган, перед центром лежащий, несколькими баталионами и артиллериею. В полночь же получил я повеление Вашей Светлости к отступлению»*. Вот этот приказ на отступление, видимо, единственное вмешательство Кутузова в командование Бородинской битвой.

После Бородина уверенность Беннигсена, Барклая и того же Ермолова в том, что они своим умом способны Наполеона разгромить, возросла, слов нет. А возросла ли уверенность Кутузова в том, что он своим умом способен разгромить Наполеона? А с чего было взяться этой уверенности?

Бородинская битва была громадной победой русской армии над собой. Говоря образно, под Бородино русская армия напилась крови самой сильной армии Европы и поняла, что это, оказывается, сладко!

Воодушевление войск было столь велико, что Кутузов в очередной раз обманул армию и объявил, что завтра продолжит сражение. Ермолов вспоминает: *«Начальники и подчинённые, вообще все, приняли объявление с восторгом!.. Адъютант мой артиллерии поручик Граббе был послан с сим объявлением. В нескольких полках приглашаем он был сойти с лошади, офицеры целовали за радостную весть, нижние чины приняли её с удовольствием»*.

Однако, повторю, у Кутузова не было веры в то, что он способен победить Наполеона. Поэтому, объявив о намерении остаться и драться на Бородинском поле, Кутузов тут же, как вы уже поняли, приказал составить диспозицию на отступление, и ночью русские войска, выслав вперёд раненых и обозы, начали отходить на Москву.

Оставление Москвы

Точно так же, подойдя к Москве и пообещав: *«Скорее честь при стенах Москвы, нежели предать её в руки врагов»*, Кутузов неутомимо искал, на кого бы переложить ответственность за сдачу Москвы без боя.

Генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин пообещал: *«Если без боя оставите Москву, то вслед за собою увидите её пылающую!»* - сообщает Ермолов и делает свой комментарий к этому разговору: *«Граф Ростопчин уехал, не получив решительного отзыва князя Кутузова. Ему по сердцу было предложение графа Ростопчина, но незадолго пред сим клялся он своими седыми волосами, что неприятелю нет другого пути к Москве, как чрез его тело. Он не остановился бы оставить Москву, если бы не ему могла быть присвоена первая мысль о том»*. Переложить на Ростопчина ответственность за сдачу французам Москвы Кутузов точно не мог.

Но мысль об оставлении Москвы владела и Барклаем де Толли. Военный министр осуществлял задуманную ещё до войны стратегию заманивания французов вглубь России, Барклай изначально готовил к этому и армию, и Россию. Скажем, к тому времени пехотные полки по штату имели три батальона, но даже в Бородинском бою их было всего по два потому, что один батальон каждого полка уже был в тылу и на его базе обучались уже призванные рекруты, предназначенные для резкого усиления численности армии. Барклай хотел иметь армию, намного превосходящую по силам французскую армию, и ему нужно было время.

Однако главнокомандующим был Кутузов, и принимать решение надо было ему.

И Кутузов находит выход - любимый выход безответственного бюрократа: 1 сентября он созывает военный совет с явной целью - возложить на совет ответственность за сдачу Москвы. Этот совет собрался в 8 часов вечера в подмосковной деревне Фили.

Соответственно, Кутузов провёл его крайне подло. По закону и здравому смыслу на Военном совете первыми должны высказываться «за» или «против» самые младшие по чину и должности. Если первыми выскажутся начальники, то как тогда младшие по чину смогут высказать своё мнение, если оно противоречит мнению начальника? Они ведь будут подрывать авторитет начальника. Но Кутузов взял и дал первое слово Барклаю де Толли, мало того, что командующему 1-й Западной армией, в которую уже были влиты и остатки 2-й армии, но и военному министру России! То есть вообще самому старшему начальнику после себя.

Барклай сказал следующее: *«...Потеря Москвы будет чувствительною для государя, но не будет внезапным для него происшествием, к окончанию войны его не наклонит и решительная воля его продолжать её с твёрдостию. Сохранив Москву, Россия не сохраняется от войны жестокой, разорительной; но сберегши армию, ещё не уничтожаются надежды Отечества, и война, единое средство к спасению, может продолжаться с удобством. Успеют присоединиться, в разных местах за Москвою приуготовляемые, войска; туда же заблаговременно перемещены все рекрутские депо. В Казани учреждён вновь литейный завод; основан новый ружейный завод Киевский; в Туле оканчиваются ружья из остатков прежнего металла. Киевский арсенал вывезен; порох, изготовленный в заводах, переделан в артиллерийские снаряды и патроны и отправлен внутрь России»*. Ну и что теперь осталось говорить младшим по чину и должности (а таковыми тут были все, кроме Кутузова) после того, как военный министр предложил оставить Москву?

Тем не менее совет протекал не так, как предполагал Кутузов. После Барклая, наконец, дали слово самому младшему - Ермолову. Он сообщает: *«Не решился я, как офицер, не довольно ещё известный, страшась обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне не основательного, предложил атаковать неприятеля. Девятьсот вёрст беспрерывного отступления не располагают его к ожиданию подобного со стороны нашей предприятия; что внезапность сия, при переходе войск его в оборонительное состояние, без сомнения произведёт между ними большое замешательство, которым его светлости как искусному полководцу предлежит воспользоваться, и что это может произвести большой оборот в наших делах»*.

Заметьте, что Ермолов не предлагал «дать Наполеону бой», он предлагал атаковать его! Ведь надо понять бой. Когда тебя атакуют, то волей-неволей кажется, что враг сильней тебя. Он же не дурак и раз прёт на тебя, значит, уверен, что он тебя убьёт, а не ты его. И обратный эффект такой же: раз командиры ведут в атаку, значит, уверены, что мы сильнее. Ермолов предлагал воспользоваться тем, что дух армии поднялся после Бородина, и предлагал усилить армию инициативой

командующего. Только Ермолов не предполагал, какой ужас у «его светлости» вызовет идея командовать боем с Наполеоном, да ещё и по своей инициативе: *«С неудовольствием князь Кутузов сказал мне, что такое мнение я даю потому, что не на мне лежит ответственность. Слишком поспешно изъявил он своё негодование, ибо не мог сомневаться, что многих мнения будут гораздо благоразумнейшие, на которые мог опираться»*.

То, что теперь уже и сам Кутузов показал совету своё мнение сдать Наполеону Москву, превратило совет в фарс. Тем не менее, генералы продолжали высказываться: *«Генерал-лейтенант Уваров дал одним словом согласие на отступление. Генерал-лейтенант Коновницын был мнения атаковать. Оно принадлежало ему как офицеру предприимчивому и неустрашимому, но не была испытана способность его обнимать обширные и многосложные соображения»*.

Остерман-Толстой высказался за оставление Москвы: *«Генерал Дохтуров говорил, что хорошо бы идти навстречу неприятелю, но после потери в Бородинском сражении многих из частных начальников, на места которых поступившие другие, мало известные, будучи по необходимости исполнителями распоряжений, не представляют достаточного ручательства в успехе их, и потому предлагает отступать»*.

И подошла очередь Беннигсена:

> «Генерал барон Беннигсен, известный знанием военного искусства, более всех современников испытанный в войне против Наполеона, дал мнение атаковать, подтверждающее изложенное мною. Уверенный, что он основал его на вернейших расчётах правдоподобия в успехе или по крайней мере на возможности не быть подавленными в сопротивлении, много я был ободрён им, но, конечно, были удивлённые предложением. Генерал-лейтенант граф Остерман был согласен отступить, но, опровергая предложение действовать наступательно, спросил барона Беннигсена, может ли он удостоверить в успехе? С непоколебимою холодностию его, едва обратясь к нему, Беннигсен отвечал: «Если бы не подвергался сомнению предлагаемый суждению предмет, не было бы нужды сзывать совет, а ещё менее надобно было бы его мнение»».

Из замечания Ермолова о том, что Беннигсен ответил Остерману очень холодно, мы понимаем, что у них были не очень хорошие отношения, что стоит помнить, когда дойдём до сражения под Тарутино.

Потом приехал Раевский, его ввели в курс дела, и он проголосовал за сдачу Москвы. Итак, пять генералов высказались за сдачу Москвы французам и всего три - за атаку. Усилиями Кутузова счёт был хотя и минимальный, но всё же тот, что ему и требовался.

Однако есть и ещё одна версия того, как проходил совет. Из Журнала военных действий о Военном совете в Филях 1 сентября 1812 г.:

> «Члены, составлявшие оный, были следующие: фельдмаршал князь Кутузов, генералы: Барклай де Толли, Беннигсен и Дохтуров; генерал-лейтенанты: граф Остерман и Коновницын, генерал-майор и начальник главного штаба Ермолов и генерал-квартирмейстер полковник Толь.
>
> Фельдмаршал, представя Военному совету положение армии, просил мнения каждого из членов на следующие вопросы: ожидать ли неприятеля в позиции и дать ему сражение или сдать оному столицу без сражения? На сие генерал Барклай де Толли отвечал, что в позиции, в которой армия расположена, сражения принять невозможно и что лучше отступить с армиею чрез Москву по дороге к Нижнему Новгороду, как к пункту главных наших сообщений

между северными и южными губерниями.

Генерал Беннигсен, выбравший позицию пред Москвою, считал её непреоборимою и потому предлагал ожидать в оной неприятеля и дать сражение.

Генерал Дохторов был сего же мнения.

Генерал Коновницын, находя позицию пред Москвою невыгодною, предлагал итти на неприятеля и атаковать его там, где встретят, в чем также согласны были генералы Остерман и Ермолов; но сей последний присовокупил вопрос: известны ли нам дороги, по которым колонны должны двинуться на неприятеля?

Полковник Толь представил совершенную невозможность держаться армии в выбранной генералом Беннигсеном позиции, ибо с неминуемою потерею сражения, а вместе с сим и Москвы армия подвергалась совершенному истреблению и потерянию всей артиллерии, и потому предлагал немедленно оставить позицию при Филях, сделать фланговый марш линиями влево и расположить армию правым флангом к деревне Воробьёвой, а левым между Новой и Старой Калугскими дорогами в направление между деревень Шатилово и Воронкова; из сей же позиции, если обстоятельства потребуют, отступить по Старой Калугской дороге, поелику главные запасы съестные и военные ожидаются по сему направлению.

После сего фельдмаршалу обратясь к членам, сказал, что с потерянием Москвы не потеряна ещё Россия и что первою обязанностию поставляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю и потому намерен, пройдя Москву, отступить по Рязанской дороге.

Вследствие сего приказано было армии быть в готовности к выступлению...»

Итак, есть две версии того, что именно происходило в Филях. Какую версию принять за факт? Можно, конечно, ту, что тебе нравится, - ту, которая подтверждает твою версию. А можно попробовать выяснить, кто врёт или ошибается. Давайте попробуем это сделать.

Начнём с того, что версия Ермолова имеет авторство - это уже вызывает к ней доверие, всё же автор отвечает за свои слова. Версия Журнала военных действий автора не имеет, хотя уверен, что автора не сложно установить даже без почерковедческой экспертизы. Тем не менее...

Насколько обе эти версии соответствуют точно установленным фактам истории и логике?

Версия Ермолова соответствует им точно.

Возьмём донесение Кутузова царю, которое обязано было быть отправлено в тот же час по принятию решения в Филях: *«...в таком крайне сомнительном положении, по совещанию с первенствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен я был решиться попустить неприятеля войти в Москву, из коей все сокровища, арсенал и все почти имущества, как казённые, так и частные вывезены, и ни один почти житель в ней не остался»*. Как видите, из доклада Кутузова царю следует, что лишь «некоторые первенствующие генералы» были против оставления Москвы, как и пишет Ермолов, а по версии Журнала все генералы, кроме Барклая и самого Кутузова, были против.

Далее. Ермолов перечислил всех членов совета, и те, кого он перечислил, действительно были членами совета и *«первенствующими нашими генералами»*. Совещались люди, несущие ответственность за

вверенные им войска, а именно: командующий главной армией (Кутузов) и начальник штаба главной армии (Беннигсен), командующий 1-й армией (Барклай де Толли) и начальник штаба 1-й армии (Ермолов) и командующие корпусами - Дохтуров, Остерман-Толстой, Коновницын, Раевский, Уваров. Молча присутствовал работник штаба главной армии (подчинённый Беннигсена), дежурный генерал-полковник Кайсаров, как человек, который должен был лично написать текст приказа Кутузова по итогам совета. Но, подчеркну, мнения Кайсарова не спрашивали! Не той он должности - не отвечает за войска. Именно поэтому Ермолов о Кайсарове и не упоминает.

И Ермолов никак не упоминает о полковнике Толе, поскольку полковник Толь, любимец Кутузова, на тот момент был всего лишь генерал-квартирмейстером штаба 1-й армии. *«Изначально в обязанности генерал-квартирмейстера входило изучение местности, организация расположения и передвижения войск и госпиталей, подготовка карт, возведение укреплений, обеспечением тыловой инфраструктуры. Позднее к ним прибавились обязанности по руководству разведкой, строительству мостов, ведению детальных записей о сражениях»*. Толь был подчинённым Ермолова и по смыслу своей должности никакого слова на совете иметь не мог - он ничем не командовал. (На тех же основаниях, что и Толь, можно записать в совещавшиеся и денщиков, подававших чай.) Поэтому присутствовал Толь на совете как технический работник или нет - это вопрос, но участвовать в совете он не мог, будь он самым «первенствующим Полковником». Тем более что полковник Кайсаров был старше его по должности, тоже сидел в избе в Филях, но в совете участия не принимал.

О версии Журнала военных действий можно сказать точно, что её автор на совете вообще не присутствовал и сделал эту запись, скорее всего, уже в Тарутине, если не позже.

Почему?

1. Автор не знает, кто был на совете: он не упомянул присутствовавших на совете Раевского и Уварова, но, как видите, почему-то членом совета у него стал полковник Толь. Между тем сам Раевский вспоминал о своём мнении на совете: *«Я сказал, что... более всего нужно сберечь войска... и что моё мнение: оставить Москву без сражения, что я говорю как солдат»*. Если бы автор записи в Журнале присутствовал на совете, то забыть Раевского и Уварова он не мог. Они для автора безразличны: были они или не были, но для смысла записи их присутствие или отсутствие не имеет значения. И если автор не записал Раевского и Уварова, то, значит, на совете автора не было, и он не видел тех, кто там действительно был.

2. Автор либо не представляет, кто и о чем говорил на совете, либо умышленно искажает мнение присутствовавших. Скажем, из Барклая де Толли автор сознательно сделал идиота, предлагающего загнать армию на восток за более чем 400 км от Москвы, - в Нижний Новгород. А Ермолову приписаны совершенно бессмысленный квартирмейстерский

вопрос: *«Известны ли нам дороги, по которым колонны должны двинуться на неприятеля?»* - как будто Наполеон не шёл к Москве, а находился где-то в Индии.

Остерману приписано намерение атаковать Наполеона, но князь Волконский записал в дневник за 1 сентября 1812 г.: *«Ввечеру приехал я в армию на Фили, узнал, что князь Кутузов приглашал некоторых генералов на совещание, что делать, ибо на Поклонной горе драться нельзя, а неприятель послал в обход на Москву. Барклай предложил первый, чтобы отступить всей армии по Рязанской дороге через Москву. Остерман неожиданно был того же мнения противу Беннигсена и многих»*. Об этом же мнении Остермана сообщает и Ермолов.

3. Автором записи в Журнале в члены совета введён полковник Толь, что было бы оскорбительно для остальных генералов.

4. Полковнику Толю автором придан статус полководца настолько высокой должности, что он выступает перед Кутузовым после всех остальных генералов.

5. Автором приписывается Толю решение перекрыть Калужские дороги, между тем оператор (квартирмейстер) штаба, поручик Липранди, в свой дневник за 4 сентября 1812 г. записал:

> «...Разговор шёл о настоящем нашем положении. Бологовской виделся с Коновницыным и говорил, что он полагает движение армии в полночь. Толки были различны: одни говорили, что мы отойдём только до Бронницы и что когда Наполеон перейдёт Москву-реку у Боровского перевоза, то ударим на него со всеми силами, чтобы прижать к реке. Другие - что будем идти до Рязани, но никто решительно ничего положительного не сказал.
>
> В 4 часа обер-квартирмейстеры были потребованы. Когда мы собрались, то по обыкновению каждый начал писать с диктовки диспозицию: диктовал полковник Хоментовский, но едва он продиктовал: «в 11 часов вечера сего дня армия выступает левым флангом...» - вошёл полковник Толь, спросил диспозицию, посмотрел, сколько продиктовано, взял из рук капитана Брозина перо и, сделав какую-то поправку; отдал диспозицию полковнику Хоментовскому, который и продолжал: «на Бронницу, отправив за три часа квартиргеров для принятия позиции, которым и собраться при резервной артиллерии. Тяжести...» - с этим словом вошёл генерал Коновницын, приказал остановить дальнейшую диктовку. За ним вошёл Толь и взял из рук Хоментовского диспозицию, приказал ему отобрать от нас те, которые мы уже начали писать, а нам, не разъезжаясь, велел ожидать. Мы вышли все из сарая и легли за оным, обратив глаза на Москву, которая с каждой минутой представляла более и более живописную картину, ибо начинались сумерки и огонь с заревом более и более изображался на небосклоне.
>
> Через час нас вновь позвали, и Хоментовский начал: «В час ночи пополуночи 5 сентября 6-й и 5-й корпуса выступают левым флангом вверх по правому берегу Пахры через Жеребятово в Домодово. Колонна эта состоит под начальством генерала от инфантерии Дохтурова», далее говорилось о других корпусах, долженствовавших следовать по тому же направлению. Мне и Брозину с квартиргерами наших корпусов приказано было идти в голове, не отделяясь вперёд. Приказывалось за час до выступления отправить с обоих корпусов 400 рабочих, с нужным числом фронтовых офицеров и двумя дивизионными квартирмистрами для исправления мостов и дороги, где это потребуется, упомянув, что отряд графа Орлова-Денисова будет прикрывать правый фланг, следуя параллельно армии по левому берегу р. Пахры. В продолжении диктовки этой длинной диспозиции Толь несколько раз, а Коновницын один раз входили в сарай, где мы писали, и беспрерывно что-то исправляли в диспозиции. Коновницын казался спокойным, но Толь **бесновался** и дерзко относился к Хоментовскому».

Итак, мало того, что Толь не предлагал перекрыть дороги на Калугу и даже не думал об этом. Толь, который после оставления Москвы стал

генерал-квартирмейстером главной армии, оказывается, уговорил Кутузова отступать на Рязань и уже подписал у Кутузова соответствующий приказ, отдав его для копирования квартирмейстерам. И главное, полковника Толя взбесило то, что Кутузов изменил своё мнение и принял решение перекрыть дороги на Калугу. Уж очень ему хотелось в Рязань.

Следует отметить, что высокопарных слов Кутузова о спасении армии: *«...с потерянием Москвы не потеряна ещё Россия и что первою обязанностию поставляет он сберечь армию»*, Ермолов как-то не услышал или не запомнил. И, надо думать, потому, что эти слова о сбережении звучали бы странно. Ведь под командованием Кутузова были далеко не все войска России. На юге была 3-я армия Тормасова, впоследствии соединённая с Дунайской армией Чичагова под его командованием, на севере - корпус в 40 тысяч под командой Витгенштейна, в тылу вторые батальоны 1-й и 2-й Западных армий обучали рекрутов для пополнения. Ермолов вспомнил только, что *«всем одинакового мнения служило руководством предложение военного министра, без всякого со стороны их объяснения причин, и конечно, не могло быть места более основательному рассуждению. Разделяя его вполне, князь Кутузов приказал сделать диспозицию к отступлению. С приличным достоинством и важностию, выслушивая мнения генералов, не мог он скрыть удовольствия, что оставление Москвы было требованием, не дающим места его воле, хотя по наружности желал он казаться готовым принять сражение»*. И это воспоминание выглядит логично.

Таким образом, запись о совете в Филях в Журнале военных действий описывает не то, как проходил совет (поскольку, как мы видим, автора на совете не было), а то, какой великий полководец этот самый полковник Толь. И эта запись является не фактом о том, кто и что предлагал на совете, а фактом того, какой бардак творился в штабе Кутузова и насколько яростной была грызня между генералами.

Поэтому я не буду руководствоваться «средней версией», а положусь на сведения о совете, сообщённые Ермоловым.

Москву сдали.

Из дневника Д. Волконского: *«Я о сём решении оставить Москву узнал у Беннигсена, где находился принц Виртемберской и Олденбурской. Все они были поражены сею поспешностию оставить Москву, не предупредя никого. Даже в арсенале ружей более 40 т. раздавали народу, от коева без сумнения французы отберут*.

...4-го армия пошла далее отступать, устроя понтоны на Боровском перевозе, откуда вёрстах в 4-х остановилась в деревне Кулакове, и мы тут же стояли в квартерах. Около полуден началось сражение с авангардом нашим, которой отступил туда, где мы ночевали. Тут принуждены были сжечь барки, кои были нагружены комиссариацкими вещами, они замелели, множество пороха и свинцу потопши, а вещи сожгли. Тут потеряно, конечно, более 10-ти миллионов, потому что на всю армию

холст, сукно и протчее было заготовлено. Потеря Москвы неищетна. Пушек много осталось, ружей, сабель и всего в арсенале. ...Выходящие из Москвы говорят, что повсюду пожары, грабят домы, ломают погреба, пьют, не щадят церквей и образов, словом, всевозможные делаются насилия с женщинами, забирают силою людей на службу и убивают. Горестнее всего слышать, что свои мародёры и казаки вокруг армии грабят и убивают людей - у Платова отнята вся команда, и даже подозревают и войско их в сношениях с неприятелем. Армия крайне беспорядочна во всех частях, и не токмо ослаблено повиновение во всех, но даже и дух храбрости приметно ослаб с потерею Москвы. Не менее Беннигсен делает планы стратегических движений».

Надо сказать, что бросили в Москве не только арсенал с запасом оружия, бросили казначейство с ассигнациями и медной монетой. Я, кстати, слышал и сам пользовался поговоркой «Хочет купить на рубль пятаков». По смыслу из неё следовало, что это кто-то хочет получить на дармовщину какую-то выгоду, но какую выгоду можно получить, если разменять рубль на 20 пятаков? Оказывается всё не так просто, и поговорка восходит к временам занятия Москвы французами. Французским солдатам тащить медную монету было, конечно, очень тяжело, поскольку тогда рубль медью весил примерно килограмм. И они у приезжавших из пригородных деревень в Москву за солью крестьян меняли серебряный рубль (около 21 грамма весом) на упаковку медных пятаков в 25 рублей. Довольно выгодно было для крестьян, имевших серебро.

Французы грабили Москву старательно и подчистую - дома, жителей и, разумеется, брошенные святыни - церкви. Тогдашние московские краеведы собрали много воспоминаний очевидцев: *«Был не раз в Кремле и видел на гауптвахте, которая стояла тогда за Иваном Великим, устроенную французами кузницу: несколько человек на ней работали. Перед ними лежали груды крестов, риз, окладов с образов и разные вещи из драгоценных металлов. Их переливали в слитки или выжигали»*. Или: *«В Успенском соборе вместо паникадила висели весы, на которых вешали выплавленное золото и серебро из награбленных церковных и других сокровищ; на иконостасе написаны были цифры: 325 пуд серебра и 18 пуд золота. Тут стояли плавильные горны и были устроены стойла для лошадей»*.

Между прочим, Москва не была сдана совсем уж без боя, москвичи этот бой дать пытались. Московский краевед Кондратьев писал в 1910 г.: *«В 1812 году в день вступления французов в Москву, 2 сентября (ст.), передовой отряд их, бывший под начальством Неаполитанского короля Мюрата, подходя к Троицкому мосту, с удивлением заметил, что ворота заперты и стены вокруг них усеяны вооружёнными людьми, тогда как по словесному соглашению короля с генералом Милорадовичем военные действия прекращены на всё время выступления русских войск из столицы. Французы остановились, но в то же мгновение раздался залп из ружей, установленных против них. Тогда-то французы увидели, что имеют дело не с войсками, а с несчастными жителями, которые в ненависти к*

врагам хотели отразить Наполеонову армию от Кремля». Этот факт подтверждает и французский очевидец: *«Отряд французского авангарда, под командой генерала Себастиани, принадлежавший к корпусу короля неаполитанского, направился в Кремль. Проходя в ворота Кремля, выходящие к Никольской улице, генерал увидел около двухсот вооружённых граждан, которые собрались толпою в Кремле; он обратился к какому-то любопытному, находившемуся вместе с ним под воротами, и сказал ему: «Вы говорите по-французски. Подите и скажите этим людям, чтобы они положили оружия, - иначе я велю стрелять по ним». Любопытный, очень смутившись этим поручением (он очень мало знал по-русски), но побуждаемый чувством сострадания, которое его приглашали доказать на деле, отправился к русским с переговорами, чтобы предупредить слишком неравный бой. Несмотря на это, французы, всё подвигаясь вперёд, были встречены несколькими ружейными выстрелами, на которые они ответили двумя пушечными; но благодаря переговорщику, сражение остановилось на этом. Русские побросали ружья и мирно разошлись»*. Немудрено, что Москва категорически отказывалась ставить Кутузову памятник и как-то увековечивать память о нём иным путём.

Но давайте тему, можно или нельзя было русской армии дать бой французам под самой Москвой, оставим на потом, а сейчас рассмотрим, что произошло с командованием русских войск после того, как его возглавил Кутузов.

Грызня внутри армии

Когда-то мне, начальнику цеха, поссорившемуся с парторгом цеха, директор объяснил, что существует правило, по которому в таких случаях (если вышестоящее начальство вовремя не успело принять меры и ссора разрослась) выгоняют с работы обоих. Почему обоих, почему начальство не разберётся и не выгонит только виноватого? Потому что к такому моменту уже вся организация разделится на два лагеря сторонников поссорившихся, и эти сторонники начнут враждовать между собой.

Технически эта вражда заключалась в выдвижении на ключевые посты своих сторонников и дискредитации сторонников противной стороны. «На гражданке» дерущиеся стороны засыпают инстанции доносами, любые ошибки противной стороны выдают за преступления, противная сторона «подставляется», заслуги «своих» непомерно раздуваются. В армии точно так же, поскольку это следует из логики такой борьбы. И страшно то, что организация свои задачи отодвигает на второй план, а для её членов главным становится победа в этой междоусобной борьбе.

Если уволить только виновного и кого-то из поссорившихся начальников оставить, то получится, что один из лагерей победил. Сторонники победителя начнут «добивать» оставшихся сторонников уволенного, те будут сопротивляться, в результате ещё долгие годы вместо продуктивной работы в организации будут дрязги и дрязги.

Поэтому и выгоняют обоих и ставят новых руководителей, у которых нет сторонников и которые мирят всех тем, что одинаково ровно и требовательно относятся к обеим, ранее враждовавшим, сторонам. Вот такая примерно теория вопроса.

Обе Западные русские армии отводили в глубь России два равных по чину авторитета с диаметрально противоположным взглядом на то, как надо действовать: Барклай де Толли заманивал французов в глубь страны и уклонялся от так желаемого Наполеоном генерального сражения, а Багратион настаивал на том, чтобы такое сражение французам дать. Все 90 генералов армии и старшие офицеры волей-неволей разделились на два лагеря по этому вопросу. И это было принципиально.

Смотрите, предположим, сторонники Багратиона ввязывались в бой, рядом сторонник Барклая видел возможность, как помочь этот бой выиграть. Не будь разделения на сторонников отступления и боя, этот сторонник Барклая немедленно бы помог, но в данном случае, если он поможет и бой будет выигран, он со своим мнением, что нужно отступать, окажется трусом: почему же ты отступал раньше, если можно было победить? Люди таковы, что найдут способ не помочь, лишь бы их правота восторжествовала. Вражда авторитетов армии по взглядам на ход кампании, отсутствие единого взгляда на цель кампании лишали армию единства как такового.

Ермолов вспоминал о причине недостаточного успеха в бою под Гуттштадтом в 1807 г.: *«Причиною, что диспозиция не выполнена, был генерал-майор Сакен. Он не пришёл в назначенное время, отговариваясь далёким обходом и будто бы ожидал повелений. Но общий был слух, что, имея неудовольствие на главнокомандующего, он нарочно сделал, чтобы лишить его успеха в предприятии. Многие чрезвычайно негодовали, что упущен благоприятнейший случай уничтожить целый неприятельский корпус»*. В разгар боя Сакен остановил свои колонны «на отдых», и только через два часа, узнав об этом, Беннигсен погнал Сакена вперёд, но было поздно - французы прорвались. То есть такие «подставы» в армии были не редкостью.

В 1812 г. одновременно и Багратиона, и Барклая менять не было необходимости, поскольку командование армии реорганизовалось - приезжали главнокомандующий Кутузов и назначенный к нему начальником штаба Беннигсен. Мог Кутузов примирить стороны и пресечь все распри? Мог! Мог даже не Кутузов, а просто любой генерал, даже в малых чинах и малоизвестный, назначенный на этот пост. Но этот генерал должен был обладать определённым свойством.

Это исключительная самоотверженность - отказ от всего личного (славы, денег, почёта) и полная самоотдача в служении цели, стоящей перед армией. (Цель армии на тот момент была в уничтожении наполеоновских захватчиков.) В своей самоотверженности обмануть подчинённых невозможно - никакая хитрость и никакая красивая болтовня не помогут, самоотверженным надо быть. И когда ты такой, то автоматически будешь делать то, что заставит любых подчинённых

подчиниться тебе беспрекословно, безусловно и с радостью.

Во-первых, ты всегда будешь подчинённых выслушивать, как их предложения по твоему решению - по тому, что тебе делать, так и критику своего решения. Почему? Любое решение несёт в себе риск: на вид прекрасное может оказаться гибельным, на вид глупое может оказаться победным. Подчинённые понимают, что это твоя обязанность - взять риск за принятое решение на себя, но ты их выслушал, и хотя и принял не то решение, что они предлагали, но это твои права и, повторяю, твоя обязанность. А ты понимаешь их - они своими советами хотят, чтобы получилось как лучше, и с искренней благодарностью будешь эти советы принимать и обдумывать. И если предложение дельное, то легко откажешься от своего и примешь их решение. Но, повторю, принятие на себя риска за неудачный бой - это ОБЯЗАННОСТЬ полководца.

Вот посмотрите, сколько презрения к Кутузову в несколько витиеватых словах Беннигсена, сказанных на совете в Филях: *«Если бы не подвергался сомнению предлагаемый суждению предмет, не было бы нужды сзывать совет, а ещё менее надобно было бы его мнение»*. Думаю, это мало кто понимал и понимает до сих пор - Кутузов публично отказался от своей обязанности принимать риск своего полководческого решения на себя, публично переложил его на подчинённых. И этим в глазах настоящего полководца опустил себя «ниже плинтуса». Да, Кутузов имел право собрать этих генералов и задать тот вопрос, который задал, это было бы обычное и понятное Беннигсену совещание. Но закончить его Кутузов обязан был словами: «Я всех выслушал, и Я принимаю решение вот такое!» Не они голосованием, а он ОДИН, и не решение большинства, а то решение, которое ОН и только ОН, полководец, считает правильным! И вообще молчать об этом совещании!

Ведь, объявив о совете, Кутузов храбрейших генералов Барклая де Толли, Дохтурова, Уварова, Остермана и Раевского, неважно, из каких соображений, но высказавших своё мнение по его же просьбе, превратил в трусов, не желающих защищать Москву, и из-за которых он, Кутузов, великий полководец, вынужден Москву оставить.

И второе, что автоматически начал бы делать самоотверженный командующий, это всячески поднимать авторитет всех своих подчинённых. Человек, который имеет обязанность совершить дело с помощью организации и добросовестно старается эту обязанность исполнить, сразу начинает понимать, что исполняют его дело его непосредственные подчинённые, а хорошо они его могут исполнить только тогда, когда твоим непосредственным подчинённым безусловно верят их подчинённые. Самоотверженный начальник никогда не будет компрометировать своих непосредственных подчинённых (да и любых других). Даже если он их снимает с должности за неспособность исполнять обязанности. Он не будет участвовать ни в каких интригах, ни по подрыву чьего-либо авторитета, ни по утверждению собственного, у него не будет любимчиков, у него будет только один критерий оценки

подчинённых - деловой.

Кутузов был прямой противоположностью того идеального начальника, которого я описал. Непомерное желание славы при осознании отсутствия прав на эту славу. Сознание того, что он не способен победить Наполеона, при непомерном желании быть главнокомандующим русских войск. И уверенность, что всего желаемого он может добиться своей хитростью, обманом.

Кутузову приписывают фразу, в подлинность которой можно поверить: *«Я не о том думаю, как бы разбить Наполеона, а о том, как его обмануть»*. Сарказм истории в том, что как раз Наполеона ему ни разу не удалось обмануть, Кутузов обманывал только своих, обманывал всех - от Царя до своих подчинённых. Суворов, знавший Кутузова и видевший в нём человека очень хитрого, говорил: *«Его и Рибас не обманет»*, - имея в виду испанца де Рибаса, бывшего во времена Суворова на русской службе и имевшего репутацию человека хитрого и изворотливого.

Кутузов ехал принимать армию не для победы над Наполеоном, а для победы над остальными полководцами армии в деле прославления себя, любимого. Естественно, что для этого ему надо было обзавестись преданными себе людьми и скомпрометировать остальных полководцев - Багратиона, Барклая де Толли и навязанного ему царём Беннигсена. Причём начал Кутузов этим заниматься ещё на подъезде к армии.

Барклай де Толли, недовольный нераспорядительностью атамана Платова и квартирмейстера Толя, уволил их из армии и отправил в тыл. Кутузов по дороге из Москвы привёз их обратно, вернув Платову его должность командующего казаками, а Толь быстро сделался его доверенным лицом и любимцем. Это был плевок в лицо Барклая де Толли. Причём Платов стал как бы человеком Кутузова, но, как только речь зашла о репутации самого Кутузова, он немедленно сдал «своего человека». Обозначая удар во фланг Наполеону в Бородинской битве, Кутузов, как вы помните, послал 1-й кавалерийский корпус Уварова и казаков Платова на готовых к отражению этого наскока французов. Заведомо бессмысленная операция закончилась потерями своих войск, брать на себя ответственность за этот глупый рейд Кутузов не собирался и свалил всё на кавалеристов. Но если он в своём рапорте царю Уварова хоть как-то защищает, то на Платова бессовестно валит всю вину за неудачу: *«Говоря о 1-м кавалерийском корпусе, я имею долг присовокупить вашему императорскому величеству, что генерал-лейтенант Уваров по усердию своему к службе его величества, сколько ни желал в сражении 26 августа при Бородино что-либо важное предпринять с порученным ему корпусом, но не мог совершить того, как бы ему желалось, потому что казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих не можно ему было приступить к делу, в сей день, так сказать, не действовали»*. В результате атаман Платов ни за Бородинскую битву, ни вообще за всю войну 1812 года не получил ни единой награды, а остальные четыре казачьих генерала не были награждены за Бородино.

Армия начала делиться. Власть Кутузова, дававшая ему право награждать и давать царю характеристики на генералов, волей-неволей заставляла генералов выслуживаться перед Кутузовым. Вы видели, как на совете в Филях Остерман-Толстой, которого никто за язык не тянул, полез компрометировать Беннигсена глупейшим вопросом только потому, что мнение Беннигсена расходилось с мнением Кутузова. Причём Кутузов занялся компрометацией своих конкурентов сразу же по прибытии в армию, ещё до Бородино.

Установился вопиющий бардак в штабах, и этот бардак продолжался весь период командования Кутузова. Ермолов пишет: *«С прибытием к армиям князя Кутузова известны мне были неприятности, делаемые им Барклаю де Томи, который негодовал на беспорядок в делах, принявших необыкновенный ход. Сначала приказания князя отдавались начальникам главного штаба, мне и генерал-адъютанту графу Сен-При, чрез полковника Кайсарова, исправляющего при нём должность дежурного, чрез многих других, и даже чрез капитана Скобелева, нередко одни другим противоречащие, из которых происходили недоразумения, запутанности и неприятные объяснения. Случалось иногда, что приказания доставлялись непосредственно к корпусным и частным начальникам, которые, приступая к исполнению, извещали для доклада главнокомандующим, когда войска выступали из лагеря или возвращались. Приказания объявляемы были также генерал-квартирмейстером 2-й армии Толем, гвардии полковником князем Кудашевым»*. (Князь Кудашев был зятем Кутузова.)

Надо понять, что творил Кутузов. Его прямыми подчинёнными были Багратион и Барклай де Толли, и все приказы Кутузов обязан был направлять им, а уж они давали бы свои приказы своим подчинённым. Кутузов же, раздувая междоусобицу, игнорировал Багратиона и Барклая де Толли, посылая через своих любимцев приказания непосредственно подчинённым командующих армиями.

Один из тогдашних работников штаба Кутузова, следовательно, прямой подчинённый Беннигсена Н. Дурново, записал в дневнике: *«Наш главный штаб также в открытой войне с главным штабом фельдмаршала. Можно ли надеяться победить неприятеля, пока происходит междоусобная война?»*

После оставления Москвы

Вообще, когда читаешь подробности командования «выдающегося полководца», остаётся чувство какой-то мелочной подлости. Вот пример.

Оставляя Москву, армия Кутузова прошла её с запада, а вышла на востоке - на Владимир. Барклай де Толли полагал такое направление более правильным и сосредоточение русских сил в районе Владимира более удобным, поскольку оно позволяло сохранять свободное сообщение с Петербургом. Затем несколько изменили направление - на Рязань.

Однако в связи с тем, что Москва была сожжена и Наполеон был не в

состоянии в ней долго сидеть, Беннигсен задумался над вопросом: что Наполеон будет делать? И пришёл к выводу, что Наполеон уйдёт из России. Но как? Дорога, по которой он пришёл, была разорена, следовательно, Наполеон выберет другую дорогу для отхода - ту, на которой сможет прокормить свою орду. То есть Наполеон будет возвращаться южнее, и если он выйдет на Калугу, то может вполне благополучно вернуться из России вместе с награбленным. Отсюда следовало, что для обессиливания Наполеона необходимо заставить его вернуться той дорогой, по которой он пришёл, а для этого нужно не допустить его выход из Москвы на юго-запад. А для этого, в свою очередь, нужно переместить армию в район дороги на Калугу.

Но для этого нужно было вернуться назад, пройдя вокруг Москвы, в которой уже были французы. Наполеон легко мог ударом из Москвы перехватить войска и ударом во фланг разгромить русскую армию. Однако, рассуждал Беннигсен, Москва не сдалась, условий сдачи не оговорила, и по законам войны французы имеют право грабить её три дня. Следовательно, они этим и займутся, а Наполеон просто не сможет отвлечь армию от грабежа, и получается, что этот маневр может быть удачным. План Беннигсена был принят, но это был план Беннигсена, а не Кутузова. И сначала Кутузов делает то, что непонятно было Ермолову: *«Смелое и решительное фланговое сие движение, по близости неприятеля небезопасное, совершено беспрепятственно, и армия в самое ненастное время, гнусными просёлочными дорогами была у города Подольска. Здесь без всякой надобности князь Кутузов пробыл двое суток, не переходя на Калужскую дорогу не от того, что уверен он не был, что неприятель не может предупредить его»*. Тогда отчего? Ермолов об этом промолчал. Не оттого ли, что Кутузов ждал, чтобы Наполеон ударом из Москвы сорвал план Беннигсена?

Не получилось, пришлось Кутузову выйти к Тарутино без противодействия со стороны Наполеона. И вот тогда Кутузов стал уверять всех, что этот блестящий план придумал полковник Толь. Кто угодно, но не Беннигсен!

Ну вот как объяснить то, что сам Кутузов приписывал эту идею Толю?

Беннигсен упорно искал способы нанести вред Наполеону, а Кутузов - уклониться от всякого столкновения с врагом: *«По совершении армиею флангового движения, когда прибыла она в город Подольск, генерал барон Беннигсен предполагал расположиться у г. Боровска или в укреплённом при Малоярославце лагере. Нет сомнения, что сие беспокоило бы неприятеля и нам доставало выгоды, особенно когда его кавалерия истощалась от недостатка фуража, когда умножившиеся партизаны наши наносили ей вред и истребление. Невзирая на это, кажется не совсем бесполезно было уклониться от сего предложения, ибо неприятель пребывание наше у Тарутина сносил терпеливее, нежели у Малоярославца или паче у Боровска»*. Чтобы Беннигсен не надоедал, Кутузов принял меры: *«После производства князя Кутузова генерал-фельдмаршалом за Бородинское сражение нашёл он нужным иметь при*

себе дежурного генерала с намерением, как угадывать легко, не допускать близкого участия в делах (по новому положению о действующих армиях) генерала барона Беннигсена, к которому отношения его были очень неприязненны, но звание, последним носимое, необходимо к нему приближало».

Однако первым не выдержал не Беннигсен, а Барклай де Толли: *«22-го числа сентября военный министр генерал Барклай де Толли оставил армию и чрез Калугу отправился далее. Не стало терпения его: видел с досадою продолжающиеся беспорядки, негодовал за недоверчивое к нему расположение, невнимательность к его представлениям»*. К этому сообщению Ермолов сделал примечание: *«Имевши много случаев узнать твёрдый характер его и чрезвычайное терпение, я с удивлением увидел слёзы на глазах его, которые он скрыть старался. Сильны должны быть огорчения!»* Ещё бы, Барклай столько делал для Отечества и вынужден был покинуть армию из-за Кутузова!

А упорный немец Беннигсен продолжал жаждать боя с Наполеоном. И тут к укреплённому лагерю под Тарутино, в котором находилась русская армия, подошёл авангард Наполеона под командованием маршала Мюрата. Не в силах сам что-либо предпринять против всей русской армии, Мюрат сам укрепился невдалеке. *«По сведениям, доставленным партизанами, видно было, что неприятельский авангард, состоящий в команде неаполитанского короля Мюрата, до самой Москвы не имел никаких войск в подкрепление и потому не мог вовремя иметь помощи»*, - сообщает Ермолов. С фронта и с правого фланга позиции Мюрата ограждали речки, но слева был только достаточно проходимый лес, и этот лес позволял незаметно зайти Мюрату в тыл. Беннигсен провёл тщательную разведку расположения французов, разработал план и тщательно подготовил операцию (даже задержав её на сутки), а поскольку предполагалось напасть на сонных французов, то выдвижение всех участвовавших войск должно было проходить строго по времени.

Хотя для этого боя выделили наряд войск армии в 36 тыс. человек, Кутузов отказался командовать боем, остался в тылу, и войска в атаку повёл сам Беннигсен. Для того, кто знает, как ведут себя трусливые бюрократы, мотив поведения Кутузова как на ладони: если будет одержана победа, то Кутузов будет героем, одержавшим её, - ведь под его чутким руководством она одержана, если же будет неудача, то виноват будет Беннигсен - он же непосредственно командовал.

С фронта по левому флангу французов должны были ударить два пехотных корпуса - Дохтурова и Милорадовича - с большим количеством кавалерии в резерве. Операция начиналась ночью, под её покровом и скрытно, прикрываясь лесом на левом фланге Мюрата, глубоко в тыл французам должны были выйти кавалерийский корпус с казаками впереди, а за ними два пехотных корпуса - впереди корпус Багговута, а за ним корпус Остермана-Толстого. Эти корпуса, выйдя параллельно рубежу атаки, должны были повернуть налево, пройти через прикрывавший их от французов лес и одновременно со всеми ударить по лагерю французов.

На рассвете казаки вышли к намеченному рубежу атаки и не могли ждать: если бы французы проснулись, атака казаков на выстроившуюся пехоту была бы бессмысленной. И казаки ударили по тылу французов точно по плану. Начали атаку и войска Дохтурова и Милорадовича, справа прошёл сквозь лес и атаковал французов Багговут, но практически сразу же был убит.

Интриги Кутузова против Беннигсена властвуют, судя по всему, в умах всех историков. Вот и историк, написавший статью в Википедию, сообщает, что в бою под Тарутином не удалось полностью разгромить Мюрата потому, что *«Беннигсен, не склонный к импровизациям на поле боя, не решился действовать частью сил, отдал приказ отойти»*. Но кому Беннигсен дал приказ отойти, историк не сообщает, зато ниже тут же пишет, что из глубокого тыла *«...Кутузов приказал остановить войска Милорадовича, хотя французы отступали и можно ещё было отрезать отдельные части»*. Причём Кутузов дал этот приказ якобы *«вследствие неудачи обходных колонн»*. А что это за неудачи были? Неудачи казаков? Но Ермолов, участник этого боя, сообщает: *«Казаки с храбрым полковником Сысоевым бросились на пушки и взяли несколько орудий»*. Да, был убит Багговут, но его корпус атаковал и сражался. Остаётся ещё один корпус из состава обходных колонн, любимца Кутузова Остермана-Толстого. О нём Ермолов пишет: *«IV-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана, по недостатку распорядительности с его стороны, не прибыл вовремя к своему назначению и в деле почти не участвовал»*. Багговут, которому идти было дальше, успел, а Остерман-Толстой не успел! Не хотел Остерман победы конкурента Кутузова! Это я подчёркиваю, чтобы показать, как бывает, когда в организации идут дрязги в высшем руководстве и организация делится на враждующие лагеря.

Ещё Ермолов пишет, что находившееся в резерве Кутузова *«огромное количество кавалерии нашей близко к центру и на левом крыле казалось более собранным для парада, красуясь стройностию более, нежели быстротою движения. Можно было не допустить неприятеля соединить рассеянную по частям его пехоту, обойти и стать на пути его отступлению, ибо между лагерем его и лесом было немалое пространство. Неприятелю дано время собрать войска, свезти с разных сторон артиллерию, дойти беспрепятственно до лесу и пролегающею чрез него дорогою отступить чрез селение Вороново»*.

Так при чем тут Беннигсен? Находившийся рядом с ним Н. Дурново записал в дневнике за эти дни: *«Лишь только наши войска выдвинулись вперёд, как мы увидели на нашем правом фланге Орлова-Денисова с его казаками. Они спустились с холма и ударили неприятеля во фланг. На нашем правом фланге и в центре победа была уже обеспечена. Иначе обстояло дело на левом фланге. Две французские колонны ударили нам во фланг. Генерал Беннигсен с большим трудом добрался туда. Французы имели стрелков в лесу, и их артиллерия обстреливала дорогу, по которой мы шли. Однако Беннигсен решился. Он получил сильную контузию в правую ногу ядром, которое убило лошадь аудитора Бестужева и вырвало ему кусок мяса из правой ноги. Вообще ядра свистели вокруг*

нас. ...Несмотря на контузию, Беннигсен прибыл на наш левый фланг и выдвинул вперёд корпус графа Остермана, который находился на опушке леса. Он вынудил неприятеля отступить. С этого момента победа стала полной. Неприятель был разбит, и его преследовали по всем пунктам.

...Утром мы отправились к генералу Беннигсену. Он был в постели и сильно страдал от ран».

Подсчитали трофеи. По данным Ермолова, *«неприятель потерял 22 орудия, до 2000 пленных, весь обоз и экипажи Мюрата, короля неаполитанского»*. (Это при том, что до момента, когда Кутузов приказал прекратить бой, в нём из всей армии успело принять участие всего 5 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии.)

И вот тут Кутузов, конечно, не оплошал. Ермолов сообщает: *«...из слов его легко мог понять, в каком смысле готовился он сделать донесение государю. На другой день, не дожидая рапорта генерала Беннигсена, который по начертанному им плану предводил войска, назначенные к атаке, и начал сражение, не сказавши ему ничего, отправил донесение. С сего времени неприязнь между ними усилилась»*. Разумеется, Кутузов стал победителем при Тарутино и получил за этот бой шпагу с алмазами. Хотя, отдадим должное Александру I, царь и Беннигсена в конце концов наградил «Алмазными знаками» к ордену Святого Андрея Первозванного.

После победы под Тарутино Н. Дурново сделал в дневнике запись: *«Неприятель оставил нас в покое. Он полагает, что мы имеем какой-либо замысел, тогда как фельдмаршал просто боится сделать малейшее движение: он сидит в Тарутино, как медведь в берлоге, и не хочет оттуда выйти»*.

Между тем бардак в штабе, переполненном клевретами Кутузова, усиливался. Старый знакомый Кутузова, храбрый генерал Коновницын, был назначен дежурным генералом, на этой должности Коновницын начал валить всю свою работу на Ермолова. Тот дважды подаёт рапорт с просьбой перевода его в армию, Кутузов отказывает, Ермолов сетует: *«...итак, остался я принадлежать главной квартире, свидетелем чванства разных лиц, возникающей знатности, интриг, пронырства и происков»*.

Может, тут Ермолов в чём-то и врёт, поскольку, всё же отказываясь принимать решение по бумагам, по которым решение должен был принимать дежурный генерал Коновницын, он сам участвовал в штабных дрязгах. Но то, что в штабе Кутузова был полный бардак, хорошо видно из таких событий.

Бог знает для чего при армии влачившийся

Война шла на территории России, в распоряжении Кутузова уже было полно кавалерии и казаков, недалеко действовали партизаны Дорохова, Сеславина и Фигнера. Казалось бы, какие были трудности для разведки? В чем была трудность знать каждый шаг Наполеона?

Немного географии. От Москвы на Калугу были две дороги - старая и

новая. Тарутинский лагерь с русской армией находился на старой дороге, а новая дорога на этой параллели отстояла от лагеря примерно на 30 км западнее, а примерно в 20 км далее к югу (уже в тылу русской армии в Тарутино) соединялась со старой дорогой. Новая дорога проходила через село Фоминское (ныне Наро-Фоминск), городки Боровск и Малоярославец (в нём в те годы жило 1,5 тыс. жителей). Причём Малоярославец был по параллелям уже в 10 км южнее Тарутинского лагеря. То есть если бы Наполеон взял Малоярославец, то он уже обошёл бы Кутузова и вышел на прямую дорогу на Калугу. Малоярославец стоял на реке Луже, на очень удобном рубеже, чтобы здесь остановить Наполеона, поскольку далее за Малоярославцем и до беззащитной Калуги никаких приличных рек не было - путь был, повторяю, прямым.

И вот Кутузов принимает решение провести частную операцию против небольших сил, отдалившихся от Москвы французов в районе села Фоминское, и посылает для её исполнения пехотный корпус Дохтурова. Впереди корпуса действуют партизаны, Ермолову приказано находиться при этом корпусе. К ночи подошли к самому Фоминскому, остановились заночевать, не разжигая костров, чтобы французы не заметили, и вдруг:

> «Давно прошла полночь и сближалось время двинуть войска. Не было известия от партизанов, которые должны были отыскать меня. Вскоре услышан топот лошадей по грязной равнине. На оклик часового отозвался Сеславин. Совсем неожиданны были доставленные им известия, изменившие план всех вообще действий нашей армии.
>
> В четырёх верстах, не доходя села Фоминского, укрывшись в лесу близ дороги, Сеславин видел Наполеона с огромною его свитою, за ним его гвардию и другие многочисленные войска. Пропустивши их, схватил несколько пленных и расторопнейшего из них, гвардейского унтер-офицера, привёз с собою, который показал следующее: «Уже четыре дня, как мы оставили Москву. Маршал Мортье с его отрядом, по взорвании кремлёвских стен, присоединился к армии. Тяжёлая артиллерия, кавалерия, потерявшая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием корпуса польских войск в команде генерала князя Понятовского. Завтра главная квартира императора в городе Боровске. Далее направление на Малоярославец».

Четыре дня, как французы покинули Москву, а в штабе Кутузова об этом ни слуху ни духу! Чёрт возьми, а где разведка русской армии?! Ещё немного, и повторилось бы сражение при Аустерлице, когда Кутузов давал приказы войскам, не имея понятия, ни где французы, ни что они делают. Такое впечатление, что Кутузов до своей смерти так и не понял, зачем в армии существует разведка и как она должна действовать.

Узнав, что Наполеон движется на Калугу по новой дороге, а они чуть не попали волку в пасть, Дохтуров и Ермолов, отдадим должное, послав гонца к Кутузову, повернули корпус не назад, в Тарутино, а сразу на Малоярославец, чтобы попытаться задержать Наполеона на этом последнем оставшемся приличном рубеже обороны.

Положение спасли жители города Малоярославца во главе с гражданской администрацией, возглавляемой градоначальником, который имел разведку получше, чем у Кутузова. Поняв, что французы пройдут через город, по команде городничего жители города вначале разобрали мост через реку Лужу, а когда французы начали наводить понтонную переправу, то взорвали плотину, и хлынувшая вода смыла понтоны, после чего жители бросили свои дома и покинули город.

Это задержало французов, и Ермолов, используя подходившие полки корпуса Дохтурова, начал бои за город, не давая переправляться большим силам французов. Ермолов запросил помощи, был прислан корпус Раевского, но этого было мало, поскольку вся армия Наполеона подошла к Малоярославцу. Ермолов просит Кутузова привести всю армию:

«Испросивши позволение генерала Дохтурова, я поручил генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову от имени моего донести фельдмаршалу во всей подробности о положении дел наших и о необходимости ускорить движение армии, или город впадёт во власть неприятеля. Армия стояла на реке Протее у села Спасского. Неприятным могло казаться объяснение моё фельдмаршалу, когда свидетелями были многие из генералов. Он отправил обратно графа Орлова-Денисова без всякого приказания. Не с большою благосклонностью принят был вторично посланный от меня (также многие из генералов находились при фельдмаршале), и с настойчивостию объяснённая потребность в скорейшем присутствии армии могла иметь вид некоторого замечания или упрёка. Он с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланнику, что тот достал из кармана платок, и замечено, что лицо его имело более в том надобности». Интересный штришок к портрету полководца, окружённого некими генералами, о котором и которых поговорим в конце.

В итоге Кутузов всё же подводит всю армию к Малоярославцу. Но к этому моменту французский авангард в 24 тыс. пехоты и артиллерии выбивает 12 тыс. русской пехоты, и французы захватывают город. В результате:

«Призвавши меня, князь Кутузов сказал о намерении его отойти с армиею по направлению на Калугу. Стараясь убедить его остаться в позиции если не на весь день, по крайней мере на несколько часов, я должен был войти в подробности и говорил, что с самого начала дня не умножена артиллерия на опушке города, ничто не обнаруживает приуготовлений к действиям наступательным. Не от Наполеона можно ожидать безрассудной решительности атаковать нашу армию в её выгодной позиции, имея в виду город, в малом числе тесные улицы, повсюду неудобные к речке спуски, пагубные в случае отступления, мосты под нашими выстрелами. Армия наша превосходила в силах, особенно после отправления на Можайск польской армии и тяжёлой артиллерии. Кавалерия наша свежая и в хорошем состоянии; у неприятеля большой в ней недостаток. Можно было подозревать, что город занят одним авангардом, ибо главные массы обозрены были за речкою Лужею». Однако никакие доводы не помогли: *«Со всем тем армия на один переход отошла по Калужской дороге, где уже находился Кутузов 14-го числа октября при самом начале дня»*.

А.Н. Дурново сделал в дневнике очередную запись: *«Со стороны Малоярославца была слышна канонада. Это заставило генерала Беннигсена вскочить на лошадь и отправиться на место сражения. ...У генерала Беннигсена, находившегося в окрестностях города, была ранена*

лошадь. Его адъютант поручик Корсаков получил пулю в правое плечо. У Панкратьева и Клетте были ранены лошади. В мою шинель попали две пули. Ночь положила конец сражению».

И Наполеон сам не выдержал потерь под Малоярославцем и отошёл, отказавшись от плана отступать из России по неразграбленным районам, и начал бегство по опустошённой Смоленской дороге.

Это была последняя геройская битва полководца Кутузова, о которой ему слали донесения в ходе боя, а не после него.

Характерна и манера командования Кутузова. Он и в Бородинской битве не видел поля боя, и во всех последовавших сражениях командовал из глубокого тыла. Но в таком случае генералы с поля боя обязаны были посылать ему письменные рапорты, а они подшивались в дело и хранились, следовательно, из этих рапортов можно было бы узреть и то, как Кутузов командовал, то есть рапорты, как официальные документы, могли бы его скомпрометировать. И вот что Кутузов требовал от Ермолова и, полагаю, от остальных: *«Отправляйся теперь же к Милорадовичу, объяви на то моё повеление. Мне обо всем давай знать подробно. Впредь до особенного приказания оставайся у Милорадовича! Ты знаешь, голубчик, что в рапорте не всё можно писать, и потому уведомляй меня просто записками!»* Записка - не рапорт, к делу не подшивается, её можно при желании порвать или сжечь.

До чего предусмотрительным полководцем был Кутузов!

И вот в такой манере Кутузов и командовал армией - давал в обозе обеды, а войска, посланные вдогонку за Наполеоном, действовали по своему разумению, не имея никаких общих организующих начал, присущих армии, возглавляемой настоящим полководцем.

1 ноября А.Н. Дурново сделал запись: *«Армия провела весь день в Лабково, чтобы передохнуть, поскольку люди очень устали. Мне кажется, что фельдмаршал нуждается в отдыхе и императору следовало бы уволить его в отпуск. Всё идёт хорошо. Платов взял 25 пушек и 800 пленных, а Витгенштейн - шесть тысяч. Мы одни остаёмся в полном бездействии. Это невыносимо. Беннигсен возмущён ленью Кутузова»*.

Тут заложен принципиальный вопрос, который я попробую пояснить аналогией. Вот вы наняли охрану, а в дом полезли бандиты. А ваша охрана сбежала, нагло заявляя, что её цель - сохранить саму себя, поскольку если будет охрана, то будет и что охранять, а охраны не будет, то и охранять будет нечего.

Почему наёмник Беннигсен возмущался? Если его, честного охранника, наняли охранять дом, то он обязан драться с грабителями, иначе он подонок, а не охранник. У Кутузова, как видите, был иной взгляд на этот вопрос.

Помните презрительную реплику партизана Давыдова, не имевшего сил перехватить гвардию Наполеона: *«Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, бог знает для чего при армии*

влачившаяся...»

Глава 3. Брать на себя!

Непреодолимый ратоборец

Возникает вопрос - как Александр I, не любивший и не доверявший Кутузову, мог назначить его на эту должность и терпеть? На это существует ответ самого царя, он писал сестре, что *«противился»* назначению Кутузова, но вынужден был уступить напору общественного мнения и *«остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас»*.

А что это был за общий глас? Явно это был не крестьянский голос, опроса общественного мнения тогда вообще не существовало. Так к кому вынужден был прислушиваться царь? Ответ один: к окружавшему его высшему дворянству. А где были представители этого дворянства во время войны, чтобы судить об искусстве того или иного полководца?

Вот маленький штришок из воспоминаний Ермолова. Он вместе с Беннигсеном прискакал к Кутузову, расположившемуся в городе Ельне, чтобы доложить, что Наполеон ушёл из Смоленска. *«Выслушавши доклад мой, он предложил генералу Беннигсену завтракать с собою и, положивши на тарелку котлету; с обыкновенною приветливостию подал мне её и вместе рюмку вина. С ними отправился я к окошку, ибо по тесноте негде было посадить меня»*. Оцените ситуацию: в столовой наверняка лучшего дома в Ельне не нашлось места для начальника штаба 1-й армии. Кто же там сидел, что Кутузов не соблаговолил согнать их, чтобы дать позавтракать вернувшимся с фронта четвёртому в действующих войсках (по занимаемой должности) генералу?

Там сидел «общий глас» - толпа сановной знати, в званиях генералов, - тащившийся за армией с целью получения орденов и обозначения своего участия в войне. И называлась эта толпа «свитой Главнокомандующего». Пошлёт Кутузов такого свитского генерала раз в месяц: «Езжайте, голубчик, к Дохтурову, скажите, чтобы тот не медлил!» Вернётся этот герой из войск - Кутузов представляет его царю к ордену. И этот «общий глас», бесстрашно воюющий в штабе Кутузова до обеда с голодом, а после обеда со сном, в благодарность за такую службу писал в Петербург и своей многочисленной и сановной родне по всей России о том, какой выдающийся полководец князь Кутузов! И вся эта сановная толпа создавала Кутузову такую рекламу, которой не в силах был противостоять и царь.

Царь вращался и общался с людьми своего двора - с «высшим светом». А этот высший свет состоял не просто из дворян, он состоял из родовитых дворян - многочисленных потомков русских князей и бояр, предки которых когда-то в древние времена отличались на службе древним князьям. К описываемым событиям эти родовитые потомки были чистыми паразитами, лень и отсутствие способностей практически не поставляли из их среды выдающихся людей России (таковые были, но в

процентах от всей родовитой знати их было мизерное количество). Монархия, основанная на родовитости самого монарха, да, могла приближать и возвышать любого человека, но монархия не могла себя окружать ими - двор монарха обязан был состоять из знати. И эта знать, не имея никаких способностей, получала чины, оправдать которые на поле боя не могла.

(Вот, казалось бы, к концу династии Романовых в армии уже был демократизм, тем не менее родовитая знать, по статистике и на 1904 г., продвигалась по службе (мирного времени), на три года опережая обычных дворян. Продвигалась благодаря протекции свой родни, окружавшей престол.)

В романе Л. Толстого описывается, с каким восторгом московская знать принимала Багратиона, в то же время Толстому (и московской знати) был абсолютно безразличен Барклай де Толли. А ведь они с Багратионом как бы равны: оба сыновья бедных дворян-иностранцев, принявших русское подданство, оба одинаково отличались в войнах, мало этого, царь скептически относился к Багратиону, полностью доверяя Барклаю.

Русская знать не любила немцев? А как она могла их не любить? Скажем, род Толстых гордился тем, что ведёт свою родословную от немца, поступившего на службу к Василию Тёмному. Этот немец был основателем рода не только Толстых, но и Дурново, и князей Васильчиковых. Да что Толстые! А сам царь? Императорский дом ещё имел название «Романовых», а династия Романовых к тому времени уже была Гольштейн-Готторп-Романовской. Но даже без этого немецкого добавления основатель династии Михаил Романов по женской линии был потомком Ивана Грозного, а по мужской - Андрея Кобылы, боярина московского князя Ивана Калиты. А этот Андрей Кобыла был выходцем из Пруссии.

Не в немцах дело, а в том, что князь Багратион был своим - он был потомком грузинских царей, он, даже нищий и без чинов, был бы своим в кругу московской знати - он сам был знатью, а Барклай де Толли был мелкопородным дворянином. Вот, к примеру, Кутузов приближает к себе Коновницына. Просто так? Нет, свой род Коновницыны ведут от того же Андрея Кобылы, что и Романовы. Коновницыны - это родственники царя. А зятья Кутузова? Двое из рода Хитрово - потомки Эду-хана, выехавшего из Золотой Орды и принявшего крещение. Ещё один зять - князь Кудашев, потомок татарского князя Кудаша, крестившегося и тоже ставшего боярином. Вопрос: а почему знать так легко брала дочерей Кутузова в жёны? Так ведь и сам Голенищев-Кутузов был представителем родовитой знати, ведя свой род от немецкого рыцаря, поступившего на службу в дружину ещё Александра Невского!

Вот вдумайтесь в эпизод, когда Кутузов плюётся в гонца от Ермолова. Чем этот поступок мог быть вызван? А представьте себе обстановку. Сидят светлейший князь, кушают в окружении такого же родовитого генералитета своей свиты. Приезжает какой-то там Орлов-Денисов, род

которого мало что из казаков, так и известен стал только в конце XVIII века. Приезжает этот казачишка с упрёком от Ермолова, какого-то мелкопородного дворянина. И этот казачок им, ведущим свои роды от бояр, окольничих и думских дьяков великих князей XIII века, говорит предерзостные слова! Как это терпеть?

Кроме того, как сбросить со счетов то, что эта знать убила отца Александра I? Тут хочешь - не хочешь, если ты не Пётр I, то трудно не прислушаться к «общему гласу».

И ещё об одном моменте. Родовитая знать была «общим гласом» для царя во всех вопросах. А ведь историки и литераторы того периода очень хотели получить от царя награду за свои труды. Ну и как они должны были описывать войну 1812 года и роль в ней Кутузова и Беннигсена, чтобы понравиться «общему гласу»?

Кстати, Кутузов 16 ноября 1812 г. всё же выпер Беннигсена из армии, однако в 1813 г. тот снова в строю. Он командовал Польской армией, разбил маршала Сен-Сира около Дрездена, принимал участие в Лейпцигской битве, за которую стал графом, затем войсками своей армии последовательно обложил и взял Торгау, Виттенберг, Магдебург и Гамбург. Награждён орденом Св. Георгия 1-й степени. Фактически был награждён всеми высшими военными наградами России, отпущен в отставку в 1818 г. в возрасте 73 лет, из которых прослужил России 45 лет.

Приходилось читать мнение, что Кутузов, дескать, великий дипломат и он специально дал уйти Наполеону из России, чтобы, дескать, в Европе было некое равновесие государств. На самом деле то, что Наполеону дали уйти из России, привело ещё к двум годам войны, причём в Европе. Следствием стало обесценивание рубля, поскольку серебра в России традиционно не хватало, а на содержание армии численностью в 175 тыс. человек нужна была звонкая монета в больших количествах. Но и это не главное, главное то, что в последовавшей войне 1813-1814 гг. потери русских войск оцениваются не менее чем в 60 тыс. человек. Кстати, в битве под Лейпцигом погиб и зять Кутузова князь Кудашев. А с точки зрения дипломатии... Если бы Наполеон был пленён в России, то Россия была бы единственным государством, которое определяло бы условия мира в Европе со всеми вытекающими из этих условий выгодами для России.

Кроме этого, да, армия Наполеона должна была зимой идти по разорённой Смоленской дороге. Но ведь армия Кутузова двигалась за армией Наполеона по этой же дороге. Клаузевиц в своём труде «1812 год» сообщает: *«Правда, русские генералы часто проявляли нерешительность в то самое мгновение, когда следовало захватить бегущих, но всё же заслуживает удивления энергия общего натиска при огромном масштабе фронта. В ноябре и декабре, после крайне тяжёлой, напряжённой кампании, среди снегов и льдов России, то по плохим просёлочным дорогам, то по совершенно опустошённой большой дороге, при крупнейших продовольственных затруднениях, преследовать бегущего неприятеля на расстоянии 120 миль в течение 50 дней*

представляет собой, пожалуй, нечто беспримерное; чтобы вкратце очертить огромный масштаб требовавшегося напряжения, достаточно будет указать на то, что главная русская армия, выступившая из Тарутина в числе 110 000 человек, дошла до Вильно в составе 40 000. Остальные 70 000 остались позади: умершие, раненые, больные или окончательно истощённые». Клаузевиц итожит: *«Такое напряжение делает великую честь князю Кутузову»*. Очень сомнительную честь, надо сказать. Тогда и Наполеону можно оказать великую честь за то, что не стал сражаться под Малоярославцем и по разорённой местности увёл остатки армии. Пред провозглашением великой чести полководцу Клаузевицу следовало бы рассмотреть вопрос о бое или серии боёв, в ходе которых армия Наполеона была бы пленена, и десятки тысяч жизней русских и французских солдат вместе с жизнями обывателей были бы сохранены.

Мои наблюдения за жизнью и чтение различных воспоминаний показывают, что чем бездарнее полководец, тем больше у него претензий на то, что он великий стратег. Между тем напомню, что стратегия - искусство выиграть войну - это задача не генерала, а руководителя государства. Задача генерала выиграть бой, сражение, битву. Кутузова восхваляют как стратега ещё и потому, что восхвалять его как полководца очень трудно. Но и восхвалять Кутузова как стратега очень сомнительно.

Повторю, что стратегией Барклая де Толли было заманить Наполеона поглубже в Россию, перерезать ему растянувшиеся коммуникации, разделить армию Наполеона на части и по частям уничтожить. Бредовые идеи - заманить Наполеона и выпустить его голодного - это более поздние выдумки пропагандистов.

Итак, согласно пропаганде, Кутузов как стратег заманил французов в Москву, а потом заставил их уйти по уже ими разорённой дороге назад и тем «выиграл» войну. Но если в Бородинской битве, организованной и проведённой Кутузовым вызывающе бездарно, Кутузов потерял треть армии, то в следовании за Наполеоном по разорённой дороге он потерял две трети армии.

И при таком подходе к полководцам апологетам Кутузова надо в первую очередь восхвалять Наполеона, который как бы сумел заманить дурака Кутузова идти по Смоленской дороге, которую Наполеон уже второй раз разорил, и тем он якобы сумел добиться того, чего не сумел добиться в Бородинской битве - уничтожил армию Кутузова почти полностью. И этим, скажем, спас Европу от русского нашествия и смог продержаться во главе Франции ещё два года, увеличив в продолжившейся войне потери русских ещё на 70 тысяч.

К чести Наполеона, он действительно был полководцем и сам озвучивать подобную чепуху не стал, оставив её российским «стратегам» да Клаузевицу.

Ну и закончу повествование о славном полководце Кутузове последней цитатой из Ермолова, касающейся окончания 1812 г., когда

французы уже ушли из России, а главная квартира Кутузова была в Вильно: *«Приехал государь, и в ознаменование признательности своей за великие услуги светлейшего князя Кутузова возложил на него орден Святого Георгия 1-го класса. Во множестве рассыпаны награды по его представлениям, не всегда беспристрастным, весьма часто без малейшего разбора. Вскоре составился двор и с ним неразлучные интриги; поле обширное, на котором известный хитростию Кутузов, всегда первенствующий, непреодолимый ратоборец!»*

Брать на себя!

Так можно ли было отстоять Москву в 1812 году?

Судя по настроению армии - солдат и офицеров, судя по настроению ядра генералов, только что выдержавших Бородинскую битву, отстоять можно было. Но с таким главнокомандующим, как Кутузов, этого делать не следовало. Ведь и главнокомандующий обязан вносить свою долю в победу - свой интеллект, свою волю. Кутузов этого не имел. К сожалению, не имел этого и царь.

Видимо, и Александра I навсегда перепугал Аустерлиц, и он начал бояться командовать войсками лично, всё надеясь найти кого-то, кто бы это сделал лучше его. Благо окружавшая его знать тоже не верила в полководческие способности царя и тоже надеялась на генералов. Александру I не хватало ни ума, ни мужества Петра I.

Я писал, что генералы поверили бы в своего начальника в случае, если бы он был исключительно самоотверженным. А кому ещё быть более самоотверженным, нежели понимающему свою миссию царю? Под Полтавой Пётр I воодушевлял войска: *«Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. Итак не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру вручённое... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия»*. Но, боясь Карла XII и того, как бы не повторился нарвский конфуз, вводит в боевое построение войск отряды, которые в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. получат название заградительных. Сзади боевой линии своих войск он выстраивает линию солдат и казаков и даёт им приказ: *«Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля»*.

Пётр на месте Александра сам бы возглавил войска при Бородино (а скорее - при Колочском монастыре), как это он сделал под Полтавой. И если бы Александр имел ум и волю Петра и возглавил 1-ю и 2-ю Западные армии, он своим авторитетом пресёк бы все интриги между генералами, в присутствии царя их поведение стало бы совсем другим. Больше всех заинтересованный в победе, царь бы выслушивал всех, ища рациональное зерно в любом совете своих генералов. Но для этого царю надо было быть не красочной куклой на коне, не декорацией к батальной картине, а действительно самому вникать во все подробности и нюансы предстоящей битвы.

(Кстати, как выглядит кукла царя в роли главнокомандующего, Россия увидела, скорее всего, даже не в Александре I, а в Первую мировую войну, когда перепуганная знать заставила «святого» Николая II стать главнокомандующим.)

И если бы при Бородино разгромить Наполеона не удалось, то у стен Москвы Александр I сам бы принял решение защищать первопрестольную или сжечь её.

Причём по своему положению царя, а цари исконно были военными вождями, Александр мог, к примеру, стать тем, кем был Гитлер. Ведь, пожалуй, даже Наполеон в военном деле не был столь революционным и не внёс для своего времени в военное дело так много революционных новшеств, нежели Гитлер. Деятельность Гитлера до войны и в ходе её - это, по сути, история его непрерывной борьбы с косностью немецких генералов. Даже они, по-своему самый выдающийся генералитет мира, не способны были сразу понять суть того, что Гитлер задумывал. По-настоящему его, возможно, понимал только Гудериан в области танковых войск и Геринг в области военно-воздушных сил.

Прослуживший с Гитлером всю войну фельдмаршал Кейтель откровенно написал, что и он не мог понять замыслов Гитлера и трижды просился на фронт, предлагая Гитлеру заменить себя, как Кейтель считал, более умным фельдмаршалом Манштейном.

После войны все немецкие генералы из тех, кто не попал под расправу Нюрнбергского трибунала, стали все свои ошибки и поражения валить на Гитлера, «самый умный» фельдмаршал Германии Манштейн в этом не был исключением. Тем не менее и он вынужден признать за Гитлером выдающиеся способности к анализу. *«Но, помимо этого, Гитлер обладал большими знаниями и удивительной памятью, а также творческой фантазией в области техники и всех проблем вооружения»*, - писал Э. Манштейн.

Кейтель, который знал, что после Нюрнбергского трибунала его казнят, и которому по этой причине нечего было терять, писал более откровенно, в том числе и о том, что именно у Гитлера было и чего не было у его генералов:

> «Я упоминаю об этом только для того, чтобы показать, как фюрер с его ни с чем не сравнимым даром предвидения вникал во все подробности практической реализации собственных идей и всегда смотрел в корень, когда что-либо предпринимал. Мне приходилось снова и снова констатировать это во всех областях моей служебной сферы. Таким образом, и высшие командиры, и мы, в ОКВ, были вынуждены пользоваться этим основательным методом работы. Фюрер без устали задавал вопросы, делал замечания и давал указания, стремясь ухватить самую суть, до тех пор, пока его неописуемая фантазия всё ещё видела какие-то пробелы. По всему этому можно представить себе, отчего мы зачастую целыми часами докладывали ему и обсуждали различные дела. Это являлось следствием его метода работы, который так сильно отличался от наших традиционных военных навыков, приучивших нас передавать решение о проведении в жизнь отданных приказов своим нижестоящим органам и штабам. Хотел я или нет, мне приходилось приспосабливаться к его системе».

То есть благодаря своим исключительным способностям к фантазии и воображению Гитлер мог представить в уме бой или военную операцию,

прокрутить тысячи вариантов их развития, выбрать лучший, притом такой, что его генералы впадали в истерику, настолько им идеи Гитлера казались глупыми, необычными, неожиданными, парадоксальными.

Кстати, историками почти единогласно утверждается, что победный план войны с Францией и её союзниками - план прорыва через Арденны на Абвилль - принадлежит Манштейну. Но на чем основано это утверждение, кроме согласия с ним самого Манштейна? На самом деле, как пишет Кейтель, эта идея с самого начала была планом Гитлера.

Немецкий Генштаб против этого плана встал на дыбы, но уже тогда, в октябре 1939 г., Гитлер сказал: *«Мы выиграем эту войну, даже если она стократно противоречит доктрине Генштаба»*. Почти во всех операциях Второй мировой военный гений Гитлера довлеет даже над неординарными способностями его генералов. Это он дал и настоял на приказе «Ни шагу назад» зимой 1941-1942 г. под Москвой. Безжалостно снимал с должностей тех генералов, кто пытался отступать. Кейтель пишет:

> «Но противоречило бы истине, если бы я не констатировал здесь со всей убеждённостью: катастрофы удалось избежать только благодаря силе воли, настойчивости и беспощадной твёрдости Гитлера. Если бы продуманный план поэтапного отступления в том виде, в каком его желала осуществить в своём узколобом, эгоистическом и диктуемом бедственной ситуацией ослеплении тяжело теснимая и страдающая от жутких холодов (этой причины апатии) группа армий «Центр», не был перечёркнут неумолимым, бескомпромиссным противодействием и железной энергией фюрера, германскую армию в 1941 г. неизбежно постигла бы судьба наполеоновской армии 1812 г. Это я как свидетель и участник событий тех страшных недель должен сказать совершенно определённо! Всё тяжёлое оружие, все танки и все моторизованные средства остались бы на поле боя. Сознавая возникшую таким образом собственную беззащитность, войска лишились бы также ручного оружия и, имея за своей спиной безжалостного преследователя, побежали бы».

И даже в последней своей операции, в которой военный гений Гитлера превзошёл интеллект набирающегося опыта Сталина, Гитлеру пришлось преодолевать нерешительность и панику среди своих генералов. В начале лета 1942 г. Гитлер, получив разведданные о готовящемся наступлении советских войск с Барвенковского выступа, разработал собственную контроперацию и «поймал» Сталина. Но удар Тимошенко под Харьковом был столь силён и угроза окружения самих немцев была так реальна, что запаниковали командовавшие войсками немецкие генералы. Кейтель пишет:

> «Весенняя операция (1942 г.) в районе Полтавы началась в последний момент, когда русские глубоко вклинились в линию фронта, что грозило прорывом слабым, всё ещё растянутым оборонительным линиям. Фельдмаршал Бок хотел ввести в бой предоставленные в его распоряжения для контрудара и частично ещё подбрасываемые силы там, где намечалась опасность прорыва противника в западном направлении. Фюрер же как главнокомандующий сухопутных войск считал, что контрнаступление следует предпринять на базе дуги вклинения, по хордовому направлению, чтобы таким образом отрезать противника, оказавшегося в мешке. Однако фон Бок боялся, что с этим манёвром не успеет. Тогда Гитлер вмешался сам и приказал действовать в соответствии с его планом. Он оказался прав: в стадии наибольшего кризиса битва превратилась для русских в решающее поражение с неожиданно большим числом военнопленных».

Заканчивая оценку Гитлера, хочу повторить, что он был величайшим полководцем истории, а то, что недоумковатые историки даже после войны продолжают представлять его в качестве полусумасшедшего

ефрейтора, является тягчайшим оскорблением памяти тех солдат, офицеров и генералов армий союзников, которые пали в боях с немецкими армиями, ведомыми Гитлером. Это является оскорблением тех, кто фашистскую Германию всё же победил.

Между прочим, Наполеон в своё время принёс не меньше, чем Гитлер, страданий всем народам Европы. Тем не менее у Наполеона военной славы никто не забирает, а в России его, кстати, всегда считали великим полководцем и бюсты его держали в библиотеках даже после войны 1812 г.. Это же ведь честь какая - такого гения победить!

Не оправдали надежд

Ну и главное - Александр I мог быть тем, кем в последующем стал Сталин. Сталин военным вождём становиться не собирался и даже не предугадывал такого поворота событий. В 1925 г. он, к примеру, отказался от поста наркома обороны, который с началом войны в 1941 г. всё же вынужден был принять.

После окончания Гражданской войны на Сталина навалился такой огромный объём работ по народному хозяйству, что глубоко вникать в военное дело в мирное время он просто не успевал. Он был, безусловно, человеком «семи пядей во лбу», но не о семи головах, и в сутках у него были всё те же 24 часа, - абсолютно все дела в стране он физически не охватывал.

Как гражданского вождя его, разумеется, в первую очередь заботило, чтобы у СССР была сильная армия, и он делал всё, чтобы обеспечить требования её генералов. Но он не участвовал в учениях и манёврах, не разрабатывал тактику, не подбирал к этой тактике оружие, не обучал войска и сам полководческому мастерству не обучался. Всё это делали советские генералы и маршалы, и Сталин надеялся, что всё это они делают хорошо. И только война показала, что надеяться на них было нельзя.

Между прочим, охотно включившись под командой Хрущёва в кампанию клеветы на Сталина, советский генералитет отвёл глаза и народу, и историкам от своего собственного довоенного идиотизма. А он вопиющ, и его нельзя объяснить просто низким уровнем техники в СССР. Пара примеров.

По количеству боевых самолётов РККА превосходила немцев и их союзников в несколько раз, и эти самолёты по формальным параметрам (скорости и вооружению) в среднем были на тогдашнем мировом уровне, но они практически не имели связи ни между собой, ни с землёй. Причём по средствам связи и радионавигации ВВС РККА уступали не только всем остальным странам, но даже Гражданскому воздушному флоту СССР.

По общему количеству танков СССР превосходил Германию почти в 10 раз, но генералы, не понимая сути применения танков, не заказали для танковых войск ни самоходной артиллерии, ни бронетранспортёров для пехоты.

Прекрасные образцы артиллерийских орудий, составившие советскую артиллерию, во много раз превосходящую немцев по числу стволов, не были оснащены средствами разведки артиллерийских целей. Уровень артиллерийской разведки Красной Армии был на уровне прошлых веков. Крайне низкая эффективность, к примеру, советской артиллерии вызывает удивление даже у ангажированных историков на Западе (у нас эти проблемы историков просто не интересуют). Вот, скажем, бывший английский разведчик Лен Дейтон в своей книге отдаёт должное Красной Армии:

> «Однако основная часть немецкой армии была разгромлена Красной Армией, использовавшей вооружение, произведённое на советских заводах. Это была борьба двух колоссов. Расчёты, основанные на данных о немецких дивизиях, участвовавших в боевых действиях, показывают, что семь восьмых всех сражений, которые вела немецкая армия в 1939-1945 гг., происходили на Восточном фронте. Другими словами, лишь одна восьмая часть всех сил Германии была задействована в кампаниях в Северной Африке, Италии и на Западном фронте».

Но одновременно Дейтон поражается:

> «Артиллерия Красной Армии по своему уровню соответствовала той, что использовалась на Западном фронте в 1918 г., - это почти то же самое, что назвать её очень плохой. В грядущих сражениях меньше 50% потерь немецких войск, действовавших на Восточном фронте, приходилось на артиллерийский огонь, в то время как относительные потери от огня англо-американской артиллерии превышали 90%».

Ещё раз подчеркну, что речь идёт не о несовершенстве артиллерийских орудий, а о том, что они не знали, куда стреляют. Без хорошей оптики, дальномеров, радиоразведки, звуковой и авиаразведки наша полевая артиллерия молотила по площадям, на которых и противника-то не было.

Итак, Сталин вручил советским генералам армию, практически равную по численности немецкой даже на июль 1941 г., с превосходящим количеством артиллерии, танков и самолётов, обеспечил советских генералов противником всего на одном фронте, позаботился о потенциально мощных союзниках и отошёл в сторону, ожидая, что теперь советские генералы и маршалы исполнят свой долг перед Советским Союзом. Но не тут-то было!

На второй день войны, 23 июня 1941 г., Советская власть - Верховный Совет - учредила высший орган стратегического командования - Ставку Главного Командования. Первоначально в неё вошли маршалы Ворошилов и Будённый от наркомата обороны, генерал армии Жуков - от Генштаба, адмирал Кузнецов - от Военно-морского флота, Сталин и Молотов (нарком иностранных дел) - от правительства СССР. Возглавил Ставку нарком обороны маршал Тимошенко. Он и был первым главнокомандующим Красной Армии в Великой Отечественной войне, но был недолго. Не прошло и недели, как выяснилось, что наши маршалы и генералы не только не способны командовать Красной Армией, но и не представляют, что происходит на фронтах.

К примеру, 29 июня 1941 г. правительство СССР вдруг узнало, что войска советского Западного фронта сдали немцам столицу Белоруссии город Минск. Узнало не от своего Верховного главнокомандующего

Тимошенко и не от начальника Генерального штаба Жукова, а из передач европейских радиостанций.

До войны у нас каждый маршал и генерал мнил себя Суворовым и Наполеоном, но как только началась война, то оказалось, что наркому обороны срочно захотелось в отставку, а начальник Генштаба от вопроса о положении на фронтах впадал в истерику. Что оставалось делать Сталину? Ждать, пока эти генералы армию и страну немцам сдадут, так и не поняв, что произошло?

Сначала и Сталин им верил

В результате 10 июля Верховный Совет СССР Ставку Главного Командования реорганизовал в Ставку Верховного Командования (чтобы Тимошенко было не так обидно) и председателем её назначил Сталина. Но поскольку Ставка была коллегиальным органом, которому в полном составе почти никогда не приходилось собираться, то 8 августа 1941 г. должность Сталина была изменена в названии, и он стал называться не Председателем Ставки, а Верховным главнокомандующим.

Ожидания Генштаба

Но теперь перед Сталиным стояла проблема - нужно было с ходу осваивать все военные профессии. Начинать их осваивать, разумеется, приходилось сверху вниз, поскольку война шла и ждать, пока Сталин подготовится, никто не мог. Как я понимаю, около года Сталин всё ещё пытался опереться на «профессионализм» своих генералов и маршалов, а не на своё собственное понимание обстановки, и этот «профессионализм» стране «выходил боком».

Давайте рассмотрим высказанную мысль на двух примерах.

Начну с того, что Генштаб Красной Армии под руководством Жукова очень ошибся в направлении главных ударов немцев по их плану «Барбаросса».

План «Барбаросса»

Тем не менее даже с учётом измены командующего Западным фронтом генерала Павлова немцы добились осуществления своего плана «Барбаросса» - плана разгрома Красной Армии в 1941 г. - только в центре советско-германского фронта. Здесь они двумя последовавшими друг за другом операциями окружили войска Западного фронта сначала под Минском, а затем под Смоленском. Путь на Москву был ими фактически открыт, и все немецкие генералы упрекают Гитлера за то, что он вдруг повёл дальнейшее наступление не на Москву, а в тыл советского Юго-Западного фронта. Но тут надо понять следующее. По плану «Барбаросса» немцы должны были окружить наши войска не только в центре, но и на флангах: на севере они должны были окружить войска Северо-Западного фронта, прижав их к Балтийскому морю в Эстонии, а на юге окружить войска Юго-Западного фронта в районе Львова. Но ни на

севере, где Северо-Западным направлением командовал маршал Ворошилов, ни на юге, где Юго-Западным направлением командовал маршал Будённый, у немцев никаких окружений не получилось.

Маршалы отвели свои войска с боями и не очень далеко от границ. В результате группа немецких армий «Центр» глубоко вклинилась по направлению к Москве, и её положение стало опасным: неразгромленные войска Ворошилова и Будённого могли ударить с севера и с юга по основанию немецкого клина и окружить войска, идущие на Москву. Гитлер этой опасностью пренебречь не смог, тем более поняв, что его армия сражается не с французами или поляками, а с солдатами совсем иного качества.

Гитлер не смог не учесть изменения этих обстоятельств и вынужден был импровизировать. Он поставил крест на «Барбароссе» и изменил задачу группе «Центр». Он остановил её движение к Москве и повернул входящую в её состав 2-ю танковую группу Гудериана и 2-ю армию на юг - в тыл советского Юго-Западного фронта с целью окружить и уничтожить его войска. То есть перед наступлением на Москву Гитлер снимал угрозу своим войскам с юга. (А 3-я танковая группа, входившая в группу армий «Центр», была направлена на север для снятия угрозы удара оттуда.)

Войска Юго-Западного фронта держали оборону ещё далеко на западе, причём крайним западным участком был укреплённый район (УР) на правом берегу Днепра у Киева. Здесь, кстати, находилась самая крупная и сильная группировка советских войск Юго-Западного фронта.

Сталин видел эту опасность и принял меры: был создан Брянский фронт в составе двух армий под командованием генерал-лейтенанта Ерёменко восточнее того места, откуда немцы могли нанести удар в тыл Юго-Западного фронта. Предполагалось, что ударом с запада войск Юго-Западного фронта и с востока войск Брянского фронта прорыв немцев на юг будет смят и ликвидирован. Но из-за отсутствия радиосвязи наша многочисленная и неуправляемая в воздухе авиация в то время не представляла существенной угрозы немецкой авиации, и Люфтваффе Геринга практически выбомбили Брянский фронт ещё на станциях выгрузки. Ерёменко остановить Гудериана не смог, и немцы, пусть и с трудом, прорвались (что впоследствии закончилось окружением и гибелью части войск Юго-Западного фронта).

Положение на советско-германском фронте на 29 июля 1941 года

Г.К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления», которые для точности следовало бы назвать «Сказки дедушки Жоры, потерявшего совесть», привычно врёт, что, дескать, 29 июля 1941 г. он предложил отвести войска Юго-Западного фронта на восток и оставить Киев, а Сталин, дескать, его за это гениальное предложение выгнал с должности начальника Генштаба.

Жуков, по обыкновению, украл эту историю у другого военачальника,

поскольку произошла похожая история спустя полтора месяца после заявленной Жуковым даты. Началось это трагическое событие в ночь на 11 сентября. Маршал Баграмян, на тот момент генерал-майор и начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, восстановил его по копиям телеграмм и собственным воспоминаниям.

Штаб Юго-Западного фронта и его командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос к этому моменту поняли, что ни Юго-Западный фронт на тех позициях, на которых он находился, ни Брянский фронт не остановят немцев от выхода в тыл Юго-Западного фронта. И Кирпонос обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову с предложением оставить Киевский УР и Киев и отвести все войска за 250 км на восток от Киева на рубеж реки Псёл. Но маршал Шапошников от имени Ставки категорически запретил это делать. *«Ставка Верховного Главнокомандования считает, что необходимо продолжать драться на тех позициях, которые занимают части Юго-Западного фронта, как это предусмотрено нашими уставами»*, - ответил он.

Тогда Кирпонос обратился к командующему Юго-Западным направлением, включавшим Южный и Юго-Западный фронты, маршалу Будённому. Будённый оценил обстановку и дал телеграмму Сталину: *«Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж...»* Далее идёт оценка обстановки Будённым и такие выводы: *«Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь к потере войск и огромного количества материальной части. В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы и средства, безусловно, помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению»*.

Сталин был в очень трудном положении. Как глава страны он должен был согласовать оставление врагу столицы уже шестой союзной республики и огромного количества населения. Генштаб против отвода войск. Что делать? Сталин принимает собственное решение, и это решение военного вождя - он ставит Юго-Западному фронту задачу на спасение войск, на спасение не бегством, а боем. Вечером 11 сентября он связывается по телеграфу с Кирпоносом и, оценив обстановку, заканчивает анализ своим решением:

> «Первое. Немедленно перегруппировать силы хотя бы за счёт Киевского укрепрайона и других войск и повести отчаянные атаки на конотопскую группу противника во взаимодействии с Ерёменко, сосредоточив в этом районе девять десятых авиации. Ерёменко уже даны соответствующие указания. Авиационную же группу Петрова мы сегодня специальным приказом передислоцируем на Харьков и подчиним Юго-Западному направлению.
>
> Второе. Немедленно организовать оборонительный рубеж на реке Псёл или где-либо по этой линии, выставив большую артиллерийскую группу фронтом на север и на запад и отведя 5-6 дивизий на этот рубеж.
>
> Третье. По исполнении этих двух пунктов, и только после исполнения этих двух пунктов, т. е. после создания кулака против конотопской группы и после создания оборонительного рубежа на реке Псёл, словом, после всего этого начать эвакуацию Киева. Подготовить тщательно взрыв мостов. Никаких плавсредств на Днепре не оставлять, а разрушить их и

после эвакуации Киева закрепиться на восточном берегу Днепра, не давая противнику прорваться на восточный берег.

Перестать, наконец, заниматься исканием рубежей для отступления, а искать пути для сопротивления».

Надо пояснить, чего боялся Сталин. Когда 30 июня 1941 г. Ставка разрешила Юго-Западному фронту отвести войска от новой границы к укрепрайонам на старой границе, фронт этот маневр произвести не смог. Отвод всех войск сразу привёл к тому, что немцы опередили колонны наших отступающих войск и едва не ворвались в Киев. Закрепиться на УРах старой границы не удалось, пришлось отступать дальше - до Днепра.

Поэтому Сталин, поддержав в целом предложение Будённого, расширил его и разбил на этапы: сначала нужно было войска с правого берега Днепра (Западного), с Киевского УРа немедленно перебросить навстречу Гудериану и не дать тому замкнуть окружение; одновременно отвести часть войск на Псёл и начать готовить оборонительные позиции, а затем на эти позиции отводить и весь фронт. Сам маршал Баграмян это решение Сталина прокомментировал так: *«Своей железной логикой Верховный главнокомандующий мог обезоружить кого угодно»*.

Но дальше случилось невероятное, вернее то, чего ни Баграмян, ни другие оставшиеся в живых свидетели объяснить не могли, случилось то, отчего *«Тупиков, слушая Кирпоноса, схватился за голову»*. (Генерал-майор В.И. Тупиков - начальник штаба Юго-Западного фронта, погиб при выходе из окружения.) Кирпонос и член Военного совета фронта Бурмистренко (тоже погибли при выходе из окружения) протелеграфировали Сталину: *«У нас и мысли об отводе войск не было до получения предложения дать соображения об отводе войск на восток с указанием рубежей, а была лишь просьба в связи с расширившимся фронтом до 800 с лишним километров усилить наш фронт резервами...»*

Сталин не понял. Он передал Кирпоносу текст телеграммы, которую получил от Будённого. Телеграфный аппарат долго молчал, видимо, растерянный Сталин не знал, что решить, ведь оказалось, что и Генштаб, и командующий Юго-Западный фронтом против отвода фронта с занимаемых позиций. Затем последовал приказ: *«Киева не оставлять и мостов не взрывать без особого разрешения Ставки»*.

Кирпонос и Бурмистренко, между прочим, довольно подло «подставили» маршала Будённого. Он в глазах Ставки оказался не только паникёром, ни с того ни с сего начавшим кричать об отводе войск, но ещё и негодяем, который к своей панике присоединил Кирпоноса и Бурмистренко, которые, «оказывается», ни сном ни духом не собирались отводить войска и оставлять Киев. На следующий день Ставка сняла Будённого с должности и назначила на его место Тимошенко. Но это мелочь по сравнению с тем, что произошло дальше.

Через 6 дней немцы замкнули окружение Юго-Западного фронта, и напрасно Тимошенко требовал от Кирпоноса немедленно начать отвод войск: тот ждал письменного приказа от Ставки, который попал к нему только 19 сентября. Своим диким решением Кирпонос погубил сотни

тысяч советских солдат. Такова была стоимость первого урока, который дали Сталину на посту Верховного главнокомандующего его маршалы и генералы с их авторитетом «профессионалов».

Последний раз, когда Сталин прислушался к «профессионалам» в стратегических вопросах, был, по моему мнению, план кампании на 1942 г. Эта кампания началась попыткой советских Юго-Западного и Южных фронтов окружить немцев под Харьковом. Причём этой майской операции придавалось вспомогательное значение, но поскольку немцы основной удар на лето 1942 г. запланировали именно здесь, то закончилась эта операция трагически - не мы окружили немцев, а они нас, после чего немцы в открытую брешь двинулись на Кавказ и к Волге. Как я уже написал выше, в этом сражении всё решила выдержка Гитлера, поскольку преимущество немцев было небольшим и командовавший здесь немецкими войсками фельдмаршал Бок чуть было не отказался от окружения наших войск. То есть если бы у нас в этом месте были хоть какие-нибудь резервы, то победу одержали бы мы, а не немцы, но для этой вспомогательной операции стратегических резервов не предусмотрели. Об этом пишет даже Жуков: *«Если бы на оперативных боевых рубежах юго-западного направления стояло несколько резервных армий Ставки, тогда бы не случилось катастрофы с войсками юго-западного направления летом 1942 г.»*.

Возникает вопрос: а почему же этих армий там не «стояло»? Почему из шести резервных армий пять было в центре, в районе Москвы, а шестая формировалась в глубоком тылу - в Сталинграде? Сам Жуков даёт на это и ответ: *«На совещании, которое состоялось в ГКО в конце марта, присутствовали К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников, Л.М. Василевский, И.Х. Баграмян и я.*

Б.М. Шапошников сделал очень обстоятельный доклад, который в основном соответствовал прогнозам И.В. Сталина. Но, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, на ближайшее время Б.М. Шапошников предложил ограничиться активной обороной. Основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом 1942 г. могут разыграться главные события».

То есть Генштаб Красной Армии опять кардинально ошибся с оценкой ситуации, и это несмотря на то, что разведка определённо предупреждала, что в 1942 г. немцы будут наступать на Кавказ. Маршалы и генералы на совещании поддержали выводы Генштаба, который ожидал наступление немцев на Москву. Вот и Сталин окружил Москву резервами, разрешив Тимошенко начать отвлекающее наступление на Харьков именно потому, что «профессионалы» были уверены, что там немцы не имеют больших сил. Думаю, что это была последняя капля, переполнившая чашу доверия Сталина к «профессионалам».

По примеру войны 1812 года

Я так думаю вот почему. Немцы в своих работах отмечают, что после поражения Красной Армии под Харьковом характер последующих боёв резко изменился, а ни один наш военачальник в своих мемуарах этого изменения не отмечает! То есть изменение характера войны не только не от маршалов зависело, но они его и не заметили! Не заметили того, что отметили и Гальдер, и Кейтель. Последний писал: *«Боевые действия русских во время крупного наступления на Юге приобрели новый характер; число захваченных военнопленных, в сравнении с прежними битвами на окружение, стало незначительным. Противник своевременно избегал грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовал большой территориальный простор, уклоняясь от задуманных нами ударов на уничтожение. Именно в Сталинграде и в прилегающем к нему районе, а также на горных перевалах, он оказывал упорное сопротивление, ибо больше не боялся оперативных охватов и обходов»*.

Иными словами, с начала лета 1942 г. немцев начали заманивать в глубину России! Заманивать, воспользовавшись стремлением Гитлера соединиться с турками. Но поскольку, повторю, никто из наших историков и военачальников об этом не пишет (Тимошенко не оставил мемуаров), то, значит, весь этот план был задуман и оставался в голове только у Сталина.

О том, что отступление советских войск на Волгу и Кавказ было осмысленным, а не вынужденным, свидетельствует много косвенных фактов.

Первое. Укрепления в районе Сталинграда и Волги в виде четырёх рубежей обороны начали строиться мирными жителями в июне - задолго до появления там немцев, - и было построено 2572 км траншей и противотанковых рвов.

Второе. То, что Гитлер под Москвой дал своим войскам приказ «Ни шагу назад!», все у нас хорошо знали, но Сталин свой приказ «Ни шагу назад!» дал не сразу после поражения под Харьковом в мае 1942 г., а только 28 июля - тогда, когда это потребовалось, когда войска отошли к Волге и предгорьям Кавказа, где им полагалось остановиться.

Третье. Нарком нефтяной промышленности Байбаков получил команду забить скважины нефтяных источников Краснодарской области и Северного Кавказа перед занятием их немцами задолго до этого события. Он связался с англичанами, узнал, как они забивали свои нефтескважины, узнал, что немцы легко раскупоривали работу англичан, разработал свою технологию, и такую, что немцам она оказалась не по зубам, и грозненской нефтью немцы воспользоваться не успели. То есть с самого начала немецкого наступления предполагалось, что нефтескважины попадут к ним в руки. (Кстати, наши потом вскрыли их достаточно легко остроумным способом.)

Четвёртое. С учётом этого Берия отрыл котлованы-хранилища нефти на Урале и в других местах, и эти хранилища были заполнены нефтью до того, как нефтеисточники Северного Кавказа временно захватили немцы.

Пятое. Берия снял железнодорожное полотно со строящейся тогда Байкало-Амурской магистрали и построил рокадную (идущую вдоль фронта) железную дорогу Кизляр - Астрахань - Саратов. А это позволило к началу контрнаступления под Сталинградом подать на Сталинградский и Юго-Восточный фронты 100 тыс. вагонов груза.

Шестое. Имея многочисленные резервы, Сталин не использовал их, чтобы остановить немцев до Волги или до Кавказа. Он отдал их Жукову. И в то время, когда немцы наступали на Волгу и Кавказ, советские войска в июле 1942 г. наступали в неудачной 1-й Ржевско-Сычевской операции. Но и это не всё. Резервов было столько, что, когда в ноябре 1942 г. под Сталинградом проводилась известная операция по окружению 6-й немецкой армии под кодовым названием «Уран», Жуков проводил операцию «Марс» - 2-ю Ржевско-Сычевскую. Причём войск у Жукова было больше, чем под Сталинградом. Под Сталинградом Ставка сосредоточила 1,1 млн человек, 15,5 тыс. орудий, 1,5 тыс. танков и 1,3 тыс. самолётов, а Жукову выделила 1,9 млн человек, 24 тыс. орудий, 3,3 тыс. танков и 1,1 тыс. самолётов. (Но так как Жуков даже с такими силами никакого успеха не добился, потеряв полмиллиона человек и все танки, то советская история об операции «Марс» забыла.)

Седьмое. Черчилль вспоминает о своей встрече со Сталиным 13 августа 1942 г.:

> «Наконец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При обсуждении этого вопроса он послал за макетом хребта и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплены ли они, и он ответил: «Да, конечно». Линия фронта русских, до которой враг ещё не дошёл, находилась севернее основного хребта. Он сказал, что им придётся держаться в течение двух месяцев, когда снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать...»

То есть задолго до подхода немцев к Кавказу там было давно всё готово к тому, чтобы остановить их на самом выгодном рубеже, а до выхода на этот рубеж немцам позволяли наступать: всё глубже и глубже втягиваться в западню.

Сталин немцев на эти территории впустил, причём в конечном счёте наши войска опёрлись на горы Кавказа и Волгу с хорошим снабжением, а немцы повисли на единственной железнодорожной нитке, идущей через единственный уцелевший мост через Днепр в Днепропетровске. Была и вторая железнодорожная линия, через Запорожье, но там немцы не смогли восстановить мосты, на что фельдмаршал Манштейн в своих воспоминаниях непрерывно сетует.

Наступая на Кавказ, немцы удлинили себе линию фронта как минимум на 1,5 тыс. км, а ведь этот фронт тоже надо было защищать. Кем? Гитлер притащил в наши степи всех союзников, пополнивших чуть позже лагеря военнопленных, - от итальянцев до венгров. Короче, Гитлер, поддавшись на неожиданную лёгкость наступления, залез в такие дебри, что, случись что, помочь своим войскам из Европы он практически не мог.

И то, что ожидалось, то Сталин ему и устроил, а называлось это Сталинградской битвой. Не так, как Кутузов, а практически точно по рекомендации подполковника Чуйкевича: *«Не упускать случая, коль скоро... отделит где-либо часть своих войск, сосредоточить против них превосходнейшее число своих и истребить сию часть прежде, нежели он подаст ей помощь»*.

Интересно, что Генштаб РККА ошибся в численности окружённой под Сталинградом 6-й армии Паулюса. Число окружённых немцев оказалось существенно больше, чем предполагалось - 300 тыс. Но созданное Сталиным стратегическое преимущество советских войск было настолько большим, что *«истребили сию часть»* без особых проблем. Подать ей помощь Гитлер не сумел.

Почему советские историки не показывают историю боёв 1942 г. и Сталинградскую битву как осмысленное действие советской стратегии, приходится объяснять чуть ли не злым умыслом, поскольку об этом прямо говорил сам Сталин.

Участвуя в дискуссии о военно-научных итогах войны, Сталин в журнале «Военная мысль» (1947, № 1, с. 3-7) сделал замечания к тезисам полковника Е.А. Разина: *«Отсутствует раздел о контрнаступлении (не смешивать с контратакой). Я говорю о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение. Я думаю, что хорошо организованное контрнаступление является очень интересным видом наступления.*

Вам как историку следовало бы поинтересоваться этим делом. Ещё старые парфяне знали о таком контрнаступлении, когда они завлекали римского полководца Красса и его войска в глубь своей страны, а потом - ударили в контрнаступление и загубили их. Очень хорошо знал об этом наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления».

Но вернёмся в 1943 г. К чести немцев и их генералов скажем, что они, в отличие от Наполеона, не побежали после Сталинграда, но ввиду того, что вслед за Сталинградом для них наметилось окружение и на Кавказе, немцы, преследуемые нами, стали быстро отступать. И это стало началом конца победоносной немецкой армии, а выдающийся полководец Гитлер стал для стратега Сталина «открытой книгой». До конца войны Гитлер уже не смог задумать ничего ни в стратегическом, ни даже в оперативном плане, чтобы Сталин не смог этого разгадать и принять меры.

Сам за всех

Пример - Курская битва 1943 г. Перед нею наши войска долго и старательно готовились к наступлению немцев, и немцы не обманули ожиданий Сталина - начали наступать именно там, где их и ждали. В связи с этим немцам не помогло даже их полководческое мастерство -

потери за счёт умелой тактики и нового оружия они нанесли нам большие, но на укреплениях Курско-Орловского выступа сами понесли такие потери, что, отступая, не сумели зацепиться даже за Днепр. Кстати, здесь, благодаря Сталину, и мы использовали новое оружие, нейтрализовавшее эффект немецкого.

> Г. Гудериан: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на Западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

Сталин не хотел быть военным вождём СССР, но бездарность советского генералитета в среднем заставила его стать стратегом. Он стал блестящим стратегом. Но генералы заставили его и планировать фронтовые операции и командовать ими, о чём ниже.

Стратегические планы решающего, 1944 г., безусловно, принадлежат Сталину, поскольку наши историки и мемуаристы о них молчат, и красоту стратегического решения битв на советско-германском фронте можно узнать, по сути, только из иностранных источников. Вот что об этом пишет немецкий историк Пауль Карель:

> «Как в ставке фюрера «Вольфшанце», так и в штаб-квартире главного командования сухопутных войск Германии в это время мучительно искали ответ на вопрос: «Что предпримет противник после весенней распутицы? Где он начнёт своё летнее наступление?»
>
> Гитлер и его советники дали ошибочный ответ на этот кардинальный вопрос 1944 г., и этот неправильный ответ, основанный на неверной оценке положения, стал одной из причин катастрофы. ...Он убедил себя, что Сталин нанесёт решающий удар не иначе как на юге, поскольку в Галиции перед советскими войсками открывалась блестящая стратегическая перспектива для наступления на Варшаву, к Висле и, следовательно, в тыл группы армий «Центр». Гитлер отбросил все сомнения: русские, заявил он, нанесут удар между Припятскими болотами и Карпатами! Они должны ударить здесь! ...Любопытно отметить, что не только Гитлер, но и его военные советники - генерал-полковник Йодль и начальник оперативного отдела генерал Хойзингер - упорно придерживались подобной трактовки грядущих событий.
>
> ...Летом 1944 г. русские поступили иначе, чем предполагали немцы.
>
> ...Немецкое Верховное командование пребывало в заблуждении до самой последней минуты, о чём весьма убедительно свидетельствует доклад об общем военном положении начальника штаба ОКВ генерал-фельдмаршала Кейтеля, сделанный им 20 июня 1944 г. В этом докладе Кейтель утверждал, что русские не начнут наступления, пока силы вторжения западных союзников, высадившиеся 6 июня в Нормандии, не добьются крупного успеха, и что главный удар русские после этого нанесут в Галиции, а не по армиям группы «Центр».
>
> Спустя 48 часов утверждение Кейтеля было опровергнуто самым драматическим образом. Советские войска перешли в наступление. Но не в Галиции.
>
> ...Начало было положено партизанами. В ночь на 20 июня на территории за линией фронта партизаны провели широкие диверсионные операции. К рассвету 10 500 взрывов полностью вывели из строя железнодорожные коммуникации в районе между Днепром и Минском и к западу от этого города. Стратегически важные мосты были взорваны. Подвоз снабжения был приостановлен во многих случаях больше чем на сутки.
>
> ...Второй этап грандиозной битвы начался 23 июня. ...Мощь советского наступления, подавляющее превосходство в артиллерии, танках и авиации стали очевидными уже через 48 часов. Не веря своим глазам, Гитлер и его советники взирали на поступавшие с фронта тревожные оперсводки. Они ужаснулись, обнаружив то, чего не смогла установить немецкая разведка, - беспрецедентную концентрацию советских войск, неотразимый по своей

разрушительной мощи вал огня и стали, который за несколько часов взломал немецкую оборону; до этого в течение года выдерживавшую удары русских.

...К 28 июня карта военной обстановки в штабе армий группы «Центр» представляла собой ужасное зрелище. Какой-либо сплошной, прочной линии фронта не было и в помине, оборона немцев была прорвана во всех секторах.

...Три недели спустя советские войска оставили позади себя Брест и вышли к Мемелю (Клайпеда) и на Вислу, где немецкие части с трудом сумели на какое-то время задержать их дальнейшее продвижение. За 5 недель они прошли с боями 700 км - темпы наступления советских войск превышали темпы продвижения танковых групп Гудериана и Гота по маршруту Брест - Смоленск - Ельня во времена «блицкрига» летом 1941 г.

Но решающее значение имела не утрата немцами огромной территории. Решающим фактором было уничтожение армий группы «Центр», невосполнимая утрата людских ресурсов. Из 38 немецких дивизий, участвовавших в боях, 28 были разбиты и уничтожены. Немцы потеряли почти 400 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Из них, согласно советским данным, 200 тыс. было убито, а 85 тыс. взято в плен.

Наиболее наглядное представление о масштабах катастрофы дают следующие цифры. Из 47 участвовавших в сражении немецких генералов - командиров корпусов и дивизий - 10 были убиты или пропали без вести, а 21 взят в плен».

Свидетельствует немецкий генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль в книге «Роковые решения»: *«В течение лета и осени 1944 года немецкую армию постигло величайшее в её истории поражение, превзошедшее даже сталинградское. 22 июня русские перешли в наступление на фронте группы армий «Центр»... Эта группа армий была уничтожена. В связи с разгромом группы армий «Центр» в Прибалтике оказалась отрезанной группа армий «Север»*.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан в книге «Танки - вперёд!»: *«Разгром начался 22 июня. В первый день 25 немецких дивизий попросту исчезли... Не только группа армий «Центр», но и группа армий «Север» попала в катастрофу»*.

Немецкий генерал-майор В. фон Меллентин в книге «Танковые сражения»: *«22 июня русские праздновали третью годовщину нашего вторжения в Россию грандиозным наступлением четырёх фронтов в составе 146 стрелковых дивизий и 43 танковых бригад... По непонятной причине Честер Вилмот в своей книге «Сражение за Европу» забыл эту операцию. А она была одним из самых грандиозных событий войны, по своему размаху и значению несравнимо более важным, чем высадка союзников в Нормандии. С 1 июня по 31 августа 1944 года потери германских войск на Западном фронте составляли 293 802 человека, на Восточном за тот же период – 916 860 человек»*.

Учёные, занимающиеся проблемами мыслительной деятельности человека, нашли, что люди в своей оперативной памяти могут удержать от трёх до семи мыслей одновременно, могут оперировать и искать варианты решения среди такого количества идей. Введение в мыслительный процесс новой мысли стирает какую-то старую. Причём люди не очень сильного ума оперируют тремя мыслями сразу, а люди умные - семью. Это было известно со стародавних времён, практика доказала, что у начальника должно быть именно столько непосредственных подчинённых. Поскольку дураков в начальники стараются не назначать, то оптимальным считается число 5 для мирного

времени, и число 3 для армии, где решение приходится принимать очень быстро.

Исходя из этого, первоначально у Верховного главнокомандующего РККА во время войны должно было быть примерно столько же непосредственных подчинённых - командующих Главными командованиями направлений, в которые были объединены по нескольку фронтов. Маршал Ворошилов возглавил Северо-Западное направление, маршал Тимошенко (начальник штаба маршал Шапошников) - Западное, маршал Будённый - Юго-Западное, маршал Кулик возглавлял одно время войска Крыма и Кавказа. И в целом маршалы делали немало, а иногда и очень успешно воевали для тех условий. Ворошилов и Будённый не дали Гитлеру разгромить наши войска на флангах операции «Барбаросса», чем сорвали её и остановили практически на два месяца наступление на Москву. Маршал Тимошенко поздней осенью 1941 г. фронтами своего Юго-Западного направления нанёс тяжелейшие поражений войскам немецкой группы армий «Юг», что привело к снятию Гитлером её командующего фельдмаршала Рундштедта. Но в дальнейшем Главные командования направлениями были упразднены, и Сталин сам начал командовать всеми фронтами сразу. Почему?

Ведь этих фронтов было в разные периоды от 10 до 15. А командовать фронтом - это значит командовать армиями, входящими во фронт. А их, только действующих, на фронтах находилось 50-60. Сталин принял на себя неимоверную мыслительную нагрузку. В связи с чем?

Сталин любил Родину и был ей предан всецело. Он мог бы облегчить себе работу и опереться на главнокомандующих направлений и на командующих фронтами, если бы все эти должности тоже занимали Сталины во всех отношениях - и по уму, и по преданности Родине. Но Сталиных было мало. А доверить судьбу Родины негодному человеку - это халатность. Сталин не мог себе позволить быть преступно халатным Верховным главнокомандующим. Он вынужден был вникать в дела каждого фронта сам. Вы же видите, что происходило, когда он пробовал доверяться. Доверился уверениям командующего Юго-Западным фронтом Кирпоноса и начальника Генштаба Шапошникова, что они отобьют удар Гудериана и не дадут окружить фронт, и что получил? Доверил Жукову провести второй этап Московской битвы, а тот ни за что отдал немцам 33-ю армию генерала Ефремова, не дал корпусу Белова замкнуть фактическое окружение 4-й немецкой армии.

Куда было Сталину деваться? Вот он и взял на себя командование фронтами, то есть командование через голову главнокомандующих направлений, в связи с чем направления стали не нужны и их упразднили. Теоретически и «по науке» это было неправильно, но куда было деваться на практике?

Генерал-адъютанты

Возникает вопрос: тогда в чем роль в войне маршалов Жукова, Василевского и других, которых Сталин так щедро награждал?

Сталин ведь был в Москве, как он мог узнать, добросовестно или нет исполняются его планы? Как ему было быть с хитрыми генералами, которые приказы выполняют только тогда, когда они им нравятся?

Единственный, казалось бы, выход - самому быть на месте боёв, самому всё увидеть и самому наказать хитрых. И Сталин несколько раз пробует выезжать на ответственные фронты, но это себя не оправдывает - теряется время на дорогу и ухудшается связь с остальными фронтами. И тогда был введён институт представителей Ставки. Эти представители (Жуков, Василевский, Говоров и т. д.) выезжали на фронты и были там глазами и кулаком Сталина. Они сообщали ему более-менее истинную информацию, которую Сталин сверял с информацией от командующих фронтов и той, которую он сам собирал, созваниваясь с командующими армиями, а порой и корпусов. На основании этой информации, которой уже как-то можно было верить, Сталин и принимал принципиальные решения по фронтовым операциям.

Мне кажется, что сами представители Ставки не понимали, кем они были. Так, например, маршал Василевский жаловался историку Куманёву на «самодурство» Сталина:

> «Но случались, хотя и очень редко, и такие моменты. Вот содержание одного документа, копию которого я храню по сей день.
>
> «Маршалу Василевскому.
>
> Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы ещё не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз ещё позволите забыть о своём долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта.
>
> И. Сталин».
>
> Эта телеграмма меня тогда буквально ошеломила, до этого ведь я не получал ни одного серьёзного замечания по службе. А всё дело заключалось в том, что, находясь в частях Красной Армии, которые вели очень напряжённые бои за освобождение Донбасса, я примерно на 4 часа нарушил предписание Верховного - до полуночи того дня, т. е. 16 августа, дать ему очередное сообщение».

Но как же Сталин мог обдумать решение для этого фронта, если Василевский не шлёт ему информацию? А утром что-то случится и тот же Василевский позвонит: «Товарищ Сталин, а как быть?» И что Сталин ему должен будет приказать, если Василевский не дал ему информации для выработки решения?

У Жукова, думаю, *«такие моменты»*, как у Василевского, случались чаще. Вот, к примеру, телеграмма Сталина Жукову, относящаяся к 1944 г.:

> «Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам неизвестно о занятии противником Хильки и Нова-Була; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорвавшегося на Шендеровку. Сил и средств на левом крыле 1-го УФ и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно для того, чтобы ликвидироватъ прорыв противника и уничтожить корсуньскую группировку. Требую от Вас, чтобы Вы уделили исполнению этой задачи главное внимание».

Вы видите, как глаза Сталина Жуков был довольно слепым: он не просто запоздал с информацией, он вообще сообщил не то, поскольку не

знал обстановки. Но Сталин не грозит ему снятием с должности и даже не выговаривает за дезинформацию. Жуков был ценен для Сталина по другим причинам: он обязан был заставить войска выполнять поставленную Ставкой задачу. Жуков - это кулак Сталина, и, надо думать, Сталин ценил его именно за это.

Если Конев, знаток марксизма-ленинизма, заставлял своих нерадивых генералов выполнять боевые задачи незатейливыми домашними средствами - сразу бил в морду, то Жуков, со своим выдающимся хамством и злобностью, отдавал генералов под трибунал и требовал расстрела. Трибуналы выносили требуемые приговоры, но, правда, дальше Верховный суд их отменял, осуждённому генералу назначали условный срок наказания, снижали в звании и снова отправляли на фронт. В связи с тем, что ряд генералов, осуждённых к расстрелу по требованию Жукова, впоследствии воевали очень хорошо и стали Героями Советского Союза, то некоторые историки считают, что Жуков отдавал под суд только невиновных. Наверное, были и такие, но ведь нельзя и сбрасывать со счетов, что, пройдя эту жуковскую школу воспитания, генералы переставали бояться не только немцев, но чёрта. В любом случае, по воспоминаниям очень многих, на фронтах начальники всех степеней Жукова боялись больше, чем противника, а это очень способствовало выполнению фронтами тех задач, которые ставил перед войсками Сталин.

Но вернёмся к Сталину. Значит ли это, что Сталин никому из подчинённых не давал и шагу самостоятельно сделать? Нет, совсем наоборот, он стремился выработать у них инициативу, но он не устранялся от того, что они делали, - он контролировал и операции, ведущиеся по инициативе подчинённых.

> «...Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлён его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: «Отдать корпус» - и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришёл к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчинённых. Если исполнитель твёрдо стоял на своём и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал», - пишет маршал Баграмян.

Кстати, к концу войны Сталин разрешил самостоятельно командовать и Жукову, назначив его командующим 1-м Белорусским фронтом, и даже разрешил осуществить тактическую мечту Жукова - ночную атаку Зееловских высот под Берлином с ослеплением противника зенитными прожекторами. Поскольку атака эта выполнялась после длительной артподготовки, то поднятая взрывами пыль и дым свели на нет ослепляющий эффект прожекторов, а ночь не дала своей авиации поддержать пехоту, более того - она частью отбомбилась по своим. Попытки более умных генералов отговорить Жукова от этой дурацкой затеи не удались. В военном отношении Г.К. Жуков без Сталина был нулём, разве что чуть большим специалистом по сравнению с теми историками, которые его нахваливают.

Некомпетентность Жукова в военных вопросах такова, что он, судя по всему, не понимал, чем он в войну занимался, и искренне полагал, что его

выезды с любовницей на фронт как представителя Ставки это и есть то, что называется «командовать войсками». В конце жизни он написал пакостное эссе «Коротко о Сталине». В нём он пишет:

> «Сталин при проведении крупнейших операций, когда они нам удавались, как-то старался отвести в тень их организаторов, лично же себя выставить на первое место, прибегая для этого к таким приёмам: когда становилось известно о благоприятном ходе операции, он начинал обзванивать по телефону командование и штабы фронтов, командование армий, добирался иногда до командования корпусов и, пользуясь последними данными обстановки, составленной Генштабом, расспрашивал их о развитии операции, подавал советы, интересовался нуждами, давал обещания и этим самым создавал видимость, что их Верховный главнокомандующий зорко стоит на своём посту, крепко держит в своих руках управление проводимой операцией.
>
> О таких звонках Верховного мы с А.М. Василевским узнавали только от командования фронтов, так как он действовал через нашу голову...
>
> Расчёт был здесь ясный. Сталин хотел завершить блистательную победу над врагом под своим личным командованием, т. е. повторить то, что сделал в 1813 г. Александр I, отстранив Кутузова от главного командования и приняв на себя верховное командование с тем, чтобы прогарцевать на белом коне при въезде в Париж во главе русских доблестных войск, разгромивших армию Наполеона».

Оставим в стороне то, что Кутузов умер в мае 1813 г. и пост командующего был передан Барклаю де Толли, а Париж был взят в 1814 г. И Жукову, и комментирующему этот пассаж доктору исторических наук Н. Яковлеву знание истории без надобности.

Обратите внимание на то, что Жуков, фактический адъютант при Сталине, действительно уверовал в то, что он «командовал фронтами». Между тем Жуков не мог не знать, что уже батальоном, а не несколькими фронтами невозможно командовать без штаба. Однако Сталин штабы своим представителям на фронтах не придавал! Если бы он считал полезным, чтобы не он сам, а Жуков или Василевский командовали фронтами, то он не упразднил бы упомянутые выше Главные командования направлений с их штабами и назначил бы Жукова главнокомандующим тем или иным направлением, а не своим представителем на фронте.

И, несмотря на такой явный адъютантский характер своей службы, Жуков обвиняет Сталина в том, что тот якобы к его, Жукова, славе примазаться хочет! Боже мой! Да к славе Жукова примазаться невозможно, об неё можно только измазаться.

У читателя может сложиться грустное впечатление, что у нас в ту войну вообще не было толковых генералов и маршалов. Это не так.

По тем воспоминаниям военачальников прошлой войны, что я прочёл (их ведь сотни), могу сказать, что все они приукрашивают самого мемуариста. У дураков - сильно, у умных - слегка. Очень порядочны в этом плане воспоминания маршала Рокоссовского, они же и очень полезны любому командиру большим количеством осмыслений войны. К сожалению, не стал писать мемуаров маршал Тимошенко, хотя был он очень незаурядной и уважаемой личностью. О его полководческой деятельности, к счастью, очень внятно написал служивший у него маршал Баграмян. Образцом книги для военного человека я считаю воспоминания генерала Горбатова - честные и умные, хотя и глуповатые, когда речь

идёт о политике. Интересные и честные воспоминания генерал-полковника Архипова. Этих людей война резко выдвинула из строя таких же генералов и офицеров, назначила на высокие должности и отметила высокими наградами.

Сталин же, повторяю, воевать не мечтал, военным вождём становиться не собирался, на войсковые учения и знакомство с перспективными офицерами и генералами у него просто не было времени. А когда война началась и генералы заставили его стать своим вождём, то в кадровых вопросах он сначала мог располагать только теми, кого знал - кто и до войны крутился вокруг Кремля. И только после боёв Великой Отечественной войны полководческие таланты и профессионализм генералов стали заметны, и Сталин способных генералов начал быстро поднимать. И то только тех, кого мог увидеть. Воюй, скажем, генерал-майор Рокоссовский не под Москвой, а на севере или на Юге, возможно, долго бы ещё командовал корпусом. А так через год даже с учётом лечения после ранения в госпитале уже командовал фронтом.

Вот так надо было поступать и Александру I.

А если Александр был совершенно неспособен к военному делу?

Такого не бывает. Помянутый немецкий военный теоретик Клаузевиц оптимистично утверждал: *«Военное дело простое и вполне доступно здравому уму человека»*. Правда, потом добавлял: *«Но воевать сложно»*. Тем не менее военное дело действительно простое, но тяжёлое по ответственности. В плане этого вопроса вспоминается разговор будущего маршала Голованова со Сталиным, назначившим Голованова, тогда рядового лётчика, командующим авиацией дальнего действия. Не успев исполнить какое-то задание Сталина, Голованов, оправдываясь, заявил:

«- Что вы от меня хотите? Я простой лётчик!

- А я простой бакинский пропагандист», - ответил ему Сталин.

Ну а Александр I был простой русский царь. Поэтому, не имея надёжного генерала, которому царь мог бы вверить армию, Александр обязан был сам её возглавить, как это сделал Сталин.

Думаю, что Сталин не вникал в подробности командования войсками Кутузовым - не до того было, думаю, что Сталин ценил Кутузова по конечному результату его командования, и потому, что Сталин, по сути, повторил стратегию, которую историки приписывают Кутузову. Кроме этого, шла тяжелейшая война с немцами, которая требовала не исторических изысков, а пропаганды прорусской и антинемецкой. И советская пропаганда добавила своей рекламы Кутузову к его царской рекламе. А в то время Александр I, крайне скептически относясь к Кутузову, обязан был делать ему рекламу, чтобы не подрывать веру войск в Кутузова, и делал ему рекламу непомерными наградами, как впоследствии и Сталин делал точно таким же способом рекламу советским маршалам, скажем, тому же Жукову.

Вот мы сегодня и имеем того Кутузова, которого нарисовали заинтересованные лица.

О национальной гордости интеллигентов-великороссов

А.С. Пушкин был интеллигент в наихудшем смысле этого слова, к тому же гуманитарий. От Пушкина трудно было ждать какой-либо реальной оценки Кутузова, а не той, которая была принята в обществе, в котором Пушкин вращался.

Сложнее сказать, из каких соображений ещё один интеллигент, но артиллерист, участвовавший в реальной войне, Лев Толстой, придал Кутузову полководческое величие. Возможно, из графской солидарности со своим родственником Остерманом-Толстым. Возможно, просто из интеллигентского желания быть оригинальным. Возможно, из патриотических соображений - из желания хоть как-то приподнять упавший после Крымской войны дух русского общества. А возможно, по всем соображениям сразу.

Как хотите, но я вижу явную «русскую» обиду в словах Толстого: *«Мало того, что современники, увлекаемые страстями, говорили так, - потомство и история признали Наполеона grand, а Кутузова: иностранцы - хитрым, развратным, слабым придворным стариком; русские - чем-то неопределённым - какой-то куклой, полезной только по своему русскому имени...»*

И Толстой оправдывает (пытается оправдать) Кутузова: *«В 12-м и 13-м годах Кутузова прямо обвиняли за ошибки. Государь был недоволен им. И в истории, написанной недавно по высочайшему повелению, сказано, что Кутузов был хитрый придворный лжец, боявшийся имени Наполеона и своими ошибками под Красным и под Березиной лишивший русские войска славы - полной победы над французами»*.

Речь идёт о труде боевого офицера, затем преподавателя истории Академии Генштаба, генерал-лейтенанта М.И. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам». И, строго говоря, Толстому следовало бы не просто пренебрежительно отмахнуться от такого взгляда на Кутузова, но и задуматься, почему Царь Александр II, человек высочайшей образованности и в военном отношении намного превосходивший Толстого, из той же горечи поражения в Крымской войне оказал помощь в издании истории, в которой отсутствуют панегирики Кутузову. Однако Толстой - интеллигент, а интеллигент - он на то и интеллигент, чтобы быть недовольным правительством.

Толстой так начал панегирик Кутузову: *«Такова судьба не великих людей, не grand-homme, которых не признаёт русский ум, а судьба тех редких, всегда одиноких людей, которые, постигая волю провидения, подчиняют ей свою личную волю. Ненависть и презрение толпы наказывают этих людей за прозрение высших законов.*

Для русских историков - странно и страшно сказать - Наполеон - это ничтожнейшее орудие истории - никогда и нигде, даже в изгнании, не выказавший человеческого достоинства, - Наполеон есть предмет восхищения и восторга; он grand. Кутузов же, тот человек, который от

начала и до конца своей деятельности в 1812 году, от Бородина и до Вильны, ни разу ни одним действием, ни словом не изменяя себе, являет необычайный в истории пример самоотвержения и сознания в настоящем будущего значения события, - Кутузов представляется им чем-то неопределённым и жалким, и, говоря о Кутузове и 12-м годе, им всегда как будто немножко стыдно.

А между тем трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была бы направлена к одной и той же цели».

Сначала замечу, что сравнивать Наполеона и Кутузова просто так - это сравнивать божий дар с яичницей. Наполеон был император - глава империи, общий руководитель-единоначальник высшего уровня управления, и Кутузов по сравнению с ним - мелочь. И сравнивать их можно только по одному критерию - как полководцев, как специалистов, способных при численно равных силах выиграть бой друг у друга за счёт собственного интеллекта, но именно такого сравнения Толстой, само собой, и не делает.

Затем, уж что-что, а русского народа Толстой точно не знал и в романе вывел его в чёрт знает каком придурковато-благостном виде.

К примеру, Салтыков-Щедрин, описывая своё детство, рассказывает об одном помещике, своём родственнике, который был очень жаден. Жаден настолько, что по ночам регулярно ходил воровать овощи на огороды своих крепостных крестьян. Те его там ловили и... били морду. Что помещику, впрочем, плохо помогало. Но почувствуйте отношение между дворянами и крестьянами. Крепостные обязаны отработать барщину, но то, что их - это их, и, защищая свою собственность, в средствах они не стеснялись.

Когда этот помещик умер, его крепостная любовница украла все деньги и передала их своему, уже свободному, сыну. Сын помещика, вернувшись из армии, попытался заставить отцову пассию вернуть деньги. С каковой целью начал пороть женщину, но та скоро потеряла сознание. Её снесли в «холодную», а утром обнаружили, что она умерла.

Узнав об этом, крестьяне тут же пожаловались в судебные органы, и хотя судебно-медицинская экспертиза определила, что женщина умерла не от порки как таковой, что у неё не был повреждён ни один орган, тем не менее следствие длилось три года, и когда дело дошло до Петербурга, там определили лишить сына помещика дворянского звания и сослать навечно в солдаты.

Рассуждая о крепостном праве, привычно вспоминают умалишённую Салтычиху, замучившую десятки своих крепостных девушек и сосланную за это в монастырь. Но ссылали не только в обитель, да и отнюдь не ссылкой подчас оканчивалось дело. Жена описанного выше сына помещика была очень жестока по отношению к своим крепостным и кончила тем, что её задушили подушками её же горничные.

Вот ещё пример. Историк Соловьёв приводит любопытный факт.

Жестокосердная помещица обожала есть щи под крики своей кухарки, которую для этого во время обеда специально пороли. По-видимому, жалобы на мучительницу последствий не возымели, и случилось следующее: внезапно на помещицу напали разбойники, любимую собачку её застрелили, а хозяйке прикладом выбили все зубы. Обчистили - до нитки. Помещица созвала по соседям погоню за грабителями. Но хитрые разбойники оставили на дороге бочонок водки. Погоня, естественно, упёрлась в бочонок, как в непреодолимое препятствие, и, пока тот не опустел, никуда не двинулась. Разбойники скрылись. Соловьёв к этому случаю относится, по-видимому, как к курьёзу, но нам интересен столь радикальный способ удержания помещиков в рамках закона.

И наконец, у русского народа было понятие «пострадать за мир». Речь шла о ситуации, когда невозможно было привести в чувство помещика, тогда его крепостные бросали жребий, те, на кого он выпал, шли и убивали помещика со всею семьёй (чтобы дети потом крестьянам не мстили). Дом помещика сжигали, а сами шли и сдавались властям. Смертной казни не было, этим убийцам назначали пожизненную каторгу, семьи осуждённых царь посылал в Сибирь за казённый счёт (браки заключаются на небесах, и не царю их расторгать), чтобы семьи жили недалеко от каторжанина. И вот эти осуждённые и были «пострадавшими за мир». Соответственно, мир (община) собирал деньги и посылал их в Сибирь «пострадавшим за мир» до их смерти.

И сильно эти русские люди похожи на толстовского Платона Каратаева, у которого *«глубокое христианское чувство составляю суть души Платона, суть народной души. Оно помогало герою, проходя через испытания, не утрачивать веры в жизнь, основанной на бескорыстной и всепоглощающей любви к земному миру. Каратаев безропотно принимает всё, что ниспослано свыше»*! Ага, а как же! Это Толстому хотелось, чтобы его крестьяне были такими - безропотно принимающими всё, что ниспослано.

Так что же за «народную» цель имел Кутузов, по мнению Толстого?

> «Ещё труднее найти другой пример в истории, где бы цель, которую поставило себе историческое лицо, была бы так совершенно достигнута, как та цель, к достижению которой была направлена вся деятельность Кутузова в 1812 году... Действия его - все без малейшего отступления, все были направлены к одной и той же цели, выражающейся в трёх действиях: 1) напрячь все свои силы для столкновения с французами, 2) победить их и 3) изгнать из России, облегчая, насколько возможно, бедствия народа и войска».

Это Кутузов-то, давая французам разорить Смоленскую и Московскую земли, дав им сжечь и разграбить Москву, погубив две трети армии в бездейственном следовании за Наполеоном, облегчал, *«насколько возможно, бедствия народа и войска»*? Толстой резюмирует: *«Трудно вообразить себе цель, более достойную и более совпадающую с волею всего народа»*. Трудно вообразить себе более глупый панегирик!

Из всей истории Кутузова видно, что он осознавал свою никчёмность именно как полководца и поэтому страшно боялся быть единоначальником в битвах - страшно боялся *«1) напрячь все свои силы для столкновения с французами, 2) победить их»*. Если Беннигсен под

Пултуском принял бой даже вопреки приказу командующего отступить, то Кутузов отступал всегда, даже если ему запрещали это делать. Когда Кутузова назначали единоначальником, то он делал и шёл на всё, чтобы битвы избежать даже с турками, и избегал битв не потому, что жалел солдат (они ему были безразличны, что доказывается хотя бы тем, с какой лёгкостью он отдал на убой 2-ю армию под Бородино). Кутузов избегал битв потому, что при любом соотношении сил заранее считал себя побеждённым. Требовались героические усилия царя и обстоятельства, чтобы заставить Кутузова принять бой.

Следует ещё раз сказать и о национальной гордости, в данном случае русских, которая как бы унижается при рассмотрении истории, а не пропаганды войны 1812 года. Подобный подход - раз русский, значит, правый - это подход даже не еврейский, а просто жидовский - дескать, мы богоизбранная (богоносная) нация, а все остальные - гои, животные. И какая разница, какой именно народ становится на эти гнилые позиции?

Нет, правильный подход к национальному вопросу заключается в понимании, что были периоды в истории человечества, когда мы, русские, были великим народом! Но и у других народов были такие периоды. Зачем им в этом отказывать и что нам даёт унижение других? Наша, русских, задача в том, чтобы опять стать великим народом, а не оставаться прадедов великих правнуками погаными.

К тому же ни война 1812 года, ни её подвиги, ни её поражения не имеют отношения к национальной гордости русских. Причём к этой войне русские? Это же не Великая Отечественная и даже не Первая мировая.

Был в то время народ, представленный в основной своей массе крестьянами, и был у народа царь. Для защиты народа от вражеского разорения царь нанимал воинов и нанимал их не по национальному признаку, а по боевым качествам. И цари были бы предателями народа, если бы руководствовались в этом вопросе национальностью. Платил царь нанятым воинам (дворянам) либо закрепляя за ними крестьян, либо просто деньгами. Эти воины со временем начали составлять костяк армии - её офицерство.

А солдат для царя нанимал сам народ, поскольку повинен был поставить царю в армию рекрутов. У народа была повинность ставить ежегодно требуемое царём количество рекрутов. Этим рекрутам за поступление в армию солдатами крестьяне платили, и по тем временам платили много. В солдаты отбирали самых негодных мужчин - буйных, одиноких, с преступными наклонностями. Но именно такие дерзкие бандиты в армии и нужны. Если у себя в общине подходящего кандидата не было, искали в других общинах, на стороне. Поскольку желающих служить солдатами было меньше потребности, то отдавали в армию и насильно, но в любом случае крестьяне платили за сам факт отдачи в царскую службу (на службе солдат кормил и платил им царь). Точно так же формировалось и, так сказать, «народное ополчение» - солдат в ополчение народ сдавал по развёрстке, силой. Конечно, даже и при таком подборе солдат они сохраняли «русский дух», но историков и

интеллигентов, за редчайшим исключением, эта, действительно русская, сторона дела никогда не интересовала.

Таким образом, царь, дворяне и солдаты были сами по себе - это профессионалы, нанятые народом на службу по своей защите. А народ податями и отработкой барщины расплачивался с этими наёмниками. Поэтому, как там царь воюет и где, народа не касалось - это его царское дело, лишь бы враг народ не разорял.

Но когда французы начали разорять собственно крестьян и горожан, они (народ), конечно, начали сопротивляться, но сути это не меняло - то, что народ вынужден был сам заняться самообороной, внятно указывало, что царь негодный и профессионалы его тоже негодные. Царь и дворяне не выполняли своих обязательств перед народом. А то, что они гибли на полях сражений, то это их проблемы и риск - народ им за это платил. Между прочим, из воспоминаний участников той войны, скажем, Дениса Давыдова, хорошо видно, что дворяне страшно боялись восстания народа против царя и дворян именно за понесённое от французов разорение.

Поэтому глупо говорить, что вот это, дескать, русский-перерусский Кутузов, а вот то, фи, немец Беннигсен. По отношению к народу они были одинаковыми наёмниками-профессионалами, правда, по-разному оплачиваемыми. Поэтому говорить надо исключительно об их профессиональных достоинствах и недостатках, а не о том, кто именно они по национальности.

Да, совершенно по-другому встал вопрос отношения армии к народу, когда была введена всеобщая воинская повинность, после которой войны стали народными. После этого действительно стало возможным говорить о войнах с учётом русских национальных особенностей.

Но это уже, по сути, XX век.

Глава 4. Военная юстиция на страже армии

Положение усложнилось

Что характерно в истории войны 1812 года? Да, были генеральские разгильдяйство, глупость, барственность, презрение к жизни солдат, была бюрократическая трусость - страх принять ответственное решение, но не было у генералов русской армии животного страха за собственную жизнь и не было предательства - перехода на службу врагу.

Однако развращение генералитета началось как минимум тогда - в начале XIX века, и до откровенной трусости и предательства генералов и офицеров, по историческим меркам, осталось немного.

Когда говорят о чистке пред войной Красной Армии от предателей, либералы воем воют о том, что, дескать, в сталинском СССР в шпионаже обвинялись и расстреливались совершенно невинные и честные люди.

Ведь как можно на них такое подумать, если репрессированные генералы на две трети состояли из благородных бывших царских офицеров?! Скажем, как мог предать комкор Г.К. Восканов, если он бывший подполковник царской армии? А комкор Н.В. Куйбышев, кавалер трёх орденов Красного Знамени, в царской армии - капитан?

Между тем эта подлость и предательство пролазили в Красную Армию именно из царской армии. Тут надо понять, если критерием службы в армии является не защита Родины (или царя) в боях, а получение от Родины (или царя) как можно большего чина и денежного содержания, и большой пенсии, и всё это в мирное время, то подлость и предательство станут нормой армии. Да, конечно, не все офицеры станут подонками, но желающих ими стать будет предостаточно.

Вы скажете, что это теория. Да, можно сказать и так. Но ведь в то время и практика говорила именно об этом. Наши деды в тот промежуток истории от начала века до Второй мировой войны видели этих офицеров, читали об их подвигах! И как они могли этим офицерам всем безоглядно верить?

Вот несколько примеров.

Князь С.Е. Трубецкой - заместитель главы боевой антисоветской организации в Москве - был пойман большевиками, долго сидел под следствием, приговорён к смерти, помилован, выпущен и, в конце концов, выслан за границу. Там он написал воспоминания о временах Гражданской войны «Минувшее», интересные тем, что писал их органический антисоветчик. Тем не менее, у него масса различных примеров о поведении русского дворянства после революции. Вот он, скрыв фамилии, чтобы не позорить семьи, описывает судьбу сидевших с ним под следствием трёх дворян.

> «Все трое были офицеры. К. - армейский кавалерист, восточного происхождения. После революции К. добровольно пошёл в Красную Армию - не из принципа, конечно, а прельстившись должностью полкового командира (он был, кажется, поручиком). Г. и Н.Н. тоже «устроились» у большевиков, оба на должностях военных следователей. И вот тут-то началось «дело». Г. и Н.Н. оба знали, что К. женат на дочери богатого польского промышленника, и в их головах созрел план действия. Безо всякого реального основания они создали против К. «дело», обвиняя его в «контрреволюции», в чём К. был совершенно невинен. После его ареста они, как бы по дружбе, обратились к жене К., говоря, что последний неминуемо будет расстрелян, если вовремя не подкупить кого следует, но для этого требуются значительные суммы, и в иностранной валюте... Шантажируя жену К., Г. и Н.Н. всё время разыгрывали перед ней роль верных друзей её мужа, идущих на большой личный риск, чтобы его вызволить. Обоим мерзавцам удалось таким образом присвоить драгоценности жены К., которая им их передала, и обязательства на крупные суммы, под гарантией польских имуществ. Г. и Н.Н. хотелось уже ликвидировать инсценированное ими же самими дело против К., выпустить его на волю и пожать плоды своей изобретательности. Но тут что-то сорвалось... Не знаю точно, в чём дело: вероятно, Г. и Н.Н. не поделились с кем следовало. Так или иначе, они сами и жена К. были арестованы. Вся махинация выяснилась, и военный трибунал приговорил обоих следователей к расстрелу.
>
> Забегая вперёд, скажу, что Г. и Н.Н. были расстреляны, К. - по суду оправдан, а жена его «за попытку подкупа» была приговорена к нескольким годам заключения (кажется, к пяти). Когда К. вышел на волю, жена его уже сидела в тюрьме».

Не знаю, как вам, а я считаю, что тут большевики, расстреляв этих подонков, поступили исключительно благородно. Князь Трубецкой

(который не каялся и не скрывал своей ненависти к большевикам, за что, повторю, и был ими выслан в Германию) вспоминает ещё один характерный случай:

> «Только потом я понял, что переживал Виноградский, когда, сидя с ним в камере, я безо всякой задней мысли рассказал ему следующий случай. Один арестованный ЧК офицер, чтобы спасти свою жизнь, предал своих товарищей. Те были расстреляны, но та же судьба постигла и самого предателя. «Больше он нам полезен быть не может, а куда нам девать таких подлецов?» - сказал о нём видный чекист, кажется, Петерс (тогда я точно помнил его имя и имя расстрелянного предателя и назвал их обоих Виноградскому). Я ясно видел, как взволновал его этот рассказ, как он изменился в лице и с каким чувством повторял: «Какие мерзавцы, какие бездонные мерзавцы!»

Чтобы вы поняли, почему этот Виноградский возмущался большевиками, следует сказать, что дворянин Виноградский уже предал самого Трубецкого, который узнал об этом несколько позже. (Хотя посудите сами, куда действительно большевики должны были девать алчных подонков и негодяев, о которых выше упомянул Трубецкой?)

В понимании подонков, расстрел подонков за подлость - это страшный грех, это понятно. А в понимании честных людей?

И этот дух царской армии тщательно сохранялся и переносился в Красную Армию, и не только большевистское правительство это видело, это видели все. Вот, к примеру, сообщение из владимирской газеты «Призыв» за 3 июля 1922 г.:

> «Наши красные гусары, кавалеристы одного из кавполков, стоящих во Владимире, решили тряхнуть стариной, размахнуться во всю военную мощь, показать свою молодецкую удаль. И показали.
>
> Группа лиц, возглавляющих кавполк, забралась в «кафе-питейную», напилась вдребезги пьяная и устроила скандал. Поколотила официанта и содержателя кафе за предоставление счёта в 60 000 000 рублей за вино и закуски. Потребовала от пианиста гимна «Боже, царя храни». Тот отказался. Тогда эта пьяная компания сама мастерски выполнила гимн, видно, не забылись старые мотивы. Но этим безобразия не кончились. Один из «господ» военных вздумал въехать на лошади в кафе, и, когда присутствующий тут член Губисполкома попробовал его остановить, тот порвал у него мандат, оскорбив в лице члена весь Губисполком. Дебош закончился скачкой по улице III Интернационала».

Обратите внимание, в заметке нет строк, обычных для такого случая в любой стране. Нет возмущения корреспондента типа «куда смотрит Советская власть?!». Советская власть-то там как раз оказалась в виде члена Губисполкома, но вы же видели, как с ним поступили доблестные бывшие царские офицеры. Ну ладно, не о расстрелах и разгулах речь, а о предательстве.

Продвинутые защитники мифической чести всего царского офицерства и слушать не хотят о предательстве, скажем, Тухачевского, бывшего гвардейского поручика. Как можно?!

Да, у нас, никогда не видевших этих «честных» царских офицеров, такое обвинение может вызвать удивление, но как оно могло удивить наших дедов-прадедов, скажем, после прочтения в журнале «Огонёк», № 15 за 1928 г. такого сообщения из Англии:

> «В скором времени в лондонском суде будет разбираться иск, предъявленный бившим русским офицером, графом Зелинским, японскому правительству, в 150 млн рублей, за проданные в 1904 г. планы расположения мин в Порт-Артуре.

Первые попытки японской армии взять Порт-Артур в августе 1904 г. окончились неудачно. Они были отбиты с колоссальными потерями для японцев.

И вдруг - неожиданность! - 2 января 1905 года «защитник» Порт-Артура ген. Стессель сдаёт японскому командованию крепость, снабжённую богатейшим военным парком и всем необходимым для долгой обороны. Это - первый удар. Второй - несколько судов Тихоокеанской эскадры идут на дно морское, наткнувшись на собственные мины.

Неожиданные события породили слухи об измене. И они оказались действительностью. Маршал Ямагута в рядах русского офицерства нашёл то, что искал. За 150 млн рублей (138 млн иен) три штабных офицера - граф Игорь Зелинский, Александр Фёдоров и Владимир Ворский - передают маршалу Ямагута планы расположения мин и войск Порт-Артура и Владивостока.

Один из предателей - граф Зелинский - так описывает в своём письме к одному швейцарскому адвокату подробности заключённой ими с японским командованием сделки о сдаче Порт-Артура.

В 1904 г., незадолго до сражения под Мукденом, японскому командованию были переданы планы расположения мин, а также сведения о численности русских войск в Порт-Артуре и во Владивостоке. При передаче этих планов с японским маршалом Ямагута было заключено предварительное соглашение о вознаграждении в 138 млн иен. Эта сумма, как было оговорено, будет выдана Зелинскому, А. Фёдорову и З. Ворскому лишь в том случае, если Япония выйдет победительницею.

После заключения перемирия двое из предателей - А. Фёдоров и В. Ворский - выехали в Нагасаки. Там им, вместо наличных денег, были выданы: окончательно оформленный договор и три векселя по 46 млн иен каждый, подлежащие оплате 22 марта 1915 года. Сделка прошла гладко. Но Ворский всё чего-то опасался. По выходе из дома, в котором происходил обмен, он на всякий случай передал векселя и договор А. Фёдорову. И не напрасно. Около самого порта в Нагасаки, куда они направились с целью покинуть пределы Японии с первым же отходящим пароходом, раздались один за другим несколько выстрелов. Ворский был убит на месте, Фёдорову, вместе с документом и векселями, удалось скрыться и уехать в Россию. Здесь, в Одессе, перед отъездом за границу графа Зелинского, Фёдоров выдал ему копию договора в английском переводе и вексель в 46 млн иен.

Эта копия вместе с векселем и была депонирована в Швейцарском Национальном банке в Лозанне. Тогда же женевские финансисты согласны были дать Зелинскому крупную денежную сумму под обеспечение лежавших в Лозанне ценных бумаг, при условии представления им подлинника договора. А подлинник в это время находился у Фёдорова в Одессе. Требование швейцарских финансистов было основано на том, что только в подлиннике договора были упомянуты фамилии всех трёх офицеров. Векселя же были выданы на предъявителя. В переводе договора фамилии также не были указаны. В то время Зелинскому подлинника получить не удалось.

Прошли годы... За это время умер ещё один предатель - А. Фёдоров. Оставшемуся в живых Зелинскому как-то удалось, наконец, получить подлинник договора. Перебравшись из Швейцарии в Англию, он депонировал свой вексель вместе с подлинником договора в лондонском банке «Хорар и Компания». Этот банк в настоящее время и предъявляет его в лондонский суд ко взысканию. Надо сказать, что японское правительство до сих пор не выкупило ни одного векселя из выданных в своё время трём русским предателям. Таким образом, покупка Порт-Артура за счёт предательства некоторых представителей русского командования обошлась Японии очень дёшево.

Хотя факт выдачи векселей и договора не оспаривается ни японским посольством в Лондоне, ни Японским банком, - однако, как пишет германская газета «Франкфуртер Цайтунг», возникают сомнения относительно подлинности депонированного Зелинским в банке «Хорар и Компания» векселя. Эти сомнения вызваны тем, что подпись японцев произведена не под текстом, а сбоку, латинским шрифтом и наизнанку. Но вместе с тем адвокатура и банковские круги допускают возможность, что японцы нарочно произвели так подписи, чтобы впоследствии можно было бы оспаривать подлинность этих денежных документов.

Для нас совершенно неважно, подлинными или подложными документами оперирует предатель Зелинский. Большую значимость имеет подтверждение японского посольства в Лондоне выдачи русским предателям векселей на 138 млн иен за продажу Порт-Артура. Этим устанавливается исторический факт продажи крепости русским командованием, так как не может быть сомнения в том, что три штабных офицера являлись лишь посредниками между русскими и японскими генералами.

Всей этой истории удивляться не приходится. Недаром же один из виднейших руководителей и организаторов французской армии до империалистической войны ген. Персон в своих воспоминаниях утверждает, что по большей части генералитет в прошлом был до чрезвычайности жаден до денег. Некоторые представители его не брезгали даже антипатриотическими средствами, чтобы достигнуть своей цели. Что ж! Мы, пожалуй, не будем оспаривать мнение видного представителя ответственного командования крупной армии капиталистического государства о своих коллегах. Павел Пупровский».

Кстати, этот французский генерал мог иметь в виду и не просто генералов, а прямо членов императорской фамилии России. Исследователь истории русской артиллерии А. Широкорад, ознакомившись с выбором артиллерийских систем для царской армии, пишет:

«После 1895 г. (то есть после воцарения Николая II) русская сухопутная артиллерия ставится в полную зависимость от Франции. И дело не только в том, что Круппа заменила фирма Шнейдера, производившая менее качественные орудия. Ни Крупп, ни германское правительство никогда не вмешивались в раздачу военных заказов русским заводам, а тем более в стратегию и тактику русской армии, справедливо считая это прерогативой русских властей. А вот фирма Шнейдера, заключив контракт с Военным ведомством России, обязательно оговаривала, что столько-то лет такая-то пушка системы Шнейдера будет изготавливаться исключительно на Путиловском заводе или вообще будет изготавливаться только на этом заводе.

Почему же Шнейдер так возлюбил этот завод? Да потому, что Путиловский завод - единственный русский частный артиллерийский завод, все же остальные артиллерийские заводы с 1800 по 1914 г. принадлежали казне. Надо ли говорить, что правление Путиловского завода было слишком тесно связано с фирмой Шнейдера.

Великий князь Сергей Михайлович и Кшесинская совместно с руководством фирмы Шнейдера и правлением Путиловского завода организовали преступный синдикат. Формально в России продолжали проводиться конкурсные испытания опытных образцов артиллерийских систем, на которые по-прежнему приглашались фирмы Круппа, Эрхардта, Виккерса, Шкода и другие, а также русские казённые заводы Обуховский и Санкт-Петербургский орудийный. Но в подавляющем большинстве случаев победителем конкурса оказывалась фирма Шнейдер.

Автор лично изучал в архивах Военного исторического музея отчёты о конкурсных испытаниях орудий. В угоду великому князю Сергею Михайловичу комиссия часто шла на подлог. К примеру, вес орудий Шнейдера подсчитывался без башмачных поясов и ряда других необходимых элементов, а орудий Круппа - в полном комплекте. В отчёте писалось, что орудие Шнейдера легче и подлежит принятию на вооружение, но фактически в боевом и походном положении оно было тяжелее своего крупповского аналога.

Что же касается самодержца всероссийского, то, занятый мундирами, пуговицами, значками и ленточками, к гаубицам он особого интереса не проявлял».

Но вернёмся к предателям Русско-японской войны. Удивляет, что это предательство Порт-Артура в дальнейшем как-то забылось отечественной историей, по крайней мере, я ничего об этом раньше ни у кого не читал. Возможно, впоследствии как-то выяснилось, что это простое мошенничество этого некоего князя Зелинского (в некоторых источниках его называют Телинский), такие версии существовали и в то время.

Однако смущает, что японцы в 1928 г. признали факт этого предательства и, главное, что этот факт не вызвал никакого сомнения у тогдашней редакции журнала. А это можно объяснить только тем, что в те годы царское офицерство было ещё на виду и в предательстве ими Родины никто в СССР не видел ничего невероятного.

О карателях

Я обсудил начало этой главы на своём сайте и вызвал этим несколько

дискуссий, которые и привели к мысли написать о роли военных судов в создании и сохранении военной мощи государства.

Был краткий миг нашей истории, когда при Сталине делом государства была защита народа СССР и когда правительство Советского Союза чётко понимало, как именно надо защищать народ. И в те годы не НКВД, а суды были официальным карательным органом государства. Между прочим, во времена Сталина и отчёты судов назывались отчётами «о карательной политике». Вот, к примеру, цитата.

> «Карательная политика судебной коллегии Московского городского суда по 1-й инстанции по делам общей подсудности за июль-август 1941 г. была следующей. Из 157 привлечённых к уголовной ответственности: осуждено 116 - 73,8%; оправдано 27 - 17,2%. Прекращено дело в отношении 14 человек - 9%».

Заметьте, что при Сталине судей без стеснения называли так, как их и должно называть, - «карателями», тем не менее даже в условиях прифронтового города эти каратели оправдывали каждого пятого подсудимого и отпускали каждого четвёртого. Почему?

Потому что Конституция и закон не давали судьям развлекаться наказаниями, Уголовный кодекс Советского Союза понятия «наказание» не знал, поскольку оно не может быть делом ни судов, ни государства. В УК РСФСР с изменениями на 1953 г. соответствующая норма записана так:

> «7. В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности, применяются меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера».

Как видите, когда в стране ясно представляют себе, что является делом государства и суда, то судьи не наказывают преступников, а ЗАЩИЩАЮТ ОТ НИХ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ - народ. И чтобы судьи не забывались, статья 9 УК РСФСР устанавливала:

> «9. Меры социальной защиты применяются в целях:
>
> а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их,
>
> б) воздействия на других неустойчивых членов общества и
>
> в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся.
>
> Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят».

Что будет, если мы будем не защищать общество от преступников, а мстить преступникам наказанием? Да ещё и гуманно мстить? Мы оставим общество без защиты.

А если мы перестанем защищать армию военными судами от пробравшихся в неё преступников и трусов, то мы оставим народ без армии, вернее, мы посадим на шею народа дармоедов, которые расходами на себя будут грабить казну только собственного государства, поскольку до казны противника добраться не смогут. Причём эти дармоеды в погонах ещё и будут уверены, что собственное государство дано им в ограбление по праву.

Военно-морские итоги

Так вот, у меня на сайте стоящие внимания комментарии в основном свелись к тому, насколько достоверно это событие, а на сайте ФОРУМ.мск вопрос был поставлен по сути - были ли царские офицеры бесчестны?

> «Отдельно ВЫРВАННЫМИ ФАКТАМИ можно доказать ЧТО УГОДНО. Вы, Ю. Мухин, здесь пользуетесь ЭТИМ принципом, - попрекает меня комментатор xxl. - Касательно Русско-японской войны, то именно ТАМ РУССКИЕ МОРЯКИ ПРОЯВИЛИ ВЕЛИЧАЙШЕЕ МУЖЕСТВО, которое потрясло мир. Не тебе, Ю. Мухин, говорить о ЧЕСТИ РУССКОГО ОФИЦЕРА. Ври, да не завирайся!»

Должен повторить, что если бы сейчас была война или угрожающее войной положение, то только версию **xxl** и пришлось бы озвучивать, поскольку в такие времена преступно подрывать авторитет офицеров, кем бы они ни были. И в такие времена поздно обращаться к ним с увещеваниями, их в такой период надо просто расстреливать.

Но в мирное время сокрытие слабости армии хуже предательства, поскольку не даёт исправить армейские пороки, в результате такая армия либо терпит поражение, либо предаёт народ своей позорной сдачей противнику.

Комментатору xxl ответил комментатор DSP007:

> «Русские моряки, может, и проявили величайшее мужество, но именно кадровое офицерьё проявило НЕВЕРОЯТНУЮ ДУРЬ и РЕДКОСТНУЮ ТРУСОСТЬ.
>
> Начнём с дел довоенных.
>
> Царь и его безобразовское окружение явно не понимали, что доигрались и «дело пахнет керосином» - отсюда и стояние судов на внешнем рейде, и суда стационеры во всех китайских портах. А офицерам политикой заниматься было неинтересно, поэтому они просто ни хрена не соображали в происходящем.
>
> В результате.
>
> Новейший крейсер «не захотел» воспрепятствовать высадке японского десанта и штурму им Сеула. После этого по «просьбе» иностранных дипломатов и моряков, вместо того чтобы перетопить японские транспорты, смело попёрся «прорываться» вместе с устаревшей канонеркой. Прорваться однако не удалось - после нескольких попаданий, причинивших незначительные повреждения крейсеру, господа офицеры самозатопили корабли на мелководье вне основного фарватера. Хотя могли бы принять «последний бой» прямо на фарватере порта, что поставило бы японскую эскадру в аховое положение - японские снаряды на перелётах летели бы прямо в американские и английские корабли. Более того, даже потопив «Варяг», японцы бы миссию не выполнили - крупнейший порт, необходимый для заправки водой и углём пароходов, оказался бы выведен из строя, а японская пехота тащила бы на горбу пушки (ибо дорог нет) через всю Корею, подвергаясь ударам казаков и корейских партизан.
>
> Ни один из русских броненосцев и крейсеров до прибытия в марте О.И. Макарова не выводился в море. Как итог - за это время самураи, во-первых, заняли острова Эллиот напротив Порт-Артура, превратив их в базу снабжения, во-вторых, произвели десантную операцию на Квантуне и вскоре после приезда Макарова перехватили КВЖД, отрезав Порт-Артур.
>
> Неудачным оказался конец апреля - сначала в бою погиб эсминец «Стерегущий», потом подорвался на мине и затонул «Петропавловск».
>
> В это же время 1 броненосный и 4 лёгких японских крейсера подвергли обстрелу Владивосток. Стоявшие в Золотом роге три тяжёлых крейсера, лёгкий крейсер и 8 эсминцев эту выходку косоглазых демонстративно проигнорировали, типа, мы не в теме. Хотя могли бы ответить...
>
> После гибели через месяц Макарова порт-артурские корабли также месяц не выводились. За

это время японцы без боя высадили десант в городе Дальний и получили прекрасный морской порт прямо у ворот Порт-Артура. Поэтому теперь им не нужно было тащить пушки и снаряды на горбу через весь Китай.

Более того, японцы оборзели настолько, что стали непрерывно ходить непосредственно на обстрел Порт-Артура - и в одиночку, и толпой. Правда, им это боком вышло - однажды они напоролись на минную банку, выставленную командиром минзага «Амур» по СОБСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ И НЕ НАНЕСЁННУЮ НА КАРТЫ.

Итог - броненосец «Ясима» повторил судьбу «Петропавловска», «Хацусе» лишился носа по башню и затонул при буксировке, новейший «Кассуга», уклоняясь от тонущего «Ясима», перерубил лёгкий крейсер, - это не считая остальной мелочи (до эсминца включительно), общим числом в 12 вымпелов, оставшихся там же. Что отнюдь не подвигло на битву российских флотоводцев, хотя всё это безобразие происходило в 70 кабельтовых (12 км) от порта и был прилив. Поэтому эти гигантские одновременные потери, ввиду пассивности императорского флота, никак не отразились на действиях самураев, которые обложили Порт-Артур с суши и двинули по Квантуну на север.

Первым делом им встретился г. Инкоу с британским сеттельментом и русской канонеркой «Сивуч». Она, по просьбе англичан, громко взорвалась на 16 тонн своих снарядов, так и не сделав по японским колоннам ни одного выстрела. После этого отстреливавшиеся в меру сил китайцы тоже поменяли своё мнение и радостно приветствовали родственных желтокожих освободителей. Которые, правда, родства не признали и в первую же ночь похоронили 800 китайцев заживо (!) для острастки, а оставшихся согнали на строительство дорог. И двинулись далее к Ляоляну и Мудкену.

Это поставило Порт-Артур на грань катастрофы. В мае 1-я эскадра ТОФ при виде японцев наложила в штаны и ретировалась. В июне диспозиция была изменена с «побить узкоглазых» на «прорваться», т.е. бежать куда глаза глядят, что после драки с японским флотом частично удалось - броненосец «Цесаревич» удрал в немецкий Циндао, крейсера расползлись кто в Шанхай, кто в Сайгон, кто в Макао. Во Владивосток попытался прорваться лишь лёгкий крейсер (фактически эсминец) «Новик», но у Сахалина встретился со своим японским одноклассником «Цусимой» и после небольшой перестрелки предпочёл самозатопиться. Одновременно произошёл первый бой у Цусимы, где новейшие тяжёлые крейсера «Громовой» и «Россия» при виде японской эскадры ретировались, бросив более тихоходный устаревший «Рюрик» на растерзание. 1-ТОФ перестала существовать как организованная сила, и падение Порт-Артура (с самозатоплением остальных кораблей) уже ничего не решало.

2-я и 3-я эскадры ТОФ приползли к шапочному разбору, и после непродолжительной второй драки (боем это назвать невозможно, так как Рожественский и не думал управлять эскадрами, сбежав сразу) с японцами у Цусимы эскадры частично оказались утопленными (6 броненосцев, тяжёлый крейсер и броненосец береговой обороны), частично разбежались (7 из 10 крейсеров, включая «Аврору»), частично повыкидывались на берег, а большей частью СДАЛИСЬ БЕЗ БОЯ. Во Владивосток из эскадры в 70 вымпелов прорвались (то есть выполнили задачу) ДВА корабля - минный крейсер «Жемчуг» и миноносец № 658, на территорию России - ещё два: лёгкий крейсер «Алмаз» вылетел на камни у Находки, а ведшая всю ночь перестрелку с японским лёгким крейсером и двумя эсминцами МАСТЕРСКАЯ «Анадырь» прорвалась в Петропавловск-Камчатский, откуда через Панамский канал вернулась в Петербург, совершив кругосветное плаванье.

И до кучи: ни на «Стерегущем», ни на «Анадыре» в бою не было «их благородий». «Анадырю» их просто не полагалось как гражданскому кораблю, а «Стерегущему» первый же снаряд разбил рубку, убив всех, кто мог сдаться».

Технические причины - не главные

Жёстко написано и, на мой взгляд, не всегда точно и справедливо. Скажем, во Владивосток пробился и эсминец «Грозный», а «Варяг» всё же получил такие повреждения и потери палубной команды, что, собственно, корабль и осталось только затопить. (Три, прикрытых пластырями, подводные пробоины, крен на левый борт градусов 10, единственное уцелевшее шестидюймовое орудие из двенадцати. Убыли убитыми и ранеными половина комендоров и орудийной обслуги, 10 из 11

дальномерщиков, 7 из 11 палубных офицеров.) Из-за отсутствия броневого прикрытия орудий у «Варяга» относительные потери были больше, чем на каком-либо ином корабле, остававшемся на плаву в той войне.

Тем не менее, поражение русского флота позорнейшее, и никакими «объективными» причинами его не объяснишь.

Была слаба броня на русских кораблях?

Но «Орёл» выдержал 55 попаданий только снарядами весом от более 40 до почти 400 кг (калибра от 152 до 305 мм) и не потерял плавучести и части боеспособности! Ни в каких последующих морских сражениях ни один корабль столько попаданий не выдерживал. Скажем, через 10 лет в Ютландском морском сражении: *«На четырнадцатой минуте боя «Индефатигебл» получил несколько попаданий снарядов крупного калибра и в 16 часов 02 минуты перевернулся и затонул. После этого «Фон дер Танн» перенёс огонь на крейсер «Куин Мери», по которому уже вёл огонь «Дерфлингер». В 16 часов 26 минут в «Куин Мери» попало несколько снарядов крупного калибра. Крейсер взорвался и затонул. Оба корабля погибли в результате прямых попаданий снарядов в башни и проникновения их в артиллерийские погреба»*. (Замечу, что немецкие корабли стреляли из орудий калибра 280 мм (вес снаряда 299 кг), а помянутые британские крейсера по водоизмещению превосходили «Орёл».) Или в мае 1941 г. британский крейсер «Худ», водоизмещением втрое превосходивший «Орёл», получил максимум четыре попадания 203-мм и 380-мм (800-кг) снарядов, и ему этого хватило, чтобы взорваться.

Японцы стреляли фугасными снарядами, а русские корабли бронебойными?

Но, во-первых, японцы стреляли и бронебойными, когда это было целесообразно. Дело в том, что при полёте на большие расстояния энергия снаряда (его скорость) снижается и бронепробиваемость падает. Если на расстоянии 10 кабельтовых (около 2 км) 305-мм бронебойный снаряд способен пробить 305 мм брони или соответствующих препятствий, то на расстоянии 60 кабельтовых (около 11 км), с которого и начинали огонь японцы, всего 100 мм. Наши снаряды даже если и попадали, то не проникали глубоко в корабль и не вызывали в нём тяжёлых разрушений. К Цусимскому сражению, которое японцы и планировали вести на больших дистанциях, они увеличили боекомплект 305-мм орудий и изменили его: теперь в него входило 30 бронебойных и 80 фугасных снарядов.

Но кто мешал русским адмиралам взять в поход побольше фугасных снарядов? Снаряжённые пироксилином, они были бы в полтора раза мощнее японских, снаряжённых пикриновой кислотой, и на палубах японских кораблей производили бы больше разрушений, чем японские фугасные снаряды на палубах русских кораблей.

У японцев было 3,2% попаданий, а у наших всего 1,2%? А кто мешал обучить русских комендоров стрельбе на дальние расстояния, благо

артиллерия российских кораблей была более дальнобойной?

Каждый третий российский снаряд не взрывался? А кто получил «откаты» за приём этих невзрывающихся снарядов на корабли?

Однако дело даже не в этом.

Само сражение было подобно нападению волков на отару овец, у которой была единственная цель - спастись! Доплыть до Владивостока! О нанесении поражения японцам доблестное императорское офицерство и не думало. Трудно найти в истории морское сражение такого масштаба, которое бы закончилось столь оглушительным разгромом со столь позорными результатами.

Источник информации

Я уже упоминал, что к источникам исторических фактов в виде мемуаров, да и любых документов нужно подходить осторожно, но в этом смысле, пожалуй, наиболее надёжными источниками являются судебные протоколы, поскольку в них отражена не просто версия какого-либо автора мемуаров или документа, в судебном заседании идёт опровержение сторонами многих лживых положений, которые прекрасно себя чувствуют в документах и мемуарах.

Вот теперь давайте рассмотрим скупые строки судебного протокола, взятые из сборника, составленного в 1907 г. Е. Дубровским «Дела о сдаче японцам 1) миноносца «Бедовый» и 2) эскадры Небогатова».

21 июня 1906 г. в особом присутствии военно-морского суда Кронштадтского порта началось слушание дела о сдаче миноносца «Бедовый». Состав суда: председатель генерал-лейтенант Извеков, судьи, назначенные по распоряжению морского министра: вице-адмирал Дикер, контр-адмирал барон Штакельберг; по избранию главного командира флота и начальника обороны Балтийского моря: вице-адмирал Безобразов, контр-адмирал Гаунт, контр-адмирал Цивинский. Из постоянных членов суда подполковник Старк. Обвинял товарищ главного военно-морского прокурора генерал-майор Вогак. Я перечислил эти ничем не примечательные в отечественной истории фамилии, чтобы указать чины судей - адмиралы и генералы российского флота судили своих коллег - адмиралов и офицеров флота.

К делу в качестве обвиняемых были привлечены: адмирал генерал-адъютант Рожественский, флаг-капитан капитан 1 ранга Колонг, флаг-штурман полковник Филипповский, заведовавший военно-морским отделом штаба адмирала Рожественского капитан 2 ранга Семёнов, флагманский минный офицер лейтенант Леонтьев, флаг-офицер лейтенант Кржижановский, командир миноносца «Бедовый» капитан 2 ранга Баранов и офицер того же миноносца мичман О’Бриен-де-Ласси.

Повторю: «своих» судили «свои», и обвинял тоже «свой». Но должен сказать, что, навидавшись нынешних прокуроров, не могу не отдать должное генерал-майору Вогаку - по степени общей культуры, по логике и убедительности нынешние прокуроры по сравнению с ним как сопля на

чаше правосудия. Я несколько поменяю местами эпизоды речи прокурора и, конечно, дам только отрывки.

Поскольку адмирал Рожественский мало того, что признал себя виновным, но и взял на себя ответственность за действия офицеров *(«я был на миноносце, следовательно, и вина вся моя, а они не виноваты»*), то я сначала дам выступление прокурора с анализом законодательства, из которого следует вина офицеров. Из-за объёмности текста и из-за использованных Вогаком цитат я не буду выделять цитируемые тексты курсивом. Итак.

Устав Петра и его забвение

Прокурор сообщил суду: «...По точному смыслу ст. 354 Морского устава, сдача допустима только в тех случаях, когда, не имея возможности спасти команду и уничтожить корабль, командир вследствие непреодолимых бедствий - течи, пожара или полного истощения средств обороны найдёт, что иного выхода, кроме сдачи, нет, и с выводом этим согласятся все офицеры. Отсюда ясно, что корабль неповреждённый, с исправными орудиями и другими средствами обороны ни в каком случае, хотя бы и ради самых гуманных на первый взгляда целей, без боя сдан быть не может.

Так смотрят на этот вопрос и другие законодательства, так разрешается он, конечно, и с точки зрения военно-морской этики.

Засим возникает вопрос, всякий ли офицер, на корабле находившийся, о сдаче знавший и ей не противодействовавший, отвечает за сдачу, раз она произошла не при дозволенных законом условиях? ...Командующий флотом или эскадрою, а также и командир корабля сдать эскадру или корабль в буквальном смысле слова не могут, им нужны помощники, исполнители, которым они и отдают соответствующие приказания.

...Наши прежние законы, надо сознаться, отличались большею ясностью и определительностью... Морской устав Петра I, как и все творения нашего гениального преобразователя, был прост и ясен. Сомнений у офицеров того времени возникнуть не могло, да и не было. По смыслу артикула 99 этого устава сдача допускалась, как и теперь, в случае непреодолимых бедствий и невозможности спасти иным путём команду, причём, как и теперь, требовалось на это согласие всех офицеров. Признавая за сим, в общем, обязательность приказаний начальника, устав допускает, однако, в виде особого исключения, вмешательство офицеров в действия командира. *«Буде же офицеры, матросы и солдаты,* - говорит артикул 73, - *безо всякой причины допустят командира своего корабль сдать или из боевой линии уйти без законной причины и ему того не отсоветуют или в том его не удержат, тогда офицеры казнены будут смертью, а прочие - с жребия десятый повешены. Того для,* - гласило толкование, - *в таком случае противление не токмо допущено, но и повелено таким образом, что ежели офицеры и рядовые усмотрят, что командир их без законной причины корабль неприятелю отдать хочет, тогда имеют оные, приступя к нему, прекословить и преклонять его к должности; а ежели его от такого намерения уговорить не можно, повинны его арестовать и другого офицера, первого по нём, выбрать и ему команду приказать. А ежели усмотрят, что и другой к тому же преступлению склонен будет, повинны между собой достойного выбрать и ему команду вручить, и так всевозможным образом оный корабль боронить должны»*.

При императора Петре I Морской устав был и Морским уставом в тесном смысле этого слова, и уголовным кодексом, предусматривавшим все преступления. В царствование императора Павла I, в 1797 г. был издан новый Морской устав, но Морской устав Петра Великого как кодекс уголовный сохранил свою силу и в последующие царствования, вплоть до издания в 1851 г. «Свода морских уголовных постановлений», что наглядно явствует из того, что к случаю сдачи в 1829 г. в войну нашу с турками фрегата «Рафаил» были применены правила Петровского устава. Наказанию подвергнуты были не только командир этого фрегата Стройников, но и другие офицеры, в этой сдаче участвовавшие».

Дополню прокурора. Офицеры «Рафаила» были приговорены к смертной казни, но затем приговор был смягчён: все офицеры, кроме одного мичмана, находившегося в момент сдачи в крюйт-камере, были

разжалованы в матросы.

«Одновременно с изданием свода морских уголовных постановлений, - продолжает прокурор, - был особым комитетом под председательством великого князя Константина Николаевича пересмотрен и Морской устав. При этих-то работах золотое правило Петровского устава, в силу условий, о которых я ещё скажу, было разменяно на серебро статей устава и свода постановлений.

...Из этого краткого обзора нашего морского законодательства видно, что взгляд законодателя на ответственность офицеров при сдаче, по существу, не изменился и что некоторая неполнота закона объясняется простым недосмотром.

Я не буду, гг. судьи, утомлять ваше внимание обзором законодательства иностранных держав и ограничусь тем, что скажу: в австрийском и итальянском лица, содействовавши сдаче или ей не противодействовавшие, несут за это наказание. В австрийском кодексе содержится и поныне правило, подобное артикулу 73 Петровского устава: при трусости коменданта крепости офицеры должны его арестовать. С точки зрения военно-морской этики безответственность офицеров совершенно непонятна. Статья 10 Морского устава обязывает каждого офицера во всякое время и при всех обстоятельствах вести себя так, чтобы поддерживать честь русского имени и достоинство русского флага. Раз сдача корабля - преступление, преступен каждый офицер, принявший в ней участие или ей не противодействовавший. Я позволю себе напомнить вам слова Наполеона: *«Тот, кто, капитулируя, предписывает сложить оружие, и те, кто повинуются, одинаково изменники и заслуживают наказания»*. Думаю, что такова точка зрения и современных моряков. Я сошлюсь на адмирала Рожественского, который в показании, данном по настоящему делу, выразился так: *«Впоследствии мне стало ясно, что, желая во что бы то ни стало сберечь мою жизнь, беззаветно мужественные офицеры пошли на преступление, караемое смертною казнью, потеряли рассудок и пожертвовали своею воинскою честью»*. Слова эти бесспорно устанавливают точку зрения адмирала: за сдачу отвечает не только командир, но и другие офицеры. В настоящее время сами обвиняемые сознают свою ошибку и понимают, что не всякое приказание начальника должно быть слепо исполняемо.

Итак, путём толкования закона нельзя не прийти к выводу, что за сдачу корабля при известных условиях должны отвечать не только флагман и командир, но и другие офицеры».

Теперь о том, как было дело со сдачей японцам в плен миноносца «Бедовый».

«Погода была ясная и тихая»

«15 мая 1905 г., около 4-х часов пополудни, миноносец «Бедовый», будучи настигнут в Японском море, близ острова Дажелета, японским миноносцем «Сазанами», без боя спустил пред неприятелем флаг и был отведён в плен.

При производстве по этому делу предварительного следствия выяснилось, что сдача «Бедового» произошла при следующих обстоятельствах.

14 мая 1905 г., около 2,5 ч. пополудни, в Цусимском бою эскадренный броненосец «Князь Суворов» вышел из строя и потерял способность управляться. К 5,5 часам он весь был объят пламенем и имел значительный крен на левую сторону. Заметив бедственное положение «Суворова», командир миноносца «Буйный», кап. 2 ран. Коломейцев, подобравший уже на месте гибели броненосца «Ослябя» свыше 200 человек команды, под сильным неприятельским огнём подошёл к наветренному борту «Суворова» и принял тяжело раненного адмирала ген.-адъют. Рожественского и чинов его штаба - капитана 1 ран. Ютапье-де-Колонга, капитана 2 ран. Семёнова, полковника корпуса флотских штурманов Филипповского, лейтенантов: Кржижановского, Леонтьева, мичмана Демчинского и нескольких нижних чинов. Рискуя разбиться на сильной зыби, командир «Буйного» поспешил отвалить и отойти от близкого к гибели «Суворова».

По удостоверению капитана 2 ран. Коломейцева, лейтенанты броненосца Вырубов и Богданов, а также и прапорщик Курсель, имея полную возможность спастись, отказались перейти на миноносец и, будучи верными своему долгу, вместе с другими офицерами и командой «Суворова», как впоследствии выяснилось, погибли геройскою смертью.

Получив от снаряда пробоину в носовую часть, миноносец «Буйный» вышел, однако, успешно из сферы неприятельского огня и через час приблизительно нагнал наш крейсерский отряд. По приказанию флаг-капитана адмирала Рожественского капитана 1 ран. Колонга, командир

«Буйного» поднял сигнал: «Адмирал передаёт командование адмиралу Небогатову», и по семафору поручил миноносцу «Безупречный» приблизиться к флагманскому кораблю «Николай I» и поставить в известность адмирала Небогатова о вступлении его в командование всею эскадрою.

На «Буйном» адмиралу Рожественскому и другим раненым была фельдшером Кудиновым оказана первая медицинская помощь. По словам Кудинова, положение адмирала было очень тяжкое. Свидетель предполагал, что адмирал не выживет. На лбу адмирала была большая зияющая, сильно кровоточившая рана; обильно кровоточившая рана была также и под правой его лопаткой, на правом бедре часть мякоти была вырвана, на левой пятке из порванной артерии фонтаном лилась кровь. На вопрос - как вы себя чувствуете, ваше превосходительство? - адмирал спросил: «Как «Суворов»?» и прибавил: «Ради Христа передайте им, чтобы не спускали флага». Узнав, что на «Суворове» всё сбито и не на чем даже поднять флаг, адмирал раздражённо возразил: «Пусть хоть как-нибудь приспособят, хотя бы на весле или на крюке». Во время перевязки адмирал разговаривал с подходившими к нему офицерами и командиром, спрашивал о курсе и говорил, что надо идти во Владивосток.

До сумерек «Буйный» шёл вместе с крейсерами: «Дмитрий Донской», «Светлана», «Изумруд» и «Владимир Мономах», но затем, вследствие повреждений в машине, отстал. Около 3 часов ночи капитан 2 р. Коломейцев, решив, что до Владивостока ему не дойти и что миноносцу его грозить серьёзная опасность от преследовавшего эскадру неприятеля, спустился в кают-компанию, чтобы посоветоваться с флаг-капитаном о дальнейших действиях. Разбудив капитана 1 р. Колонга, командир «Буйного» предложил ему идти к японским берегам, высадить там адмирала и взорвать непригодный к плаванию миноносец. Не видя другого выхода, капитан 1 р. Колонг на это согласился, флагманский штурман адмирала Рожественского, полковник Филипповский, лежавший рядом с Колонгом, проснулся и, вмешавшись в разговор, со своей стороны высказал, что для спасения жизни адмирала, в случае встречи с неприятелем, в бой вступать не следует. Флаг-капитан, видимо, колебался принять это решение, в силу чего капитан 2 р. Коломейцев предложил спросить об этом самого адмирала. По удостоверению Коломейцева, он и Филипповский вошли в каюту адмирала, а Колонг за теснотою остался у дверей. Взяв за руку адмирала, Коломейцев вывел адмирала из состоянья полузабытья, а Филипповский стал доказывать адмиралу необходимость сдачи при встрече с неприятелем. Невзирая на слабость и нервное потрясение, ген.-адъют. Рожественский имел силу ответить, чтобы его присутствовия не стеснялись и действовали так, как будто бы его на миноносце вовсе не было. По выходе из каюты Филипповский продолжал, однако, настаивать на правильности своего взгляда о необходимости сдаться ради спасения жизни адмирала.

...Фельдшер Кудинов со своей стороны показал, что до полуночи адмирал был, по-видимому, в сознании, а потом бредил и на вопросы не отвечал.

Вскоре после совещания с Коломейцевым, Филипповским и Семёновым флаг-капитан Колонг приказал лейтенанту Вурму достать простыню и передать её командиру, чтобы поднять её вместо флага при появлении неприятеля. Вурм исполнил это приказание, но капитан Коломейцев, отбросив простыню, сказал: «Что за трагикомическое положение, что я, командир военного судна, повезу своего адмирала в плен: этого никогда не будет».

15 мая на рассвете на горизонте показались крейсер «Дмитрий Донской» и миноносцы «Бедовый» и «Грозный», которые приняли первоначально «Буйного» за неприятеля и изменили курс. Подняв позывные и давая о себе знать по телеграфу, командир «Буйного», видя, что «Дмитрий Донской» и миноносцы приближаются, решил об этом доложить адмиралу. Узнав, что уголь на исходе, что котлы миноносца «Буйный» засолены, а машина повреждена, адмирал пожелал перейти на миноносец «Бедовый», о чём, по приказанию флаг-капитана, было сообщено по семафору и «Бедовому», и «Дмитрию Донскому». В 9-м часу утра к «Буйному» подошёл катер с «Дмитрия Донского», на котором адмирал Рожественский и чины его штаба были перевезены на «Бедовый». Адмирал поздоровался с командой и с командиром, капитаном 2-го р. Барановым и, по удостоверению комендора команды миноносца «Бедовый» Григория Михайленко, исполнявшего обязанности сигнальщика, осведомился - имеется ли на миноносце белый флаг. Прибывший с «Дмитрия Донского» младший врач Туржемеский остался при адмирале и почти всё время до самой сдачи находился при нём. Он застал адмирала в сознании, но нашёл повреждения его тяжкими, а положение опасным. Адмирал часто впадал в забытьё и, видимо, не всегда отдавал себе отчёт в окружающем.

Приняв адмирала, миноносец «Бедовый» поднял сигнал: ««Грозному» следовать за мной», - и по семафору сообщил: «Адмирал Рожественский на миноносце, ранен, большинство штаба

тоже, идём во Владивосток, если хватит угля, в противном случае в Посьет, идите так, чтобы ваш дым не попадал на нас». «Грозный» вступил в кильватер «Бедовому», и оба взяли курс на Владивосток. Первоначально «Бедовый» шёл под четырьмя котлами, а затем под двумя, делая не более 12 узлов. Распоряжение о превращении паров в двух котлах удивило команду, но инж.-мех. шт.-капитан Ильютович объяснил, что мера эта обусловлена недостатком угля.

Задолго ещё до появления неприятельских миноносцев среди команды прошёл слух, что адмирал решил в бой не вступать и при встрече с врагом сдаться. Слух этот был вызван разговорами офицеров, которые присутствием команды, видимо, не стеснялись. По словам машиниста Попова, он сам слыхал, как командир Баранов говорил, что, если миноносец нагонят японцы, «Бедовый» сдастся. Часов около 10-ти вахтенный начальника мичман О'Бриен-де-Ласси приказал сигнальщику Сибирёву приготовить белый флаг из скатерти, взятой в кают-компании. «Неужели будем сдаваться?» - спросил Сибирёв. «Адмирал приказал приготовить на всякий случай», - ответил О'Бриен-де-Ласси.

Около часу, как это установлено выпискою из шканечного журнала миноносца «Грозный», в виду острова Дажелета, на горизонте, несколько слева и позади, показались дымки, о чём тотчас же на «Бедовом» было доложено командиру и флаг-капитану, которые вместе с многими из офицеров поднялись на мостик. Высказывались разнообразные предположения. Одни говорили, что это наши отставшие суда; другие утверждали, что это японцы. Многие признавали необходимым увеличить ход и развести пары во всех котлах, другие считали, что лучше выждать. Когда силуэты двух неприятельских миноносцев обрисовались ясно, что было около 3 часов дня, команда «Бедового», без всякого приказа, разошлась по орудиям и, видимо, ждала боя. Офицеры на мостике о чём-то совещались. Ход увеличили, приказано было поднять пары.

На «Грозном» в это время уже пробили тревогу. «Грозный» приблизился к «Бедовому» и поднял сигнал: «Нагоняют японские миноносцы, что будем делать?» - «Сколько можете дать ходу?» - спросили с «Бедового». «22 узла», - ответил «Грозный» и вслед за этим получил приказание идти во Владивосток. Удивлённый таким, ничем не оправдывавшимся распоряжением, командир «Грозного», капитан 2 ранга Андржиевский семафором спросил: «Почему уходить, а не принять бой?», - на что ответа не последовало. На «Бедовом» в это время мичман О'Бриен-де-Ласси приказал уже сигнальщику Сибирёву пристопорить белый флаг, а командир и флаг-капитан распорядились отогнать команду от орудий. Неприятель был близко. Все офицеры «Бедового» вышли наверх. Последними поднялись на палубу доктор Туржемеский и лейтенант Кржижановский, в каюте оставался один адмирал, который временами только приходил в сознание. По словам матроса Савича, находясь в кают-компании, он видел, как к адмиралу прошёл командир капитан 2 ранга Баранов, и слышал, как тот спросил адмирала: «Прикажете ли, ваше превосходительство, открыть огонь, неприятельские миноносцы приближаются», на что адмирал будто бы ответил: «Огня не нужно открывать, сдадимся в плен, а «Грозному» просемафорить идти во Владивосток».

После первого же неприятельского выстрела в 3 ч. 25 мин. «Бедовый» застопорил машину и, по распоряжению флаг-капитана Колонга, поднял сигнал: «Имею тяжело раненных». Одновременно с этим, по приказанию командира, был спущен кормовой флаг и подняты флаги Красного Креста и белый. Увидев, что «Бедовый» сдаётся, «Грозный» дал полный ход и, отойдя на значительное расстояние, вступил в бой с погнавшимся за ним миноносцем типа «Кагеро» и, по донесению капитана 2 ранга Андржиевского и записи в шканечном журнале «Грозного», часа через два после начала боя потопил его.

По свидетельству вестового Балахонцева, стоявшего в момент остановки машины неподалёку от капитанской каюты, адмирал, видя, что машину застопорили, сказал: «Пусть дают ход, они нас утопят», на что он, Балахонцев, поспешил доложить, что на миноносце уже подняты белый флаг и флаг Красного Креста. Команда волновалась, порывалась стрелять, наводила даже орудия и роптала, что ей не дают сразиться с равным по силам врагом. Офицеры успокаивали команду, говорили, что отвечать будут они, а флаг-капитан, полковник Филипповский и лейтенант Леонтьев твердили, что жизнь адмирала дороже миноносца. Из числа офицеров сдачею возмущался один лишь шт.-капитан Ильютович, который приказал было даже машинному квартирмейстеру Соколову изготовить миноносец к потоплению.

Сделав несколько выстрелов, не причинивших «Бедовому» никакого вреда, японский миноносец, как оказалось, «Сазанами», спустил шлюпку и прислал на «Бедовый» офицера с несколькими вооружёнными матросами. Вступив в переговоры с капитаном 1 ранга Колонгом, японский офицер поднял на «Бедовом» флаг Восходящего Солнца. Адмирал и его штаб остались на «Бедовом», а офицеры с последнего и часть команды были перевезены на

«Сазанами», который взял «Бедового» на буксир. По словам целого ряда нижних чинов, не исключая и боцмана Чуданова, команда негодовала, считая такую сдачу небывалым для России позором.

Во время сдачи погода была ясная и тихая, на горизонте неприятельских судов видно не было. Миноносец «Бедовый» в бою 14 мая никаких повреждений не получил и был поэтому в полной исправности».

Мысль о сдаче

Генерал-майор Вогак в своей речи убедительно доказал и преступный умысел офицеров, к примеру, флаг-капитана эскадры Рожественского капитана 1 ранга Клапье-де-Колонга.

«Я укажу вам, когда зародилась мысль о сдаче, чем она была обусловлена, как осуществлялась и какова вообще была роль каждого из подсудимых!

Не сомневаюсь, гг. судьи, что пересадка с «Суворова» на «Буйный» произвела на вас впечатление бегства, я не говорю бегства позорного, так как «Суворова» был тогда близок к гибели, но всё же бегства. Так охарактеризовал эту пересадку и адмирал Рожественский. «Суворов» был весь объят пламенем, имел сильный крен на левую сторону. Чины штаба усиленно призывали «Буйный» на помощь. Капитан 2 ранга Коломейцев молодецки, на сильной зыби, под огнём неприятеля, подошёл к наветренному борту «Суворова» и принял тяжело раненного адмирала. Чины штаба, по близости находившиеся, стали переходить тогда на «Буйный». Перешли в числе других лиц флагманский штурман Филипповский и капитан 2 ранга Семёнов, по прежней своей службе также флагманский штурман. Подсудимые, столь заботившиеся, по их словам, о спасении жизни адмирала, не подумали захватить с собою врача, в услугах которого адмирал особенно, конечно, нуждался.

...Я не ставлю указанного обстоятельства в вину обвиняемым, а отмечаю лишь его, как характеризующее поспешность пересадки и малую заботу о жизни адмирала. На поспешность пересадки указывает и то, что, покидая «Суворова», чины штаба не уничтожили и не захватили с собой секретной переписки. Будь на «Суворове» не Вырубовы, Богдановы и Курсели, а люди с нестойкою волею подсудимых, переписка эта рисковала попасть в руки неприятеля. Об этом подсудимые, видимо, подумать не успели. Всё это и привело меня к заключению, что пересадка чинов штаба на «Буйный» носила характер бегства. Про адмирала я не говорю - он был в бессознательном состоянии.

Возможно, что на первых порах флаг-капитан Колонг и предполагал перейти со штабом на другой боевой корабль, но от мысли этой он, во всяком случае, вскоре же отказался и предпочёл разделить участь раненого адмирала. Я утверждаю, что при желании Колонг мог попасть к Небогатову, так как был же им послан «Безупречный» к «Николаю I». Задача флаг-капитана по духу морского устава сводится между тем к тому, чтобы, в случае смерти или тяжкого ранения адмирала ознакомить нового командующего с планами и взглядами прежнего. Такова обязанность каждого начальника штаба. Колонг должен был, поэтому, разыскать Небогатова, но он этого не сделал.

...Из описания Цусимского боя мы знаем, что не только отжившие суда нашей эскадры, но даже и сам адмирал Небогатов не знал долго об участи адмирала Рожественского. Бой вели головные суда. Успеху нашему это, конечно, не содействовало. Вы помните, гг. судьи, что даже и на следующий день, по встрече с «Донским», Колонг не перешёл на него, а предпочёл идти с адмиралом во Владивосток, на что он, по моему мнению, никакого права не имел.

Думается мне, что с того момента, как «Бедовый» и «Грозный» оставили подбитого «Донского» и почти беспомощного «Буйного», мысли флаг-капитана приняли своеобразное течение. В каком положении очутился бы капитан 1 ранга Колонг, придя во Владивосток? Ему пришлось бы донести Его Величеству, что он с адмиралом и штабом благополучно прибыл, а где эскадра и какая её судьба, ему неизвестно. Непривлекательность такого положения слишком очевидна... Тут в головах Колонга, Филипповского и других и могла зародиться мысль, что попасть в плен было бы не худо, так как из двух предстоявших зол последнее, пожалуй, было меньшее. Вот почему допустимо, что подсудимые шли на сдачу сознательно. Я предвижу, что защита сошлётся на болезненное состояние Колонга. Я своевременно коснусь этого предмета, теперь же ограничусь замечанием, что люди более тяжело раненные, чем Колонг, - Осипов, Горчаков, Ливен - были пересажены с «Буйного» на «Донской» и выдержали на нём бой.

...Точную картину всего произошедшего мы могли бы получить только в том случае, если бы подсудимые были в своих объяснениях откровенны. Они, однако, о многом умалчивают...»

Это Вогак мягко сказал.

На самом деле все подсудимые, кроме адмирала Рожественского, выкручивались, как могли. К примеру, этот же Колонг заявил, что *«он не помнит, было ли им отдано приказание сдать миноносец без боя, но что если это и было им сделано, то только потому, что соглашение о сдаче между чинами штаба состоялось ещё на «Буйном», и протеста ни с чьей стороны на «Бедовом» также не было. Инициатором сдачи он себя, во всяком случае, не считает и находит, что обвинение к нему предъявлено быть не может, так как он ни отрядом, ни кораблём не командовал и даже не был, за присутствием адмирала, старшим на миноносце»*.

Командир «Буйного» Баранов бессовестно заявил, что никакого боевого корабля он японцам не сдавал, поскольку он поднял не только белый флаг, но и флаг Красного Креста, и после этого его миноносец стал госпитальным судном. А поднятого по его приказу японского флага он никогда не видел. Точно так же крутились все, валя всё на то, что они офицеры дисциплинированные и не могли прекословить начальству.

На это прокурор заметил:

«Сколько бы ни толковали вам, гг. судьи, о забитости наших офицеров, о преследовании всякой личной инициативы, вы не поддадитесь на эти доводы. Ваш обширный служебный опыт подскажет вам, что дело здесь не в забитости, а в слабом осознании многими офицерами чувства долга, в некоторой умственной лени, если можно так выразиться. Почему люди, ссылающееся теперь на привычку к слепому повиновению воле начальства, в обыденное время далеко неисполнительны и не только смело возражают и спорят с начальством, но бывают даже с ним и дерзки? Почему они исполнительны только там, где это им на руку, выгодно?»

Риторика прокурора

Генерал-майор Вогак красиво и точно сказал и о значении этого уголовного дела:

«15 мая 1905 года произошло событие, в летописях русского флота небывалое. Миноносец «Бедовый», настигнутый в Японском море равным по силам врагом, без боя сдался и был отведён в плен. Вам, гг. судьи, предстоит высказать по этому поводу свои авторитетное слово. Приговор ваш не только решит участь подсудимых, но и даст нашему молодому, подрастающему поколению моряков напутственный, руководящий взгляд. Молодые офицеры наши должны твёрдо знать свои права и обязанности для того, чтобы в трудные и ответственные минуты не колебаться, а поступать, как повелевает долг.

Люди нерешительные, колеблющиеся, не побеждают. В таких руках самые современные суда, все усовершенствования техники - бессильны. Случайное обстоятельство, нерешительность или предательство одного действуют тогда подавляюще на инертную массу. Побеждает только сильный духом, твёрдый в сознании своего долга. Вот почему, гг. судьи, я прошу вас не только вникнуть в мельчайшие детали настоящего дела, но и обсудить те коренные, жизненные для флота вопросы, которые делом этим выдвинуты на первый план. В настоящее тревожное время, время всякого рода отрицаний и увлечений, воину особенно необходимо стать на твёрдую почву, чтобы не попасть под тлетворное влияние тех лиц, которые требуют гуманности там, где она, по существу дела, вовсе не терпима.

Война сама по себе не гуманна. Задачи её сводятся к причинению ближним зла. На войне жизнь не только отдельных лиц, но иногда и целых масс приносится в жертву успехам будущего. Люди живут, сражаются, страдают, гибнут, умирают. Скорбь родных их велика, но горе стране, в которой погибли не отдельные лица, а воинский дух, традиции прошлого. Такой стране, доколе войны существуют, грозит серьёзная опасность. Соседи ведь не

дремлют. Традиции и дух команды не звук пустой, и без них успеха нет. Вот почему проиграно сражение или нет, особого значения не имеет, всё можно наверстать - была бы мощь в душе.

В подтверждение высказанного мною взгляда я мог бы сослаться на целый ряд известнейших авторитетов. Я ограничусь одною ссылкою на императора Наполеона I, военный гений которого всеми достаточно признан. Вот что сказал Наполеон по поводу одного из поражений: *«Пусть армия будет разбита, счастье переменчиво, и поражение может быть вознаграждено победой, но если армия постыдно сдалась - это позор для армии, позор для имени француза. Язвы чести не излечиваются, их нравственное действие ужасно. Говорят, что не было другого средства предупредить избиение солдат. Но лучше бы погибли все с оружием в руках, пускай никто бы не вернулся... их смерть была бы славной. За них мы отомстили бы... Солдат найти можно, только честь невозвратима»*. Со времени императора Наполеона I в военном деле многое, конечно, изменилось, не изменился только основной принцип: побеждает сильный духом, твёрдый в сознании своего долга.

...Слава геройских подвигов наших моряков в минувшую войну померкла из-за трусости и предательства немногих. Будущий историк воздаст, однако, должное и наряду с двумя постыдными сдачами внесёт в свои скрижали много славных самоотверженных подвигов. Быть побеждённым, гг. судьи, ещё не значит быть опозоренным».

Вся эта красивая и точная речь прокурора на поверку оказалась риторикой.

Даже комментировавший её в то время Дубровский невольно заметил: *«Товарищ главного военно-морского прокурора г.-м. А.И. Вогак произнёс речь, чуждую малейшей аффектации, полную снисхождения к впавшим в несчастье, измученным непосильной борьбой, но подсказанную горячей любовью к Родине и горькой обидой за её позор»*. То есть уже прокурор снисходил к подсудимым. А в связи с чем? Они сильно перепугались и измучились во время Цусимского боя? Но разве к водителю, совершившему ДТП со смертельным исходом и сильно во время него перепугавшемуся, снисходят? А вы видите, что Вогак откровенное предательство уже в своей речи начал называть не предательством, а «ошибкой» этих офицеров. Само собой, что, так хорошо начав, он закончил:

«2 ч. ст. 279, по которой мною предъявляется подсудимыми обвинение, определяет виновным смертную казнь. За всё время существования нашего флота наказание это за такие деяния, однако, не применялось, что указывает на чрезмерную строгость этого наказания. Люди, проявившее на войне трусость, малодушие, доказавшие, что они воинами быть не могут, на другом поприще могут оказаться людьми полезными. Большинство подсудимых было вовлечено в преступление убеждениями, приказаниями лиц, имевших над ними высшую, сильную власть, а это по закону (п. 6 ст. 134 ул.) служит обстоятельством, уменьшающим вину. Применяя наказание к О'Бриену де-Ласси, вы не забудете, что при сдаче он был ещё несовершеннолетним. Считаю необходимым указать, что, смягчая наказание, вам надлежит, по мнению моему, переходить от смертной казни к другим наказаниям в общем порядке».

При таком прокуроре не стеснялись и защитники. Первым говорил защитник присяжный поверенный Адамов. Как пересказывает автор сборника, *«по его словам, подсудимые, в том числе и его доверитель капитан 1 ранга Колонг, тридцать лет получавшие с народа деньги, пошли на войну платить долг по счёту и уплатили будто бы полностью как следует, а прокурор теперь требует и уплаты процентов, в виде смертной казни. Но защитник весьма скоро договаривается до того, что подсудимые не одержали победы, так как сражались где-то за тридевять земель неизвестно за что и неизвестно для чего... Тут его останавливает председатель, заметив, что армия, как и флот, должна сражаться без*

рассуждений. В общем, защита капитана Колонга сводится к скрытому сваливанию вины на адмирала Рожественского до такой степени, что капитану Клапье-де-Колонгу, видимо, неловко.

...Защита капитана 2 ранга Баранова, проводимая с большим пафосом генералом Навроцким, наивна до крайности: никакой вины нет и никакой сдачи не было. Поднял флаг Красного Креста... Что же из этого? Может быть, хотел только посмотреть, что из этого выйдет. Подняли белый флаг - тоже ничего: может быть, это был особый хитрый манёвр... Пришли на миноносец японцы - и это не беда: может быть, ещё уйдут, может быть, пришли так - полюбоваться, что это за госпитальное судно, с виду похожее на миноносец. Повели в Сасебо? Ну что ж делать, значит, воля Божья. Капитан 2 ранга Баранов ни в чём не виноват и всегда был аттестован начальством с наилучшей стороны».

Как видите, если профессиональные адвокаты сопереживали подсудимым за деньги, то генералы и адмиралы прокуратуры и суда сопереживали бескорыстно и так отчаянно, что как-то улетучился призыв обвинителя к суду дать «нашему молодому, подрастающему поколению моряков напутственный, руководящий взгляд». Суд этот взгляд, конечно, дал, но был он таким.

Гуманный суд

«Суд удаляется и после совещания, продолжавшегося почти 10 ч., выносит резолюцию, которая в главных чертах сводится к следующему. Капитан 1 ранга Клапье-де-Колонг, полковник Филипповский и капитан 2 ранга Баранов признаны виновными в том, что, находясь на повреждённом миноносце «Буйный», умыслили, в случае встречи с неприятелем, сдаться без боя и, перейдя на миноносец «Бедовый», вполне способный к бою, спустили флаг. В частности, капитану Баранову вменяется в вину то, что он склонился на предложения Колонга, не имея мужества и решимости противодействовать в качестве командира распоряжениям Колонга, клонившимся к сдаче. Ввиду этого все трое, а равно и лейтенант Леонтьев, как непосредственный участник и пособник сдачи (отгонял команду от орудий), подлежат смертной казни через расстреляние. Ввиду же имеющихся уменьшающих вину обстоятельств суд признал необходимым ходатайствовать пред Государем Императором о замене смертной казни заточением на 10 лет в крепости, с исключением из службы. Усмотрев затем: 1) что нравственные и физические силы подсудимых были подорваны беспримерным по трудности походом; 2) что подсудимые нравственно были потрясены гибелью многих судов эскадры и пребыванием на погибавшем «Суворове» и 3) что к сдаче побудило их желание спасти жизнь адмирала, - суд признал соответственным ходатайствовать пред Его Императорским Величеством о понижении наказания до степени, выходящей из пределов власти суда, и сообразно этому заменить наложенное судом наказание, подвергнув: капитана 1 ранга Клапье-де-Колонга исключению из службы без лишения чинов, полковника Филипповского и лейтенанта Леонтьева отстранению от службы с ограничением некоторых прав и преимуществ, капитана 2 ранга Баранова - исключению из службы, с ограничением некоторых лично и по состоянию ему присвоенных прав и преимуществ. Адмирал Рожественский, как не вполне сознававший, по состоянию его здоровья, значение происходивших вокруг него событий, а равно и все прочие подсудимые признаны по суду оправданными - за недоказанностью обвинения».

Таким приговором преступники за такое огромное преступление не были наказаны вовсе. Наверняка адмиралы и генералы суда, «пожалевшие» их, потом оправдывались или даже хвастались своим «гуманизмом». Но в этом приговоре гуманизма нет ни на копейку - здесь коллективное осознание адмиралов и генералов, что, окажись в такой ситуации прокурор и члены суда, они бы тоже предали! Предали бы всех

и всё - и 15 тыс. моряков русского флота, погибших в этом сражении, и труд огромного числа граждан России на создание и подготовку кораблей, которые эти трусы передали японцам.

Между тем и этим приговором не все осуждённые остались довольны, «осуждёнными Барановым и Леонтьевым была принесена кассационная жалоба главному военно-морскому суду, который слушал её 12 сентября под председательством адмирала Пилкина в составе членов: генерала Васильева, генерал-лейтенантов Бабицына и Михайлова, при главном военно-морском прокуроре действительном статском советнике Матвиенко.

В кассационной жалобе защитник капитана Баранова отставной генерал-лейтенант Навроцкий указал на три главных неправильности, допущенные, по его мнению, судом в приговоре: 1) в вопросном листе о виновности капитана Баранова сказано, что «миноносец был сдан японцам» (вообще сдан, неизвестно кем), в резолюции же суда прямо говорится про капитана Баранова, что он сдал миноносец. Огромная разница. 2) В резолюции сказано, что суд постановил ходатайствовать о смягчении наказания во внимание к долговременной, усердной и полезной службе капитана Баранова. В приговоре слово «полезной» пропущено. Между тем «полезная» служба, очевидно, важнее «блестящей» службы, а во внимание к такой аттестации службы, например, было смягчено наказание капитана 1 ранга Клапье-де-Колонга». И т. д. В связи с этим Навроцкий просил пересмотреть дело.

А драться было можно!

Надо сказать, что, судя по показаниям в суде матросов «Бедового», этот Баранов был из тех офицеров, которых матросы выбрасывали за борт и в 1905 году на «Потёмкине», и в 1917-м в Кронштадте. Матросы рассказали, что он присвоил лично себе подарки королевы Греции, предназначенные всему экипажу эсминца, а когда японцы привели «Буйный» в порт Сосебо, у Баранова не во что было паковать это барахло и он послал купить чемоданы, после чего покинул эсминец и подался в плен с 18 чемоданами. В ответ Баранов заявил, что все его матросы бунтовщики и подняли против него бунт при прибытии в Японию. На что Баранову, впрочем, заметили, что после того, как он поднял на эсминце японский флаг, на эсминце не стало русского экипажа, а были только военнопленные японского флота, посему жалобы Баранову нужно адресовать японскому прокурору.

И хотя кассационный суд не отменил приговор, но пошёл Баранову навстречу и внёс в приговор слова о «полезной службе» Отечеству капитана 2 ранга Баранова. О её очень большой полезности. Адмиралы и генералы в этом не сомневались. Я специально это подчёркиваю, чтобы показать, что императорское офицерство совершенно искренне считало, что приносит пользу Отечеству хождением на службу, а то, что оно предаёт во время войны, так это - простительный недостаток.

Скажу в противовес, что бой эсминца «Грозный» с японским эсминцем

нельзя считать боем противников с равными силами. На самом деле японцы на свои корабли ставили гораздо более мощные орудия.

К примеру, бронепалубный «Варяг» водоизмещением 6,5 тыс. тонн вёл бой с одним японским броненосным крейсером водоизмещением 9,7 тыс. тонн и пятью бронепалубными крейсерами водоизмещением от 3,5 до 2,5 тыс. тонн. Казалось бы, что эти пять маленьких крейсеров «Варяг» по отдельности превосходил. Но не всё так просто. На «Варяге» главным калибром были двенадцать 152-мм орудий, а, к примеру, на японском крейсере «Нанива» водоизмещением всего 3,5 тыс. тонн было 6 таких орудий, но кроме них, ещё и два калибром 259 мм. А эти орудия стреляли снарядами весом примерно в 250 кг, то есть только эти две пушки по весу залпа были равны всем 12 орудиям главного калибра «Варяга», а по разрушительной силе эти снаряды намного превосходили 152-мм.

Так вышло и в бою «Грозного» с японским миноносцем «Когеро». По водоизмещению «Грозный» (405 тонн) превосходил «Когеро» (361 тонна). Но по эффективности орудий уступал в полтора раза. На «Грозном» были одна 75-мм пушка и пять 37-мм, его залп равнялся 12,9 кг, а на «Когеро» стояла одна 76-мм пушка и пять 57-мм, залп японца равнялся 19,2 кг.

Однако капитан 2 ранга Константин Клитович Андржиевский принял бой, в котором «Грозный» получил 6 пробоин (одну подводную), 4 человека команды были убиты и трое ранено, в том числе и сам Андржиевский. Но, видимо, он хорошо готовил экипаж «Грозного» к боям, и русские комендоры оказались точнее. Примерно через два часа боя «Когеро» запарил, начал клониться на правый борт и уходить носом под воду, показался над водою его левый винт. Анджиевский, у которого кровь заливала глаза, решил, что с японцем покончено, и взял курс на Владивосток. Правда, японцы не подтвердили потопление «Когеро», а скромно пишут, что тот не догнал «Грозного». (Это вызывает улыбку, поскольку у «Грозного», даже не при изношенных длительным переходом котлах, скорость не достигала 26 узлов, а у «Когеро» она была выше 30 узлов.) Как бы то ни было, но, оставшись один, «Грозный» сжёг в топках всё, что на миноносце могло гореть, и всё же до Владивостока дошёл.

Теперь о сдаче в плен эскадры адмирала Небогатова.

Все, как один

Итак, 22 ноября 1906 г. началось слушание уголовного дела бывшего контр-адмирала Небогатова и соучастников его преступления. Состав Особого Присутствия Военно-Морского Суда Кронштадтского порта: председатель генерал-лейтенант Бабицын, члены: вице-адмиралы Зелёный и Сиденснер, контр-адмиралы Молас и Невинский, подполковник Эйкар. Обвинителем был всё тот же товарищ главного военно-морского прокурора генерал-майор Л.И. Вогак.

Суду предавались *«бывший контр-адмирал Небогатов; бывшие капитаны 1 ранга: Смирнов, Лишин и Григорьев; капитаны 2 ранга: Шведе, Кросс, Ведерников, Курош 2-й, Артшвагер...»* и далее по списку от

лейтенантов до прапорщиков флота (всего на скамье подсудимых сидело 78 человек). Из обвинительного заключения следовало (с сокращением в основном уже известного и ссылок на тех, кто эти сведения сообщал).

«15 мая 1905 года, около 10 часов утра, эскадренные броненосцы «Император Николай I», «Орёл» и броненосцы береговой обороны «Генерал-Адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин», будучи настигнуты в Японском море близ Корейского пролива японскою эскадрою, без боя спустили перед неприятелем флаг и были отведены в плен.

При производстве по этому делу предварительного следствия выяснилось, что сдача наших судов произошла при следующих условиях: 14 мая 1905 г. броненосцы «Император Николай I», «Орёл», «Генерал-Адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин» участвовали в составе нашей Тихоокеанской эскадры в Цусимском бою. Задавшись, видимо, целью истребить лучшие и сильнейшие наши корабли, неприятель обстреливал главным образом отряды адмиралов Рожественского и Фелькерзама. «Орёл» был поэтому в течение многих часов под жесточайшим огнём и получил настолько серьёзные повреждения, что командовавший им капитан 2 ранга Шведе думал было уже испросить у адмирала разрешение на истребление корабля. Броненосец этот, по словам свидетелей, представлял из себя после боя обгорелую груду стали, чугуна и железа. В корпус «Орла» попало до ста снарядов, которыми совершенно разрушило небронированную часть борта, причинило множество пробоин, разбило все гребные суда и сильно повредило артиллерию. В течение дня на «Орле» было убито 2 офицера и 22 нижних чина, ранено 11 офицеров и 64 нижних чина. Броненосец «Николай I» под флагом контр-адмирала Небогатова и командою капитана 1 ранга Смирнова в бою 14 мая также пострадал. Он имел несколько пробоин, потерял часть шлюпок и лишился одного 12 дюймового орудия. Снарядов на нём оставалось мало. Броненосец «Генерал-Адмирал Апраксин», командиром коего состоял капитан 1 ранга Лишин, в бою серьёзных повреждений не получал и потерял убитыми 2 нижних чинов и ранеными 10. В броненосец «Адмирал Сенявин», по словам командира этого корабля, капитана 1 ранга Григорьева, ни один неприятельский снаряд не попал, и повреждений и потерь в людях на броненосце этом не было.

...В течение вечера и части ночи суда наши подвергались непрерывным минным атакам. Офицеры и команды были донельзя утомлены и почти не спали. К утру в составе эскадры адмирала Небогатова, шедшей Японским морем на NO, оказались только броненосцы «Император Николай I», «Орёл», «Генерал-Адмирал Апраксин», «Адмирал Сенявин» и крейсер «Изумруд». Остальные наши корабли частью погибли, частью же отстали и укрылись в нейтральные порта. На рассвете на горизонте, несколько слева и позади курса, появились дымки, о которых тотчас же было доложено адмиралу и командирам. Высказывались разнообразные предположения, но большинство утверждало, что это наши отставшие суда. Гул, напоминавший выстрелы, заставил адмирала повернуть своим на выручку. Вскоре выяснилось, однако, что наших судов позади не было. Командир «Изумруда» капитан 2 ранга Форзен, посланный адмиралом на разведку, доложил, что показавшиеся суда - неприятельские. Повернув на прежний курс и осведомившись сигналом о состоянии артиллерии и повреждениях, адмирал приказал пробить боевую тревогу. Невзирая на ужасы пережитого дня и крайнее утомление, команды наши и офицеры, бывшие накануне очевидцами последовательной гибели лучших наших судов, бодро разошлись по местам и готовились к бою. «Мы покажем себя не так, как артурцы», - говорили на «Николае I». Мысли о сдаче никто не допускал. Часов около 8 утра японские суда обрисовались ясно. Часть неприятельских кораблей, которых собралось до 28, обогнув нашу эскадру, взяла ей на пересечку курса и к 10 часам окружила её со всех сторон.... Безвыходность положения стала для всех очевидною. Все ждали приказания, готовые исполнить последний свой долг. Орудия заряжались и наводились.

Роковая мысль о сдаче, однако, зародилась. По словам мичмана Волковицкого, как о том ему говорил в плену лейтенант Степанов, командир «Николая I» Смирнов ещё в ночь на 15 мая просил Степанова убедить адмирала, в случае встречи с врагом, в бой не вступать, а сдаться. Степанов слов этих адмиралу, однако, не передал. 15 мая, часов около 9-ти утра, капитан 1 ранга Смирнов высказал флаг-капитану Кроссу, что, по его мнению, остаётся сдаться, и просил доложить об этом адмиралу. Кросс прошёл в боевую рубку и передал адмиралу на ухо слова Смирнова. «Ну, это ещё посмотрим», - сказал адмирал, но через некоторое время потребовал к себе командира, который, видимо, и убедил адмирала в необходимости сдачи. Сообщив затем чинам штаба о безвыходности положения, адмирал приказал поднять белый флаг и сигнал о сдаче. По настоянию старшего офицера капитана 2 ранга Ведерникова, адмирал созвал затем офицеров и объявил им о принятом решении.

...Квартирмейстер Туров и матрос Киреев удостоверили, что на совещании этом первым высказался за сдачу командир. Большинство офицеров, по словам врача Виттенбурга и квартирмейстера Родионова, молчало и только немногие, и в том числе мичман Волковицкий и прапорщики Шамие и Балакшин, стояли за бой или уничтожение броненосца. Длилось совещание недолго. Японцы открыли по флагманскому кораблю огонь и заставили тем разойтись по местам. Сигнал о сдаче, набранный флаг-капитаном Кроссом и лейтенантом Глазовым, был поднят ещё до созыва офицеров, после первого предварительного совещания адмирала с командиром и чинами штаба.

Открыв огонь, неприятель продолжал сближаться. На выстрелы адмирал приказал не отвечать. Лейтенант Жаринцев, по возвращении с совещания, распорядился поэтому повернуть орудия в сторону, противоположную неприятелю, а лейтенант Северин приказал сигнальщику Богоненко просемафорить «Орлу», что «Николай I» окружён неприятелем и сдаётся. Невзирая на поднятый сигнал и белый флаг, японцы не прекращали стрельбы. В течение каких-нибудь 10 минут броненосец получил до 6 пробоин. Адмирал распорядился тогда поднять японский флаг. За флагом этим, по словам матроса Аксютина, побежал лейтенант Хоментовский. Наши стеньговые и кормовой флаги были, по свидетельству кондуктора Гаврилова, спущены ранее, при первом же неприятельском выстреле, весть о сдаче быстро разнеслась по броненосцу и произвела удручающее впечатление. По словам санитара Завеева, вся почти команда негодовала. Нижние чины и офицеры плакали. Многие требовали затопления или взрыва броненосца. Находились на это дело и охотники, но старший офицер капитан 2 ранга Ведерников, возражавший сначала против сдачи, доказывал, что раз японский флаг поднят, что-либо предпринимать уже поздно. Машинист Истров, узнав о сдаче, хотел было открыть кингстоны, но старший инженер-механик Хватов закричал на него и выгнал на верхнюю палубу. Команда, частью по собственному почину, частью же по приказанию офицеров, стала портить и уничтожать судовое имущество, но капитан 2 ранга Ведерников воспретил это делать. В машине хотели взорвать цилиндры - старший механик Хватов отставил это распоряжение, а младшие механики Дмитраш и Бекман запретили машинной команде портить другое имущество. Командир приказал позвать к себе ревизора мичмана Четверухина и поручил тому раздать офицерам судовые деньги. Адмирал собрал затем команду и обратился к ней с речью, в которой высказал, что он решился на сдачу ради спасения свыше 2000 молодых жизней. По свидетельству матросов Шевченко, Сипайлова, Пестова и Дюка, часть команды была сдачею довольна и одобряла действия адмирала.

...На «Орле» сигнал о сдаче был замечен квартирмейстером Зефировым, который доложил о нём командовавшему броненосцем капитану 2 ранга Шведе. Последний, видимо, растерялся. Стоявший около него мичман Сакеллари высказался за затопление броненосца, но Шведе, не спросив совета других офицеров, приказал отрепетовать сигнал и поднять белый флаг. Пробили отбой. Весть о сдаче быстро разнеслась по броненосцу и вызвала, по словам младшего судостроителя Костенко, полное смятение. Офицеры и команда стали выбегать наверх. Все почти кричали, что надо топиться, многие переодевались во всё чистое, обвязывались поясами и койками, другие заявляли, что топиться и взрываться не будут, а некоторые хотели стрелять и продолжать бой. Сумятица была всеобщая. Команда металась из стороны в сторону, не зная, что предпринять. Офицеры плакали и отдавали самые противоречивые распоряжения. Капитан 2 ранга Шведе приказал было изготовить броненосец к затоплению, но затем отказался от этой мысли и, доказывая, что он обязан подчиниться адмиралу, приказал поднять японский флаг. Бегая по палубе, полковник Парфёнов кричал также, что японцам всё надо сдать в полной исправности. Инженер-механик Русанов, возмущавшейся сдачей и находивший, что ею опозорен флот, запретил затем портить машинное имущество и говорил, что теперь их будут уже поить и кормить японцы. «Пропало наше дворянство!» - в отчаянии кричал поручик Румс. «Мы сдались, сдались, как испанцы», - со слезами на глазах твердил мичман Карпов, долее других настаивавший на уничтожении броненосца. «За 25 лет службы сдают в плен», - сказал старый боцман Саем капитану 2 ранга Шведе. По характерному замечанию матроса Алексея Смирнова, сдачи на броненосце никто не хотел, но энергичного человека, «настоящего начальника» на броненосце, по словам Смирнова, к несчастью, не нашлось. ...Решив сдаться, капитан 2 ранга Шведе, по свидетельству комендора Реутовича, опасаясь, чтобы кто-нибудь из нижних чинов не вздумал взорвать броненосец, приказал замкнуть все погреба и ключи от них передать лейтенанту Никонову, прося их никому не выдавать. Ревизор лейтенант Бурнашёв, узнав о сдаче, спросил Шведе, как ему надлежит поступить с судовыми деньгами, и стал их раздавать офицерам.

...До сдачи «Орёл», по показанию рулевого Копыло и комендора Щуренкова, успел сделать два выстрела.

На броненосце «Генерал-Адмирал Апраксин» первыми о сдаче узнали квартирмейстер Молодчиков и кондуктор Бородин, которые и доложили командиру о поднятом на флагманском корабле сигнале. Капитан 1 ранга Лишин, считая для себя сигнал адмирала обязательным, приказал отрепетовать его. «Сдача позор для нас и для России, - сказал он, - но раз адмирал сдаётся, он сдаёт и нас». Неприятель был тогда в расстоянии не более 40 кабельтовых, и команда порывалась стрелять. Лейтенант Шишко крикнул из башни, что откроет огонь, но командир запретил отвечать на выстрелы и приказал квартирмейстеру Молодчикову поднять японский флаг. Кондуктор Русских утверждает, что комендор Петелкин, соблазнившись хорошею наводкою, успел произвести один выстрел. Сдачей офицеры и команда возмущались, но открытого протеста ни с чьей стороны не было. Фридовский приказал было матросу Осипову обрезать у шлюпок грунтовы, а трюмный механик Фёдоров доложил командиру, что на броненосце всё готово к затоплению. Капитан 1 ранга Лишин на затопление корабля не согласился, накричал на Фёдорова и потребовал к себе ключи от кингстонов и погребов. Ревизор лейтенант Мазиров, узнав о сдаче, заплакал, сказал, что такого позора в России ещё не было, а затем отправился к денежному сундуку и стал офицерам раздавать деньги. Команда частью по собственному почину, частью же по приказанию офицеров, стала портить орудия и другое имущество, но капитан 1 ранга Лишин запретил это делать и сказал даже, что за порчу японцы будут расстреливать... Возвратившись, капитан 1 ранга Лишин, по свидетельству старшего комендора Яркона, осведомился, всё ли у того в башне исправно, и, узнав, что выкинуты прицелы, сказал: «Где хочешь бери, а чтобы всё было исправно».

Для офицеров и команды броненосца «Адмирал Сенявин» сигнал о сдаче был столь же неожидан, как и для команд других судов. Стоявшие тогда неподалёку от командира лейтенанты Белавенец и Якушев заявили командиру, что на сдачу они не согласны, и отказались отрепетовать сигнал и спустить кормовой флаг. Капитан 1 ранга Григорьев лично отдал эти распоряжение, а затем приказал сигнальщику Бондаренко поднять японский флаг.

По свидетельству матроса Мизяровского, офицеры плакали, одни кричали: «Позор», другие: «Взорваться», третьи: «Сражаться», но об энергичном протесте, очевидно, и речи быть не могло.

Разобрав сигнал о сдаче, крейсер «Изумруд» дал полный ход и, преследуемый японскими крейсерами, вскоре скрылся».

Тактика

Следует, пожалуй, обсудить прочитанное.

О Цусимском сражении имеется огромный массив исследований, что не удивляет, поскольку второго такого оглушительного разгрома в истории броненосных, современных флотов не было. Исследованы все манёвры противников чуть ли не до сантиметра, есть и такие историки, которые находят некоторые гениальные тактические задумки даже у Рожественского, но большинство сходится к мысли, что русская эскадра совершенно не маневрировала с целью нанести ущерб японцам - ни силами всей эскадры, ни отдельными кораблями. А по мнению большинства исследователей, таких случаев русской эскадре предоставлялось достаточно. Почему я выше и написал, что русская эскадра была как отара овец, которую рвали, как хотели, волчьи стаи.

О чём, собственно, речь.

Корабли того времени, да и более поздних конструкций (дредноутного типа) могли вести огонь максимальным числом имевшихся у них орудий, если они располагались бортом к противнику, поскольку с оконечностей у них была одна, позже две орудийные башни крупного калибра. Поэтому долгое время, ещё со времён парусного флота, для которого это было особенно актуально, смысл манёвра сводился к тому, чтобы свою боевую линию кораблей поставить поперёк линии кораблей

противника. Поставить так, чтобы колонна противника шла на развёрнутую линию твоих кораблей - во фланг твоей колонне. В этом случае, во-первых, максимальное количество орудий всех твоих кораблей стреляло по головному кораблю противника, и за счёт большого количества выстрелов добивалось надёжных попаданий, а противник мог отвечать только носовыми орудиями. Корабли противника, следующие за головным, вообще не могли бы стрелять даже из носовых орудий, поскольку им мешал бы головной корабль.

Во-вторых, на тех расстояниях, на которых в те времена уже вёлся бой - на дальности 8-12 км, - даже орудия главного калибра вынуждены были стрелять не горизонтально, а достаточно под большим углом вверх, чтобы снаряд долетел до противника. Соответственно, снаряд и падал на противника сверху - не столько в борт корабля противника, сколько ему на палубу. В этом случае очень важна была правильная пристрелка, которая очень зависела от правильности определения дальности до цели и, что ещё более важно, неизменности расстояния до неё. При таком расположении своих кораблей они могли сделать пристрелку по курсу идущей на них колонны противника, то есть сделать выстрел из пушки даже не главного калибра на заданную дальность и засечь падение снарядов в воду. А когда головной корабль противника подойдёт к месту падения пристрелочных снарядов, дать залп всеми орудиями со всех кораблей сразу. Головной корабль противника будет поражён, скорее всего выкатится из строя, и когда к пристрелянному месту подойдёт следующий корабль колонны противника, дать залп и по нему. А у противника всё будет наоборот. В связи с тем, что расстояние между его кораблями и вашей боевой линией всё время будет сокращаться непредсказуемо (трудно определимо), противник даже носовыми орудиями не сможет пристреляться и попасть по вашим кораблям.

Разумеется, это идеальное расположение твоих кораблей в бою, к которому стремятся все адмиралы и командиры кораблей, но в которое противник тоже отчаянно стремится не попасть. В этом смысл манёвра кораблей, в этом смысл искусства адмирала и командиров кораблей даже при прочих равных условиях. Но в Цусимском бою и эти условия не были равными.

У японцев основным боеприпасом был фугасный снаряд, разрушительность действия которого определяет сила его взрыва. А у нас - бронебойный снаряд, разрушительность действия которого обусловлена его глубоким проникновением в забронёвое пространство корабля. Для японцев поэтому выгоден был огонь с больших расстояний, так как при этом их снаряды попадали не в хорошо бронированные борта русских броненосцев, а в относительно слабо бронированную палубу. Скажем, у броненосца «Орёл» борт у ватерлинии был прикрыт бронёй 194 мм, выше - 152 мм, орудийные башни главного калибра - 254 мм, боевая рубка - 203 мм. А палуба - 94 мм, крыши боевой рубки и орудийных башен - 51 мм. Из этих же соображений русским кораблям надо было вести бой на коротких расстояниях, поскольку именно на коротких расстояниях эффект японских снарядов резко бы снизился, а русские бронебойные снаряды проявили бы

свою разрушительную силу, да и попаданий было бы больше.

Но для сокращения расстояния русская эскадра обязана была маневрировать, а она этого не делала! Японцы маневрировали, частью очень рискованно, а русская эскадра «вела по ним огонь», хотя отчётливо видела, что толку от этого огня ни на копейку.

«Профессионалы»

Вот задумайтесь над описанием событий утра 15 мая 1905 г. в эскадре Небогатова. Два часа японцы маневрируют, чтобы нанести по русским кораблям удар. А русские? Сначала пошли на дымы, полагая, что это свои, а потом развернулись и начали удирать, зная, что всё равно не удерут, поскольку у японских кораблей скорость была несколько выше. Вот и весь «боевой» маневр. Что значат строки «часть неприятельских кораблей, которых собралось до 28, обогнув нашу эскадру, взяла ей на пересечку курса»? Это значит, что какое-то время часть японской эскадры двигалась перпендикулярно движению эскадры Небогатова, то есть маневрировала, чтобы занять положение развёрнутого строя против двигающейся на себя колонны русских кораблей. Но ведь и Небогатов мог прибавить хода и поменять курс так, чтобы его корабли заняли положение развёрнутого строя против этой части японских кораблей. Но он и не подумал этого делать! Безвольное баранье поведение - как ещё об этом сказать?

Трусость? Да, трусость! Но, повторю, нужно понять, что это за трусость. Это не страх за свою жизнь, вернее, не только он. 14 мая весь бой под огнём противника Небогатов провёл не в боевой рубке за бронёй в 203 мм, а на открытом ходовом мостике, показывая пример храбрости и экипажу корабля, и всей эскадре. Зная, что ему грозит смертная казнь, вернулся в Россию. 15 мая Небогатов проявил трусость негодного «профессионала». Её можно сравнить с трусостью человека, впервые севшего за руль и понимающего, что он ещё не умеет водить. Больше личной смерти российские военные «профессионалы» боялись воевать, поскольку не умели этого делать. И такими «профессионалами» была подавляющая часть кадрового офицерства императорской армии.

Они не думали о том, как разгромить японцев, они не верили, что способны на это, они весь бой ждали, когда же этот ужас закончится, и при малейшей, самой дурацкой причине (спасти адмирала, к примеру) сами стремились этот ужас закончить. Да, они могли стойко умереть, если и их товарищи были готовы на это, но эта стойкость умения воевать не заменяла. Люди, которые поступают в армию, чтобы иметь хороший доход, а потом и высокую пенсию, это не воины! Это не защитники Отечества! В бою это бараны, которым не повезло и которые не сумели открутиться от войны - от дела, в котором нужно быть профессионалом.

Я специально не пожалел места на перечисление званий членов суда, чтобы показать, сколько нашлось адмиралов, способных протирать штаны на судебном процессе. Вопрос: а почему они, старше чином и должностями Небогатова, не возглавили 3-ю эскадру? Этот вопрос имеет

право быть. Вот Новиков-Прибой, участник Цусимского сражения, описывает ещё одного адмирала этого сражения:

«Отрядом крейсеров 2-й эскадры командовал контр-адмирал Оскар Адольфович Энквист. Какими соображениями руководствовалось морское министерство, назначая его на такой ответственный пост, никому не было известно. ...Походкой, манерой держаться и говорить Энквист напоминал доброго помещика, любимого своими служащими и рабами за то, что он тихого нрава, ни во что не вмешивается и неумён. При таком барине его крепостным жилось лучше, чем у соседних господ.

На 2-й эскадре его звали «Плантатор».

С 1895 по 1899 год он был командиром крейсера 1 ранга «Герцог Эдинбургский». На этом учебном судне, ходившем под парусами, подготовлялись строевые квартирмейстеры. Таким образом, из Энквиста выработался типичный марсофлотец. Раньше он не только никогда не командовал отрядом боевых судов, но и не плавал на новейших броненосцах или крейсерах, снабжённых усовершенствованной техникой. До русско-японской войны он служил градоначальником в городе Николаеве, где благодаря своему мягкому характеру стяжал любовь среди местных жителей. Высшее начальство сняло его с этой должности и поручило ему вести корабли в бой, чтобы овладеть Японским морем и решить участь всей войны». В Цусимском сражении Энквист увёл остатки крейсерского отряда («Олег», «Аврора», «Жемчуг») с места сражения, бросив вверенные ему транспорты, и интернировался на Филиппинах. По окончании войны вернулся с отрядом в Россию и в 1907 г. уволен со службы с производством в вице-адмиралы.

А как Небогатов попал в завоеватели Японского моря? Вернёмся к судебному заседанию:

> «Защита ставит вопрос, не пожелает ли г. Небогатов объяснить, почему именно он пошёл с 3-й эскадрой против японцев, хотя знал о состоянии порученной ему эскадры.
>
> - Могу, - хмуро говорит г. Небогатов на предложение председателя ответить в случае желания на этот вопрос, - могу ответить.
>
> Затем, как всегда, кратко, образно и просто он сообщил следующее. Осенью 1904 г. он телеграммой управлявшего морским министерством из Черноморского флота, где командовал учебно-артиллерийским отрядом, был вызван в Петербург, где адмирал Авелан поручил ему особое дело, которое он и вёл, между прочим, имея в качестве помощника капитана 2 ранга Кросса (начальника штаба 3-й эскадры). Через несколько дней он был приглашён в заседание комиссии из высших чинов, в том числе и адмирала Бирилёва, бывшего тогда главным командиром Кронштадтского порта. Комиссия обсуждала вопрос о 3-й эскадре. Председатель комиссии адмирал Авелан тут же предложил г. Небогатову, не покидая порученного дела, «помочь» в вооружении и отправке эскадры. Считая предложение для себя лестным, г. Небогатов его принял и через два часа выехал в Либаву, где увидел, что по снаряжению судов 3-й эскадры «работа идёт вовсю». Начальника эскадры однако не назначали; когда ей нужно было начать кампанию, контр-адмиралу Небогатову из Петербурга предложили поднять на эскадре свой флаг, он его поднял. За пять дней до отхода эскадры на Дальний Восток контр-адмирал Небогатов получил телеграмму: «Прибыть в Петербург, сдав командование эскадрой контр-адмиралу Данилевскому».
>
> - Я собрал свои чемоданы, - рассказывает г. Небогатов, - собрался ехать, как вдруг опять телеграмма: «Данилевский отказался, всё по-старому». Значит, оставалось идти, рассуждать тут было некогда. Да и что за рассуждения? Я, вступая на службу во флот, дал себе слово никогда ничего не просить и ни от каких поручений не отказываться. Прослужив же сорок лет, аккуратно получая 20-го числа то, что полагалось, - что ж тут было рассуждать? Я

пошёл».

Как видите, Россия имела уйму адмиралов, но как только дело дошло до войны, все эти «профессионалы» исчезли, и для боя отобрали адмиралов по единственному принципу - того, кому совесть не позволила отказаться.

Данилевский ведь тоже «аккуратно получал 20-го числа то, что полагалось», но бессовестно отказался от исполнения долга, а Небогатов так поступить не смог.

Нехилый критерий профессионализма императорского флота, не так ли?

Кстати, в армии дело обстояло не намного лучше. Вот военный министр (1905-1909) А.Ф. Редигер, описывая случай, совершенно не относящийся к данной теме, вспоминает: *«Поппена я знал по его службе в Генеральном штабе в Петербургском округе - благовоспитанный балтийский немец, со средствами, всегда элегантный, он производил на меня впечатление добросовестного, но довольно ограниченного работника. До войны он командовал дивизией в Киевском округе. Дивизия его была мобилизована для отправки на Восток, но Поппен заявил, что он по болезни глаз в поход идти не может, и ему дали другую дивизию в Риге. Военный министр Сахаров мне рассказал, что государь приехал благословлять в поход бывшую дивизию Поппена, которой тот ещё не сдал. Поппену, стоявшему на правом фланге, государь не подал руки. Поппен всё же остался на службе не только во время войны (когда отставок не было), но и после её окончания»*.

Утрируя, конечно, но скажу, что девизом русского офицера была мысль: «Всеми силами отвертеться от участия в боях, но если царь пошлёт, то надо идти, а если Господь не смилостивится, то нам и помереть не в диковинку».

Вернёмся к обвинительному заключению офицерам эскадры Небогатова. Как вы поняли, в Японском море Господь не смилостивился, а помирать не хотелось.

Обратите внимание на взрывообразное распространение паники в случае, когда малодушие проявляют старшие командиры. Казалось, все готовы драться, но только Небогатов проявил трусость, и мгновенно все, даже день назад храбрецы, обезумели - дождались, наконец, конца ужаса, появилась надежда не помереть. Как у Маяковского в поэме «Хорошо»:

Вбегает юнкер:
«Драться глупо!»
Тринадцать визгов:
- Сдаваться!
- Сдаваться!

Немедленно всё пошло побоку - и честь, и достоинство. Вот капитан 2 ранга Шведе через 20 минут после начала Цусимского сражения вступил в командование «Орла» в связи с гибелью его командира, выдержал

сражение 14 мая, сам предлагал затопить «Орёл», а после того как Небогатов поднял белый флаг, Шведе уже делал всё, чтобы «Орёл» достался японцам в целости и невредимости. И корабли, принадлежащие царю, которому эти офицеры давали присягу, вмиг стали японскими, и все доблестные русские офицеры немедленно стали защищать японские интересы. Правда, тут они проявили реальный профессионализм, ведь они были профессионалами по изъятию денег из казны России, - офицеры немедленно расхватали из кассы деньги царя, которые теперь, по их логике, тоже уже принадлежали японцам. Хоть в этом профессионализм сохранили и какой-то ущерб японцам всё же нанесли.

Не сумев отвертеться от боя, Небогатов предпринял все меры, чтобы отвертеться от ответственности за сдачу в плен:

«Привлечённый к делу в качестве обвиняемого, бывший начальник отряда контр-адмирал, а ныне дворянин Небогатов, отрицая свою виновность, показал, что сигнал о сдаче касался исключительно броненосца «Император Николай I», в силу чего командиры других судов его эскадры связаны этим сигналом не были и могли действовать на своё усмотрение». Короче, «я не я и хата не моя».

Примерно так же вели себя и остальные, да и трудно было ожидать другого, поскольку обвинитель и не собирался руководствоваться уставом Петра I. В своём последнем слове (реплике) генерал-майор Вогак подчеркнул: *«Чтобы не возвращаться к этому предмету, я позволю себе повторить то, что уже было мною сказано: осуждён по настоящему делу может быть только тот офицер, который, по мнению суда, сознательно приложил руку к опозорившей нас сдаче»*.

То есть если Пётр требовал, чтобы офицеры сместили сдающегося командира и назначили себе нового, если Пётр считал всех офицеров виновными, то теперь прокуроры императорской России считали виновными только командиров кораблей и тех из офицеров, кто не просто приложил руку к сдаче, но сделал это сознательно. Как это? Если из трусости, то это сознательно или нет?

Вогак продолжил:

> «...Не могу не отметить, что безусловно виновными по делу я признал лишь подсудимых Небогатова, Смирнова, Григорьева и Лишина. Виновность Шведе я считаю не столь твёрдо обоснованной, а про подсудимых Кросса, Глазова, Хоментовского, Модзалевского, Мессера и Артшвагера сказал, что в отношении офицеров этих имеются основания для предъявления им обвинений. Против Северина, Сергеева, Ведерникова, Макарова и Фридовского, сказал я, имеются также некоторые данные, хотя, несомненно, более слабые. Защитники всех этих лиц привели вам свои соображения, и, выслушав, вы уже сами решите, должны ли иметь какое-либо значение собранные против этих офицеров улики.
>
> Не мало говорили вам, гг. судьи, об общественном мнении, о том, что вся Россия ждёт от вас оправдательного приговора. Сама защита указывала, однако, как изменчиво и превратно бывает общественное мнение, которое слагается часто под влиянием случайных, привходящих обстоятельств. Мне думается, гг. судьи, что вы поступите гораздо правильнее, если забудете в своей совещательной комнате перетолки и пересуды и разрешите настоящее дело по долгу совести, закону и присяги».

То есть если в первом процессе государственный обвинитель уповал на то, что эти процессы станут руководящими для российских офицеров,

то теперь для них становилось руководящим мнение интеллигенции и владельцев газет - «общественное мнение», и не только суд, но и сам прокурор уже руководствовался этими руководящими указаниями.

> «Правом на последнее слово воспользовались немногие из подсудимых. Лейтенант Рощаковский принёс «всеподданнейшую благодарность Государю Императору» за предание суду всех офицеров эскадры (было предположение лишить их чинов без суда). Лейтенант Белавец говорил очень долго и, между прочим, примерами сдачи неудачно припомнил Петра I на Пруте: дело в том, что 1) Пётр I послал в Петербург указ, чтобы в случае его плена приказаний его не слушать, как могущих клониться не к пользе России, и 2) в конце концов, Пётр ведь не сдался».

Приговор звучал так:

> «Особое присутствие военно-морского суда Кронштадтского порта 11 декабря 1906 г. признало виновными: 1) бывшего контр-адмирала, а ныне дворянина Н.И. Небогатова в том, что 15 мая 1905 г. в Японском море, будучи после боя настигнут и окружён неприятельскою эскадрою, выслушав от флаг-капитана Кросса мнение командира броненосца «Император Николай I» о необходимости сдаться, приказал поднять сигнал о сдаче, спустить андреевский и поднять японский флаг, имея возможность продолжать бой: 2) бывшего капитана 1 ранга, а ныне дворянина В.В. Смирнова в том, что он просил флаг-капитана Кросса передать своё мнение о сдаче адмиралу, и сдал броненосец неприятелю, имея возможность продолжать бой; 3) капитанов 1 ранга, а ныне дворян Григорьева и Яншина в том, что первый сдал неприятелю броненосец «Адмирал Сенявин», а второй броненосец «Генерал-Адмирал Апраксин», имея возможность продолжать бой. Поэтому указанные лица (гг. Небогатов, Смирнов, Григорьев и Яншин) приговорены судом к смертной казни, но во внимание долговременной безупречной их службы и крайнему утомлению, в котором они находились после блестяще исполненного исключительного перехода, суд постановил ходатайствовать перед Государем Императором о замене для них смертной казни заключением в крепость на 10 лет, причём дальнейшую участь подсудимых представить на Монаршее милосердие.
>
> Броненосец «Орёл» судом признан находившимся в состоянии невозможности продолжать бой вследствие множества полученных повреждений и понесённых потерь, почему (ст. 354 в. м. у.) командовавший броненосцем капитан 2 ранга Шведе и все офицеры признаны в сдаче невиновными.
>
> Затем признанные виновными приговорены: капитан 2 ранга Кросс (участник сдачи) к заключению в крепости на 4 месяца, капитаны 2 ранга Ведерников (старший офицер «Николая I») и Артшвагер (старший офицер «Сенявина») и лейтенант Фридовский (старший офицер «Апраксина»), как попустители сдачи, к заключению в крепости первые два на 3 месяца, Фридовский - на 2 месяца.
>
> Остальные 69 офицеров эскадры, как не нарушившие долга службы и присяги, признаны по суду оправданными. Судебные издержки взыскать с осуждённых: Небогатова, Смирнова, Яншина и Григорьева, а в случае несостоятельности принять на счёт казны».

Что следует подчеркнуть. Армия и флот уже были народными, уже была всеобщая воинская повинность, уже солдаты и матросы были в основном русскими, уже в их среде должно было быть определяющим то, что есть основание называть русскостью. В экипажах кораблей один офицер приходился примерно на 30 матросов, и матросам в боях тоже было страшно. Но ни в одном позорном случае (да и вообще нет таких случаев) матросы не были инициаторами сдачи в плен! Путём потери чести боролись за свою благородную шкурку только офицеры. Инициатива сдачи в плен исходила только от них!

А матросы порывались стрелять. Даже тогда, когда офицерство поднимало белый флаг, матросы стреляли! Матросы бросались открывать кингстоны и топить корабли, матросы портили оружие. Паника - страшнейшая зараза, заражались ею, конечно, и матросы, но в последнюю очередь. А главными трусами и предателями всегда было офицерство -

«профессионалы».

И одобрял сдачу в плен и позорнейшее предательство не народ, не русские, а «русская интеллигенция» - тогдашнее общественное мнение. В. Розанов, который тоже был типичным интеллигентом, тем не менее 31 августа 1915 г. констатировал: *«Пока не передавят интеллигенцию - России нельзя жить. Её надо просто передавить. Убить»*. По-интеллигентски жестоко, но, согласитесь, и не без оснований.

А матросы и солдаты, представленные в основном русскими, были более стойкими, нежели «профессионалы». Почему?

Выскажу версию - потому, что солдаты и матросы подсознательно представляли себя теми, кому по жребию выпало «пострадать за мир». Не относящиеся к миру офицеры и интеллигенция не испытывали мук совести, предавая мир, а сам народ так не мог. Народ пытался исполнить свой долг перед миром.

Вот этим качеством предков надо гордиться в первую очередь, а не их полководческими талантами.

Распространение заразы

Николай II утвердил этот приговор адмиралам и офицерам флота, а через два года помиловал осуждённых на заключение в крепость. Кстати, в 1908 г. к такому же, как и Небогатов, наказанию был приговорён и бывший комендант крепости Порт-Артур генерал-лейтенант Стессель, и тоже уже в 1909 г. помилован царём.

Повторю, поскольку такое надо повторять: в Полтавской битве Пётр I воодушевлял войска: *«Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру вручённое... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия»*. И на всякий случай поставил за войсками, так сказать, «заградотряд», приказав ему *«стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля»*. Такой монарх и мог, и имел право требовать казни всех сдавшихся в плен без веских для этого оснований. А что мог требовать Николай II? Что мог он, безвольный, формально относящийся к своим монаршим обязанностям и поручивший защиту Отечества генералам?

После этих судов трусость, уклонение от долга стали ненаказуемы или практически ненаказуемы. А стремление попасть в вооружённые силы для получения с казны собственного государства дохода стало подавлять в вооружённых силах России всех, в первую очередь способных и честных воинов.

Но пока отвлечёмся на то, в чем действительно флотские офицеры были профессионалами.

В 1909 г., после увольнения от должности, помянутому военному министру (уже бывшему) Редигеру царём было поручено обследовать

военно-морской флот на предмет *«почему наши суда строились дольше и обходились дороже, чем где-либо, и почему вообще наши расходы на флот (без судостроения), при его слабом боевом составе, продолжали поглощать почти такие же средства, как в Германии с её сильным флотом»*.

Комиссия под руководством этого дотошного немца нашла множество финансовых дыр, в которые проваливалась государева казна. Итак, прошло 4 года после разгромного поражения русского флота японцам, а в России:

> «Суда у нас строятся крайне медленно, а потому вступают в строй уже устарелыми: корабли «Андрей», «Павел», «Евстафий» и «Иоанн Златоуст» были в постройке по 75-86 месяцев, тогда как в Англии такие суда строились в 20-30 месяцев, а в Германии - в 36-42 месяца. Медленность постройки не только удорожала постройку, но приводила ещё к тому, что новые наши суда по своей конструкции всегда отставали на три-четыре года от иностранных. В Англии средняя стоимость броненосца до 1909 года была 674 рубля за тонну, в Германии - 764 рубля; стоимость наших последних судов была около 1000-1200 рублей за тонну; Морское министерство само не бралось определить её в точности».

Это, конечно, касалось промышленности с её откатами и зависимостью от прибыли: *«Сама постройка судов производилась преимущественно на казённых заводах столь оригинальным порядком, что заводы были заинтересованы в том, чтобы их изделия обходились казне возможно дороже»*. Поскольку *«из чистой прибыли заводов десять процентов выдавались в виде дополнительного вознаграждения чинам их управлении»*. Но одновременно дороговизна и техническая отсталость кораблей связаны и с длительностью согласования их проектов выдающимися адмиралами.

Вот выше я приводил удачный бой миноносца «Грозный» с японским миноносцем «Касуги», одного с «Грозным» класса. Японец был построен в Англии и вступил в строй в 1900 г., «Грозный» - на Невском заводе и вступил в строй в 1904 г., то есть обязан был быть более совершенным.

Но японец имел в полтора раза более мощное артиллерийское вооружение и по основному параметру - скорости - превосходил русский миноносец на 17% - на 4,5 узла.

И как видите, и после войны ничего не изменилось!

Не только постройка, но и содержание русского флота обходилось неимоверно дорого, прежде всего, из-за огромного количества небоевых судов.

> «По отношению к общему тоннажу всего флота тоннаж судов, не имеющих боевого значения, то есть старых судов, утративших уже это значение, а равно учебных судов, транспортов и вспомогательных судов у нас определяется в 42,91%, тогда как в Англии эти суда составляют всего 1,04%, в Японии - 11,11%, в Германии - 13,24%, во Франции - 5,79%. Содержание этих судов обходится весьма дорого, ремонт же старых судов с каждым годом поглощает всё большие суммы».

Долго мучился с адмиралами Редигер, пока, наконец, не добился *«объяснения, почему у нас постоянно кроме боевого флота плавали большие учебные отряды, каких не было в других флотах? Причина оказалась крайне простой: во всех иностранных флотах принимались серьёзные меры к тому, чтобы подготовленные для них специалисты*

служили возможно дольше; у нас же преимущества, дававшиеся за сверхсрочную службу, были ничтожны, поэтому специалисты, для подготовки коих плавали учебные отряды, покидали службу тотчас по окончании обязательной службы, и ежегодно приходилось готовить вновь половину всех специалистов. Этим отчасти объяснялось большое число судов, бывшее ежегодно в плавании, вызывавшем большие расходы и траты больших денег на ремонт старых судов, для боя уже непригодных».

Он поясняет, о чём идёт речь: *«Окончательно же устранить затруднения в подготовке специалистов можно лишь путём привлечения большего числа оных на сверхсрочную службу; расходы, потребные на выдачу добавочного содержания сверхсрочно служащим даже покрывались бы экономией от уменьшения числа обучающихся в разных школах. Между тем преимущества, даваемые сверхсрочным, ныне совершенно недостаточны. В виде разительного примера можно указать на то, что подготовка комендора при двенадцатидюймовом орудии по стоимости выпущенных им боевых припасов обходится свыше 100 000 рублей, а между тем ему за сверхсрочную службу даётся лишь около 200 рублей в год, вследствие чего эти комендоры уходят в запас, а на их место приходится опять готовить новых»*.

Но ведь это, между прочим, и поясняет, почему в Цусимском бою процент попаданий японских комендоров был 3,2%, а русских - 1,2%. Как видите, адмиралы вытягивали из казны огромные деньги с совершенно негодным результатом. Зачем? Почему они не могли выпросить у царя ещё 200 руб. в год жалованье комендору, вместо того чтобы выпрашивать 100 000 на снаряды? Дотошный Редигер и это выяснил: *«Другую причину этих трат мне указал Бирилёв: назначение в плавание большого числа судов давало возможность назначать на них большое число адмиралов, командиров и офицеров, получавших на них морское довольствие, без которого им трудно было бы существовать; этим же он объяснял и то, что всякие небоевые суда (лоцманские, портовые и тому подобные) у нас были военные, а не заменялись наёмными!»*

Поясню. Доблестные офицеры военно-морского флота выбили себе не только должности для плавания практически на гражданских судах и древних развалинах, но и неплохую добавку за нахождение в море и усиленно бороздили воды Финского залива, скачивая себе в карманы эту добавку. О чём речь? Скажем, командир корабля в чине капитана 1 ранга: жалованье - 90 руб., столовые - 166 руб., морские - 366 руб. Итого 622 руб. в месяц. Морские составляли чуть ли не 60% месячного содержания! (И это ещё не все деньги, поскольку были ещё и премии в размере полу-либо годового оклада). Между прочим, русские крестьяне в те годы обязаны были вырастить, выкормить и продать примерно 20 коров, после чего отдать деньги царю, чтобы тот заплатил это месячное содержание пахарю прибрежных вод, не умеющему, как оказалось, маневрировать в бою.

Императорское офицерство грабило казну России чрезвычайно профессионально. Скажем, уже хорошо был развит железнодорожный

транспорт, все ездили на поездах, а офицеры и генералы на свои поездки списывали деньги, как будто они ехали на лошадях. С этой целью и воинские соединения по России зачастую расквартировывали так, чтобы генералы максимально могли списать деньги на своё посещение частей как бы на лошадях. Скажем, штаб корпуса размещают в одном городе, а дивизии - в других. Командир корпуса их на поезде объедет, а деньги себе на командировку выпишет «в лошадиной дозе». Командировки были неофициальным способом поощрения офицеров. Редигер поясняет, какова была разница. Когда царь дал ему задание проверить флот, он из Петербурга съездил в Севастополь вместе с адмиралами, разумеется поездом. Предъявил счёт казне на затраченную им на поездку сумму в размере 134 руб. 35 коп. А адмирал Григорович, который вместе с ним ехал в одном вагоне, но как бы на лошадях, получил с казны 1500 руб.

И, как видите, адмиралы заставляли казну тратить огромные деньги на снаряды для подготовки комендоров, а хороших комендоров флот всё равно не имел, поскольку целью трат была не точность попадания во вражеские корабли в бою, а обеспечение поступления денег в карманы офицеров в мирное время. Они постоянно торчали в море, а в бою маневрировать не умели. Редигер констатировал в дневнике: *«Очевидно, что всякая мера, клонящаяся к уменьшению плавания, отражаясь на бюджете офицеров, была бы крайне непопулярной во флоте»*. Так оно и было.

Редигер написал доклад царю, тот похвалил Редигера, но ничего не сделал, «поскольку любил флот».

Итак, Пётр требовал расстрела всех офицеров корабля, сдавшегося без веских оснований. Однако эта крайняя мера никогда не применялась, собственно, и понятно почему. Ведь пленные у противника, а после окончания войны они могут просто не вернуться в страхе перед расстрелом. Но наказать офицеров эскадры Небогатова требовалось, пусть хотя бы изгнанием со службы, поскольку безнаказанность поощряет преступление.

И поощрённое преступление ширилось рецидивами в последовавших войнах.

В Первую мировую войну сдача в плен стала массовой. В 1919 году «Центробежплен» - организация, занимавшаяся возвратом пленных в Россию, - по своим именным спискам и учётным карточкам учла следующее количество пленных русских военнослужащих:

В Германии - 2 385 441.

В Австрии - 1 503 412.

В Турции - 19 795.

В Болгарии - 2 452.

Итого - 3 911 100.

Добавим сюда и 200 тыс. умерших в плену и получим цифру более 4

млн человек.

Причём повальная сдача в плен началась с первых битв войны. Мне не так давно приходилось сообщать, правда, по другому поводу, что немецкий генерал Гофман, начальник оперативного отдела, а затем и начальник штаба Восточного фронта в Первую мировую, которому нужно было хвалить царскую армию, чтобы показать величие собственных побед, так пишет о цвете русской армии образца 1914 г.:

«На этом сражение было закончено. Окружённые русские отряды не предприняли каких-либо серьёзных попыток прорваться на юг. Я считаю, что в случае окружения русскими германских войск последним всё-таки удалось бы прорваться. Ведь на всей линии Мушакен - Вилленберг на протяжении 50 километров мы имели в нашем распоряжении всего только около 29 батальонов. Для сравнения я хотел бы указать на единственный случай, когда русским удалось окружить германские войска, - у Бржезан в Польше. Но там германское командование и германские войска поступили как раз наоборот - генерал фон Лицман стал во главе окружённых войск и прорвался вместе с ними. Русские же бродили по кольцу окружения без всякого руководства, вразброд атаковали окружающие войска, но каждый раз вновь отступали перед огнём наших слабых отрядов и, в конце концов, тысячами сдавались в плен гораздо более слабым германским частям. Так, один батальон 43-го полка взял в плен 17 000 человек. Утром 30-го генерал фон Шметтаз донёс, что его слабые силы у Вилленберга до сих пор взяли в плен 11000 человек и не знают, куда их девать. Только гораздо позже, уже во время операций в Южной Польше, главное командование узнало, что всего было взято в плен 92 000 человек».

Правда, генерал Самсонов, командовавший этими войсками, при выходе штаба армии из окружения застрелился, что для императорских генералов совершенно нехарактерно. (Они проявили исключительно низкую боевую стойкость и исключительную тягу к плену.) Самсонов, видимо, понял, что первым вопросом после выхода будет: «Где вверенная вам армия?»

Давайте для сравнения приведённому выше эпизоду с немецким генералом Лицманом противопоставим эпизод с поведением русского генерала, и генерала не из последних - Л.Г. Корнилова.

Весной 1915 г. он был в должности командира 48-й пехотной дивизии, в составе которой находились овеянные славой Румянцева и Суворова 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский полки. Апологеты этого генерала рассказывают, что в апреле того года, *«объективно говоря, 48-я дивизия вполне могла избежать окружения. Но Корнилов, не имея информации от соседей, неправильно оценил обстановку. Вместо того чтобы быстрее выполнить полученный приказ, он тешил себя иллюзиями о переходе в наступление во фланг группировки, теснившей части 49-й дивизии.*

Тем временем бригада 2-го германского корпуса уже заняла

господствующие высоты на пути движения. Выбить оттуда противника поручалось 192-му полку, двум батальонам 190-го и батальону 189-го полков. Атака, без поддержка огня артиллерии, не удалась. Стрелковые цепи, понеся тяжёлые потери, залегли и окопались.

...Прибывший на подмогу 189-й пехотный полк во время развёртывания для атаки был обстрелян из пулемётов. Солдаты в панике бросились в лес. Через несколько часов австрийцы пленили около трёх тысяч человек. До темноты немецкие войска заняли Дуклу, а передовые части австрийцев - Тржициану. Кольцо сомкнулось.

...В сумерках дивизия пошла на прорыв. Счастье улыбнулось только 191-му полку и батальону 190-го полка. Они вынесли все знамёна дивизии. Арьергардный батальон 192-го Рымникского полка полёг почти полностью.

С рассветом огонь противника обрушился на оставшихся в окружении со всех сторон. Русские отчаянно отбивались.

На предложение парламентёра сдаться генерал Корнилов ответил, что он не может этого сделать лично, и, сложив с себя командование дивизией, скрылся со своим штабом в лесу. Почти три с половиной тысячи солдат и офицеров сдались немцам. А генерал, раненный в руку и ногу, и семь человек, что ушли с ним, несколько суток без пищи и медикаментов блуждали по горам, надеясь перейти линию фронта. 28 апреля их, совершенно обессилевших, взяли в плен австрийцы».

Присмотритесь: один к одному повторяется схема поведения адмирала Рожественского:

- отсутствие профессионализма (начал наступление, ничего не зная о соседях, погнал пехоту на укреплённых австрийцев без артподготовки, не организовал походное охранение 189-го полка);

- бегство со штабом от своих подчинённых в тяжёлой фазе боя;

- осознание того, как после выхода из окружения без вверенной ему дивизии его примут свои начальники;

- сдача в плен.

Немецкие генералы лично выводили вверенных им солдат из окружения, а русские генералы удирали от своих солдат и от своей обязанности командовать ими в решающих боях, чем обезглавливали русские войска, помогая противнику добить их.

И как оценил Николай II такое поведение Корнилова? Когда тот сбежал из плена, *«государь отметил генерала Корнилова орденом Святого Георгия III степени»*.

В царской армии в Первую мировую войну было убито и пропало без вести (если генерал не убит, то вряд ли он в плену пропадёт без вести) 35 генералов, сдалось в плен - 73! На одного павшего в бою - два сдавшихся! На трёх убитых офицеров тоже два сдавшихся. Чем не Цусима?

И если у русского народа - у русских солдат - к 1914 г. были иные причины сдаваться в плен, то причина сдачи в плен русских офицеров и генералов, на мой взгляд, одна - то, что царь помиловал Стесселя, Небогатова и сдавшихся с ними офицеров.

У генералов и офицеров пропал страх наказания за подлость и трусость.

Глава 5. Наследники адмиралов и офицеров царского флота

Заказ кораблей и оружия

И эти царские офицеры привнесли свой менталитет, свой дух паразитизма в Красную Армию и флот.

В книге «Если бы не генералы» я давал отрывки из мемуаров генерала А.Т. Стученко. В их начале Стученко описывает кадровый состав кавалерийского училища, в котором он учился в первой половине 20-х гг. В то время инспектором (командующим) кавалерии Красной Армии был бывший генерал царской армии Сметанников, начальником училища - бывший полковник Соседов, преподаватель тактики - бывший генерал Ротштейн, заместитель начальника - барон фон Вольфенгаген, курсантами - два князя Потёмкиных, командиром эскадрона - бывший корнет Пац-Помарнацкий. О нём Стученко вспоминает так: *«По манерам, щегольству; лоску - это классический представитель дворянства и старой гвардейской конницы. Ему лет 25-27. Высокий, стройный. Бакенбарды чуть не до подбородка. В руке неизменный стек. Сапоги «бутылкой» сияют свежим глянцем. В зубах всегда папироса; он и разговаривает, не вынимая её изо рта. Нас этот аристократ вообще не замечает. Все распоряжения отдаёт только через вахмистра - старшину эскадрона. ...Щёголь Пац-Помарнацкий как-то на учениях пустил в дело свой стек - ударил по спине зазевавшегося курсанта. «За физическое оскорбление» подчинённого бывший корнет попал под суд»*.

Так что, строго говоря, худшей части офицерства Красной Армии было у кого перенять и презрение к солдатам, и самые худшие свои черты, скажем, уверенность, что если сдашься в плен, то тебе за это ничего не будет.

Таким же было и флотское офицерство Красного Флота. В фондах Музея обороны Севастополя хранится текст воспоминаний И.М. Цальковича, который в 1925-1932 гг. был начальником управления берегового строительства Черноморского флота. В одном из разделов своих воспоминаний, как сообщает К. Колонтаев, он, между прочим, отмечал, что тогда командный состав ЧФ делился на две равные части. Одна состояла из бывших кадровых офицеров царского флота, другая - из бывших кондукторов, флотских фельдфебелей, унтер-офицеров и боцманов. Обе эти части сильно враждовали друг с другом, единственное, что их объединяло, это *«стремление выжить матросню из*

Севастопольского дома военморов им. П.П. Шмидта (бывшее Офицерское собрание)».

И эти царские офицеры привнесли свой менталитет, свой дух паразитизма в Красную Армию и флот.

Ну, и как подготовили Красный Флот к войне специалисты по выживанию «матросни» из компании «их благородий»?

У меня есть «Энциклопедия советских надводных кораблей. 1941-1945» А.В. Платонова. Сейчас книг подобной тематики очень много, но эта мне нравится своей ёмкостью и спокойствием. Тем не менее, при её чтении всё время возникает вопрос: почему?

Да, советская промышленность была очень молода, да, приходилось пользоваться услугами и наработками иностранцев, тех же немцев или итальянцев. Тем не менее, встречаются ведь и такие факты: *«Естественно, германские образцы значительно отличались от отечественных. Приняли решение переделывать корпус, а систему вооружения оставить в первозданном виде. Срок окончания работ по пр. 68-И определили маем 1941 г., но уже в конце 1940 г. стала очевидной нецелесообразность вооружения крейсеров германской артиллерией. Во-первых, отечественная 152-мм система вооружения имела явные преимущества при стрельбе по морской цели. Во-вторых, требовались колоссальные переделки уже готовых к спуску корпусов. Например, германские приборы управления стрельбой требовали общей площади помещений в 2,5 раза больше, чем отечественные, а весовые характеристики всего вооружения должны были привести к увеличению стандартного водоизмещения на 700 т. Наконец, выяснилось, что немцам, собственно, нечего продавать, так как готовность их системы вооружения аналогична нашей, т. е. в металле ничего нет»*.

Почему же ситуация с заказом кораблей так до боли напоминала ситуацию в царском флоте? Скажем, вот рассказ о морских охотниках типа «Артиллерист» (пр. 122а), которых наши флотоводцы заказали промышленности 21 единицу.

«Таким образом, очень нужные флоту большие охотники за подводными лодками, несмотря на то, что первые из них вступили в строй ещё в 1941 г., в фактических боевых действиях активного участия не приняли. Испытания этих кораблей выявили два наиболее существенных недостатка: слабость корпуса и отсутствие малого хода, обеспечивающего нормальную работу акустики. Дело в том, что конструктивные особенности трехвальной установки с дизелями марки 9Д позволяли иметь скорость не менее 10 узлов, а гидроакустическая станция «Тамир-1» на скорости более 6 узлов просто глохла от собственных шумов корабля. Корпус подкрепили, а вот с акустикой всё оказалось сложнее. Во-первых, отечественных дизелей марки 9Д хватило только на первые 7 корпусов Зеленодольского завода, дальше пришлось ставить американские дизеля, получаемые по ленд-лизу, но и они не обеспечивали ход менее 9 узлов. Во-вторых, эффективность ГАС «Тамир-I»

была столь низка, что являлась просто мёртвым грузом: за всю войну нет ни одного подтверждённого случая обнаружения подводной лодки этой станцией. Наконец, их всё равно не хватало, поэтому большинство охотников пр. 122а вступали в строй вообще без акустики, что полностью дискредитировало саму идею большого охотника». Наши адмиралы не представляли себе необходимости борьбы с подводными лодками?

Использование минного оружия

У Черноморского флота практически не было морского противника, поскольку Турция в войну не вступала, а у Румынии были столь малые морские силы, что их не приходилось принимать во внимание, если учитывать силы Черноморского флота. Тем не менее, командующий флотом СССР выдающийся флотоводец адмирал Кузнецов и командующий Черноморским флотом не менее славный адмирал Октябрьский на второй день войны начали защищать советские берега от нападения неведомого морского противника и минировать подходы к портам СССР на Чёрном море. Зачем они это делали, должны объяснить те, кто считает их выдающимися флотоводцами.

Итак, в течение месяца в районах Одессы, Севастополя, Керченского пролива, Новороссийска, Туапсе, Батуми было выставлено 7300 мин и 1378 минных защитников. Местоположение минных полей, само собой, являлось строжайшей тайной. Поэтому штурманы и лоцманы гражданских транспортов, не посвящённые в неё, не могли обеспечить безопасное плавание на выходах и подходах к родным портам. Не было надежд и на военно-лоцманскую службу, поскольку, само собой, военных лоцманов в мирное время никто не учил, посему многие из них не имели представления ни об условиях плавания в проходах минных полей, ни даже об особенностях берегового рельефа для ориентирования.

Результат должен был быть понятен, поэтому приведу всего лишь небольшой отрывок из помянутой книги Платонова на эту тему: *«Общепринято, что основные потери советские надводные корабли понесли от мин, причём о них говорят как о некой предрешённости, аргументируя спецификой физико-географических условий театров военных действий. Однако всё гораздо сложнее. Конечно, имеет место и специфика наших морей, но не только в ней дело. Возьмём, например, Черноморский флот. Там на минах гибнут тральщик и пять эсминцев. Причём три эсминца и тральщик гибнут на своих минах! Ещё один корабль, «Быстрый», подрывается на донной мине при выходе из Севастополя. Всего в районе Главной базы до 7 июля 1941 г. германская авиация сбросила 44 такие мины, из которых три упали на берег. На оставшихся подорвались и погибли, кроме эсминца, три вспомогательных судна. При чём здесь специфические условия морского театра? Все корабли, погибшие на своих минах, - на совести соответствующих командиров. Кстати говоря, эсминец «Способный» также подорвался в январе 1942 г. на нашем минном заграждении, и хотя его спасли, он до мая 1943 г. простоял в ремонте! Что касается «Быстрого», то в его гибели виноваты те, кто не организовал создание перед войной средств борьбы с*

неконтактными минами. Все разговоры о том, что это было некое супероружие, - абсолютный блеф. Электромагнитные тралы применялись в отечественном флоте ещё в Гражданскую войну! Таким образом, из шести кораблей, погибших на минах, только один - «Москва» - действительно боевая потеря».

Вдумайтесь, советская промышленность и народ вооружили флот минами, и эти черноморские стратеги сумели подорвать на этих минах шесть своих только боевых кораблей, не считая советских же транспортов с советскими же ранеными и боеприпасами (о чём ниже)! Вражеских кораблей советские флотоводцы в Чёрном море подорвать не могли, поскольку, повторю, их просто там не было и им неоткуда было взяться, пришлось подорвать свои! Тут уж и адмирал Рожественский начнёт завидовать адмиралу Октябрьскому - командующему Черноморским флотом. А как же, из 30 (по другим данным - 34) советских эсминцев, потерянных за всю войну и на всех флотах, три утопили черноморцы на своих минах!

Вот хроника крейсера «Красный Крым». *«Приняв на борт 2000 человек пополнения, в тот же день снялся на Севастополь. Подойдя около 0.00 14 мая 1942 года к входу на фарватер минного поля под Севастополем, крейсер и эсминцы охранения попали в сплошной туман и легли в дрейф. Только около полудня корабли начали движение в базу, однако в 12.27 шедший головным эсминец «Дзержинский» подорвался на мине и затонул. Крейсер и оставшийся эсминец дождались вызванных тральщиков и только в 19.50 смогли зайти в Севастопольскую бухту»*. На «Дзержинском» из 170 членов экипажа и 125 человек пополнения гарнизону Севастополя удалось спасти только 35 человек.

Вот ведь как чётко советские адмиралы защитили Севастополь от Черноморского флота.

Использование артиллерии

А стреляли-то по немецким кораблям как!

«Самыми крупными надводными кораблями, применявшими свою артиллерию по морским целям, были эсминцы и лидер «Баку». Три таких случая отмечено на Балтике в 1941 г. и два случая - на Севере в 1942-1943 гг. Поскольку в результате четырёх боёв и одной кратковременной стычки, по-видимому, было лишь повреждены несколько транспортов, то здесь уместно сказать о тех недостатках, которые были присущи этим действиям. Во-первых, это неудовлетворительная подготовка командиров кораблей и штурманов по занятию огневой позиции и удержанию её в ходе боя. При своевременном обнаружении противника позиция занималась медленно, не на выгодной дистанции, а в ходе боя носовая или кормовая артиллерийская группа «вываливалась» из секторов обстрела. Во-вторых, отсутствовало должное взаимодействие между командиром, штурманом и управляющим огнём. Из-за неоправданно резкого маневрирования, а также кратковременности лежания на одном галсе, с учётом несовершенства отечественных приборов стабилизации, управляющий огнём или не мог произвести качественной пристрелки, или данные пристрелки сбивались. Зачастую в характере маневрирования просматривалось явное желание командира корабля прежде всего не допустить попаданий в свой корабль, а уже потом обеспечить эффективное применение оружия (маневрирование ЭМ «Сильный» в Ирбенском проливе 6 июля 1941 г. и отряда кораблей во главе с лидером «Баку» на Севере 21 апреля 1943 г.). В-третьих, слабая подготовка кораблей даже одного соединения к совместной стрельбе по одной цели, как это видно на примере боя в Ирбенском проливе. Тогда управляющий огнём ЭМ «Сердитый» спутал свои всплески со всплесками снарядов ЭМ «Сильный» и, решив, что произошло

рассогласование ПУС, отказался от центральной наводки.

В-четвёртых, необходимо отметить вообще слабую натренированность артиллерийских расчётов, по крайней мере в июле - августе 1941 г. Это выразилось в том числе в низкой скорострельности (3-4 выстрела в минуту вместо 7,5) и в большом количестве пропусков по вине личного состава».

Обратите внимание на *«в характере маневрирования просматривалось явное желание командира корабля прежде всего не допустить попаданий в свой корабль, а уже потом обеспечить эффективное применение оружия»*. Что это значит? Это значит, что командиры кораблей не по немцам стремились попасть, а крутились, чтобы самим остаться невредимыми. Это воины?

Положим, не научили в мирное время орудийные расчёты точно стрелять, потому что выстрелы дороги, но быстро заряжать орудия почему не научили? Это же никаких затрат не требует! Общением с «матроснёй» брезговали?

Ладно, корабли маленькие, двигаются, попасть трудно, но по берегу-то как стреляли? Он же большой и на месте стоит.

«Главной задачей отечественного флота в Великой Отечественной войне являлось содействие приморскому флангу фронта, поэтому цели для артиллерии крупного и среднего калибра находились на суше. ...Дело в том, что вывод о высочайшей организации и эффективности применения корабельной артиллерии по береговым целям делается, прежде всего, на примере обороны Ленинграда. Но, во-первых, это совершенно нетипичный случай. А во-вторых, кем же надо быть, чтобы при стабильном фронте, решая в течение нескольких лет одну и ту же огневую задачу, зная своё место с точностью до метра, не достичь этого самого совершенства?

...В обороне Севастополя участвовал 31 корабль. Они провели 407 стрельб по берегу, израсходовав 12 +760 выстрелов калибра 76-305 мм. Из всех стрельб 102 проведены с использованием наземных-корректировочных постов, 5 - с использованием самолётов-корректировщиков, 2 - по реперу и 298 (*75 %) - по площади без корректур. ...Почти все стрельбы корабли проводили при стоянке в бухтах на заранее подготовленных для них позициях. Таких позиций оборудовали одиннадцать. Они имели точную привязку на местности, оборудовались специальными огнями и при необходимости бочками. Огни служили для точного определения курса корабля, линии горизонта - для выработки угла крена и могли использоваться в качестве точек прицеливания для кораблей с ПУС Гейслера. ...Так, 29 декабря 1941 г. линкор «Парижская коммуна» отстрелял одну стрельбу с ошибкой 30-40 кб, так как штурман считал себя не в Южной бухте, где корабль находился фактически, а в Стрелецкой бухте. В другой раз штурман крейсера «Красный Кавказ» ошибся в определении угла на цель с точки наводки, снятого с карты, что привело к выносу по целику порядка 3 км. ...Так, например, тральщик Т-413 в районе м. Форос с дистанция 45 кб выпустил 60 100-мм снарядов, наводя орудия по азимутальному кругу в горизонтальной плоскости и по таблице в вертикальной плоскости, - куда улетели снаряды, никто не знает. Аналогично отстрелялись Т-405 и Т-403, выпустив 122 100-мм снаряда на дистанцию 90 кб в районе Каркинитского залива. Но были случаи вообще малообъяснимые: 25 января 1942 г. крейсер «Коминтерн», приконвоировав в Севастополь транспорты с пополнением, получил приказание выполнить стрельбу по назначенной береговой цели. Здесь вдруг выяснилось, что на корабле более месяца назад штабом флота изъяты все таблицы стрельбы!

...И причина этому - та самая организация применения корабельной артиллерии, а точнее, отсутствие организации корректирования огня и наблюдения его результатов. И эта организация в должном объёме отсутствовала практически везде, возможно, за исключением обороны Ленинграда, да и то только в 1944 г. Это тот случай, когда, создав дорогостоящие и качественные образцы вооружения, мы не смогли получить от них эффекта, на который по праву могли рассчитывать из-за обеспечивающей системы. Что это, лжеэкономия или изъяны мышления тех, кто отвечал за концепцию создания вооружения для ВМФ? Скорее, второе, так как в послевоенные годы, особенно в 70-80-х гг., эти проблемы приняли гипертрофированный вид. Мы создавали первоклассные образцы оружия, возможности которого просто не могли реализовать из-за отсутствия источников

целеуказания.

Кроме обороны Севастополя, корабельная артиллерия применялась по береговым целям в ходе набеговых действий. При нанесении артиллерийских ударов по объектам на территории, занимаемой противником, существовали те же проблемы, что и под Севастополем, но только в более тяжёлой форме. Это объясняется тем, что в этих случаях наземные корректировочные посты вообще отсутствовали, а авиация если для этих целей и использовалась, то безуспешно. Все стрельбы выполнялись по площади... Те три набеговые операции, где участвовали корабли с современными ПУС (а точнее, их было четыре, так как 20 декабря 1942 г. в операции участвовали новые и старые корабли), тоже имели неопределённый результат, хотя точность ведения огня была, естественно, выше.

Среди них можно выделить набеговую операцию на побережье Румынии 1 декабря 1942 г. Тогда первому отряду в составе крейсера «Ворошилов», лидера «Харьков» и эсминца «Сообразительный» поставили следующие задачи: крейсеру - обстрелять порт Сулина; лидеру - осмотреть побережье о. Фидониси с востока, где могли находиться катера противника, и с севера, где, возможно, располагался аэродром, обнаруженные катера и самолёты уничтожить; эсминцу - подавить батарею и разрушить радиостанцию на о. Фидониси. Второму отряду в составе эсминцев «Беспощадный» и «Бойкий» стояла задача обстрела порта Монголия. В 7.35 1 декабря первый отряд обнаружил в тумане о. Фидониси, и в 7.47 все корабли открыли по нему огонь, точнее по маяку, который хорошо различался в оптику. Причём речь не идёт о сосредоточенной стрельбе нескольких калибров по одной цели, когда всем, как дирижёр, руководит флагманский артиллерист и по его командам в дело вступают те или иные батареи и корабли. Просто все сразу стали стрелять по одной цели. В результате управляющие огнём запутались в разрывах снарядов, цель периодически закрывалась дымом и пылью от разрывов 180-мм снарядов, и тогда «Сообразительный» вообще прекращал стрельбу. «Харьков», дав вначале пять залпов, тоже на время прекратил огонь и только в 7.58 вновь начал пристрелку. Сделав две попытки и получив непонятные выносы, перенёс огонь по предполагаемому аэродрому. В результате по маяку, о котором в боевой задаче даже не упоминается, было выпущено 461 80-мм, 57 100-мм и около сотни 130-мм снарядов, причём о его разрушении нигде не отмечено. В связи с подрывом на минах крейсера и эсминца отряд вернулся в базу, и порт Сулина обстрелу не подвергался. Второй отряд до Мангалии тоже не дошёл. Подойдя в тумане к побережью противника и не имея возможности определить своё место, они в 8.07 стали ложиться на курс вдоль берега, до которого, по показаниям эхолота, уже оставалось порядка 5 кб. В это время наконец открылся берег, и под ним обнаружили три транспорта, канонерскую лодку и несколько катеров, стоявших на якоре. Почти сразу открыли огонь береговые батареи противника, наблюдались падения снарядов в 15 м от борта и накрывающие залпы. В 8.10 эсминцы открыли огонь с использованием ночного визира прибора 1-Н, однако на «Беспощадном» по ошибке вместо скомандованной дистанции 12 кб установили 24 кб, а на «Бойком» установили 12 кб, но первая очередь дала перелёт. Введя поправку «меньше два», управляющий огнём добился накрытия вторым залпом, но третью очередь из-за тумана не наблюдали. В 8.13 огонь прекратили, так как цели скрылись. Эсминцы развернулись на обратный курс и через 20 мин вновь атаковали транспорты артиллерией и торпедами, но через несколько минут огонь прекратили, так как все цели были поражены и скрыты туманом. Всего израсходовали 189 130-мм снарядов и 12 торпед, потопив, как тогда считали, три транспорта противника. Удовлетворённые результатами боя, корабли повернули в базу. К сожалению, как выяснилось впоследствии, атаке подверглись прибрежные отмели и скалы».

Торпедами по берегу, надо думать, попали! Расстреливали площади, расстреливали скалы, что угодно, только не противника...

Несчастные десанты

«Третья классическая задача надводных кораблей, когда они применяют свою артиллерию по наземным целям, - это обеспечение высадки войск морского десанта. Всего советский ВМФ в годы Великой Отечественной войны высадил более сотни десантов, однако только в одиннадцати из них участвовали линкоры, крейсера и эсминцы. Но реально опыт их применения ещё более ограничен. Например, линкоры участвовали в высадке двух десантов 5 октября 1941 г. под Стрельной и Новым Петергофом. В обоих случаях корабли вели огонь по заранее назначенным целям, без всякой связи с войсками десанта, и, таким образом, никакая специфика десантных действий при этом не просматривается. Точно так же участвовали большие надводные корабли в высадке войск морского десанта и в большинстве

других случаев. Действия корректировочных групп в боевых порядках высаженных войск и ведения огня кораблями по их оперативным заявкам отмечены лишь под Одессой и в Феодосии. Таким образом, участие мощных артиллерийских систем калибром 100 мм и выше с применением эффективных ЗИУС в основном свелось к огневой подготовке района высадки. Имелись лишь эпизодические случаи участия их в огневом сопровождении войск на берегу, хотя для войск десанта, не имеющих тяжёлого вооружения, это крайне необходимо. Огневое обеспечение высадки войск морского десанта, а оно присутствовало не всегда, часто осуществляли катера, вооружённые 45-мм артиллерией. Это приводило к тому, что корабли не подавляли огневые средства противника, а просто будили противодесантную оборону и к моменту начала высадки наших войск всё было готово к их «приёму». Вообще отечественные морские десанты отличались исключительно высокими потерями в людях».

Воспрепятствование вражескому судоходству

Немецкий историк Андреас Хильгрубер написал обстоятельную работу «Эвакуация из Крыма в 1944 году», в которой описал и силы немецко-румынских флотов в Чёрном море: *«К началу войны в 1941 г. на Чёрном море находилось незначительное количество немецких кораблей. Чтобы его дополнить и облегчить во время наступления действия южного фланга немецкого Восточного фронта регулярным снабжением, а затем - во время отхода - обеспечить снабжение отрезанных группировок, из Германии по маршруту Эльба - автодорога Дрезден - Ингольштадт - Дунай в Чёрное море было переброшено более 500 военных и торговых кораблей, в том числе - 6 подводных лодок, 23 моторных тральщика, 16 торпедных катеров, 50 БДБ, 26 охотников за ПЛ. К этому можно добавить построенные в Варне, Констанце и Херсоне БДБ, многоцелевые корабли проекта KFK и военные транспорта KT»*. Всё это «москитный» флот - очень маленькие кораблики, которые ни в одиночку, ни группами не могли противостоять не только крейсеру Черноморского флота, но и миноносцу. И наши адмиралы это подтверждают, с гордостью сообщая, что Черноморский флот господствовал в Чёрном море всю войну. Однако в преамбуле Хильгрубер сообщает, что немцами и румынами *«за 1943 г. морем проведено 2030 судов водоизмещением 1340 000 брт»*.

А где же был Черноморский флот, который «господствовал»?

Это, надо сказать, удивляет самого Хильгрубера.

Вот он описывает проблемы снабжения немецких войск в Крыму после того, как в октябре 1943 г. они были отрезаны прорывом советских войск на Перекоп и захватом перешейка.

«2 декабря группа армий «А» потребовала ежедневной доставки 1500 т грузов. Фактически в декабре было доставлено 33 850 т, на 12 000 т меньше, чем требовалось; в январе - 35 000 т; в феврале 1944 г. удалось существенно превысить затребованный армией объём перевозок (45 000 т в месяц), было доставлено 52 455 т и 4000 человек из 73-й пд... В марте 1944 г... 17-й армии было доставлено 45 500 т грузов и 111-я пд». Вот это-то и удивляет Хильгрубера: *«По сравнению с активной деятельностью малых сил немецкого флота особенно бросается в глаза пассивность Красного Флота на Чёрном море. В 1943 г. его линкор, 3 тяжёлых и 1 лёгкий крейсер, 1 лидер, 9 эсминцев, 2 миноносца, 30-40 подводных лодок, 50 канонерских лодок и торпедных катеров и большое количество вооружённых вспомогательных судов, если не учитывать редкие атаки*

эсминцев и миноносцев, манёвренные действия мелких кораблей при снабжении Керченского плацдарма и растущую активность подводных лодок, прочно стояли на якоре в гаванях на восточном побережье Чёрного моря. Флот абсолютно не использовал своих возможностей, которые ему предоставлялись благодаря численному и качественному превосходству, а также слепому стремлению Гитлера удержать Крым».

Несмотря на то, что для эвакуации из Севастополя немцы имели немного времени, но, по мнению Хильгрубера, при начальной стадии эвакуации она прошла без значительных потерь: *«С 12 по 20 апреля морем и по воздуху было эвакуировано 61 000 человек, среди них - 36 000 немцев, 16 000 восточных легионеров, 3800 военнопленных, 1600 гражданских, 9600 румын»*. Строго говоря, немцы всегда преувеличивают свои успехи, однако в данном случае есть подтверждение и с советской стороны. Замы Народного комиссара НКВД сообщали 11 мая 1944 г. из Севастополя:

> «Судя по нашим личным наблюдениям и показаниям арестованных жителей Севастополя, противник сумел эвакуировать большую часть своих войск, материальную часть и даже стянутых со всего Крыма наиболее активных предателей и своих пособников... О тщательности эвакуации противника говорит и то обстоятельство, что ни по пути противника, ни в самом городе нет более или менее значительного количества боевой техники (как это имело место в других освобождённых городах Крыма), исключая нескольких выведенных из строя пушек и подожжённых автомашин. Даже лошади, которых не смог эвакуировать противник, в значительной своей части застрелены самими немцами. По данным 4-го Украинского фронта, в районе Севастополя захвачено в плен до трёх тысяч человек. Однако организованные в Севастополе приёмные пункты для военнопленных пока пустуют».

Но при эвакуации остатков немецких войск с мыса Херсонес из-за штормовой погоды возникли трудности - немцы не смогли подвести суда для снятия войск, в результате *«приказ об отсрочке эвакуации пришёл в войска так поздно, что не успел опередить выполнение распоряжения об уничтожении всего тяжёлого вооружения, кроме миномётов, панцерфаустов и стрелкового оружия. Таким образом, 11 мая оставшиеся немецкие части воевали без артиллерии»*. А затем усилия сухопутных войск РККА сделали своё дело - 12 мая немцы на Херсонесе сдались. Кстати, командующий 17-й армией генерал пехоты Альмендингер, начальник штаба генерал-майор Ксиландер и штаб по директиве ОКХ (Генерального штаба сухопутных войск) только в полночь 10 мая перешли на торпедный катер, а остатками немецких войск на Херсонесе до самого конца командовал командир 73-й пехотной дивизии немцев генерал-майор Бёме.

В эти дни немцы на море понесли тяжёлые потери в транспортах с эвакуируемыми войсками, но понесли их от огня полевой артиллерии сухопутных войск и главным образом от советской авиации.

Что касается Черноморского флота, то Хильгрубер вспомнил и о нём: *«В 05.00 танкер «Фредерик» («Фируз»), входивший в конвой «Флиге», торпедировала советская подводная лодка «Л-4», и он был вынужден на буксире кораблей охранения вернуться в Констанцу. Только из-за этой потери возможности конвоя снизились на 10 тыс. человек. Но это был единственный крупный успех семи советских подводных лодок, если не*

считать пуски торпед по кораблям, уже тонувшим от попаданий авиабомб». Всё! Надводные корабли Черноморского флота с места не стронулись - «господствовали».

Объясняя, почему он не задействовал флот для обороны Севастополя в 1942 г., командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский сказал: *«В конечном счёте была потеряна армия, но сохранён флот»*. Чем не военно-морской Кутузов? Народ создал флот для своей защиты, и когда флот для этого потребовался, то моряки его сохранили! А для чего? Кстати, Октябрьский забыл сообщить, что сохранил не только флот, но и боеприпасы корабельной артиллерии, которые народ, опять-таки, изготовил для своей защиты. Скажем, ударная сила Черноморского флота линкор «Парижская коммуна» (с 1943 г. - «Севастополь») не расстрелял за всю войну ни одного боекомплекта.

Защита своего судоходства

Советские адмиралы так охраняли суда советского торгового флота, которые обслуживали нужды армии и самого военно-морского флота, что взвыли не только моряки торгового флота, но и Прокурор СССР В. Бочков. 23 марта 1942 г. он написал Микояну:

> «...С первых дней войны флот Черноморско-Азовского пароходства начал терпеть большие потери, которые в дальнейшем беспрерывно увеличиваются и создают реальную угрозу существованию флота этого пароходства вообще.
>
> Основная причина больших потерь флота - плохая организация охраны транспорта от нападений неприятеля с воздуха.
>
> Так, например, при осуществлении десантных операций в Керчи и Феодосии подверглись бомбёжке и затонули 12 транспортных судов, доставивших воинские части, боеприпасы и артиллерию в эти порты. Суда были оставлены военным командованием без всякого охранения и защиты.
>
> О фактах плохой охраны и гибели транспортных судов в феврале месяце доведено до сведения нач. Генерального штаба Маршала Советского Союза тов. Шапошникова и Народного Комиссара Военно-Морского Флота адмирала тов. Кузнецова. Однако и после этого суда продолжают гибнуть по тем же причинам.
>
> Так, например, 19 февраля с. г. из Новороссийска в Севастополь был направлен пароход «Коммунист» с грузом ВВС без всякой охраны и конвоя. Пароход торпедирован и затонул.
>
> 27 февраля с. г. из Туапсе в Севастополь направлен без охраны пароход «Чапаев» с грузом: лошадей - 240 голов, продовольствия - 107 тонн, боеприпасов - 1003 тонны, орудий - 10 и др. Пароход торпедирован и затонул со всем грузом.
>
> 7 марта с. г. из Новороссийска в Камыш-Бурун направлен без охраны пароход «Фабрициус» с лошадьми, продфуражом и автомашинами. В пути следования пароход торпедирован и получил серьёзные повреждения.
>
> Грузы на этих судах следовали для нужд Красной Армии.
>
> Учитывая исключительное значение морского транспорта Чёрного моря в предстоящих операциях, считаю необходимым организацию действенной охраны кораблей транспортного флота, которая должна быть всецело возложена на Военно-Морское Командование и за которую последнее должно нести полную ответственность».

Во весь голос вопил нарком морского (торгового) флота СССР П. Ширшов:

> «...7 октября Азовская военная флотилия во главе с командующим (капитаном 1 ранга Александровым) неожиданно покинула Мариупольский порт, бросив в порту на произвол судьбы транспортные суда и ценное имущество. В результате последние суда

Наркомморфлота, уходившие из Мариуполя, уходили под огнём германских танков, ворвавшихся в порт. При этом погиб ледокол «Соломбала».

...Грубой ошибкой командования Черноморского военного флота является отправление судов в рейс в светлое время суток.

Наркомвоенморфлот, тов. Кузнецов, основываясь на сообщениях, полученных им от командования Черноморского флота, объяснял это тем, что ночью авиация не в состоянии обеспечить охранение судов. Однако, как показали оба случая, придача в охранение двух истребителей не даёт никаких результатов. В момент атаки торпедоносцами теплохода «Ворошилов» истребителей около судна не было, поскольку последние к этому времени возвратились на свои базы. Во втором случае, во время атаки танкера «Куйбышев», два истребителя не смогли защитить танкер, подвергшийся нападению четырёх торпедоносцев.

Между тем по справкам, наведённым мною в Гидрометслужбе при РККА, 2 апреля в районе гибели танкера «Куйбышев» была низкая сплошная облачность. В этих условиях танкер «Куйбышев» ночью свободно мог бы совершить рейс из Новороссийска в Камыш-Бурун, в значительно меньшей мере подвергаясь опасности нападения авиации противника.

Докладывая изложенное, прошу обязать Наркомвоенморфлот (тов. Кузнецова) принять, наконец, решительные меры к сохранению оставшегося транспортного тоннажа на Чёрном море. На сегодняшний день из 14 танкеров действующих осталось всего 5; из 100 сухогрузных судов, помимо находящихся в ремонте, осталось 21». (4 апреля 1942 г.)

«Морской транспортный флот понёс за время войны огромные потери, особенно на Балтийском и Чёрном морях. Погибло по всем бассейнам 107 судов общей грузоподъёмностью около 250 тыс. тонн. Оставлено в портах, временно занятых противником, главным образом в Латвии и Эстонии, 79 транспортных судов грузоподъёмностью 234 тыс. тонн.

В результате этих потерь транспортный флот Черноморско-Азовского бассейна состоит всего лишь из 42 судов грузоподъёмностью 136 тыс. тонн, вместо 73 судов грузоподъёмностью 243 тыс. тонн, которые работали в бассейне к началу войны после мобилизации. Большинство оставшихся судов получили тяжёлые повреждения и временно выведены из строя. В результате на Чёрном море сегодня в эксплуатации осталось 19 судов общим тоннажем 42 250 тонн.

В Балтийском бассейне из судов Балтийского, Латвийского и Эстонского пароходств осталось 21 судно грузоподъёмностью 59 тыс. тонн, вместо 137 судов общей грузоподъёмностью 327 тыс. тонн к началу войны. Оставшиеся суда также почти все имеют повреждения.

...Совершенно неудовлетворительно организована военно-лоцманская служба.

Военные лоцмана в подавляющем большинстве плохо подготовлены. По их вине на Чёрном и Азовском морях подорвался ряд судов на наших минах (начальник отдела коммуникаций Чёрного моря капитан 1 ранга Васильев). Например, пароход «Ленин» по пути из Одессы в Мариуполь был заведён лоцманом на минное поле; вместе с пароходом погибло 1200 пассажиров. По аналогичной причине подорвался на минном поле теплоход «Крым» у Новороссийска.

...По настоянию Заместителя Народного Комиссара Морского флота тов. Самборского военно-морское командование на Чёрном море приняло некоторые меры для улучшения работы военных лоцманов. Однако эти меры являются недостаточными, что подтверждают факты гибели судов по вине лоцманов, которые имеют место и сейчас (подрыв на минном поле парохода «Чапаев» 8 марта на подходе к Севастополю).

Продолжается также порочная практика отстранения капитанов от командования судном во время лоцманской проводки.

...Военно-морское командование в Черноморском и Балтийском бассейнах не поняло своих обязанностей по охранению транспортных судов... При десантных операциях в Керчи и Феодосии было потоплено 18 судов из-за отсутствия охранения с воздуха.

Только после гибели в феврале - марте парохода «Фабрициус» и пропавшего без вести парохода «Коммунист», отправленных из Новороссийска (начальник военно-морской базы Холостяков), Наркомвоенморфлот обязал командование Черноморского флота не выпускать транспортные суда без охранения. Однако и теперь охранение поставлено плохо, что подтверждается фактами гибели «Куйбышева» (грузоподъёмность 4530 тонн).

...Военно-морское командование часто накапливает без всякой необходимости суда пачками

в портах и не обеспечивает их охранение. Это создаёт врагу удобную мишень для бомбёжки. Так, например, в январе - феврале в Камыш-Буруне в результате бесцельного скопления в порту до 23 судов были тяжёло повреждены два крупных судна - танкер «Эмба» грузоподъёмностью в 10150 тонн и пароход «Красный Профинтерн» - 5800 тонн.

...Антигосударственная практика военно-морского командования в отношении транспортного морского флота приводит не только к гибели судов, но и к преступной его эксплуатации, значительно снижая его провозоспособность и обрекая суда на длительные бесцельные простои.

...Например, танкер «Ялта» в декабре 1941 года по распоряжению командования Потийской военно-морской базы (тов. Рюмина) в течение 20 суток перегонялся из Батуми в Поти и обратно без всякой надобности и в дальнейшем 15 суток курсировал между Туапсе, Новороссийском и Керчью, после чего только был разгружен в Севастополе.

...Военно-морское командование не чувствует никакой ответственности за гибель транспортного флота. Начальник штаба Потийской военно-морской базы (капитан 2 ранга Деревянко) не допустил входа в порт терпевшего бедствие во время шторма парохода «Ингул» и приказал закрыть бонное заграждение. Пароход затонул у самого порта. Погибло 25 человек.

...Наркомморфлот располагает обширным материалом, свидетельствующим о том, что указанные выше противозаконные действия военно-морского командования носят систематический характер». (15 апреля 1942 г.)

Но начать доклады Ширшова, конечно, надо было бы с Балтики:

«...28 августа 1941 года при эвакуации Таллина погибло 22 транспортных судна грузоподъёмностью 52 тыс. тонн.

Вице-адмирал Трибуц составил из всего транспортного флота в количестве около 30 единиц один караван, растянувшийся на 10 миль.

Эскадра Балтийского флота, выходившая одновременно с караваном, укрылась от огня противника с берега, поместив караван транспортных судов между собою и берегом. После первого налёта трёх вражеских самолётов эскадра военных судов во главе с вице-адмиралом Трибуцем позорно бежала, оставив беззащитный караван транспортных судов на расстрел противника. Гибели каравана способствовало также и подрезание мин бежавшей эскадрой военных судов.

Вместе с 22 судами в этот день погибло более 25 тыс. бойцов, пассажиры и ценное имущество, эвакуированное из Таллина;

...Наркомат Военно-Морского Флота в связи с гибелью 22 судов при эвакуации Таллина не сделал никаких выводов в отношении виновных, и вице-адмирал Трибуц остался безнаказанным и по-прежнему командует Балтийским флотом. Это относится и к ряду других фактов. Наркомморфлот считает, что факт гибели огромного количества транспортных судов требует специального расследования и наказания виновных».

Сталин не успевал заниматься этими вопросами и переправлял их Молотову, тот тоже был загружен сверх меры и отдавал докладные записки Ширшова Микояну. А тот получал от Кузнецова объяснительные записки типа:

«...Если бы Черноморский флот располагал достаточно мощной истребительной авиацией, надо полагать, таких больших потерь бы не было. (Напомню, что в СССР перед войной количество боевых самолётов превосходило их численность во всей Европе. Куда вы, генералы и адмиралы, их дели?)

...Самым действенным средством для борьбы с авиацией противника в открытом море могла бы явиться истребительная авиация дальнего действия (самолёты Пе-3). Однако в составе Военно-Воздушных Сил Черноморского флота ни одного истребителя дальнего действия нет. Зенитная артиллерия кораблей без взаимодействия с истребительной авиацией также является далеко не достаточным средством для борьбы с авиацией противника. Если учесть, что на Чёрном море в строю в каждый данный момент находится не свыше 2-3 крейсеров и 7-8 эсминцев, то очевидно, что и это недостаточное средство имеется в сильно ограниченном количестве.

...Как пример внимания, которое уделялось охране транспортных судов, к настоящему докладу прилагается перечень указаний, дававшихся Наркоматом ВМФ только одному Черноморскому флоту. (Бьём, били и будем бить фашистских гадов ценными указаниями!)

...Работа военных лоцманов осложняется тем, что им приходится пользоваться навигационным оборудованием тех кораблей, которые они проводят. Между тем состояние этого навигационного оборудования на судах Морфлота находится на очень низком уровне и не обеспечивает точное кораблевождение. (Сам дурак! А нам до войны недосуг было узнавать, какое навигационное оборудование установлено на судах.)

...Эвакуация Таллина происходила в исключительно тяжёлых условиях и сопровождалась потерями. Однако непонятно, из каких источников или с какими целями приведена явно рассчитанная на производство эффекта цифра в 25 тыс. погибших при эвакуации.

На самом деле потери в людях составили 4 тыс. человек. (Брешу нагло, а что делать?!) Утверждение, что Балтийская эскадра «позорно бежала, оставив беззащитный караван транспортных судов на расстрел противника», является клеветническим выпадом против Краснознамённого Балтийского флота. (Куда смотрит НКВД?)

...Полагаю, что выступление тов. Ширшова является исключительно легкомысленной и безответственной попыткой введения ГКО в заблуждение с целью замазывания и сокрытия преступного отношения к своему делу ответственных работников НКМФ и беспорядков, царящих в системе НКМФ. Тов. Ширшов не постеснялся с этой целью прибегнуть и к клеветническим выпадам против командования и бойцов ВМФлота».

Микоян такими отписками удовлетворялся и клал доклады Ширшова под сукно, не проводя расследований.

Ещё раз обращаю внимание, я говорю о недостатках военного сословия, говорю «в среднем». Да, были и герои, без которых не было бы победы, были искусные профессионалы - командиры кораблей, были Лунин и Маринеску, но ведь война страшна тем, что в ней один трус или предатель сведёт на нет усилия тысячи героев.

Особенно если этот трус или предатель занимает генеральскую или адмиральскую должность.

Оборона Севастополя

Когда немцы весной 1942 г. разгромили Крымский фронт, для них встал вопрос о взятии Севастополя, но с советской стороны это никого особо не беспокоило, поскольку войска в Севастопольском оборонительном районе находились в сотни раз более выгодном положении, чем, к примеру, чуть позже будет находиться 62-я армия в Сталинграде. Если у командующего этой армией Чуйкова были только разрушенные дома в 500-метровой полосе, тянущейся вдоль берега на 18 км, минимум инженерных сооружений и немцы на господствующих высотах, то защитники Севастополя сами занимали позиции на господствующих высотах, и эти позиции были исключительно хорошо подготовлены в инженерном отношении - оснащены огромным количеством железобетонных дотов и береговых батарей. (Немцы потом этими батареями укрепляли побережье Франции в преддверии открытия союзниками второго фронта.)

Длина внешнего оборонительного обвода Севастополя (длина фронта) была около 40 км, если верить адмиралу Кузнецову, то численность войск Севастопольского оборонительного района составляла 106 тыс. человек, 600 орудий, 2000 миномётов, 38 танков и даже 53

самолёта. От северного, упирающегося в море фланга до южного, упирающегося в море фланга было примерно 25 км (фронт имел вид выгнутой в сторону немцев дуги), с востока до мыса Херсонес тоже было около 25 км. То есть это была не полоска берега Волги, как у 62-й армии, и адмиралы могли легко маневрировать войсками, укрывать их, перебрасывать с одного участка на другой. Севастопольская бухта, глубоко входя в этот район, делила его в соотношении 1:2 на две части - северную и южную.

Немцы стащили к Севастополю осадную артиллерию, по подсчётам адмирала Кузнецова, пушек, калибром от 75 мм и выше, у немцев было 670 и ещё 720 миномётов. Превосходство не впечатляющее, и когда эти 1390 стволов начали разрушать оборонительные сооружения, наши 2600 орудийно-миномётных стволов могли разрушать немецкие батареи. Кузнецов считает, что у немцев было 204 тыс. немецких и румынских солдат. Может быть, но хотелось бы знать, в каких соединениях. Поскольку, даже по нашим данным, Севастополь взяли 30-й и 54-й армейские корпуса немцев плюс Манштейн упоминает одну румынскую дивизию. Обычно в немецком корпусе было 2-3 дивизии, в полнокровной немецкой дивизии - 16 тыс. человек. Так что количество соединений для 204 тыс. человек выглядит не очень убедительным.

Надо сказать, что в 1854 г. Севастопольской обороной командовали адмиралы, кроме того, Севастополь - это база Черноморского флота, видимо, эти два обстоятельства и определили, что командовал Севастопольским оборонительным районом командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, а замом его, так сказать, по армейской части и командующим Приморской армией был генерал-майор И.Е. Петров. Снабжение Севастополя шло по морю не без потерь, но в целом было налажено и было не более трудным, чем снабжение 62-й армии через простреливаемую Волгу, да ещё и при ледоходе. Таким образом, ни Сталину, ни командующему Северо-Кавказским направлением Будённому, как говорится, и в голову не приходило, что можно сдать немцам Севастополь, так сильно укреплённый и имеющий такой сильный гарнизон со столь мощным оружием. Даже Кузнецов в своих воспоминаниях пишет: *«Когда противник захватил Керчь, мы предполагали, что он сразу же попытается переправиться через Керченский пролив на Тамань. За судьбу Севастополя особых опасений тогда не возникало. Считали, что в случае нового штурма защитникам города придётся трудно, но они выстоят, ведь два штурма были уже отбиты»*.

Этапы обороны Севастополя

Немцы свои потери тщательно скрывают, подтасовывают цифры и лгут - я об этом уже писал. Поэтому я думаю, что при штурме и взятии Севастополя немцы понесли очень большие потери. И думаю так вот почему. Манштейн за взятие Севастополя стал фельдмаршалом, и на фоне этой давно желаемой радости он в своих мемуарах вдруг раздражается злобной тирадой на защитников Севастополя за то, что они не захотели

сдаваться в момент, когда немцы подошли уже собственно к городу: *«То, что далее последовало, было последним боем армии, который не мог ни изменить её судьбы, ни принести какой-либо пользы Советам с точки зрения общей оперативной обстановки. Даже для сохранения чести оружия этот бой был бы излишен, ибо русский солдат поистине сражался достаточно храбро! Но политическая система требовала продолжения бесполезной борьбы»*. Ведь, казалось бы, чего злиться? Чем больше сопротивлялись русские, тем больше тебе, фельдмаршалу, почёта. А Манштейн злится. Вот я и думаю, что этот почёт был так обильно полит немецкой кровью, что у Манштейна и после войны осталась на защитников Севастополя злоба. Но как бы то ни было, однако здесь мы из уст врага услышали, что рядовые защитники Севастополя действительно были храбрыми солдатами, и, следовательно, у адмирала Октябрьского и его начальника адмирала Кузнецова в Севастополе была армия, которая, как учит Кузнецов, имела *«отработанную военную организацию, твёрдый порядок и дисциплину»*.

Итак, 7 июня 1942 г. немцы начали третий штурм Севастополя. Три недели они бьются об его укрепления и об героизм солдат и матросов и, в конечном счёте, добиваются только того, что наши войска отошли с северной части Севастопольского оборонительного района, да немного отошли в южной части, не отступая даже до тылового оборонительного рубежа. Как казалось, обороняющимся стало даже легче: хотя подкрепления к ним и поступали непрерывно, но силы всё же уменьшались, а после отхода с северной стороны Севастопольской бухты сухопутный фронт сократился до 12 км по прямой от Балаклавы до Инкермана - от берега Чёрного моря до устья бухты. А у немцев положение было аховое, что можно оценить по таким строкам из мемуаров Манштейна:

> «Таким образом, к утру 26 июня в руках 11-й армии оказался почти весь внешний обвод крепости. Противник был отброшен внутрь крепости, северную часть фронта которой образовывали крутые высоты по южному берегу бухты Северная, в то время как её восточный фронт проходил от высот Инкермана через Сапу некие высоты до скал в районе Балаклавы.
>
> Командование армии должно было решить задачу - как прорвать этот внутренний пояс крепости. Не было никакого сомнения в том, что противник и дальше будет продолжать ожесточённое сопротивление, тем более что он, согласно заявлениям своего штаба фронта (Крымского фронта), не мог рассчитывать на эвакуацию с полуострова.
>
> С другой стороны, нельзя было не признать, что даже если резервы противника и были в основном израсходованы, то и ударная сила немецких полков была на исходе.
>
> В эти недели я ежедневно, до и после обеда, находился в пути: в штабах корпусов, у артиллерийских командиров, в дивизиях, полках, батальонах и на артиллерийских наблюдательных пунктах. Поэтому я слишком хорошо знал, как обстояло дело в наших частях и соединениях. Полки насчитывали по нескольку сот человек. Мне припоминается донесение одной снятой с переднего края роты, в боевом составе которой был один офицер и восемь рядовых. Как можно было с этими растаявшими частями и подразделениями завершить бой за Севастополь, когда 54-й ак стоял перед бухтой Северная, а 30-му ак предстояли тяжёлые бои за захват позиций на Сапунских высотах»?

(Для справки: в те годы немецкий пехотный полк имел по штату 3049 человек, а пехотная рота - 201 человека.)

И Манштейн, по своему обыкновению, идёт на авантюру, но, правда,

поскольку эта авантюра закончилась успехом, то приходится писать, что он пошёл на полководческий риск. Повторю: после выхода немцев на северную сторону Севастопольской бухты она стала препятствием перед собственно Севастополем. Но это надо было быть советским адмиралом, чтобы считать это препятствие непреодолимым. В ночь на 29 июня небольшие немецкие силы на резиновых лодках тихо переправились через бухту и захватили восточную окраину Севастополя. Ну и какие проблемы с военной точки зрения? Немцы переправились только со стрелковым оружием, следовательно, нужно было их тут же атаковать и сбросить в бухту.

Сколько на этот момент оставалось сил в Севастополе, трудно сказать, но Манштейн пишет, что он на конечной фазе операции взял в плен 40 тыс. человек, то есть даже с учётом брехни Манштейна это минимум, который оставался в строю, поскольку основная масса защитников погибла позже. Кроме этого, накануне, 27 июня, в помощь севастопольцам высадилась 142-я стрелковая бригада. У переправившихся через бухту немцев, напомню, были только винтовки и пулемёты против севастопольских орудий, миномётов, танков...

Однако произошло следующее. Адмирал Кузнецов в своих воспоминаниях описывает это так:

> «В последние дни июня обстановка в Севастополе резко ухудшилась. В это время командующий оборонительным районом Ф.С. Октябрьский вместе с членом Военного совета Н.М. Кулаковым телеграфировал: «Москва - Кузнецову; Краснодар - Будённому, Исакову. Исходя из данной конкретной обстановки, прошу разрешить мне в ночь на 1 июля вывезти самолётами 200-250 ответственных работников, командиров на Кавказ, а также и самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя генерал-майора Петрова И.Е. Противник прорвался с северной стороны на Корабельную. Боевые действия приняли характер уличных боёв. Оставшиеся войска сильно устали, хотя большинство продолжает героически драться. Противник резко увеличил нажим авиацией, танками. Учитывая сильное снижение огневой мощи, надо считать, что в таком положении мы продержимся максимум 2-3 дня».

Заметьте причину, по которой Октябрьский просился удрать. Это не нехватка артиллерии, оружия или боеприпасов, это не большие потери и нехватка людей - это «усталость». А немцы не устали? А Манштейн не устал?

Надо сказать, что воспоминания адмирала Кузнецова очень долго не попадались мне в руки, и все суждения о данном моменте Севастопольской эпопеи я черпал из «Полководца» В. Карпова, а этот полковник, надо сказать, довольно-таки беспринципный и в своём произведении представил дело так, как будто Сталин насильно в последний момент заставил севастопольских полководцев эвакуироваться, чтобы сберечь столь ценные кадры. Мне и в голову не могло прийти, что это они заставили Сталина себя спасать.

Эта телеграмма Октябрьского беспрецедентна и вряд ли имеет хоть какие-нибудь аналоги в военной истории всего мира. Более того, если бы такое и было, то вряд ли у кого хватило ума такое опубликовать. Ведь вдумайтесь в суть изложенного.

Во время боя, причём в тот момент, когда командование войсками

особенно необходимо, полководец практически шантажом требует от власти, чтобы та обезглавила сражающуюся армию, отдав её тем самым на растерзание врагу, и спасла этого полководца. Полная потеря не только чести (её, надо думать, у Октябрьского и Кулакова никогда и не было), но и совести! В своей трусливой подлости они даже не обсуждают вопрос - а что же будет с солдатами? Этим адмиралам плевать на них, для них главное - спасти свои жизни. Ну о какой обороне Севастополя могла идти речь, если трусливая полководческая сволочь думала только о своей шкуре? Ни малейшего понятия о солдатской чести!

Не хочу идеализировать немцев, у них тоже было не всё так просто, и к концу войны и немецкие генералы вели себя неодинаково. Но сопоставьте поведение генералов.

Через полгода в окружение под Сталинградом попала 6-я немецкая армия Паулюса. И не только у Паулюса, но и у подавляющей массы попавших в окружение не только генералов, а и офицеров даже мысли не возникало бросить своих солдат и вылететь из «котла». В окружение под Сталинградом попала и 16-я танковая дивизия немцев, которой командовал генерал танковых войск Ганс Хюбе. Пока Хюбе с дивизией сидел в «котле», у немцев формировался 14-й танковый корпус, и Гитлеру потребовался командир, чтобы этот корпус возглавить. Он приказал Хюбе вылететь из «котла» и принять командование этим соединением. Хюбе отказался выполнить приказ Гитлера, послав тому телеграмму (сравните с телеграммой Октябрьского): *«Я привёл своих солдат в Сталинград и приказал им сражаться до последнего патрона. А теперь покажу им, как это делается»*. Вот это поведение полководца, который не брякает по любому поводу: «Честь имею», а просто её имеет. Между прочим, Ганс Хюбе потерял в предшествовавших боях руку, то есть был инвалидом. А средний генерал РККА, чувствуется, тоже был инвалидом, но только таким инвалидом, который ещё до войны потерял совесть.

Что касается Хюбе, то Гитлер послал в «котёл» четырёх своих телохранителей, те с помощью Паулюса заманили Хюбе в штаб 6-й армии и силой вывезли его из «котла». А что касается советских флотоводцев, то они оказались сильнее, вернее, хитрее Сталина. И чтобы это понять, давайте поставим себя на место Сталина и логически прикинем, что нам на его месте теперь делать? О том, что нам нужно сделать на его месте, чуть позже, а сейчас о том, что делать с Октябрьским - что тому отвечать? Ведь вариантов ответа ему всего два: запретить отъезд, приказав драться, и разрешить отъезд.

Безвыходное положение Сталина

Запретить? Но ведь драться Октябрьский не будет, если бы он хотел драться и не дрожал за свою шкуру, то не послал бы телеграмму, ультиматумом оговорив срок своей сдачи в плен - *«максимум 2-3 дня»*. Этот трус сочтёт себя жертвой, которую Сталин определил на смерть, и запросит спасения у Гитлера, то есть через 2-3 дня сдаст Гитлеру Севастополь. Итог будет один и тот же, но Геббельс растрезвонит на весь

мир, что на милость немцам сдался командующий Черноморским флотом СССР с десятком генералов и адмиралов и со всем гарнизоном. Пропагандистский ущерб будет колоссальный, так как это создаст прецедент для других советских генералов, которые до этого хотя и попадали в плен, но вместе с войсками не сдавались. А здесь Октябрьский прямо предупреждает, что сдаст Севастополь вместе с *«войска сильно устали»*.

Таким образом, по отношению к Октябрьскому у нас выбора нет - надо разрешать этому трусу и его *«ответственным работникам и командирам»* удрать из Севастополя. Это на тему того, что отвечать Октябрьскому. Но это не всё, Октябрьский - это тля, а нам нужно спасать солдат и матросов, сражающихся в Севастополе, от дезорганизации, вызванной отсутствием командования. Как их спасти?

Но прежде я продолжу цитату из воспоминаний Кузнецова:

> «Об этой телеграмме мне доложили около 14 часов 30 июня. Хотя Севастопольский оборонительный район оперативно подчинялся маршалу Будённому, я понимал, что моя обязанность прежде всего - своевременно дать ответ. Армейское командование в Краснодаре ещё болезненно переживало недавнюю неудачу на Керченском полуострове. По опыту эвакуации Таллина я полагал, что главком едва ли примет решение сам, не запросив Ставку. Времени же для запросов и согласований уже не оставалось. По обстановке было ясно: Севастополь придётся оставить. Поэтому, ещё не заручившись согласием Ставки, я приказал ответить вице-адмиралу Октябрьскому: «Нарком ваше предложение целиком поддерживает». Переговорив со Сталиным, в 16 часов 40 минут я послал Военному совету Черноморского флота телеграмму о том, что эвакуация Военсовета разрешена».
>
> В ночь на 1 июля Военный совет Черноморского флота вылетел с единственного оставшегося в наших руках аэродрома около Херсонесского маяка в Новороссийск».

По прочтении этого текста возникает два вопроса. Почему Кузнецову нужно было, чтобы Будённый не знал о первой телеграмме Кузнецова в Севастополь? Он пишет, что Будённый не согласованные со Сталиным решения не принимал, а посему мог затянуть дело. Но ведь и Кузнецов решение дать полководцам Севастополя сбежать тоже согласовал со Сталиным, а первая телеграмма вообще не содержала никакого военного решения - это сообщение Октябрьскому о некой личной солидарности с ним Кузнецова. Почему эту свою солидарность в деле отдачи гарнизона Севастополя немцам на расправу Кузнецов постеснялся согласовать с Будённым?

Второй вопрос. А зачем он послал первую телеграмму? Кому она нужна? Ведь Октябрьскому нужно было разрешение на то, чтобы удрать из Севастополя, а не солидарность Кузнецова. Зачем Кузнецов загружал шифровальщиков и радистов этой бессмысленной для Октябрьского чепухой?

Всё дело в том, что эта чепуха была предназначена не Октябрьскому, а Сталину и Будённому, почему Кузнецов и не стал согласовывать с ними свою первую телеграмму. Чтобы это понять, задайте себе вопрос, кто являлся непосредственным начальником Октябрьского? Будённому Октябрьский подчинялся только в оперативном отношении, Октябрьский обязан был выполнять приказы Будённого об обороне или высадке десанта, об обеспечении разгрузки судов и т. д., но Будённый не мог

снять с должности и заменить другим командующего Севастопольским оборонительным районом - это мог только Кузнецов, поскольку он являлся прямым начальником Октябрьского. Это видно и по тому, как расположены адресаты в телеграмме, посланной Октябрьским, - сначала Кузнецову, а затем Будённому и подчинённому Октябрьского - Исакову. В Краснодар Октябрьский посылал телеграмму для сведения, а разрешения удрать испрашивал у своего прямого начальника - у Кузнецова.

Далее. Второй штурм в декабре 1941 г. Севастополь отбил, в том числе и потому, что в Керчи высадились наши войска и образовался Крымский фронт, одной из целей которого и была деблокада Севастополя. Но когда Манштейн разгромил Крымский фронт, то севастопольское начальство запаниковало и, я полагаю, начало требовать немедленной эвакуации. Я думаю так вот почему.

С.М. Будённый был человеком очень и многосторонне одарённым, по уровню культуры с ним трудно даже сопоставить кого-либо из остальных советских полководцев, более того, это был и крупнейший военный талант, который, к сожалению, сам Будённый в себе не ценил. Он, безусловно, прекрасно чувствовал войну, не какие-то цифровые показатели в штабе, а реальную силу противостоящих войск. Напомню, что это он, а не хвастливый брехун Жуков 11 сентября 1941 г. запросил у Ставки разрешение отвести войска из Киева, и Ставка этого не сделала только потому, что с этим не согласился командовавший этими войсками генерал-полковник Кирпонос.

Напомню, что Крымский фронт был создан для разгрома в Крыму 11-й армии Манштейна и по штабным бумагам имел для этого всё - и превосходящие силы солдат, и превосходство в танках. 28 апреля Будённый слетал на Керченский полуостров, съездил в войска, на передовую и пришёл к выводу, что Крымфронт к наступлению не готов, что впоследствии и подтвердилось - Крымфронт оказался неспособен даже обороняться.

А вот по отношению к Севастополю у Будённого было совершенно иное мнение. Он знал, что у Севастополя достаточно сил, чтобы выдержать немецкий штурм. И когда после падения Крымфронта из Севастополя поползли просьбы об эвакуации, Будённый жёстко на них отвечал: *«Предупредить весь командующий, начальствующий, красноармейский и краснофлотский состав, что Севастополь должен быть удержан любой ценой. Переправы на кавказский берег не будет»*. И как выше сказано, даже 27 июня, за два дня до трусливых воплей полководцев, с кавказского берега в Севастополь переправлялись войска. Севастополь был прекрасным рубежом, на котором можно было бить немцев, там выгодно было их бить, посему их нужно было бить именно там, тем более что они на этот рубеж сами полезли. Нельзя было допустить, чтобы дивизии Манштейна вышли из-под Севастополя из горных теснин в степи Дона и Кубани, где уже вовсю шло наступление на Сталинград и Кавказ. Оставлять Севастополь с военной точки зрения было глупо, а посему, как многословно оправдывается Кузнецов, ссылаясь

на адмирала Исакова, эвакуация войск из Севастополя до телеграммы Октябрьского даже не продумывалась, и трусливое, по сути, предательство севастопольских полководцев оказалось для Сталина и Будённого как снег на голову.

А здесь нужно понять, что логика управления людьми наработала ряд приёмов управления, которые начальники применяют, даже не задумываясь, настолько они естественны. К примеру. Есть директор завода, у него подчинённый - начальник цеха, а у того свой подчинённый - начальник участка. Представим, что на этом участке возникла проблема, которая ставит под угрозу срыв задачи всего завода, а начальник участка по каким-либо причинам (неопытность, загулял, растерялся и т. д.) с этой проблемой не справляется. Если начальник цеха честный работник, то он без какого-либо приказа бросится на этот участок и возьмёт управление на себя. Если он не догадается или директор узнает о проблеме раньше начальника цеха, то директор немедленно и автоматически прикажет начальнику цеха взять управление на участке в свои руки, а уж потом думать, что делать - менять начальника участка или вновь доверить ему эту должность. Это, повторю, логика управления, и она действует везде.

Вот теперь поставьте себя на место Кузнецова, получившего телеграмму Октябрьского. Будь Кузнецов честный командующий, то немедленно запросил бы согласия Ставки самому вылететь в Севастополь и взять управление войсками на себя, пока не будут подобраны люди на место Октябрьского с компанией. Но даже если бы он сам на это не решился, но сразу же доложил о телеграмме Сталину и обсудил её с Будённым, то они автоматически скомандовали бы ему: вылетай в Севастополь и бери командование на себя! А, как мы видим, рисковать своей жизнью нашему выдающемуся флотоводцу очень не хотелось, посему страх надоумил его на действие, по сути, беспрецедентное: он ещё до доклада Сталину солидаризируется в трусости со своим трусливым подчинённым!

Теперь его послать в Севастополь нельзя - он сдастся в плен вместе с Октябрьским. Ведь если он туда поедет и вдруг сам или кто-то вместо него отобьёт штурм немцев, то как будет выглядеть эта победа с уже высказанной Кузнецовым солидарностью просьбе разрешить полководцам Севастополя удрать и отдать город немцам? Телеграмма Кузнецова Октябрьскому никакого другого смысла не имеет - это отказ Кузнецова сражаться за свою Родину. Отказ, закамуфлированный в форму личного мнения и трогательной заботы о начальствующем составе. Нет, как и все советские полководцы, Кузнецов готов был сражаться за Родину, но чужими руками и так, чтобы его лично при этом не убили.

Из вышеприведённого отрывка из воспоминаний Кузнецова видно, что Сталин отнёсся к трусости Октябрьского и Кузнецова внешне спокойно и согласовал бегство адмиралов на Кавказ. И в это можно поверить вот почему.

Генерал-майор Петров был командующим Приморской армией и первым заместителем Октябрьского - командующего СОР, следовательно,

он знал текст телеграммы, посланной от имени Военного совета Севастопольского оборонительного района, следовательно, был согласен с тем, что остаётся за Октябрьского, и, как казалось в тот момент, уже брал командование в Севастополе на себя. А военная репутация у Петрова на то время была неплохая - летом 1941 г. он довольно удачно оборонял окружённую Одессу и очень удачно эвакуировал из неё Приморскую армию в Крым. Получалось, что, может, так даже лучше - из Севастополя уберутся трусы и оборону возглавит толковый человек. Скорее всего, Сталин недоучёл, что полководческая трусость - это зараза хуже чумы, а Октябрьский уже руководствовался только трусостью.

Безнаказанная трусость

При цитировании хроники суда над офицерами эскадры Небогатова я обращал ваше внимание, как ураганным пожаром распространяется трусость, если трусость начинает проявлять командующий, и вы видели, как ещё вчера храбрые офицеры русского флота вдруг поголовно запаниковали, как только поддался трусости адмирал Небогатов. История обороны Севастополя 1942 г. являет собою вопиющий пример того, как трусливый командующий может собственной трусостью, как ураганным пожаром, в течение нескольких часов превратить сильнейшую армию в скопище паникующих толп.

Историк И.С. Маношин провёл огромную работу по сбору фактов обороны Севастополя чуть ли не по часам, и благодаря его работе можно составить представление о том, что же происходило в осаждённом Севастополе в конце июня 1942 г.

Два года спустя, в мае 1944 г., войска Красной Армии выбили из Севастополя немцев. Но немецкие офицеры солдат не бросали и из Севастополя не удирали. Командующему 17-й немецкой армией и его штабу поступил приказ генерального штаба сухопутных войск Германии выехать из Севастополя, и генерал пехоты Альмендингер выехал за двое суток до окончания сопротивления немецких войск в Крыму.

А адмиралу Октябрьскому, как видите, никто приказа не давал, Октябрьский сам выпросил себе у Москвы разрешение удрать, а чтобы это не выглядело уж очень позорно, прикрыл это как бы заботой о неких очень ценных руководящих работниках Севастопольского оборонительного района.

Для начала сравним это поведение Октябрьского и Петрова с поведением командующего 6-й немецкой армией, действительно попавшей в безвыходное положение. Из окружения вывозились немецкие офицеры, которых вне окружения назначали на более высокие должности, из окружения было вывезено 30 тыс. раненых. И 24 января 1943 г. Паулюсу пришла в голову мысль о вывозе специалистов как таковых, и он послал шифровку: *«Предлагаю вывезти из «котла» отдельных специалистов - солдат и офицеров, которые могут быть использованы в дальнейших боевых действиях. Приказ об этом должен быть отдан возможно скорее, так как вскоре посадка самолётов станет*

невозможной. Офицеров прошу указать по имени. Обо мне, конечно, речи быть не может».

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн, в отличие от адмирала Кузнецова, так прокомментировал это предложение Паулюса: *«В связи с этой радиограммой Паулюса я хотел бы сказать об эвакуации отдельных лиц следующее. С чисто деловой точки зрения, естественно, было бы желательно спасти возможно большее число ценных специалистов, конечно, независимо от их звания. И с человеческой точки зрения понятно, что хотелось бы, и надо было стараться спасти каждого. Но эту эвакуацию необходимо было рассматривать и с точки зрения солдатской этики. Нормы солдатской этики требуют, чтобы в первую очередь были эвакуированы раненые. Меры к их эвакуации предпринимались, и эффект их в столь сложной обстановке был разителен. Но эвакуация специалистов могла быть произведена только за счёт эвакуации раненых. Кроме того, неизбежно большинство эвакуируемых специалистов составили бы офицеры, так как благодаря их подготовке и опыту они представляют большую ценность в войне, чем рядовые солдаты (если речь не идёт о специалистах, имеющих совершенно особую техническую или научную подготовку). Но в той обстановке, в которой находилась 6-я армия, по понятиям немецкой солдатской этики, когда речь шла о спасении жизни, офицеры должны были уступить первую очередь солдатам, за которых они несли ответственность»*. Соответственно, Гитлер приказал сообщить Паулюсу: *«…в отношении эвакуации специалистов: фюрер в просьбе отказал»*.

Некоторые оппоненты упрекают меня в прославлении немцев. Во-первых, только идиот догадается их унижать, поскольку этим унижается победа наших предков в Великой Отечественной войне. Вообще-то советским офицерам я ставлю в пример полковника Тишинского, который, невзирая на приказ командира корпуса распустить дивизию и пробиваться в одиночку, свою дивизию не распустил и возглавил её прорыв из окружения в полном составе, погибнув в арьергарде. Генерала Ефремова, за которым Жуков послал в окружение самолёт, но Ефремов отказался бросать свою окружённую армию, был тяжело ранен при выходе из окружения и застрелился, чтобы не обременять собою выносивших его офицеров. Генерала Чуйкова, не бросившего своих солдат в Сталинграде и не перенёсшего свой командный пункт на левый берег Волги, хотя и командовал армией в полутора сотнях метров от переднего края. Генерала Белова, который дрался в окружении так, что Гальдер беспомощность немцев по уничтожению 1-го кавкорпуса РККА назвал позором тех 6 немецких дивизий, окруживших кавкорпус Белова и безрезультатно пытавшихся его уничтожить. Белов вырвался из окружения вместе с корпусом. Советским офицерам есть кого поставить в пример. Но вернёмся в Севастополь 1942 г.

Хроника Севастопольского позора такова. 30 июня, примерно в 19.00, Октябрьский получил от Кузнецова разрешение: *«Военные советы ЧФ и армии и ряд командиров и военкомов дивизий и бригад эвакуируются 01.07.42 г.». Для руководства обороной в Севастополе и прикрытия*

эвакуации ...оставить генералов Петрова и Моргунова, а через три дня и им приказывалось эвакуироваться». К этому часу Октябрьский получил и дублирующее разрешение Ставки на своё отбытие с передачей командования Петрову в телеграмме Василевского. В 19.30 Октябрьский собрал совет. *«На нём присутствовали командующий СОРом и флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, член Военного совета дивизионный комиссар Н.М. Кулаков, командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров, члены Военного совета Приморской армии, дивизионный комиссар И.Ф. Чухнов и бригадный комиссар М.Г. Кузнецов, командир охраны водного района (ОВРа) контр-адмирал В.Г. Фадеев, начальник штаба СОРа капитан 1 ранга А.Г. Васильев, начальник Особого отдела Черноморского флота Н.Д. Ермолаев, комиссар Береговой обороны полковой комиссар К.С. Вершинин и комендант Береговой обороны генерал-майор П.А. Моргунов»*. Считается, что на этом совете *«выступили члены Военного совета Приморской армии Чухнов и Кузнецов, предложив оставить одного из командиров дивизий со штабом, так как соединений и частей, по существу, уже нет, а разрозненные группы и подразделения не имеют боезапаса и что руководить на таком уровне нечем»*.

Не хочется комментировать этот позорный бред, поскольку разрознены эти группы и подразделения были именно тем, что удирало командование частей и соединений СОР. Как поведали члены совета, все удравшие из Севастополя в ночь на 1 июля, на совете генерал Петров вроде бы заявил: *«Если это необходимо и командование решило так, то он готов остаться и сделать всё, чтобы выполнить боевую задачу»*. А в связи с чем он это заявил? Что это за вопрос, если Москва это считала необходимым и именно с таким условием дала разрешение эвакуироваться Октябрьскому?

Но дивизионный комиссар Кулаков якобы *«указал на большие потери врага, значительно превышающие наши, а у нас почти ничего не осталось. Политико-моральное состояние защитников крепкое, а главное, нет уже ни частей, ни боеприпасов. Задержать врага вряд ли удастся. Поэтому оставлять генералов Петрова и Моргунова нет необходимости. Генерал Петров на вопрос Октябрьского о том, кого оставить в Севастополе, предложил оставить генерала Новикова - командира 109-й стрелковой дивизии, так как его сектор обороны обороняет Херсонесский полуостров, и остатки войск отходят туда же. Командующий согласился с этим предложением и приказал Петрову и Моргунову до рассвета помочь Новикову организовать оборону и эвакуацию согласно плану»*.

Можно из этих сведений о заседании объединённого Военного совета сделать вывод, кому именно Октябрьский передал командование СОРом? Некоторые умники утверждают, что Октябрьский передал командование СОРом Новикову, а Петрову, дескать, приказал эвакуироваться. Но это не так потому, что для передачи командования не Петрову, а Новикову Октябрьский обязан был бы снова запросить Москву, а у него уже времени не было. Октябрьский передал командование Петрову! Но логика подсказывает, что одновременно члены совета предложили Петрову удирать вместе с ними. И Петров дрогнул! И сделал хитрый финт - после

заседания совета он тут же написал приказ от своего имени - как командующий Приморской армией:

«Боевой приказ. 30/У 1-42 г. Штаб Приморской армии. 21.30.

1. Противник, используя огромное преимущество в авиации и танках, прорвался к Севастополю с востока и с севера. Дальнейшая организованная оборона исключена.

2. Армия продолжает выполнять свою задачу, переходит к обороне на рубеже: мыс Фиолент - хутор Пятницкого - истоки бухты Стрелецкой. Оборона указанного рубежа возлагается на группу генерал-майора П.Г. Новикова.

3. Группа генерал-майора П.Г. Новикова в составе: 109-й, 388-й стрелковых дивизий, 142-й стрелковой бригады, курсов младших лейтенантов армии, учебного батальона 191-го стрелкового полка, зенитно-пулемётного батальона. Арт-группа в составе 47-го ап, 955-го ап и 880-го зап.

Задача - упорно оборонять рубеж: хутор Фирсова - хут. Пятницкого - истоки бухты Стрелецкой.

КП - 35 батарея БО.

Командующий Приморской армией генерал-майор Петров

Член Военного совета дивизионный комиссар Чухнов

Начальник штаба армии генерал-майор Крылов».

Как видите, Петров начал приказ с вранья о предрешённости обстановки. А была ли она таковой? Манштейн пишет: *«День 1 июля начался массированным огнём по окраинным укреплениям и внутренним опорным пунктам города. Обстрел был успешным. Уже через некоторое время разведчики донесли, что серьёзного сопротивления противника не ожидается. Ведение огня было приостановлено, дивизии пошли в наступление. Вероятно, противник в ночь на 1 июля вывел свои главные силы из крепости на запад»*. То есть к моменту отдачи Петровым приказа немцев ещё и близко не было в Севастополе, более того, они боялись в него входить.

А как вам нравится шизофрения приказа: *«Дальнейшая организованная оборона исключена»*, - и одновременно: *«Армия... переходит к обороне на рубеже»*?! Оборона исключена или не исключена?

И, конечно, особо мудрой выглядит та часть приказа Петрова Новикову, в которой он приказывает Новикову пробиваться в горы к партизанам. Поскольку горы и партизаны были в глубоком тылу наступающих немцев, то исполнителям этого приказа осталось всего ничего - разбить 11-ю армию немцев. Так почему же, Петров, ты сам не пробиваешься в горы со своими солдатами?

Между тем в Краснодаре маршал Будённый, узнав, что Октябрьский драпает из Севастополя, озаботился спасением войск и послал в СОР директиву. *«Директивой предписывалось: «Октябрьскому и Кулакову срочно отбыть в Новороссийск для организации вывоза раненых, войск, ценностей, генерал-майору Петрову немедленно разработать план последовательного отвода к месту погрузки раненых и частей, выделенных для переброски в первую очередь. Остаткам войск вести упорную оборону, от которой зависит успех вывоза».*

К сожалению, эта директива пришла на узел связи 35-й батареи с

большим опозданием из-за выхода из строя от артогня противника приёмного радиоцентра на Херсонесском мысе - около 22 часов 30 июня, - и пока шифровку обрабатывали, командующий Приморской армией генерал Петров со своим штабом был уже в море на пути в Новороссийск на подводной лодке Щ-209».

Маношин невнимательно читал собранные им воспоминания и документы, поскольку в них несколько раз точно указывается, когда именно Петров покинул командный пункт СОР на 35-й батарее: *«Около 1 часа 30 минут ночи 1 июля 1942 года Военный совет Приморской армии в составе Петрова, Моргунова, Крылова, Чухнова и других командиров штаба армии, штабов соединений, командиров соединений и комиссаров, других лиц спустились по винтовому трапу в левый подземный ход-потерну 35-й батареи и затем, пройдя её, вышли на поверхность земли через левый командно-дальномерный пост вблизи спуска к рейдовому причалу»*.

Итак, Маношин нашёл факты: телеграмма Будённого пришла в 22.00, Петров покинул командный пункт в 1.30, лодка начала выходить из бухты в 3.00 (об этом ниже). А вывод делает: телеграмму Будённого шифровальщики не успели «обработать» и Петров её не получил. А сколько надо было времени на обработку (расшифровку) телеграммы? Маношин и эти факты нашёл:

> «В тот же день 30 июня к 19 часам был получен ответ из Москвы о разрешении эвакуации ответственных работников и выезд Военного совета флота на Кавказ».
>
> «В 19 часов 50 минут 30 июня 1942 года в одном из казематов 35-й береговой батареи началось последнее заседание военных советов флота и армии... Вице-адмирал Октябрьский кратко охарактеризовал обстановку и сказал, что на его телеграмму об эвакуации получен ответ от наркома ВМФ Кузнецова с разрешением на эвакуацию ответственных работников и командиров, а также санкционирован его выезд».

То есть на расшифровку телеграммы и сбор десяти членов Военного совета ушло 50 минут, а на собственно «обработку» телеграммы вряд ли более 30. Следовательно, если телеграмма Будённого с приказом Петрову остаться в Севастополе получена в 22.00, то на стол Петрову она легла в 22.30 30 июня. А удрал Петров из Севастополя только в 3.00 1 июля.

Таким образом, Петров удрал с командного пункта 3 часа спустя после того, как им был получен приказ Будённого остаться и возглавить оборону, а из Севастополя - через 4,5 часа после прочтения приказа Будённого. Ночью бухта тоже находилась под обстрелом немцев, но Петров мужественно ждал, пока и его задержавшийся сын-адъютант тоже соберёт вещи и прибудет на лодку. Так, семейно, помахав ручкой оставшимся без командования и поэтому гибнущим уже в неравных боях солдатам, Петров и удрал: *«Подводная лодка Щ-209 приняла на борт Военный совет Приморской армии со штабом армии, а всего 63 человека и в 2 часа 59 минут 1 июля вышла на Новороссийск, куда и прибыла после сложного похода 4 июля около 8 часов утра»*.

Как пишет Кузнецов, в Москве ошарашились, но сделать уже ничего не могли:

> «Соглашаясь с эвакуацией Военного совета флота из Севастополя, я рассчитывал на то, что в

городе останется генерал-майор И.Е. Петров, заместитель командующего флотом, который будет руководить обороной до последнего момента. Но 1 июля в телеграмме в адрес Сталина, мой и Будённого уже из Новороссийска Военный совет флота донёс: «Старшим начальником в Севастополе оставлен комдив-109 генерал-майор П.Г. Новиков, а его помощником по морской части - капитан 3 ранга А.Д. Ильичёв». Это было для меня полной неожиданностью и поставило в трудное положение перед Ставкой.

- Вы говорили, что там останется генерал-майор Петров? - нахмурился Сталин. Мне ничего не оставалось, как сослаться на первую телеграмму командующего Черноморским флотом.

В своей ответной телеграмме я давал разрешение на выезд только Военного совета и группы руководящего состава, если в Севастополе останется генерал Петров. В этом случае я рассчитывал, что борьба ещё какое-то время будет продолжаться. Так обстановку, видимо, понимал и Верховный главнокомандующий. Сейчас же всё изменилось. Теперь нельзя было надеяться на организованное сопротивление в течение хотя бы недели и эвакуацию оставшихся войск. Этим и было вызвано недовольство Сталина».

Итак, удирая на Кавказ, севастопольские полководцы поручили Петрову умереть за Родину, но, как вы видите, Петров, не будь дураком, тут же поручил умереть за Родину генералу Новикову и отбыл на подводную лодку вопреки приказу Будённого возглавить оборону!

Последствия генеральской трусости

Но пока вернёмся немного назад, в 29 июня. Солдаты и командиры отбивали атаки немцев на подступах к Севастополю, а в это время Октябрьский и Петров планировали стратегическую операцию по обеспечению своего бегства из Севастополя.

«Внешнюю охрану батареи осуществлял отдельный батальон автоматчиков. Прибывшая на батарею парашютная группа особого назначения ВВС ЧФ под командованием старшего лейтенанта В.К. Квариани была переименована в группу особого назначения ЧФ. Её численность была доведена до роты за счёт личного состава 35-й батареи. На группу были возложены охранные комендантские обязанности внутри батареи и на Херсонесском аэродроме.

С утра 30 июня и до 20 часов того же дня бойцами группы были освобождены все помещения 35-й батареи от многих военных и гражданских лиц, от штабных работников до адъютантов и ординарцев, которые находились там в ожидании получения пропусков на эвакуацию».

Обратите внимание, обороной чего занимались полководцы и флотоводцы в то время, когда войска СОР дрались на фронте, на котором якобы катастрофически не хватало бойцов, и задолго до того, как Октябрьским было получено разрешение удирать.

«А после заседания Военного совета флота и армии перед группой была поставлена задача по обеспечению и сопровождению командиров и ответственных лиц с посадочными талонами на рейдовый причал для посадки на подводные лодки, также осуществлять охрану Херсонесского аэродрома во время прилётов транспортных самолётов, соблюдения порядка при посадке по посадочным талонам в условиях нахождения там неуправляемой многотысячной вооружённой массы военных и гражданских лиц».

С протаскиванием VIP-персон на самолёты и подводные лодки эта рота в целом справилась, хотя и не без потерь. *«Командование СОРа с трудом пробилось к самолёту»*, - и пробилось потому, что хитрый Октябрьский применил маскировку. Считается, что Керенский в 1917 г. бежал из Зимнего дворца в женской одежде, но Октябрьский до этого не дошёл: *«В целях маскировки, как писал Октябрьский после войны Линчику, работники Особого отдела накинули на меня гражданский плащ»*. Умный! Но всё же даже это не давало гарантии, что Октябрьский

доберётся до самолёта, поэтому для флотоводца на всякий случай зарезервировали и подводную лодку: *«Командующий и член Военного совета Кулаков и некоторые присутствующие должны были улететь самолётом. Фактически по некоторым причинам вылетели позже. Контр-адмирал Фадеев на 2-й подводной лодке (Л-23) должен был ждать сигнала Октябрьского и только тогда уходить, так как не было уверенности, что группе Октябрьского удастся улететь самолётом и тогда они должны были идти на второй подводной лодке. Телеграмму Фадеев получил уже поздно с самолёта»*. Разумно поступил Октябрьский, поскольку *«некоторые из толпы открыли огонь по улетавшему самолёту»*.

Много мужества потребовалось и удирающему Петрову *«Семечкин, начальник отдела укомплектования Приморской армии, рассказал: «Мы шли на посадку на подводную лодку. Я шёл впереди Петрова. В это время кто-то из толпы стал ругательски кричать: «Вы такие-разэдакие, нас бросаете, а сами бежите». И тут дал очередь из автомата по командующему генералу Петрову. Но так как я находился впереди него, то вся очередь попала в меня. Я упал...»*

Тут надо понять, что Октябрьский задумал удрать, как только немцы переправились с северной стороны бухты, - задолго до посылки телеграммы с просьбой разрешить ему это. А поскольку об этом надо было как-то сказать руководящим работникам, и было сказано, то паника начала распространяться ещё задолго до того, как об этом решении Октябрьского узнала Москва. Маношин пишет: *«Отзыв старшего комсостава армии, вероятно, всё же шёл с вечера 29 июня вначале из отделов, управлений, служб штабов армии и флота, которые в условиях прорыва фронта перебазировывались в район 35-й береговой батареи»*. Технически этот отзыв происходил так: *«Начальник штаба 95-й дивизии майор А.П. Какурин получил устное приказание от командующего армией генерал-майора Новикова через офицера-моряка составить список офицеров 95-й дивизии и с этим списком быть у вертикального люка батареи левого ствола через 30 минут. Состоялось общее построение начсостава дивизии. Всего оказалось 45 человек. Через 30 минут открылась крышка люка и поднявшийся моряк спросил: «Кто майор Какурин? Ваши документы!» Проверив их, моряк попросил Какурина спуститься со списком в люк, за ним спустился моряк. Крышка закрылась, и больше мы Какурина не видели»*.

> «Для эвакуации выдавались посадочные талоны отдельным людям согласно спискам».

То есть Какурин получил посадочный талон, а остальные - в пассив! Войска СОР трусливое командование обезглавило немедленно, а дальше что? А дальше:

> «...вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я видел, меня поразило. Толпы людей, солдаты, матросы с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к её главному входу, увидел ещё худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29 июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Всё это было похоже на панику в полном смысле слова...»

Обратите внимание, что и этот свидетель указывает на дату организации Октябрьским паники - 29 июня, за сутки до того, как он запросил у Москвы разрешения на эвакуацию. Ещё цитата о том, как это выглядело:

> «Находившаяся на аэродроме масса неорганизованных военных с оружием и без него, легкораненые, военные и гражданские лица с пропусками пытались попасть в самолёты. Комендант Херсонесского аэродрома майор Попов, на которого была возложена организация посадки на самолёты, самоустранился от своих обязанностей и улетел первым же самолётом, как об этом написал военврач 12-й авиабазы ВВС ЧФ И.П. Иноземцев, находившийся в то время там в связи с ранением, чтобы попасть в самолёт, но ничего не получилось. Попов впоследствии был приговорён военным трибуналом к расстрелу. Бежал к немцам».

Талоны на посадку не помогали.

> «В этой неуправляемой обстановке, имея посадочные талоны, не могли попасть в самолёт комиссар 386-й дивизии В.И. Володченков и начальник штаба дивизии подполковник В.С. Степанов. Они вынуждены были вернуться в 35-ю батарею и, по приказанию начальника штаба армии Крылова, были эвакуированы на подводной лодке Щ-209.
>
> Не смог попасть в самолёт и прокурор Черноморского флота бригадный военюрист Л.Г. Кошелев. «Меня оттеснили» - так он позже рассказал Линнику ночью 2-го июля, находясь уже под скалами 35-й батареи после неудачной попытки попасть на катера».

Картину неорганизованной посадки на самолёты дополняет А.И. Зинченко:

> «...с наступлением темноты началась эвакуация самолётами раненых. Организовать нормальную эвакуацию было невозможно. Кто посильнее, тот и попадал в самолёт. На 3-й самолёт дошла и моя очередь, но, когда я попытался влезть в самолёт, один из команды по посадке ударил меня сапогом в голову так, что я потерял сознание. Брали в основном моряков, а у меня форма была сухопутная».

(Интересно, удар сапогом в лоб сопровождался: «Честь имею!»?)

Своей книгой «Полководец» В. Карпов написал панегирик Петрову. Карпов - выдающийся воин, но простоват для историка, чем в данном случае и ценен. К примеру, он наивно сообщает: *«В этот день в районе Инкермана произошёл взрыв огромной силы, который слышали и Петров, и Манштейн на своих командных пунктах. Взрыв нанёс гитлеровцам большие потери, завалив землёй и камнями колонну танков и мотопехоты. До некоторого времени оставалось неизвестным, что там произошло. Петров помнил этот взрыв и после войны в разговоре со мной, узнав, что я стал писать на военные темы, просил меня разузнать и рассказать, что там произошло. Он был уверен, со взрывом связан какой-то героический поступок. Я выполнил эту просьбу Ивана Ефимовича; позже познакомлю читателей с подробностями этого дела»*. А это означает, что Петров в том 1942 г. никак не соотнёс взрыв огромного склада флотских боеприпасов и арсенала Севастополя (завода по снаряжению боеприпасов) с этим взрывом. Получается, что он не знал, что гарнизон этих складов 10 дней защищал боезапасы флота, и, наконец, взорвал их, и очень удачно - обрушив скалу на немецкую колонну.

И хотя комендант складов донёс об этом Военному совету СОР, Петров об этом всё равно ничего не знал. Что это значит? О чём сообщил нам Карпов? Он сообщил, что Октябрьский и Петров, зная, что склады вот-вот перейдут в руки немцев, тем не менее не давали приказа на их подрыв! Как это понять? Хотел оставить склады немцам? Не думаю,

скорее всего, у Петрова и Октябрьского голова в те дни уже не о войне болела, а о том, как с этой войны удрать.

А в это время герои...

А в это время настоящие офицеры дрались и гибли. У мыса Фиолент сражался прижатый к морю полк пограничников под командой полковника Рубцова и батальонного комиссара Смирнова. Оставшийся в живых солдат этого полка сообщает:

> «Пришлось пробираться через шквальный огонь противника. Дошёл до армейского обоза в районе 35-й береговой батареи, на площадке у которого находилось много свезённого и брошенного автотранспорта. Обслуживающего персонала на месте не оказалось. Все ушли к берегу в ожидании посадки и эвакуации. Начал поиск и нашёл среди многих машин исправную, грузовую, гружённую боезапасом - патронами к автоматам и, сам сев за руль, на большой скорости прорвался к Рубцову. Он обнял меня и сказал, что представит к правительственной награде».

В принципе, полк пограничников мог бы прорваться к партизанам, поскольку из-за развала обороны сплошной линии фронта не было. Но на остававшегося на 35-й батарее генерал-майора Новикова наседали немцы, а Новикову надо было сесть на катер, чтобы удрать, для этого немцев надо было от батареи отогнать, и он по радио даёт Рубцову команду вести пограничников в атаку не на восток - к партизанам, а на запад - в направлении 35-й батареи.

> «После получения ответа из штаба дивизии Рубцов собрал оставшихся в живых командиров штаба и батальонов и доложил сложившуюся обстановку и приказ из дивизии. Потом Рубцов сказал так, как запомнил Н. Головко:
>
> «Товарищи, мы сейчас окружены. Жить или умереть. Но нам во что бы то ни стало надо прорваться к 35-й батарее и занять там оборону. Так нам приказано».
>
> После этого уничтожили радиостанцию. Были собраны все командиры и бойцы полка, в том числе бойцы и командиры из других частей и подразделений, оказавшихся в районе мыса Фиолент 1 июля 1942 года. Из всех них был организован сборный полк, куда вошли и раненые с оружием и без него... Когда прошли 1-1,5 км и начали молча ползти к вражеским позициям, неожиданно, как отчётливо помнит Головко, вдруг со стороны 35-й батареи были услышаны крики «Ура». Вероятно, какая-то наша группа от 35-й батареи предпринимала попытку прорыва в горы, к партизанам. Услышав эти возгласы «Ура», командир полка подполковник Рубцов поднялся в рост и скомандовал: «Вперёд, братцы, за родной Севастополь, ура!» Бойцы и командиры бросились в атаку... Понеся большие потери, остаткам полка пришлось отступить».

Раненные в этой атаке, полковник Г.А. Рубцов и батальонный комиссар А.П. Смирнов, чтобы не попасть в плен, застрелились.

Или: *«Шедший (на подводную лодку) вместе со всеми начальник штаба Береговой обороны И.Ф. Кобалюк вернулся назад и передал, что остаётся на батарее, никуда не пойдёт и погибнет вместе с батареей»*.

Не могу не сказать ещё немного о тех, кто водил защитников Севастополя на прорыв. Вспоминает фельдмаршал Манштейн:

> «Заключительные бои на Херсонесском полуострове длились ещё до 4 июля. 72-я дивизия захватила бронированный ДОС «Максим Горький 11», который защищался гарнизоном в несколько тысяч человек. Другие дивизии всё более теснили противника, заставляя отступать на самый конец полуострова. Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки,

которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов. Само собой разумеется, что потери при таких попытках прорваться были чрезвычайно высоки».

Как видите, ещё долгих четыре дня уже брошенные командованием советские солдаты продолжали драться, что и заставило Манштейна в конце концов воскликнуть: *«...ибо русский солдат поистине сражался достаточно храбро!»* Но обратите внимание, кто у нас, в отличие от немцев, водил солдат на прорыв - не генералы, как у них, а *«женщины и девушки-комсомолки»*.

Да, есть от чего почесать в затылке: кормит-кормит русский народ своих генералов в мирное время, а во время войны солдат на прорыв ведут комсомолки. Умны мы, русские, сказать нечего...

Да, конечно, не петровым и октябрьским командовать бы войсками, а рубцовым и кабалюкам, но последние ложились в родную землю и под Севастополем, и на всём протяжении отступления Красной Армии от границ, а потом наступления на Берлин. А петровы и октябрьские остались живы, крутились у Кремля, нанимали продажных журналистов и историков, диктовали мемуары, и мы знаем о войне только то, что они хотели, чтобы мы знали.

Самые ценные кадры

Теперь несколько возникающих вопросов.

Начнём с того, можно ли было удержать Севастополь? Полагаю, что можно было. Во-первых, нужно было задействовать флот с его могучей артиллерией. Была опасность, что его утопит немецкая авиация? А пехотинцу подниматься в атаку безопасно? Кроме этого, уже был наработан опыт защиты кораблей на Балтике, который в принципе сводился к концентрации огня зенитной артиллерии над кораблями. Надо было не одним кораблём прийти в Севастополь, а всем флотом, и зенитными орудиями всего флота вести огонь по немецким самолётам. Потери немецкой авиации при налёте на Кронштадт после 1941 г. достигали 35% от одной атаки, при этом ни один из скученных в Кронштадте кораблей Балтфлота после 1941 г. не был выведен из строя авиацией противника. Черноморскому флоту надо было курсировать у Севастопольского берега и в бухтах, а в случае повреждения кораблей сажать их на грунт и продолжать использовать корабли как батареи. Как и был использован линкор «Марат», потопленный немецкой авиацией, но всю войну защищавший Ленинград оставшейся артиллерией.

Нужно было использовать Черноморский флот и все его боеприпасы в войне, а не хранить корабли для того, чтобы после войны разобрать на металлолом.

Во-вторых, и без флота Севастополь можно было удержать. Маношин собирал мнения не только удравших из Севастополя генералов и адмиралов.

«В этом смысле вполне справедливы слова пограничника, командира радиовзвода 456-го погранполка 109-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта Н.И. Головко: «Я считаю, что мы могли ещё держать оборону, если бы не дрогнуло командование, которое должно было

уходить последним!»

Собранные полковником Пискуновым мнения уцелевших защитников: *«Общее настроение было такое - нас сдали в плен. Мы бы ещё воевали и дрались. Я наблюдал людей. Ведь многие люди плакали от обиды и горечи, что так бесславно кончилась их жизнь, вернее, служба в армии...»*

«Вот что говорил командир 109-й стрелковой дивизии генерал-майор П.Г. Новиков, находясь в плену: «Можно было бы ещё держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить её, посеять панику, что и произошло. А немец, крадучись, шёл за нами до самой 35-й батареи».

Возникает и вопрос: почему запаниковали генералы и адмиралы военных советов СОРа и Приморской армии, хотя не паниковали при первых штурмах в 1941 г., когда, казалось бы, были менее опытны? Во-первых, скорее всего, окончательно потеряли веру в победу СССР в войне, ведь это было время стремительного наступления немцев на юге. Во-вторых, не верили в себя, как в полководцев. В мирное время они интриговали, писали доносы, тянули ножки на параде и ублажали начальство, «ставили на место матросню». Во время войны это всё не пригодилось. На войне нужно было быть воином, а они воинами не были.

Наконец, нужно оценить, что они сделали своей трусостью. В составе немецких войск в это время действовал батальон немецких диверсантов «Бранденбург-800». Представьте, что этот батальон совершил бы немыслимый подвиг - в один день убил бы Октябрьского и Петрова, всех командиров дивизий и полков. Войска были бы обезглавлены и дезорганизованы. Но надолго ли? До момента, пока в должности не вступили бы и не начали командовать уцелевшие офицеры. То, что совершили Октябрьский с Петровым, - это на порядки подлее и страшнее, поскольку после проведённой ими дезорганизации восстановить организацию и прекратить панику было уже невозможно. Для любой армии своё трусливое офицерьё стократ страшнее диверсантов!

Ещё уместный вопрос. Октябрьский прикрыл своё бегство спасением неких ценных командных кадров, а кого таковыми считать? Кого Октябрьский и Петров ценными кадрами назначат? Скажем, адъютант Петрова - это ценный командный кадр? Всё-таки чай умеет заварить...

В своё время писатель Валерий Ганичев задал вопрос маршалу Г.К. Жукову о наиболее ценных кадрах той войны:

«- Георгий Константинович, я много читал, знаю все объяснения из учебников, но скажите, пожалуйста, почему всё-таки мы победили?

- Мы победили, потому что у нас был лучший молодой солдат, - и, видя некоторое недоумение Ганичева, продолжил: - Да, да. Когда война пошла вовсю, когда мельница заработала, всё решил молодой, обученный, идеологически подготовленный солдат...»

Вот и Жукову при внезапном вопросе почему-то не вспомнились те ценные кадры, спасением которых были так озабочены Октябрьский с Петровым. Даже если эти ценные кадры, удирая, умели ловким ударом ногой в голову вышибить из самолёта коллегу. Жукову вспомнились те кадры, которых Октябрьский с Петровым, дезорганизовав, бросили в

Севастополе.

Глава 6. Генералы без чести

Бросающаяся в глаза разница

Когда речь заходит о генералах Советской Армии без чести, то все сразу вспомнят Власова, и многие им и захотят ограничиться. Но Власов - откровенный предатель, открытый. Но ведь он отщепенец для русского народа, а не для генеральской среды - он один из них. Он один из тех бар в генеральско-офицерской среде, для которых Родина, народ - это пустые звуки, а солдаты - это чёрная кость, это быдло, предназначенное на убой для славы и денег этих «профессионалов». При рассмотрении подробностей выясняется, что Власов далеко не одинок, более того, он даже не первый, кто предал, кстати, он ещё и сражался, и выходил из окружения, когда другие уже искали пути сдачи в плен и служили в плену немцам.

Но сначала не об этом, а об отношении офицеров к солдатам, об их чувстве ответственности за жизнь и судьбу солдат.

Ко мне в руки попала одна из их книг «Немецкий плен и советское освобождение» (Paris, 1987), в которой два бывших советских военнопленных сержанта, сбежавших после Победы в американскую зону оккупации Германии и оставшихся за рубежом, поливают помоями советскую власть, из-за которой якобы они и попали в плен. Оба яростно доказывают, что в том, что они сдались в плен, армия не виновата, а виноват только Сталин. Но, описывая обстоятельства сдачи в плен, оба, забыв про Сталина, вспоминают одно и то же.

Ф. Черон, служивший в Белоруссии, пишет, что в день начала войны его полк в 4 часа утра подняли по тревоге и отвели в ближайший лес, чтобы спасти от авиационного удара немцев. И это была последняя команда полку, поскольку *«командного состава не было видно. До сих пор не представляю, что с ними случилось, куда делись старшие командиры полка. Словно их метлой смело. Красноармейцы бродили бесцельно и не знали, что делать. Разные слухи поползли, были преувеличенные, искажённые и часто неверные. Никто этих слухов не опровергал. Всё принималось за чистую монету.*

Уже трудно было не поверить, что совершилось что-то страшное, с чем мы никогда не встречались. Война на самом деле? Куда же идут немцы? Куда нам идти или бежать? Что же делают наши войска на границе? Что означает «немцы перешли границу»?

Создавшийся хаос в нашей части перешёл в неорганизованное бегство. Не нашлось ни одного командира, чтоб установить какой-нибудь порядок. Получалось так, что они убежали, оставив на произвол судьбы своих красноармейцев».

В толпах этих абсолютно дезорганизованных солдат Черон и сдался в

плен на третий день войны.

А сержант И. Лугин сдался в плен в 1942 г. во время окружения под Харьковом. Но и он пишет то же самое: *«В окружении исчезли командиры, особенно высоких рангов. Этим отчасти объясняется, что наши части не сопротивлялись. Только уже в последний день перед пленом появился какой-то бравый капитан и начал сколачивать группу прорыва. Собрал он около двух сотен бойцов»*. Но прорыв не удался, капитан исчез, и Лугин сдался немцам, зачищавшим местность.

Об этом же пытались писать и советские солдаты, но цензура ЦК КПСС была начеку. У маршала Рокоссовского из воспоминаний были убраны обширнейшие куски текста, не соответствовавшие «линии партии». В частности, маршал в этих кусках вспоминал о таких проявлениях лета 1941 г.:

> «А накануне в районе той же Клеваны мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спороли знаки различия.
>
> В одной из таких групп моё внимание привлёк сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло».

Судя по всему, немцы достаточно презрительно относились к советским генералам и офицерам, сдававшимся в плен, и не видели своих особых заслуг в пленении этого трусливого сброда. Пауль Карель описывает историю одного, да и то попутно. Это командир 4-й танковой дивизии генерал-майор Потатурчев. Его дивизию немцы обошли, она практически не участвовала в боях, не считая бомбёжек немецкой авиации, тем не менее, она как соединение в несколько дней развалилась, а Потатурчев с несколькими офицерами, переодевшись в гражданское, бросил своих солдат и сбежал, сдавшись немцам в плен под Минском.

В ходе той войны на советско-германском фронте немецкие армии трижды попали в окружение советских войск: под Демянском около 100 тыс. немцев попали в окружение в январе 1942 г. и больше года (до февраля 1943 г.) сражались в окружении или полуокружении, пока не вырвались из «мешка»; в ноябре 1942 г. 6-я немецкая армия попала в окружение под Сталинградом и больше двух месяцев сражалась как единое целое; под Корсунь-Шевченковским в январе 1944 г. было окружено около 90 тыс. немцев, которые три недели сражались как единое целое, а затем пошли на прорыв и частично прорвались.

Немцы окружали советские войска, по моему счёту, восемь раз: под Минском, под Смоленском, под Уманью, под Киевом, под Вязьмой в 1941

г.; 33-ю армию в ходе Ржевско-Вяземской операции, войска Южного и Юго-Западного фронтов под Харьковом и 2-ю ударную под Ленинградом в 1942 г.

И только 33-я армия генерала Ефремова, отказавшегося бросить своих солдат, сражалась в окружении почти полгода (только соединение Белова прорвалось), и 2-я ударная - три недели. Во всех остальных случаях, как только немцы окружали наши войска, кадровое офицерство практически немедленно прекращало управление ими, бросало солдат и сдавалось в плен либо пыталось удрать из окружения самостоятельно - без войск.

А немецкие офицеры своих солдат не бросали ни при каких обстоятельствах!

Вот Пауль Карель описывает отступление немецких войск после Сталинградской битвы: *«Они уже не являлись подвижными войсками, хорошо оснащёнными моторизованными частями, это были лишь ослабленные маленькие танковые части 13-й танковой дивизии, а в основном - пехотные, стрелковые части, горные подразделения и артиллерия на конной тяге, которые за четыре недели прошли расстояние в 400 километров без машин, располагая только вьючными животными и лошадями, чтобы тащить орудия и снабженческие подводы. На большей части пути им приходилось вести бои. С ледяных склонов Эльбруса, Клухора и Санчара, из топей долины Гунайки они спустились в Кубанскую степь и повернули на северо-запад к «Голубой линии», последнему бастиону перед Кубанским плацдармом.*

Это отступление тоже представляет собой подвиг, практически не имеющий аналогов в военной истории. Этот период войны отмечен геройством, верностью долгу и готовностью к самопожертвованию со стороны офицеров и рядовых и не только с оружием в руках, но и с лопатой, рядом с лошадьми и мулами.

Здесь больше, чем когда-либо, немецкий вермахт пожинал плоды своей прогрессивной, современной структуры, отсутствия социальных барьеров и классовых предрассудков. Германская армия была единственной армией в мире, в которой офицеры и рядовые ели одинаковую еду. Офицер был не только командиром в сражении, но также и «бригадиром», «солдатом в погонах», который, не колеблясь, брал на плечи груз или вытаскивал застрявшие машины, подавая пример, помогающий превозмогать усталость. Никаким другим образом успешно осуществить это великое отступление было бы невозможно».

Фельдмаршал Манштейн, высоко оценив выносливость и смелость румынского солдата, причины слабости румынской армии (помимо подготовки и оснащения), видел в том, что *«значительная часть офицеров, в особенности высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям к военным этого уровня. Прежде всего, не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь*

явно недоставало «прусской школы».

А.В. Невский был участником приёма капитуляции немецких войск в Кёнигсберге 9 апреля 1945 г. Немцы шли сдаваться нашим генералам колоннами в составе своих частей и подразделений. *«Когда немецкие офицеры получили приказ М.И. Перевозникова построиться отдельной колонной, началось прощание немецких офицеров со своими солдатами. Все они целовались и плакали»*, - вспоминает А.В. Невский.

А как прощались со своими солдатами кадровые офицеры Красной Армии, можно узнать из докладов работников НКВД о положении на оккупированной территории Московской области: *«7. 1-2 ноября 1941 года вышедшие из окружения красноармейцы заявили, что в окружении в районе г. Вязьмы они были предоставлены сами себе. Находившиеся с ними командиры буквально приказывали, ругаясь матом, оставить их, командиров, одних и с ними не идти, предлагая им пробираться самостоятельно»*.

Да, вырастил советский народ генералов и кадровое офицерство на славу. А теперь это офицерство старательно нас уверяет, что немцев победили они - кадровые, а большие потери советского народа произошли потому, что:

- кадровыми офицерами командовал плохой главнокомандующий И.В. Сталин, и вообще начальники были плохие;

- у них, у кадровых офицеров, были плохие солдаты из крестьян;

- у них, у кадровых офицеров, был плохой советский народ, который не обеспечил их во время войны тем, чем им хотелось.

Всё это, конечно, в среднем. И среди немцев было достаточно офицеров и генералов (и сам Манштейн в том числе), которые не так хороши, как Манштейну хочется их нам представить. И среди советских генералов и офицеров были герои, добросовестно и беззаветно исполнявшие свой долг

Теперь о генеральской чести.

Окружение под Киевом

Я уже писал об этом, но в плане этой книги уместно будет вспомнить об окружении немцами наших войск под Киевом в сентябре 1941 г.

Напомню, что ни на севере, где Северо-Западным направлением командовал маршал Ворошилов, ни на юге, где Юго-Западным направлением командовал маршал Будённый, у немцев никаких окружений не получилось. В результате группа немецких армий «Центр» глубоко вклинилась по направлению к Москве, и её положение встало опасным: неразгромленные войска Ворошилова и Будённого могли ударить с севера и с юга по основанию немецкого клина и окружить войска, идущие на Москву. Гитлер этой опасностью пренебречь не смог, тем более поняв, что его армия сражается не с французами или поляками, а с солдатами совсем иного качества.

Чуть позже начальник полиции безопасности и СД суммировал это новое впечатление немцев о русских так: *«В Советском Союзе, возможно, многие люди, главным образом молодое поколение, придерживаются мнения, что Сталин является великим политиком. По меньшей мере, большевизм, безразлично какими средствами, вселил в большую часть русского населения непреклонное упорство. Именно нашими солдатами установлено, что такого организованного проявления упорства никогда не встречалось в Первую мировую войну. Вполне вероятно, что люди на востоке сильно отличаются от нас по расово-национальным признакам, однако за боевой мощью врага всё же стоят такие качества, как своеобразная любовь к Отечеству, своего рода мужество и товарищество, безразличие к жизни, которые у японцев тоже проявляются необычно, но должны быть признаны»*.

Гитлер не смог не учесть изменения обстоятельств и вынужден был импровизировать. Он поставил крест на «Барбароссе» и изменил задачу группе «Центр». Он остановил её движение к Москве и повернул входящую в её состав 2-ю танковую группу Гудериана и 2-ю армию на юг - в тыл советского Юго-Западного фронта с целью окружить и уничтожить его войска. То есть перед наступлением на Москву Гитлер снимал угрозу своим войскам с юга. (А 3-я танковая группа, входившая в группу армий «Центр», была направлена на север для снятия угрозы удара оттуда.)

В сентябре 1941 г. Юго-Западный фронт занимал дугу от фланга до фланга по прямой почти в 300 км. На северном фланге вела бои 40-я армия, за нею 21-я и 5-я, собственно Киев защищала 37-я армия. (Между прочим, во всей своей книге Баграмян не упоминает фамилию генерала, командовавшего 37-й, и во всех соответствующих эпизодах пишет о неком безымянном «командующем». А командовал 37-й генерал-майор А.А. Власов.) Уже на левой стороне Днепра ниже Киева оборону держали 26-я и 38-я армии. В сентябре 2-я танковая армия немцев под командованием Гудериана ударила в стык между 40-й и 21-й армиями и вышла в тыловые районы Юго-Западного фронта. Навстречу ей с плацдарма у Кременчуга в стык 38-й и 26-й армий ударила 1-я танковая армия Клейста. Как вы читали в главе 3. 11 сентября Кирпонос отверг предложение Будённого отводить войска на рубеж реки Псёл и заверил Сталина, что фронт справится с ситуацией и Киев оставлять нет необходимости. А 15 сентября обе немецкие танковые армии соединились в районе села Лохвица, примерно в 70 км к востоку от города Прилуки, в котором находился штаб Юго-Западного фронта. На тот момент об окружении говорить не приходилось: при прорыве немцы понесли большие потери и в наших тылах действовали, по сути, отдельными отрядами, для создания сплошной линии фронтов (внутреннего и наружного) немцам не хватало войск, соответственно и коммуникации их были уязвимы. То есть ситуация была такова, что ещё было неизвестно, кто кого окружил и чем это дело закончится.

Но формально территория, занятая Юго-Западным фронтом, была окружена с запада фронтом немецких пехотных дивизий, а с востока - отрядами двух немецких танковых армий. Не нужно быть генералом, да,

по-моему, и военным, чтобы понять, что тут нужно было делать: нужно было ударами из кольца и снаружи перерезать коммуникации танковых армий немцев и тогда получится соединение окружённых со своими войсками, а прорвавшиеся немцы, в свою очередь, окажутся окружёнными советскими войсками. Это настолько очевидно, что немцы своим офицерам прямо объяснили, что дивизии, вошедшие в прорыв, обязаны быть готовы к действиям в условиях окружения, то есть предупреждали, что в самом окружении не только для полководца, но и для солдата нет ничего необычного - это дополнительная трудность, но не более того. Между прочим, я, к примеру, никогда не встречал у советских авторов объяснения тому, из каких соображений определяется возимый боекомплект войск. Похоже, что в нашей армии то количество боеприпасов, которое могут поднять приданные данному соединению повозки и автомашины. А по менталитету немецких генералов, боекомплект - это наряды и патроны на двое суток боя без их подвоза. Вот исходя из этих двух суток боя и рассчитывалось количество повозок и автомашин, нужных немецкой дивизии.

Тут вопрос: а где взять силы для окружения прорвавшихся немцев в твой тыл? Эти силы берутся за счёт сжатия кольца окружения. Предположим, что для удержания фронта нужно 1000 солдат на километр, и если ты в кольце диаметром 100 км, то тебе нужно 300 тыс. человек, но если ты сожмёшь кольцо до диаметра в 50 км, то у тебя при той же плотности на фронте высвободится 150 тыс. человек, которые ты можешь использовать для удара в нужном месте. Говоря в принципе - для накопления сил для удара по прорвавшимся нужно сократить длину внешнего фронта. Юго-Западный фронт имел вид ломаной дуги или даже клина, имеющего в своём острие Киев. Если оставить Киев и спрямить внешний вид фронта, то могло высвободиться до половины войск. Причём Кирпоносу нужно было делать это немедленно, не упуская ни часа и не дожидаясь никаких приказов Сталина, поскольку, во-первых, запас боеприпасов внутри кольца сокращался, а во-вторых, немцы, вслед за танковыми, вводили в прорыв и пехотные дивизии. А те, в отличие от танковых, закрепляли за собой местность - они зарывались в землю, готовили систему огня, защищали коммуникации танковых клиньев, и их было уже значительно труднее сбить с позиций.

То есть Кирпоносу уже 15 сентября нужно было приказать Власову выводить 37-ю армию из Киева, остальные армии, оказавшиеся в кольце, отводить на восток к местам, где будут нанесены удары, окружающие прорвавшихся немцев, а двум своим армиям (40-й и 38-й), оказавшимся вне кольца окружения, приказать готовить удары извне. Ведь Кирпонос считался полководцем, и только на нём лежала ответственность за то, чтобы вверенные ему люди эффективно уничтожали врага, а не бездарно и бесполезно пали. Однако вместо этого произошло следующее.

Отход

И.Х. Баграмян,ё хотя и старше Черняховского, но, как и тот, был замечен Сталиным и, начав войну полковником, закончил её генералом

армии и командующим фронтом. В целом мемуары Баграмяна достаточно содержательны, но он всё же типичный советский генерал, то есть сплочён солидарностью генеральской касты и скорее будет нагло врать, чем напишет то, за что генеральская мафия на него обидится. И в деле с Кирпоносом и с гибелью Юго-Западного фронта он либо недоговаривает, либо откровенно лжёт, и лжёт, чтобы выгородить генералов РККА и представить их этакими «ероями».

Баграмян начал войну полковником, начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, вскоре ему присвоили звание генерал-майора, он практически до конца находился с Кирпоносом, видел, что тот делал, но в своих мемуарах старательно лепит из Кирпоноса героя. Давайте посмотрим, как он это делает.

Предварительно следует сказать, что, когда немецкие танковые армии соединились у Лохвицы, Баграмян оказался вне кольца, поскольку находился в 38-й армии. Не знаю, из каких соображений, но первым документом начавшейся трагедии Баграмян представляет вот такую телеграмму:

> «Мне показали донесение Кирпоноса в Генштаб и главкому направления. Оно заканчивалось словами: «Фронт перешёл к боям в условиях окружения и полного пересечения коммуникаций. Переношу командный пункт в Киев, как единственный пункт, откуда имеется возможность управления войсками. Прошу подготовить необходимые мероприятия по снабжению армий фронта огнеприпасами при помощи авиатранспорта».
>
> У меня защемило сердце».

И никаких комментариев к этой телеграмме, кроме состояния своей сердечной мышцы, Баграмян не даёт, хотя тут возникает существенный вопрос к Кирпоносу.

Историки и литераторы взахлёб уверяют, что под Киевом немцы окружили миллионы советских солдат и только пленных взяли 650 тыс., забывая сообщить, что эту цифру поведал миру доктор Геббельс в своих радиопрограммах, газетах и листовках, сбрасываемых на советские войска. На самом деле в четырёх армиях, попавших в окружение, было около 300 тыс. человек (Гудериан пишет о 290 тыс. пленных), но и это была огромная сила, которую Кирпонос обязан был с толком использовать для победы. А для этого он обязан был эффективно командовать фронтом, для чего ему нужно было находиться в таком месте, с которого командовать им наиболее удобно, то есть с которого ближе всего и до всех армий, и до полей намечаемых боёв. Удобнее всего это было делать из пункта на оси отхода окружённых советских армий, тогда бы до каждой из них было оптимальное расстояние и эти армии всё время приближались бы к штабу, что облегчало бы связь с ними (за связь отвечают вышестоящие штабы). В то же время с такого пункта было бы недалеко до мест, в которых армии Юго-Западного фронта начали бы отсекать от флангов клинья немецкого прорыва. Кроме того, должна была быть надёжной радиосвязь и с 40-й и 38-й армиями, находящимися вне окружения, ведь им надлежало бить по немцам там, где будут наносить удары окружённые армии.

А что такое Киев? Это крайне западная точка фронта, максимально удалённая ото всех армий и мест будущих боёв, это пункт, из которого было труднее всего управлять фронтом. Кроме этого, в этот момент немцы предпринимали решительные действия по отсечению 37-й армии и Киева от остальных армий фронта, и если бы Кирпонос успел в Киев проскочить, то он вообще не смог бы управлять войсками.

Но и немцы не дали Кирпоносу улизнуть туда, и, надо думать, Тимошенко приказал перевести штаб фронта из Прилук на 50 км южнее - в городок Пирятин, расположенный как раз на оси отхода Юго-Западного фронта и недалеко от мест предполагаемых боёв с прорвавшимися немцами. Пирятин - узел хороших дорог ко всем армиям фронта, кроме того, защищён рекой Удай с востока от неожиданностей со стороны танковых дивизий Гудериана и Клейста.

И возникает вопрос: а в связи с чем это Кирпонос, только узнав 15 сентября об окружении, вдруг заторопился в место, из которого невозможно командовать всем фронтом, но зато в котором легко попасть в плен?

Далее Баграмян сообщает, что уже утром 16 сентября его вызвал в Полтаву командующий Юго-Западным направлением маршал Тимошенко и приказал вылететь к Кирпоносу и передать устный приказ. Баграмян довольно много и не по делу рассуждает о согласовании этого приказа со Сталиным, но суть приказа, нет сомнений, передал точно.

> «- Доложите, товарищ Баграмян, генералу Кирпоносу, что в создавшейся обстановке Военный совет Юго-Западного направления единственно целесообразным решением для войск Юго-Западного фронта считает организованный отход. Передайте командующему фронтом моё устное приказание: оставив Киевский укреплённый район и прикрывшись небольшими силами по Днепру, незамедлительно начать отвод главных сил на тыловой оборонительный рубеж. Основная задача - при содействии наших резервов разгромить противника, выведшего на тылы войск фронта, и в последующем перейти к обороне по реке Псёл. Пусть Кирпонос проявит максимум активности, решительнее наносит удары в направлениях на Ромны и Лубны, а не ждёт, пока мы его вытащим из кольца.
>
> ...Медленно потирая пальцами виски, словно утихомиривая боль, маршал сказал:
>
> - Сейчас мы делаем всё, чтобы помочь фронту: стягиваем на Ромны и Лубны все силы, которые смогли собрать, в том числе - усиленный танками кавкорпус Белова и три отдельные танковые бригады. Через несколько дней к нам подойдут дивизии Руссиянова и Лизюкова. Этими силами мы попытаемся пробиться навстречу окружённым войскам фронта.
>
> ...Я облегчённо вздохнул. Появилась надежда, что не всё ещё потеряно.
>
> Дав указания о порядке отвода и организации управления войсками в условиях выхода из окружения, главком сказал на прощание:
>
> - Спешите, товарищ Баграмян. И пусть Кирпонос не медлит! Ваш перелёт из Полтавы в район Пирятина обеспечит генерал Фалалеев.
>
> Не теряя времени, я направился к командующему ВВС направления. Ф.Я. Фалалеев сказал, что уже выделил для меня скоростной бомбардировщик с опытным экипажем.
>
> Казалось, всё шло хорошо. Но меня смущало одно обстоятельство: такие важные полномочия, которыми наделил меня Военный совет Юго-Западного направления, не подкреплялись документами. Правда, приходилось учитывать, что самолёт могут сбить, и совсем нежелательно, чтобы такой документ попал в руки врага...»

Как видите, речь и близко не шла о каком-то там «выходе из окружения», да если вы вдумаетесь, то и не могла идти. С чего бы это

Сталин и Тимошенко вдруг сочли войска Юго-Западного фронта, отрезанные от остальных войск Красной Армии, уже не советскими войсками, а каким-то чудом морским, которому воевать уже не надо, бить немцев не надо, а надо сидеть и ждать, когда их кто-то спасёт, погибнув сам? Таким чудом, которому разрешается, бросив оружие, удирать от немцев? Окружены были такие же солдаты, командиры и генералы, как и все остальные, и окружённые обязаны были бить немцев, как и все остальные. Это был неизменный подход Сталина к этому вопросу - он не давал приказов на «выход из окружения», он давал приказы только на отход с уничтожением прорвавшегося противника. Байку про приказы на «выход из окружения» придумали уже после войны в своих мемуарах полководцы РККА, а Баграмян, из-за своей кастовой солидарности, стал одним из таких народных сказителей.

Саботаж

Далее Баграмян начинает откровенно врать: *«Из-за непогоды мы смогли вылететь лишь на следующий день. Меня усадили в прозрачной башне стрелка-радиста, откуда открывается широкий обзор. Нас сопровождают два истребителя. Пройдя через линию фронта, они повернули назад. И тотчас над горизонтом появились чёрные точки. Лётчик не стал сворачивать и на предельной скорости вёл самолёт на запад. Нам повезло. Мы проскочили сквозь заслон вражеских истребителей. Вот и аэродром Гребёнка - пункт назначения»*, - пишет Баграмян, а через несколько страниц дополняет: *«Добирались мы очень долго. Дорога была сплошь забита машинами, обозами, передвигавшимися колоннами тыловых частей и учреждений.*

У генерала Кирпоноса мы застали Бурмистенко и Рыкова. Я доложил о распоряжении главкома».

Вот, исходя из этого текста, скажите, когда Баграмян доставил приказ Тимошенко Кирпоносу? Сам Баграмян заучил этот приказ 16-го утром, но если он вылетел на следующий день, да ещё в какую-то Гребёнку, а потом долго добирался до Кирпоноса, то что получается? Получается, что Баграмян передал приказ 17-го, в лучшем случае во второй половине дня.

Но когда вышло первое издание воспоминаний Баграмяна, то откликнулся лётчик, переправивший его через фронт, и Баграмян, не подумавши, соблазнился в последующих изданиях поместить письмо этого живого свидетеля своего подвига. А в лётной книжке этого пилота была сделана запись: *«16 сентября 1941 года. Полёт Полтава - Пирятин. Особое задание»*. То есть Баграмян доставил Кирпоносу приказ не 17-го вечером, а 16-го, в худшем случае во второй половине дня. (От Полтавы до Пирятина около 150 км, скорость СБ свыше 400 км/час, штаб фронта находился на хуторе Верхояровка в 3 км от Пирятина, а командный пункт Кирпоноса находился в роще в паре километров от штаба.) Мы видим, что Баграмян лжёт, на сутки или более затягивая время получения приказа Кирпоносом. Почему лжёт?

А потому, что Кирпонос саботировал исполнение приказа - он не стал трансформировать его в свой приказ армиям Юго-Западного фронта и не стал передавать его войскам сразу же по получении! Кирпонос более суток цинично ждал, пока немцы окружат его армии основательнее! К примеру, за это время немцы перерезали основные пути отхода из Киева 37-й армии и в промежуток Яготин - Березань успели ввести крупную группировку своих войск.

Поскольку Тимошенко давал Кирпоносу приказы и по радио, то Баграмяну всё же надо было как-то объяснить причины бездействия Кирпоноса, и он объясняет их доводами, достойными американского адвоката. Кирпонос, оказывается, не исполнял приказ, так как не были выполнены надлежащие формальности.

> «- Вы привезли письменное распоряжение на отход? - не отвечая ему, спросил меня командующий.
>
> - Нет, маршал приказал передать устно.
>
> Кирпонос, насупив густые брови, зашагал по комнате. Потом сказал:
>
> - Я ничего не могу предпринять, пока не получу документ. Вопрос слишком серьёзный. - И хлопнул ладонью по столу: - Всё! На этом закончим».

Как видите, Кирпонос требовал в бумажном виде приказ, который обязан был дать войскам сам, безо всяких начальников. Каков педант!

Ну как же, скажут умники, а потом бы на Кирпоноса свалили вину за оставление Киева, вот он и требовал письменного указания, чтобы в этом случае бумагой оправдаться. Во-первых, будь Кирпонос хоть немного порядочным человеком, он бы в этот момент думал не о собственной заднице, а о тех 300 тыс. советских солдат, гибель которых он приближал и приближал. Во-вторых, такие полководцы РККА, как Кирпонос, когда речь идёт об их шкуре, плевать хотели на Сталина и его приказы. Ниже вы это увидите, а сейчас ещё об одной причине, по которой Кирпонос не давал своим войскам приказ. Баграмян продолжает:

> «Вечером 17 сентября в Москву была отправлена радиограмма следующего содержания:
>
> «Главком Тимошенко через заместителя начальника штаба фронта передал устное указание: основная задача - вывод армий фронта на реку Псёл с разгромом подвижных групп противника в направлениях на Ромны, Лубны. Оставить минимум сил для прикрытия Днепра и Киева.
>
> Письменные директивы главкома совершенно не дают указаний об отходе на реку Псёл и разрешают взять из Киевского УР только часть сил. Налицо противоречие. Что выполнять? Считаю, что вывод войск фронта на реку Псёл правилен. При этом условии необходимо оставить полностью Киевский укреплённый район, Киев и реку Днепр. Срочно просим ваших указаний».

Видали, какой умник?

Любой отвод войск проводится этапами - войска переходят с одного промежуточного рубежа обороны на другой, пока не доберутся до заданного. До реки Псёл таких промежуточных рубежей могло быть с десяток, скажем, они могли быть и на реке Сула, и на реке Хорол. Так, Кирпонос даже на первый промежуточный рубеж не собирался отводить войска, пока ему точно и письменно не укажут последний! Начальнику штаба фронта генералу Тупикову уже только за эту телеграмму нужно

было Кирпоноса пристрелить и взять командование на себя. Но, как утверждает Баграмян, они с Тупиковым уговаривали и уговаривали Кирпоноса, пока барин не смилостивился и всё же 17-го вечером подписал приказ во исполнение приказа, данного 16 сентября Тимошенко.

> «Посоветовавшись с Тупиковым, Бурмистенко и Рыковым, командующий приказал поставить армиям следующие задачи: 21-й - к утру 18 сентября сосредоточиться на рубеже Брагинцы, Гнединцы (юго-восточнее Прилук) и главными силами нанести удар на Ромны, навстречу 2-му кавалерийскому корпусу; 5-й - частью сил прикрыть отход 21-й армии с запада, а остальными нанести удар на Лохвиу; 26-й - создав ударный кулак из двух дивизий, наступать на Лубны; 37-й - вывести войска из Киевского укрепрайона на левый берег Днепра, создать из них ударную группу и прорываться на Пирятин и далее на восток, составляя арьергард сил фронта; 40-й и 38-й - ударить с востока навстречу главным силам фронта в направлениях на Ромны и Лубны.
>
> Генерал Тупиков набросал на карте план отхода войск и приказал мне внести необходимые изменения в заранее подготовленные штабом боевые распоряжения армиям. Но передать эти документы адресатам было уже нелегко. С большими трудностями мы довели их только до командующих 5, 26 и 40-й армиями. Со штабами 21-й и 37-й армий связи не было даже по радио. Мы послали в Киев двух старших офицеров на автомашинах. Они не смогли пробраться в город и, видимо, погибли в пути. Лишь несколько позднее нам удалось через штаб главкома известить 37-ю армию о необходимости пробиваться на восток.
>
> В 21-ю армию был направлен мой заместитель полковник Захватаев, который должен был вручить приказ генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову и отходить вместе с его штабом.
>
> К нашему счастью, почти вся авиация фронта и основная часть фронтового тыла своевременно были перебазированы за реку Псёл, и мы в эту трудную пору могли не отвлекаться на организацию их выхода из окружения».

(Заметим, что Кирпонос только что послал Сталину радиограмму, чтобы тот сказал точно: на Псёл выходить или не на Псёл, а оказывается, тылы фронта и авиация уже давно были за этой речкой.)

Итак, пустяк Кирпонос сделал - дал-таки приказ, хотя и поздно. И вот только теперь у него и его штаба начиналась настоящая работа - нужно было организовать исполнение этого приказа, то есть дополнительными распоряжениями, ввиду меняющейся обстановки, организовать, чтобы все армии фронта этот приказ исполнили, срезали клинья прорвавшихся в тыл фронта немцев, окружили их и уничтожили, а сами отошли на реку Псёл. Ведь в армии ответственность за исполнение приказа лежит на том, кто его дал, в данном случае - на Кирпоносе и штабе фронта.

И посмотрите, что они творят!

Дезорганизация войск фронта

Баграмян пишет: *«Военный совет и штаб фронта тронулись в путь в ночь на 18 сентября. Было решено пробиваться через Лохвицу. Для большей манёвренности управление фронта разделялось на два эшелона. Я следовал в первом эшелоне, в который входили Военный совет, основная часть штаба, политуправление, начальники родов войск и служб»*.

Как это вы *«тронулись в путь»*?! А фронтом кто будет командовать? «Дед Пихто!» - отвечает мне с того света Баграмян и начинает горестный рассказ о трагической судьбе штаба Юго-Западного фронта. Нет, не будем спешить и рассмотрим сначала это сообщение.

Во всех армиях и во все времена первые, кого стремится убить противник, это командиры. И стремится это сделать по простой причине - противника без командиров можно бить по частям. Если бы Гитлер поручил какому-нибудь Скорцени уничтожить управление Юго-Западного фронта и тот бы это исполнил, то получил бы минимум Рыцарский крест. А Кирпонос «забесплатно» уничтожил управление своего фронта, причём для этого ему не потребовалось никакого письменного приказа Сталина, поскольку никакой Сталин или Тимошенко не давал ему приказа «выходить из окружения». Это вопиющий по своей наглости акт измены Родине и воинскому долгу!

Теперь второй вопрос: а куда это они *«тронулись в путь»*? *«В Лохвицу»*, - скромно отвечает Баграмян. А что вам там делать? - возникает следующий вопрос. Ведь в Лохвице уже три дня как укрепились немцы. А приказ 5-й армии о наступлении на Лохвицу вы, Кирпонос и штаб, передали несколько минут назад, значит, войска 5-й армии получат его - если получат - только к утру, а когда сосредоточатся для исполнения этого приказа - ещё неизвестно, а когда начнут исполнять, то им до Лохвицы с боями ещё идти и идти. А штабу фронта на автомашинах до Лохвицы три часа пути. Так, повторю, что было делать в ночь на 18 сентября штабу фронта в Лохвице?

Итак, штаб Юго-Западного фронта, находясь среди своих войск и не испытывая никакого давления со стороны немцев, вдруг начал удирать от своих войск к немецким. Почему?

Но, правда, на вопрос, что делать в Лохвице, Баграмян отвечает, и неизвестно, краснел ли он от стыда при этом. Оказывается, в Лохвице есть мост через реку Сула, а штаб удирал на автомашинах и Сулу мог пересечь только по мосту, вот Кирпонос и поехал в Лохвицу. Видите, как всё просто! Да, но есть маленький вопрос: чтобы переехать мост через Сулу у Лохвицы, надо было получить разрешение у немцев, а немцы что, это разрешение Кирпоносу уже дали?

И главное - чего вообще штаб Юго-Западного фронта всполошился? Было бы понятно, если бы немцы атаковали Верхояровку и были уже в 500 м от неё. Но ведь на севере немцы были не менее чем в 50 км от Пирятина, на западе не менее чем в 40 км, но там из Киева в тыл этим немцам выходила мощная 37-я армия, которой Кирпонос приказал пробиваться на Пирятин, то есть к штабу фронта. Только на юге и на востоке немцы могли быть примерно в 30 км. Штаб находился там, где ему и полагается быть - в центре своих войск.

Ну, положим, штабу срочно захотелось перейти из окружения к войскам, ведущим деблокаду, но снаружи кольца 40-я армия Юго-Западного фронта находилась на северо-востоке, в районе города Ромны, а 38-я - на юго-востоке и должна была атаковать Лубны. Так зачем нужно было из-за моста через Сулу под Лохвицей переться 60 км с форсированием двух рек - Удая и Многи? Тем более что за Лохвицей и советских войск-то не было - только в Гадяче случайно оказавшийся там сапёрный батальон высылал дозоры да вёл разведку. Сулу надо было

форсировать в Лубнах, там тоже есть мост, до города Лубны было всего 45 км, да ещё по трассе Киев - Полтава, и без всяких форсирований рек.

Более того, согласно только что отданному приказу самого Кирпоноса Лохвица должна была стать центром окружённой немецкой группировки, а окружить её Кирпонос приказал прорывами у Ромны и Лубны. Так ехал бы к Лубнам командовать войсками 26-й и 38-й армий, которым сам же и приказал взять этот город!

Таким образом, с какой точки зрения ни посмотри, а то, что Кирпонос и штаб поспешно прекратили управление войсками фронта и поспешно выехали в направлении Лохвицы, честных объяснений не имеет. Оно имеет только одно объяснение: цель этого - дезорганизация войск фронта с тем, чтобы немцы могли легко советские войска добить и не предъявляли потом пленному Кирпоносу претензий из-за «бессмысленного сопротивления», повлёкшего потери немецких войск.

Ведь даже дезорганизованные и преданные частью полководцев РККА полки и подразделения Юго-Западного фронта дрались очень долго. В ночь на 18 сентября Кирпонос бросил их без командования, а части 26-й армии сражались и пробились к своим только к октябрю, части 37-й армии сражались до 5 октября.

Топтание на месте

А теперь давайте рассмотрим, как Кирпонос и штаб фронта проделали свой путь на Лохвицу. Баграмян продолжает: *«Из деревни Верхояровка взяли курс на Пирятин, где был мост через реку Удай. Во второй половине ночи подошли к реке»*.

Выше Баграмян сообщил, что колонна штаба тронулась в путь *«в ночь на 18 сентября»*, то есть в 8-9 часов вечера, а *«во второй половине ночи»*, то есть после 12 часов, они подошли к мосту через Удай. Автотранспорту воинских колонн задают скорость 20 км/час. От Верхояровки до моста через Удай - 4 км. Отметим, что Кирпонос как-то не сильно спешил к мосту через Удай, позже постараемся понять, почему. Далее Баграмян сообщает: *«Вражеская авиация бомбила переправу; потребовалось много труда, чтобы поддержать порядок. Преодолев реку, колонна штаба под прикрытием частей 289-й стрелковой дивизии полковника Д.Ф. Макшанова миновала Пирятин и направилась к населённому пункту Чернуха, но перед рассветом была атакована немецкими танками с севера и отсечена от стрелковых подразделений. Пришлось менять направление»*.

Возникает вопрос. Если 289-я стрелковая дивизия, задачей которой было охранять штаб фронта, увидела, что колонна штаба атакована немцами, то дивизия обязана была развернуться и принять бой с тем, чтобы защитить штаб? Вооружённый до зубов противотанковой артиллерией и бронемашинами с пушечным вооружением полк охраны штаба фронта обязан был принять бой с тем, чтобы колонна штаба соединилась с дивизией? Вроде так, но Баграмян ничего не пишет о бое, а

отсюда следует, что они свернули, как только увидели танки (если они были), а дивизия ушла уже так далеко, что не видела немецкого нападения на колонну штаба. Имеем два вывода:

- колонна штаба не ехала за дивизией, поскольку не может автоколонна на шоссе отстать от пеших подразделений;

- Кирпонос умышленно отделился от 289-й дивизии, иначе послал бы полк охраны в бой, чтобы с нею соединиться.

Видите ли, от Пирятина до Чернух около 30 км, за осеннюю ночь по шоссе даже пеший солдат пройдёт это расстояние, и автоколонне отстать от дивизии можно было только специально. Но даже без 289-й дивизии с Кирпоносом оставалось ещё очень много солдат и оружия. Баграмян продолжает:

> «Свернули на просёлочную дорогу, пролегавшую вдоль левого берега реки Удай. Двигались под бомбёжками и артиллерийским обстрелом. Фашисты неоднократно пытались сбросить нас в реку, но все их атаки были отбиты. Здесь мы потеряли много машин: часть была разбита снарядами и бомбами, часть мы сами вывели из строя, чтобы сделать колонну более компактной и боеспособной.
>
> Утром 19 сентября добрались до села Городище, расположенного при слиянии рек Удай и Многа. Командующий фронтом приказал сделать остановку, чтобы привести колонну в порядок, выяснить обстановку и наметить дальнейший план действий. В этом селе к нам присоединилась колонна штаба 5-й армии. Она следовала под прикрытием остатков 31-го стрелкового корпуса генерала Калинина».

Знаете, я не верю в этот рассказ.

Прежде всего, я не верю в бой - в то, что немцы их атаковали. Там такая местность, что атаковать немцы могли только с севера, поскольку с востока немцы занимали рубежи на восточном берегу реки Многа, и в треугольнике, образованном впадением Многи в Удай, немцев уж точно не было. На севере же одним из катетов этого треугольника является дорога Пирятин - Чернухи. А штабу 5-й армии, чтобы 19 сентября догнать Кирпоноса, нужно было из Пирятина по этой дороге проехать до какого-либо поворота с неё на север - на Городище. Но если штаб 5-й не пробился к ним, а просто присоединился с того направления, с которого их якобы атаковали немцы, то, значит, немцев не было!

Далее, немцы в этот район пока ещё только подтягивали свою пехоту, чтобы образовать сплошной фронт окружения, и вне магистральных дорог нападали на наши отступающие войска отдельными отрядами, а ночью эти отряды отдыхали в сёлах. Если бы штаб Кирпоноса действительно пытался прорваться к своим, то его могла спасти только быстрота. А смотрите, что происходит. От Пирятина до Городища по прямой 36 км, по дорогам пусть будет 60 км. И они это расстояние проехали с вечера 17 сентября по утро 19 сентября, то есть более чем за 30 часов?! Они что, похожи были на спешащих людей?

Если даже мифические немцы и атаковали их с севера, то это могло быть на участке не более чем 10 км и только в том случае, если колонна штаба сразу же после Пирятина свернула на Городище, то есть если Кирпонос и не собирался следовать за 289-й дивизией, а затем немцы должны были колонну штаба догонять. Так почему же даже с

погоняющими их немцами они двигались со средней скоростью едва ли 2 км/час? Вот и получается, что весь день 18-го они просто стояли и уничтожали свои технику и тяжёлое оружие, но даже это сколько может занять времени? Почему они не уходили на восток? Вот и думаю, что Кирпонос на этой днёвке давал возможность уйти от него дезертирам и тем, кто понял его намерения и решил пробиваться на восток самостоятельно.

И ещё. Там в округе трудно найти закуток, в котором было бы ещё проще сдаться в плен (ввиду безвыходного положения), нежели это село Городище. Ведь Кирпонос завёл штаб фронта на полуостров, окружённый двумя сливающимися речками с очень болотистыми берегами. Там и немцев-то не было по той причине, что им и в голову не могло прийти, что в это междуречье, из которого очень трудно выбраться, кто-то может заехать. (Но, что смешно, именно немцы и помогли им оттуда сбежать, но об этом позже.)

А пока отметим, что как только командующий 5-й армией генерал Потапов, чей штаб был к северу от Прилук, то есть где-то в 60 км от Пирятина, понял, что Кирпонос бросил командование фронтом и сбежал, то и Потапов тут же бросил командование 5-й армией и тоже сбежал. А как только командир 31-го стрелкового корпуса генерал Калинин увидел, что Потапов уже сбежал, то тут же бросил командовать корпусом и тоже сбежал. А ведь Потапов имел приказ Кирпоноса взять Лохвицу, к которой Кирпонос так стремился.

Почему же Кирпонос их не расстрелял? Ведь статья 193 тогдашнего Уголовного кодекса гласила: *«Самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений... - а равно - самовольное оставление поля сражения во время боя,... - а равно - самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке, влечёт за собой - высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества»*. Не расстрелял потому, что ведь и сам Кирпонос самовольно не выполнил данное ему для боя распоряжение Тимошенко об отводе войск, сам отказался руководить сражением фронта, сам начал убегать из расположения вверенных ему войск. Пришлось ему Потапова и Калинина принять как родных.

Избавление от честных

Баграмян продолжает:

> «В Городище подсчитали свои силы. Осталось около трёх тыс. человек, шесть бронемашин полка охраны и несколько пулемётных зенитных установок. Вражеская авиация не оставляла нас в покое. К счастью, потери были незначительны. Больше всего нас огорчила гибель радиостанции - она была разбита взрывом бомбы. Порвалась последняя ниточка, связывающая нас с армиями и штабом главкома».

Как видите, Кирпонос своими манёврами добился определённых успехов: если при выходе из Пирятина вокруг него вместе с 289-й дивизией было около 15 тыс. человек, то теперь осталось только 3 тыс. Но и это было много, посему, как продолжает вспоминать Баграмян, произошло следующее:

«В одной из хат Кирпонос собрал руководящий состав, оказавшийся в Городище. Генерал Тупиков доложил обстановку. Враг обступает со всех сторон. По южному берегу реки Удай, у устья которой мы находимся, немцы укрепляют оборону фронтом на север; восточный берег реки Многа занимают танковые и моторизованные части Гудериана; к северу и северо-западу от нас все крупные населённые пункты тоже захвачены противником.

После этой неутешительной информации воцарилось молчание. Его прервал генерал Кирпонос:

- Ясно одно: нужно прорываться. Остаётся уточнить, в каком направлении.

Сейчас не помню, кто предложил вечером форсировать реку Многа у Городище и за ночь выйти к Лохвице. Против этого решительно выступил генерал Тупиков:

- Этого-то и ждут от нас немцы. Они наверняка приготовили засаду у моста. По моему мнению, нам надо подняться выше по течению и форсировать реку у Чернух, в двенадцати километрах к северо-западу отсюда.

Его поддержал генерал Потапов:

- Мы уже убедились, что немцы не оставляют без внимания ни одного моста через реки. Прорыв у Чернух выгоден тем, что он окажется внезапным для противника. К тому же там имеются броды, поэтому и мост не понадобится захватывать.

Остановились на этом предложении. Решено было создать три боевые группы: головную, которая должна была расчищать дорогу колонне штаба фронта, и две на флангах. Головной группой должен был командовать генерал М.И. Потапов. Мне приказали взять под свою команду роту НКВД с задачей прикрывать всю нашу колонну от противника с тыла».

Давайте разберём это по очереди и начнём с обстановки. Насчёт немцев, укрепляющих оборону по южному берегу Удая фронтом на север, - это фантазии. Получается, что у этих немцев в тылу советская 26-я армия, а они обороняются против войск Гудериана. Какие там были немцы, вы чуть позже увидите, а пока обратите внимание на следующий ужас: *«...к северу и северо-западу от нас все крупные пункты тоже захвачены немцами»*, то есть дорога в этом направлении начисто отрезана.

Теперь по поводу восточного берега Многи, который заняли *«танковые части»*, то есть полки Гудериана. Село Городище имеет вид трёх довольно длинных улиц, протянувшихся с запада на восток. С запада к северной улице подходит просёлочная дорога из села Лесовая Слободка, а на востоке из этой улицы выходит дорога к речке Многа и вдоль неё тянется на северо-запад к селу Вороньки, расположенному примерно в трёх километрах по прямой. Речка Многа, по-видимому, из тех, которые и курица вброд перейдёт, и в этом месте на ней есть и броды, но примерно в 700 м от села Городище через неё переброшен мостик, дорога от которого уже за Многой ведёт на северо-восток к селу Исковцы и далее - к Лохвице. А в Вороньках тоже есть мостик (даже два) через Многу, и с него дорога тоже ведёт на Исковцы, соединяясь с дорогой из Городища примерно в 5 км, и на таком же расстоянии этот перекрёсток находится и от Городища.

Дорога из Городища на Вороньки огибает продолговатую холмистую гряду, которая расположена на севере села, шириной эта гряда от середины северной улицы до мостика на Многе около километра, и высотой она около 50 м. Причём эти холмы круто спускаются к Многе, так что получается, что с их хребта до мостика метров 300-400.

А за мостиком, на восточном берегу Многи, местность представляет

собою болотистую низину, и лишь примерно в двух километрах к северу от мостика эта низина заканчивается холмами, на которых расположено село Мелехи. Дорога от мостика на Исковцы проходит примерно в километре от него, а дорога из Вороньков на Исковцы - примерно в 2 км от Мелех.

Немцы, конечно, никакой обороны («засады») перед мостиком у Городища не держали, поскольку там ни окопаться, ни спрятаться, а с холмов у Городищ их можно перестрелять даже из винтовок. Поэтому немцы, в числе около роты мотоциклистов, а возможно, и меньше, сидели на холмах в Мелехах, с которых хотя и не могли воспрепятствовать проезду через мостики у Городища и в Вороньках, но могли обстреливать всех едущих мимо них по обеим дорогам. Поскольку у этих немцев не было артиллерии, а миномёты против бронетехники бессильны, то Кирпоносу нужно было бы сделать то, что сделал бы любой капитан, - выкатить на холмы 45-мм орудия и открыть из них огонь по огневым точкам в Мелехах, послать на Мелехи в атаку бронеавтомобили и, учитывая своё двадцатикратное превосходство в силах, тут же уничтожить всех немцев. После чего самому быстро двигаться через Исковцы к Суле. И сделать это надо было ещё 18 сентября.

Но, как вы видите, Кирпонос начал с того, что после однодневного отдыха 18 сентября 19 сентября тоже объявил выходным днём. И собрал совет в Городище, на котором, надо думать, генералов было больше, чем у Кутузова в Филях. Я в то, что написал Баграмян, не верю.

Смотрите, Тупиков сообщил, что все сёла на севере и северо-западе заняты немцами, а этот совет вдруг принимает решение ехать именно на северо-запад к Чернухам. Но если ехать прямо на северо-запад, то дорога идёт через Вороньки, Позняки, Ковали, если сначала на запад, а потом на север, то дорога идёт через Лесовую Слободку, Постав-Муха, Сухоносовку, Кизловку. А как же вы будете туда через *«занятые немцами сёла»* ехать, чтобы этот прорыв оказался *«внезапным для противника»*? Более того, почти двое суток назад вы уже пытались форсировать Многу у Чернух и даже вместе с 289-й дивизией, но у вас ничего не получилось, а дивизия сгинула. И снова туда? И опять же Кирпонос собрался снова ехать в Лохвицу! Да что там немцы жирнее, что ли, чем в других местах?

То есть это враньё Баграмяна преследует очевидную цель как-то скрыть очевидное - то, что Кирпонос, а возможно, и ряд других генералов не на восток прорывались, а имели какие-то свои намерения, не связанные с выходом из окружения.

И эти намерения хорошо видны по тому, как именно Кирпонос разделил свой отряд. Дело в том, что по численности это был примерно полк, а от полка в походные сторожевые заставы направляют до усиленного взвода всего лишь с задачей не допустить внезапного нападения противника. Ведь в случае встречного боя очень важно, чтобы по врагу немедленно открыли огонь как можно больше бойцов и оружия - весь полк сразу, чтобы враг не бил полк по частям. А Кирпонос свои 3 тыс. человек разделил на пять отрядов, которые должны были ночью

двигаться самостоятельно. В случае, если какой-нибудь из этих отрядов начнёт боестолкновение, остальные ему и помощи оказать не смогут. Кроме того, только три отряда - головной, штаб и арьергард - должны были ехать по дороге, а боковые - где-то в отдалении, ночью и по бездорожью. Как вы полагаете, сколько человек при таком плане должно было остаться у Кирпоноса к утру?

Теперь по поводу того, кого именно отделял от себя Кирпонос. Войска НКВД и пограничники, которые тоже входили в НКВД, были наиболее боеспособными в Красной Армии, поскольку даже в мирное время они вели бои с бандами на границах, в связи с чем солдаты НКВД и пограничники были морально готовы атаковать противника даже малыми силами и инициативно действовать в одиночку. Ведь не случайно первыми гвардейскими дивизиями в Красной Армии стали дивизии НКВД. Вот и возникают вопросы: зачем Кирпонос отделил от себя роту НКВД и почему поставил её в тыловое охранение, а не в авангард, где от этих инициативных солдат было бы больше толку, если бы требовалось прорываться? Чтобы потерять их в ночном марше?

Но Баграмян продолжает:

> «...Построил своё войско. Сто пятьдесят молодцов - залюбуешься: бравые, подтянутые. Мне, пожалуй, повезло больше всех - в моём распоряжении был настоящий боеспособный отряд. Я взял с собой и большинство офицеров нашего оперативного отдела - образовал отделение управления.
>
> Молча обошёл шеренги, вглядываясь в лица красноармейцев и командиров. Устали люди, отдохнуть бы им хоть немного. Но времени нет. Объясняю задачу. Предупреждаю, что будет трудно.
>
> - Верю, - сказал я, - что каждый из вас не посрамит чести советского бойца.
>
> Стоявший напротив меня молоденький красноармеец с головой, обмотанной почерневшими бинтами, проговорил:
>
> - Не беспокойтесь, товарищ генерал, мы не подведём.
>
> Над рядами пронёсся одобрительный гул. В это время подбежал адъютант генерала Кирпоноса: меня вызывал командующий.
>
> Приказав отряду разойтись и готовиться к предстоящему бою, я поспешил в центр села. Кирпонос, Бурмистенко, Рыков и Тупиков стояли в кругу генералов и офицеров. Бурмистенко негромко, спокойно что-то говорил товарищам. Трудно было поверить, что беседа происходит буквально под прицелами противника. В этом непоказном самообладании и уверенности был весь Бурмистенко, славный сын украинского народа. Подойдя ближе, я услышал его слова:
>
> - Главное, товарищи, сохраняйте выдержку. Нет таких трудностей и опасностей, какие не смогли бы преодолеть наши люди. Коммунисты обязаны показать пример в выполнении воинского долга».

Не удержусь, чтобы откомментировать враньё Баграмяна, заложенное в последних предложениях. Бурмистенко, как комиссару, уже давно пора было пристрелить Кирпоноса или арестовать его, а самому взять в руки винтовку и вести остальных на прорыв, тем самым показав им *«пример в выполнении воинского долга»*. Ведь не мог Бурмистенко не видеть, что Кирпонос пытается сдаться немцам в плен!

Немцы всё испортили

И у Кирпоноса это получилось бы - он бы дождался, когда немцы найдут хотя бы свободный батальон, чтобы заняться штабом Юго-Западного фронта. Ведь немцев на тот момент в этом районе было ещё очень мало, и они все силы бросили на перехват магистральных дорог Пирятин - Ромны и Пирятин - Лубны, чтобы не дать отходящим частям Красной Армии вывезти тяжёлое оружие и технику. На блокировку боковых дорог сил у немцев не было, и эти дороги либо вообще были свободны, либо удерживались мизерными заслонами. Немцы сами были на пределе сил, уже за две недели до этого Гудериан бросал в бой хлебопекарные роты и радовался любому дополнительному батальону. Из показаний пленных немцы, безусловно, знали, что в селе Городище сидит и чего-то ждёт штаб Юго-Западного фронта, но, повторю, заняться им не успевали.

Кирпонос, судя по всему, конечно, подождал бы, пока Гудериан соберётся с силами, но всё дело испортило немецкое мотоциклетное подразделение, сидевшее в Мелехах.

Увидев, что толпы русских трусливо топчутся в Городище целый день, немцы к вечеру обнаглели и решили добыть себе к ужину советских генералов и кадрового офицерства на гарнир. Этим немцам крупно не повезло. Во-первых, у Кирпоноса в подчинении было ещё более 3 тыс. человек с большим количеством тяжёлого оружия, посему положение обязывало Кирпоноса отдавать соответствующие приказы, во-вторых, бедные немцы наткнулись не на кадровое офицерство Красной Армии, а на роту НКВД. Дело развивалось так.

> «Я доложил командующему, что прибыл по его вызову.
>
> - Товарищ Баграмян, - проговорил он с несвойственной ему поспешностью. - Из Мелех выступил крупный отряд фашистских мотоциклистов. Форсировав реку Многа, он сбил наши подразделения, занимавшие вот те высоты, - командующий показал на резко выделявшуюся в километре к востоку холмистую гряду, - и вот-вот может прорваться сюда. Немедленно разверните свой отряд и атакуйте противника. Ваша задача: овладеть грядой этих высот, захватить мост через реку и двигаться на Сенну! Выполняйте!
>
> Что ж, выходит, всё изменилось. Будем пробиваться на Сенчу, и в первом эшелоне - мой отряд... Вспомнилось вчерашнее, когда фашисты оттеснили колонну штаба фронта от следовавших впереди нас частей 289-й стрелковой дивизии. Опасаясь, как бы и сегодня так не получилось, я сказал, что, если атака моего отряда увенчается успехом, главным силам лучше держаться поближе к нам. Командующий нетерпеливо махнул рукой:
>
> - Добре, идите, товарищ Баграмян.
>
> Я заметил - никогда ещё командующий не выглядел таким усталым, удручённым.
>
> Бегу к своему отряду. Построив людей и разъяснив новую боевую задачу, быстрым шагом вывожу их за околицу. В кустарнике развернулись в цепь. Гитлеровцы, засевшие на холмах, открыли огонь. Но мы продолжали движение. Завидя нас, с земли поднимаются люди. Это бойцы подразделений, вытесненных с холмов противником. Обрадованные, они вливаются в наши цепи. Отряд растёт, как снежный ком. Слышу громкий крик:
>
> - Товарищи, с нами генерал! Вперёд!
>
> Вот мы и на вершине холма. То, что недоделала пуля, довершают штык и приклад. Гитлеровцев полегло много. Мы захватили 40 пленных, несколько миномётов и мотоциклов. Всё это отправили в Городище, а сами поспешили к реке. К счастью, фашисты не успели взорвать мост. Он в наших руках».

Итак, то, чего не делали генералы во главе с Кирпоносом, имеющие

под началом 3 тыс. бойцов, мимоходом сделала рота НКВД силою в 150 человек - она не только захватила мост, который генералы не брали из-за якобы охранявших его *«танковых и моторизованных частей Гудериана»*, но и уничтожила все эти полчища Гудериана в округе: теперь примерно на 10 км к северу и на 20 км к востоку до самой Сулы не осталось ни одного немца! Баграмян продолжает:

> «Темно уже, но кругом пылают стога сена. Это прекрасный ориентир для наших главных сил. Но они что-то медлят. Посылаю воентехника 2 ранга Степанова доложить о результатах боя и о том, что мы следуем, как было приказано, на Сенчу.
>
> Тем временем к нам всё прибывает пополнение. Начальник снабжения горючими и смазочными материалами фронта генерал Алексеев и начальник охраны тыла фронта полковник Рогатин привели с собой группу пограничников. По одному, по двое, по трое подходят бойцы и командиры из различных тыловых учреждений. А колонны штаба всё нет.
>
> Поздней ночью мы приблизились к селу Исковцы-Сенчанские (Юсковцы). Несмотря на темноту, быстро сориентировались по дорожным указателям, которые гитлеровцы с немецкой педантичностью успели поставить почти на каждом перекрёстке. Остановились, чтобы подтянуть и привести в порядок отряд. Пока Алексеев и я занимались этим, офицеры оперативного отдела обошли хаты. Узнав, что в село нагрянули не немцы, а «червонноармейцы», попрятавшиеся жители высыпали на улицу, наперебой стали потчевать бойцов разной снедью».

На этой широте в двадцатых числах сентября солнце заходит примерно в 19.00. Баграмян, судя по всему, ждал у развилки дорог с Городищ и Вороньков, и если бой начался ещё засветло, то получается, что он ждал часов 4-5, сначала примерно в 5 км от Городищ, а затем примерно в 10 км от развилки - в Исковцах. В армии за связь отвечают вышестоящие командиры: это Кирпонос обязан был посылать к Баграмяну связных, а не наоборот. А здесь получается, что Кирпонос задержал у себя даже того связного (Степанова), которого послал к нему Баграмян.

Но одновременно Баграмян совершенно не объясняет ситуацию с прибытием «пополнения». Тут ведь всего два варианта: либо Алексеев и Рогатин поняли, что Кирпонос предал, и, плюнув на дисциплину, сами уехали от него к Баграмяну, либо Кирпонос отослал их и пограничников сам, но не передал с ними Баграмяну никаких распоряжений. (Заметим, что и в этом случае Кирпонос избавился от самых боевых подразделений, в данном случае - пограничников.)

> «Возвратился один из командиров оперативного отдела, посланный для связи со штабом фронта. Он принёс неожиданную новость: никто за нами не следует. Ему встретились бойцы, прорвавшиеся сквозь вражеский заслон из Городище. Они в один голос заявляют, что никого из наших там не осталось, все машины ушли на запад. Ничего не могу понять. Но нам приказано двигаться на Сенчу, и мы пойдём туда. Возможно, штаб фронта следует туда другой дорогой. Миновать Сенчу он не может: там мост через Сулу. На этой каверзной речке с широкой заболоченной поймой мосты только в Сенче и Лохвице. Но соваться в Лохвицу безумие - такой крупный населённый пункт наверняка забит вражескими войсками».

Последнего предложения Баграмяну писать не следовало, получается, что ему, да и остальным было с самого начала понятно, что все свои наличные силы немцы держат на магистрали Пирятин - Ромны, то есть у Чернух и Лохвицы. Тогда как понять, что Кирпонос и его генералы упорно направляли колонну штаба фронта именно в эти пункты?

Баграмян продолжает:

> «Перед рассветом наш отряд с ходу ворвался в Сенчу в западной части села. Немцев там не

было. Но стоило нам приблизиться к мосту, как с того берега ударил ураганный пулемётный и артиллерийско-миномётный огонь. Пришлось залечь. Советуюсь с Алексеевым и Рогатиным. Решаем атаковать. Надо захватить переправу и всё село и удерживать их до прихода колонны штаба фронта. Огонь не стихает, но бойцы по моей команде поднимаются, вбегают на мост. В это время показались немецкие танки. Стреляя из пушек и пулемётов, они устремились на наш берег. А у нас не было даже бутылок с горючей смесью. Пришлось оставить село. Стало ясно, что нам его не взять. Попытаемся обойти.

Разбиваю отряд на две части. Генерал Алексеев повёл свою группу на север, а я - на юг, к небольшому селу Лучка. Обе группы подготовят подручные средства для переправы и до утра будут ждать подхода колонны штаба.

Перед рассветом, потеряв всякую надежду на встречу со штабом фронта, мы переплыли на лодках реку. Местный житель провёл нас по путаным и топким тропам через заболоченную пойму. Благополучно пересекли шоссе и укрылись в копнах пшеницы. Я послал в разведку молодого разворотливого лейтенанта Дорохова. Он вернулся радостный:

- Товарищ генерал! Здесь поблизости совхоз. Там ни одного немца. Жители приглашают нас».

Тут Баграмян, что называется, «вешает лапшу на уши». От Исковцев до Сенчи 9 км - даже ночью и в колонне полчаса езды. А у него получается, что они в один и тот же час (*«перед рассветом»*) и в пустую Сенчу *«ворвались»*, и бой вели, и разделились, и у местных жителей лодки нашли, и переправились. Поскольку наверняка переправлялись через Сулу они ещё потемну, то, значит, наткнулись они на немцев за мостом едва за полночь (восход солнца около 7.00). Какие танки ночью? Из них и днём плохо видно, а ночью без приборов ночного видения они вообще слепые! А поскольку немцев было так мало, что они не могли занять предмостное укрепление, которым в данном случае была западная часть Сенчи, то Баграмяну неудобно объяснять, почему же они всё же не взяли мост с боя и не переправили по нему свою технику и тяжёлое оружие. Ведь, переправляясь через Сулу на лодках, они всё это бросили немцам, а сами за Сулой пошли пешком.

Тем не менее, в итоге отряд Баграмяна в ночь на 20 сентября, с боем форсировав две реки и часов 5-6 ожидая Кирпоноса, к утру проделал на машинах и пешком путь примерно в 30 км. На следующий вечер и ночь, форсировав реку Хорол, они вышли к реке Псёл недалеко от города Гадяч, встретившись с войсками тыла своего фронта и преодолев только по прямой 36 км, а реально, наверное, все 50, что, тем не менее, для пехоты не является таким уж большим достижением.

Позорный конец

А сколько же в ночь на 20 сентября проехала колонна, возглавляемая Кирпоносом? Вас, наверное, уже не удивит, что, якобы «прорываясь к своим», колонна штаба Юго-Западного фронта за целую ночь (почти 12 часов), безо всяких боевых контактов с немцами, проехала целых 11 км, сильно устала и остановилась отдохнуть на целый день у хутора Дрюковщина, не доехав не то что до Сенчи и Сулы, а даже до свободных от немцев Исковцев. Понимаете, по-другому это расценить нельзя - Кирпонос ни к каким «своим» выходить не собирался: он сидел в Вороньках и нагло ждал, пока его обнаружат достаточно крупные силы немцев и перебьют тех, кто оставался с ним, чтобы лично он мог сдаться в

плен. Ведь если рота НКВД выходила к своим, то она за ночь пешком и по бездорожью делала 50 км, а этот полководец на автомобилях и по дорогам - 11. Потому Кирпонос и не посылал связных к Баграмяну, что ожидал, когда тот от него уйдёт и уведёт с собой энкавэдистов и пограничников, и уведёт для того, чтобы последний бой и штаба фронта не принёс немцам больших потерь. Но дадим слово Баграмяну:

> «Позднее, когда мы встретились с моим заместителем подполковником И.С. Глебовым и другими товарищами по штабу фронта, стали известны печальные подробности. Я прежде всего спросил Глебова, почему колонна штаба фронта замешкалась в Городищах и не последовала за нашим отрядом. Глебов удивлённо посмотрел на меня:
>
> - А разве генерал Кирпонос не предупредил вас? Ведь он же рассчитывал демонстративной атакой вашего отряда в направлении Сенчи лишь отвлечь внимание противника. Колонна тем временем должна была двинуться на север и форсировать Многу у деревни Вороньки...
>
> (Так вот в чем дело... Нет, я не мог обижаться на Кирпоноса за то, что он скрыл от меня свой замысел. Это право командующего - не раскрывать перед подчинённым всех карт, тем более когда тому поручается демонстративная атака, - пусть старается изо всех сил, как если бы действовал на направлении главного удара.)».

Понимаете, даже если не смотреть на карту, то эти слова Баграмяна не убеждают: ну какого чёрта Кирпоносу надо было возвращаться опять на запад и искать мост у занятых немцами Чернух, если мост уже взят и дорога на восток открыта? А если посмотреть на карту, то это вообще выглядит идиотизмом: ведь колонна Кирпоноса проехала в 20 м от уже свободного моста только ради того, чтобы сделать крюк, проехать лишние 4 км с неизвестной перспективой (а вдруг в Вороньках были бы немцы?), и всё для того, чтобы доехать до развилки дорог, до которой от свободного моста в Городище было всего 5 км. Давайте закончим цитирование Баграмяна вот такими фактическими сведениям:

> «Далее Глебов рассказал, что начало было удачным. Скрытно прошли вдоль правого берега Многи, захватили Вороньки и переправились через реку. На рассвете 20 сентября оказались у хутора Дрюковщина - километрах в пятнадцати юго-западнее Лохвицы. Здесь, в роще Шумейково, остановились на днёвку.
>
> В колонне штаба фронта насчитывалось более тысячи человек, из них 800 офицеров. С ними по-прежнему находились генерал-полковник М.П. Кирпонос, члены Военного совета фронта М.А. Бурмистенко, дивизионный комиссар Е.П. Рыков, генерал-майоры В.И. Тупиков, Д.М. Добыкин, А.И. Данилов, В.В. Потапов, члены Военного совета этой армии дивизионный комиссар М.С. Никишев, бригадный комиссар Д.С. Писаревский, начальник ветслужбы А.М. Пенионжко и другие товарищи. С колонной следовали 6 бронемашин, 2 противотанковых орудия и 5 счетверённых зенитных пулемётных установок.
>
> Рощу рассекал овраг. Транспорт и люди рассредоточились по его кромке. Боевые машины заняли позиции на опушке. К сожалению, по-прежнему давала себя знать недостаточная организованность отряда. Оборону заняла лишь охрана Военного совета фронта, которую возглавлял подполковник Глебов, и охрана штаба 5-й армии во главе с майором Владимирским. Многие офицеры разбрелись по хатам хутора, чтобы умыться, раздобыть продуктов и немного отдохнуть».

Итак, из 3 тыс. человек к вечеру 19 сентября, к утру 20-го без всяких боёв у Кирпоноса осталась тысяча, и это из примерно 15 тыс., выведенных им из Пирятина в ночь на 18 сентября. Добился, чего хотел, но не полностью - с ним всё же оставались бойцы и командиры, которые собирались исполнить свой долг до конца. Поэтому когда к обеду 20 сентября немцы всё же собрали достаточно сил, то часть солдат и командиров, оставшихся с Кирпоносом, открыла по немцам огонь, а те, само собой, подвезли артиллерию и начали перепахивать рощу

снарядами, уничтожая и храбрецов, и трусов. Вот поэтому историкам до сих пор и не ясно, что же на самом деле произошло с Кирпоносом и Бурмистенко - действительно они погибли от осколков или их всё же пристрелили солдаты НКВД, всё ещё остававшиеся при штабе и понявшие, в чём дело?

Давайте подытожим. Все советские генералы в целом восхваляют храбрость Кирпоноса, ставшего Героем Советского Союза на войне с финнами, но даже из этих панегириков выпирают странности. В частности:

1. Накануне войны Кирпонос попытался воспрепятствовать приведению войск Киевского особого военного округа в боевую готовность. Напомню, что начальник штаба округа генерал Пуркаев вспоминал, что Кирпонос запретил выводить дивизии на рубеж недостроенного и не имеющего оружия Владимир-Волынского укрепрайона.

2. Это Кирпонос с Бурмистенко убедили Сталина, что, вопреки предложению Будённого, не надо оставлять Киев и отводить войска Юго-Западного фронта на рубежи реки Псёл.

3. Кирпонос проигнорировал приказ Тимошенко об отводе армий фронта за Псёл, мотивируя этот отказ формальной причиной отсутствия письменного приказа, хотя тылы фронта уже были отведены на этот рубеж.

4. Когда Кирпонос всё же отдал приказ о прорыве и отводе войск, то тут же обезглавил фронт, прекратив командовать им.

5. Кирпонос не выходил из окружения, а фактически ждал, когда в колонне штаба погибнет как можно больше вверенных ему людей, и этим фактически подставил их немцам для уничтожения.

Если последние три пункта можно как-то объяснить трусостью и подлостью Кирпоноса в условиях предстоящего поражения вверенных ему войск, то как понять первые два пункта - ведь Кирпонос вредил советскому народу и тогда, когда угрозы поражения вверенных ему войск ещё не было. И остаётся вопрос: так это просто трусливая подлость Кирпоноса или ещё довоенный замысел помочь немцам?

Вязьма

И хотя мне уже приходилось и об этом писать, но в контексте этой главы будет уместным ещё раз вспомнить окружение немецкими войсками советских армий под Вязьмой. Рассмотрим его в описании участников этого события генерал-полковника А.Г. Стученко, тогда полковника, командира 45-й кавалерийской дивизии, и генерал-лейтенанта И.А. Толконюка, в то время капитана, служившего в оперативном отделе штаба 19-й армии.

Итак, 7 октября 1941 г. немцы замкнули кольцо окружения четырёх советских армий (19-й и 20-й Западного фронта и 24-й и 32-й Резервного

фронта). Через 5 дней Ставка даёт приказ командарму 19-й - генералу М.Ф. Лукину - возглавить все четыре армии и прорываться с ними к Москве. Но сначала дадим вспомнить о поведении генерала Лукина командиру 45-й кавалерийской:

> «8 октября мы получили приказ командующего фронтом пробиваться из окружения. Войска сделали несколько попыток - ничего не получилось. 45-й кавалерийской дивизии приказано находиться в резерве командующего армией. Разместили нас в кустарнике к северу от Шутово. Расположив там дивизию, я утром 9 октября прибыл на хутор у Шутово. В крайней просторной избе за столом сидели генералы Лукин, Вишневский, Болдин и группа штабных командиров. Выслушав мой доклад, генерал Лукин приказал быть при нём. Сев на скамью и вслушавшись в разговор, я понял, что идёт выработка решения на выход из окружения. Командармы решили в 18.00 после артиллерийской подготовки поднять дивизии в атаку. Прорываться будем на северо-запад на участке 56-го моторизованного корпуса. Наша 45-я кавалерийская дивизия будет замыкать и прикрывать войска с тыла.
>
> Вечером после короткой артиллерийской подготовки над перелесками прозвучало мощное «ура», но продвинуться наши части не смогли. Повторили попытку на следующий день - результат тот же. Люди были измотаны, боеприпасы подходили к концу.
>
> Автомашины, тягачи и танки остались без горючего. Чтобы боевая техника не досталась врагу, много машин и орудий пришлось уничтожить. Подрывая их, бойцы не могли удержать слёз.
>
> В 19-й армии полностью сохранила свою боеспособность, пожалуй, только одна 45-я кавалерийская дивизия. Я убедительно просил командарма Лукина разрешить мне атаковать противника и этим пробить путь для всей армии. Но он не согласился:
>
> - Твоя дивизия - последняя наша надежда. Без неё мы погибли. Я знаю, ты прорвёшься, но мы не успеем пройти за тобой - немцы снова замкнут кольцо.
>
> Этот довод, возможно, и был справедлив, но нам с ним трудно было согласиться. Мы, кавалеристы, считали, что можно было организовать движение всей армии за конницей. А в крайнем случае, даже если бы это не удалось, то сохранилась бы боеспособная дивизия для защиты Москвы».

Давайте оценим действия генерала Лукина. Немецкие дивизии, окружившие четыре наших армии под Вязьмой, сами стали на грань окружения и разгрома, если бы эти наши армии не ставили себе целью убежать от немцев, а ударили под основание немецких клиньев. Но у Лукина и мыслей таких нет: узнав, что он в окружении, он немедленно прекращает управление войсками - дезорганизует их: и, казалось бы, ставит себе одну цель - удрать! Но ведь и это он делает странно - точь-в-точь как Кирпонос.

Для того чтобы «выйти из окружения», нужно было пробить ещё неорганизованный фронт немецкого кольца. А для прорыва любого ещё неорганизованного фронта всегда используются наиболее подвижные войска, к примеру, немцы для этого использовали танковые и мотопехотные дивизии. Смысл в том, что если в месте прорыва противник окажется готов к обороне и неожиданно силён, то нужно быстро переместиться в другое место - быстро найти такой участок, где противник слаб, с тем чтобы прорвать фронт с минимумом потерь, а потом ввести в прорыв свою пехоту и поставить противника перед необходимостью самому атаковать эту пехоту, чтобы закрыть прорыв. Это главная оперативно-тактическая идея немецкого «блицкрига». Причём немцы позаимствовали эту идею у Будённого, изучив его опыт войны с Польшей в 1920 г., но Будённый в те годы делал полякам «блицкриг» кавалерией!

Вот и объясните, зачем Лукин самое подвижное соединение своей армии назначил в арьергард, то есть поставил кавалеристской дивизии задачу, которую всегда ставили только пехоте (как наиболее устойчивому в обороне роду войск)?

Вот и объясните, почему Лукин считал, что если 45-я кавдивизия прорвёт немецкое кольцо, то это плохо, так как 19-я армия может не успеть удрать из кольца в этот прорыв, а если не делать прорыв, то тогда будет лучше. Чем лучше? Для кого лучше?

Стученко над этими вопросами не задумывается, но дальше вспоминает следующее:

> «Мысль о спасении дивизии не давала мне покоя. На свой страх и риск решил действовать самостоятельно. Так как северо-восточное направление уже было скомпрометировало неудачными атаками армии, было намечено другое - на Жебрики, почти на запад. К рассвету, расположившись вдоль опушки леса возле Горнова, дивизия была готова к атаке. Впереди конных полков стояли артиллерия и пулемётные тачанки. План был прост и рассчитан на внезапность: по сигналу на трубе «В карьер» пушки и пулемётные тачанки должны были галопом выйти на гребень высоты, прикрывавшей нас от противника, и открыть огонь прямой наводкой. Под прикрытием этого огня сабельные эскадроны налетят на врага и пробьют дорогу. Штаб дивизии, командиры, политработники разъезжали по полкам, проверяли их готовность, беседовали с бойцами, поднимая их боевой дух. Нужно было в каждого вселить твёрдую решимость прорваться или умереть - только в этом случае можно было надеяться на успех. Объехав строи дивизии, я обратился к конникам:
>
> - Товарищи! Через несколько минут мы ринемся на врага. Нет смысла скрывать от вас, что не все мы пробьёмся, кое-кто погибнет в этом бою, но остальные вырвутся из кольца и смогут сражаться за нашу родную Москву. Это лучше, чем погибнуть всем здесь, не принеся пользы Родине. Итак, вперёд, и только вперёд! Вихрем ударим по врагу!
>
> По лицам всадников было видно, что они понимают меня, что они пойдут на всё. Подан сигнал «Пушкам и пулемётам к бою». Они взяли с места галопом и помчались вперёд на огневую позицию. После первых же их залпов у врага началось смятение. В бинокль можно было наблюдать, как отдельные небольшие группы противника побежали назад к лесу. По команде, сверкая клинками, дивизия перешла в атаку. До наших пушек осталось всего метров двести, когда мы увидели, что наперерез нам скачут на конях М.Ф. Лукин с адъютантом. Командарм что-то кричал и грозил кулаком. Я придержал коня. Полки, начавшие переходить уже в галоп, тоже придержали коней. Лукин подскакал ко мне:
>
> - Стой! Именем революции, именем Военного совета приказываю остановить дивизию!
>
> Чувство дисциплины побороло. Я не мог ослушаться командарма. А он боялся лишиться последней своей надежды и данной ему властью хотел удержать дивизию, которая армии уже не поможет, ибо армии уже нет... С тяжёлым сердцем приказываю трубачу играть сигнал «Кругом». А немцы оправились от первого испуга и открыли огонь по нашим батареям и пулемётам, которые всё ещё стояли на открытой позиции и стреляли по врагу. От первых же снарядов и мин врага мы потеряли несколько орудий и тачанок. Снаряды и мины обрушились и на эскадроны, выполнявшие команду «Кругом». Десятки всадников падали убитыми и искалеченными.
>
> Я с раздражением посмотрел на командарма и стал себя клясть, что выполнил его приказ. Не останови он дивизию, таких страшных потерь мы не понесли бы и, безусловно, прорвали бы вражеское кольцо. От близкого взрыва нас обсыпало землёй и осколками, кони в испуге шарахнулись в сторону, а лошадь моего адъютанта повалилась с перебитыми ногами.
>
> Полки на рысях уходили в лес, за ними тронулись и мы с командармом. М.Ф. Лукин продолжал доказывать мне, что так надо было, что он не мог лишиться нашей дивизии.
>
> Подбираем раненых, хороним убитых. Надо скорее покидать этот лес, по которому уже пристрелялся противник. Дивизия «под конвоем» командарма Лукина и его штаба перешла на старое место - к хутору у Шутово. Вечером на командном пункте Лукина собрались работники штаба, политотдела, трибунала, прокуратуры, тыла 19-й армии и штабов других армий. Здесь же были командарм Вишневский и Болдин. Командный пункт, по существу, уже ничем не управлял. Связи с частями не было, хотя переносные радиостанции действовали в

некоторых частях (мощные радиостанции пришлось уничтожить)».

А теперь прервём Стученко и прочтём воспоминания тогда капитана Толконюка. Напомню, что в этот день, 12 октября 1941 г., Ставка приказала генералу Лукину возглавить все четыре советские армии, попавшие в окружение. И.А. Толконюк пишет:

«...Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, получив указание, что на него возлагается руководство выводом всех четырёх армий из окружения, собрал совещание командующих армиями, с которыми не было никакой технической связи, и прибыли не все для обсуждения положения и выработки решения. В этом совещании, проходившем в условиях строгой секретности и сильно затянувшемся, присутствовал и генерал-лейтенант И.В. Болдин. В результате родился приказ, исполнителем которого был начальник оперативного отдела полковник А.Г. Маслов. После неоднократных и мучительных переделок и поправок, вызывавших нервозность, приказ был подписан командармом и начальником штаба. Этот последний, отданный в окружении приказ имел важное значение, ибо он определил дальнейшую судьбу окружённых армий. Кстати сказать, решение, выраженное в приказе, не было сообщено в Ставку. Думается, что это случилось потому, что руководство окружёнными войсками не ожидало его одобрения. Следует к тому же заметить, что на последние запросы Ставки командование почему-то вообще не находило нужным отвечать.

В приказе давался краткий и довольно мрачный анализ сложившейся обстановки и делалась ссылка на требование выходить из окружения во что бы то ни стало. Войскам приказывалось сжечь автомашины, взорвать материальную часть артиллерии и оставшиеся неизрасходованными снаряды, уничтожить материальные запасы и каждой дивизии выходить из окружения самостоятельно.

В этот день я был оперативным дежурным, и приказ, размноженный в нескольких экземплярах для 19-й армии, попал ко мне для рассылки в дивизии. Передавая его мне, полковник А.Г. Маслов был крайне расстроен: он, стараясь не глядеть никому в глаза, молча передал документ, неопределённо махнул рукой и ушёл. Чувствовалось, что полковник не был согласен с таким концом армии. Через некоторое время он сказал мне по секрету: «Из всех возможных решений выбрано самое худшее, и армия погибла, не будучи побеждённой противником. Правильно говорится, что армия не может быть побеждённой, пока её командование не признает своё поражение. В нашем случае командование признало себя побеждённым преждевременно и распустило армию, предоставив её непобеждённым бойцам самим заботиться о своей участи».

...Приказ был незамедлительно доставлен в дивизии нарочными офицерами. А когда его содержание довели до личного состава, произошло то, что должно было произойти. Нельзя было не заметить, что задача понята своеобразно: спасайся кто как может. Офицеры штаба, проверявшие на местах, как доведён и понят приказ, наблюдали неприглядную картину, поправить которую уже возможности не было, да никто и не пытался что-либо изменить. Всякая связь штаба армии с дивизиями прекратилась, вступили в свои права неразбериха и самотёк. К вечеру 12 октября командование и штаб армии сложили с себя обязанность управлять подчинёнными войсками. Командиры дивизии поступили так же. Командиры многих частей и подразделений выстраивали подчинённых на лесных полянах, прощались с ними и распускали. На местах построения можно было видеть брошенные пулемёты, лёгкие миномёты, противогазы и другое военное снаряжение. Солдаты и офицеры объединялись в группы различной численности и уходили большей частью в неизвестность. В некоторых соединениях личный состав с лёгким ручным оружием начал поход в составе частей и подразделений, но с течением времени, встретившись с трудностями, эти части и подразделения также распадались на мелкие группы.

...Это невольно способствовало тому, что из 28 немецких дивизий, первоначально окруживших наши войска, к началу второй декады октября было оставлено здесь только 14, а 14 дивизий смогли продолжить путь к Москве. Расчёт нашего командования на то, что окружённые армии организованно прорвутся из окружения и будут использованы для непосредственной защиты столицы, не оправдался. Эти войска вынуждены были оставить в окружении всю материальную часть, всё тяжёлое оружие и остававшиеся боеприпасы и выходили из окружения лишь с лёгким ручным оружием, а то и без него. В итоге всего сказанного и многого не сказанного группировка из четырёх, хотя и обескровленных, армий, насчитывавшая сотни тысяч человек, с массой артиллерии, танков и других боевых средств, окружённая противником к 7 октября, уже 12 октября прекратила организованное сопротивление, не будучи разгромленной, и разошлась кто куда. Она, следовательно, вела

бои в окружении всего каких-то 5-6 дней. Это кажется невероятным, этому трудно поверить. И тем не менее это так.

...В продовольствии нужды не ощущалось, потому что в окружённом районе продовольствие могло быть получено из местных ресурсов: местность была запружена угнанным из западных районов советскими людьми скотом, и созревший урожай, при определённой организации, мог обеспечить питание личного состава длительное время. К тому же не были полностью использованы и продовольственные запасы, находившиеся на складах и в железнодорожных эшелонах, которыми были переполнены железнодорожные станции. В общем, у нас не было крайней нужды в продовольствии. В боеприпасах ощущалась некоторая нужда, но и их мы полностью не израсходовали, вплоть до прекращения организованного сопротивления. Нужда ощущалась в горючем для машин, а главное - в эвакуации раненых. Так что не в материальном обеспечении в первую очередь нуждались окружённые войска. Они нуждались прежде всего в квалифицированном, твёрдом и авторитетном руководстве, чего, по существу, не было».

Ну и о том, как в тот же день. 12 октября, высокопрофессионально и талантливо распорядился Лукин 45-й кавалерийской дивизией, вспоминает Стученко:

«Лукин не отпускал меня от себя ни на шаг. Собрали скудные свои запасы, принялись за ужин. В это время в хату с шумом ворвался какой-то подполковник и доложил, что стрелковый полк, прикрывавший район Шутово с запада, атакован немцами. Все вскочили. Лукин приказал мне остановить немцев, не допустить их продвижения к командному пункту.

Вскочив на коня, я помчался к дивизии. Эскадроны сели на коней и на ходу стали развёртываться для атаки.

Став перед 58-м кавалерийским полком (он был в центре), я подал команду «Шашки к бою!» и, не видя ещё противника, повёл дивизию рысью, выбросив вперёд разъезды. Километра через два мы встретились с нашими отходящими стрелковыми подразделениями. Приказываю командиру резервного 52-го полка разомкнуть один эскадрон в одну шеренгу, остановить и собрать пехотинцев. В полукилометре от нас горел хутор. Особенно ярко пылал сарай, по-видимому с сеном. Высокий столб пламени зловеще озарял окрестность. И тут мы увидели немцев. Шли они беспорядочной толпой, горланили что-то и не целясь палили из автоматов.

При виде наглого, самоуверенного врага, поганящего нашу землю, убивающего наших людей, знакомое уже чувство страшной ненависти охватило нас. Командую полкам: «В атаку!» Конники ринулись навстречу фашистам. Те увидели нас, но было уже поздно. Мы врезались в их толпу; удар был настолько неожидан, что гитлеровцы и не отстреливались, кинулись к лесу, начинавшемуся за догоравшим хутором. Немногим посчастливилось спастись, и то потому, что уже стемнело и гоняться за отдельными солдатами в темноте, да тем более в лесу, не имело смысла.

Надо было как можно быстрее организовать оборону. Сигналами «Стой» и «Сбор» приостанавливаю атаку. Командир резервного полка доложил, что собралось около 200 человек пехотинцев. Мы покормили их из запасов пулемётчиков (у них в тачанках всегда кое-что припрятано «на чёрный день») и помогли закрепиться у хутора.

В 23.00 дивизия получила приказ командующего армией: держать фронт до четырёх часов утра, после чего отходить на юг, прикрывая войска, которые будут с рассветом пробиваться в район Стогово (южнее Вязьмы) на соединение с 20-й армией генерал-лейтенанта Ершакова.

Штабом посланы разъезды, чтобы связаться с соседями на флангах. Они вернулись с тревожной вестью: ни справа, ни слева наших частей нет и противник обходит нас на обоих флангах. В ночной темноте не стихает треск немецких автоматов; спереди, справа, слева, сзади взвиваются осветительные ракеты. Пытаюсь связаться со штабом армии, но разъезды теряют людей, а пробиться не могут.

Подходя к делу формально, мы могли бы спокойно просидеть на месте до четырёх часов утра. Но нас мучила мысль: что с командным пунктом армии? Может, командарму и штабу нужна наша помощь?

А разъезды все возвращаются ни с чем. «Дай я попробую», - сказал комиссар дивизии А.Г. Полегин.

Обмотав копыта лошадей тряпками, Полегин и его товарищи скрылись в темноте. Я провёл

немало тревожных минут. Наконец послышался приглушённый топот и показались силуэты всадников. Комиссар всё-таки пробился на хутор, где размещался штаб армии. Там уже никого не было. Удалось выяснить, что ещё в полночь оба командарма и Болдин, собрав своих штабных работников и сколотив отряд, насчитывающий человек шестьсот, взяли радиостанцию и ушли в неизвестном направлении. Итак, мы уже около четырёх часов сидим здесь неизвестно для чего, неизвестно кого прикрывая.

В пятом часу утра полки по моему приказу бесшумно снялись с места. Держа коней в поводу, конники начали движение на юг, как приказал нам ещё вечером командарм.

На рассвете 13 октября дивизия подошла к деревне Жипино. Разъезды, высланные нами, были встречены огнём: в деревне враг. Чтобы избежать ненужных потерь, я решил обойти её с северо-запада и на рысях повёл дивизии через лес на деревню Буханово. Но до неё мы не дошли. У узкого ручья головной эскадрон попал под ураганный автоматно-пулемётный огонь».

Вы видите, что и генерал Лукин, как и генерал Кирпонос, стремился уйти от сопровождающих его войск и остаться с как можно меньшей свитой. Добавлю, что доблестному генералу Лукину всё же удалось сдаться немцам, правда, раненным, тем не менее, на его примере имеет смысл отвлечься и поговорить о том, как вели себя наши генералы в плену.

Комсомолка и генерал

Со времени, когда в жизнь стали входить соглашения Женевские и Гаагские о законах ведения войны, было введено в закон, что военнослужащий, попавший в плен, обязан сообщить противнику своё имя и фамилию, личный номер, звание, часть, в которой он служил, и адрес семьи. Всё! Всё остальное - это уже помощь врагу, это предательство.

Вот теперь давайте с точки зрения поведения в плену рассмотрим то, что рассказали немцам попавшие к ним в руки комсомолка Зоя Космодемьянская и генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

О поведении Зои рассказал следователю её товарищ по диверсионной группе В. Клубков, который смалодушничал, взялся служить немцам и выдал Зою - рассказал немцам, где её искать. Потом немцы сделали из него своего разведчика, забросили к нам, но особисты быстро его вычислили и арестовали. На следствии Клубков показал:

«...Как меня только сдали офицеру и он увидел у меня бутылки с горючей жидкостью... он наставил на меня револьвер и потребовал, чтобы я выдал, кто вместе со мной прибыл поджигать деревню. Я при этом проявил трусость и рассказал офицеру, что нас всего пришло трое, назвав имена Крайнева Бориса и Космодемьянской Зои. Офицер немедленно отдал на немецком языке какое-то приказание присутствующим там немецким солдатам... послал в погоню за Крайневым и Космодемьянской. Солдаты быстро вышли из дома...

Вопрос: Какие ещё показания вы дали офицеру до тех пор, пока привели Космодемьянскую?

Ответ: Далее я показал офицеру, что я послан разведотделом Запфронта, расположенным около станции Кунцево. Рассказал, что наша часть при разведотделе насчитывает человек 400 разведчиков и что она готовит и перебрасывает в тыл к немцам диверсионные группы по 5-10 человек. Называл своего командира и командиров групп по фамилиям, которые знал. Через несколько минут солдаты привели Зою Космодемьянскую. Задержали ли они Крайнева, я не знаю.

Вопрос: Что спрашивал офицер у Космодемьянской и какие она дала показания?

Ответ: Как только привели Зою Космодемьянскую, офицер спросил, кто она и зачем прибыла в деревню Петрищево. Зоя отвечать на вопросы отказывалась, офицер избил её. Космодемьянская ответила, что она деревню не поджигала.

Вопрос: К вам офицер обращался за помощью в получении признания от Космодемьянской?

Ответ: После этого офицер обратился ко мне, и я уличил Космодемьянскую, что она пришла вместе со мной и подожгла южную окраину деревни. Я показал офицеру, что это действительно Космодемьянская Зоя, которая вместе со мной прибыла в деревню для выполнения диверсионных актов. Однако Зоя заявила, что она меня не знает.

Космодемьянская после этого на вопросы офицера не отвечала. Видя, что Зоя молчит, три офицера раздели её догола и в течение 2-3 часов сильно избивали её резиновыми палками, добиваясь показаний. Космодемьянская заявила офицерам: «Убейте меня, я вам ничего не расскажу». Больше её не видел. Несмотря на то, что я Космодемьянскую выдал и избиения немецкими офицерами, всё же она им ничего о себе и о Красной Армии не рассказала...»

А вот что рассказал немцам сдавшийся им в плен в октябре 1941 г. командующий 19-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

«Протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта Красной Армии М.Ф. Лукина 14 декабря 1941 г.

Приведённый ниже текст допроса был отправлен с оккупированной германскими войсками территории СССР в Берлин для ознакомления Гитлеру. Давший показания М.Ф. Лукин (1892-1970), Герой Российской Федерации (1993 г.), генерал-лейтенант, командовал в ходе войны 16, 20 и 19-й армиями. В октябре 1941 г. в районе Вязьмы был тяжело ранен и захвачен немцами в плен, в мае 1945 года освобождён.

Генерал Лукин, тяжело раненный, был взят в немецкий плен. С ним уже несколько раз беседовали, но говорили немного, вследствие его тяжёлого состояния. Теперь же генерал-лейтенант Лукин сказал следующее:

«Если вы хотите, чтобы я ответил на ваш вопрос: «Почему русский народ, несмотря на всю свою ненависть к Сталину и советской системе, продолжает их защищать?» - то могу ответить таким образом, чтобы быть очень честным в разговоре с вами. Вы говорите об освобождении народов России от большевистской системы и о новом порядке для будущей Европы, но одновременно вы говорите, что только русские являются носителями большевизма, а украинцы, например, нет. Это ерунда. Большевизм так же чужд русскому народу, как и украинцам. Вообще, это интернациональное учение. Большевики смогли победить в России только потому, что сельское хозяйство было ужасно запущено после Первой мировой войны. Коммунисты пообещали крестьянам землю, а рабочим - фабрики и заводы, поэтому народ поддержал их. Конечно, это было ужасной ошибкой, поскольку сегодня крестьянин, по сравнению с прошлым, не имеет вообще ничего. В лучшем случае колхозник в Сибири получает 4 кг хлеба в день, а средняя зарплата рабочего 300-500 рублей в месяц, на которую он ничего не может купить. Когда нечего есть и существует постоянный страх перед системой, то, конечно, русские были бы очень благодарны за разрушение и избавление от сталинского режима. Только очень высокие представители советского партийного аппарата сносно живут. Командир стрелковой дивизии по сравнению с ними живёт плохо. Но я всё равно не верю в то, что в нынешних условиях внутри СССР может произойти народное, антисталинское восстание. Слишком много крови пролили большевики за 20 лет своей власти, и все, кто бы мог поднять такое восстание, уже уничтожены. И даже если существует, к примеру, такой командир или генерал, который бы думал о таком восстании и о новой России, он всё равно ничего не мог сделать, так как вокруг него слишком много комиссаров и чекистов. Даже если этот генерал только поговорит об этом со своими друзьями, он всё равно ничего не сможет сделать, так как даже в среде военных очень много доносчиков и никому нельзя верить. Поэтому для осуществления антисталинского восстания нужен сильный толчок извне. Вы, немцы, можете сокрушить систему, но вы не должны думать о том, что народ может это сделать сам, несмотря на свою ненависть к режиму. И вы не должны упрекать или наказывать русских за то, что они не восстают.

Вы говорите об освобождении народов. Но мы ничего не слышали об освобождении Украины или Белоруссии, захваченных вами, и у нас говорят, что и для России свободы не будет. Это порождает сопротивление агрессору. Конечно, партийный аппарат и чекисты это не друзья, но вторгнувшийся враг - это агрессор, и с ним надо бороться. Начиная с сентября этого года на Волге и восточнее Волги формируется 150 новых стрелковых дивизий, а возможно, и больше, но никак не меньше 150. Мы должны были сами отдавать из своей армии некоторых командиров и комиссаров для этих новых дивизий. Через 4-5 месяцев эти дивизии или закончат своё формирование, или уже будут на фронте. У них будут и танки. Один мой друг сказал мне, что ежедневно строится 60 танков, позднее это число будет доведено до 80. Это

включая заводы Ленинграда и те заводы, которые были эвакуированы на восток страны. Основные типы строящихся танков «Т-34» и «КВ». Также строится около 20 самолётов в сутки разных типов, но артиллерии и пистолетов-пулемётов будет немного. СССР помогают США и Великобритания, но я не думаю, что их помощь будет значительна. Нефти и нефтяных запасов не так много, чтобы полностью удовлетворить потребности, и если Вермахт дойдёт до Кавказа, то их будет ещё меньше».

Здесь генерал-лейтенант Лукин задал вопрос собеседнику о том, не собираются ли немцы создать альтернативное русское правительство? На этот вопрос Лукина допрашивающий ответил, что создание такого правительства будет затруднительно, ибо генерал Лукин сам заметил, что все, кто бы мог войти в такое правительство, убиты большевиками. А в случае создания правительства из случайных людей русский народ будет думать, что это правительство лишь служит немцам. Лукин сказал: «Может быть, это и правда. В этом году вы создали Министерство по делам восточных территорий, которое помогает только вам. Однако если будет всё-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они могут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России, и в-третьих, они увидят, что на вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Также правительство может стать новой надеждой для народа. Может быть, так, как я, думают и ещё другие генералы; мне известны некоторые из них, кто очень не любит коммунизм, но они сегодня ничего другого делать не могут, как поддерживать его».

На вопрос допрашиваемого, кого бы Лукин мог назвать в качестве альтернатив, Лукин ответил:

«Сегодня в СССР существуют только два человека, которые достаточно популярны, - это Будённый и Тимошенко. Будённый это человек из народа, в 1938 г. Сталин его очень не любил, и многие это знают. Если бы Будённый и Тимошенко возглавили восстание, то тогда, возможно, много крови и не пролилось. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство. И Будённый, и Тимошенко не очень любят коммунистические принципы, и, хотя они и являлись продуктами большевистской системы, они могли бы выступить, если бы видели альтернативу. Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией. Вот и помочь в создании такой России и правительства только в ваших силах, а не в наших. Жуков и Шапошников не являются такими популярными, но они очень хорошие солдаты. Правда, я не думаю, что новые сформированные дивизии смогут вести наступательные действия; они могут только хорошо обороняться. Очень многие не хотят воевать, и при наступлении наших наступающих часто брали в плен очень легко. В районе южнее Ярцево вы имели 50 орудий на 1 км фронта, но наша пехота всё равно должна была наступать три раза. Было очень много убитых, и очень многие не желали прорываться из окружения, а сдавались. Всё-таки потери составили не менее 10 000 человек.

На фронт начинают поступать новые реактивно-пусковые установки, которые раньше имелись лишь у армий, но теперь будут и у дивизий. До сих пор существовал такой порядок, что ни одна установка не должна была быть захвачена вами, и я сам отдавал приказ об их уничтожении, если они были в опасности. Сейчас их появится очень много. Если появится возможность более точной организации их стрельбы, то их значение резко возрастёт. Поскольку они просты в изготовлении, то и на фронте установки появятся скоро. Вы должны обратить на них внимание. Я не думаю, что Красная Армия начнёт вести химическую войну. Теперь я прошу вас, чтобы вы знали, что всё это сказал россиянин, который любит свой народ, и я не хочу, чтобы было ещё хуже. Я прошу вас сохранить всё это в секрете, так как у меня есть семья». (Взято из Хрестоматии по отечественной истории (1914-1945 гг.) под редакцией А.Ф. Киселёва, Э.М. Шагина. М., 1996.)

Замечу, что даже Советская военная энциклопедия сообщает о М.Ф. Лукине уважительно: *«14 окт. был тяжело ранен, попал в плен, мужественно и достойно держал себя в условиях фаш. концлагерей. В мае 1945 освобождён из плена. С ноября 1946 в отставке. Награждён орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями»*. А уж из Википедии он восстаёт героем.

До войны Лукин имел два ордена Красного Знамени, и мне было непонятно, за что Хрущёв дал ему остальные ордена? А после прочтения протокола его допроса понял: за то, что сообщил немцам время формирования, численность и боеготовность советских резервов; за то, что сообщил им темп и места производства танков и их марку, за то, что сообщил немцам мощности авиапромышленности, за то, что проинформировал их об установках залпового огня («катюшах»), короче - за то, что сообщил немцам всё, что знал, за то, что без колебаний предал и свою присягу, и свой народ. За что демократы присвоили ему звание Героя России, тоже стало понятно - за то, что соглашался на новую Россию без Украины, Белоруссии и Прибалтики, под немецким управлением, но с собою у бюджетного корыта.

Однако я прерву исследование поведения Лукина в плену для справки о лучшем генерале войны в лагере антигитлеровской коалиции по немецкому счёту. Эта справка полезна для понимания, как и кем история войн подменяется пропагандой отобранных властью (да и самими ими) «полководцев».

Боевой генерал и пропаганда вместо истории

В дневнике Гальдера, который тот вёл до конца сентября 1942 г., упоминается только один полевой генерал Красной Армии - генерал-майор П.А. Белов. В немецком рейтинге он вообще без конкурентов и упоминается Гальдером 11 раз! Сначала без фамилии упоминается его кавалерийский корпус, а потом этот же корпус получает его фамилию - «корпус Белова», и немцы его отслеживают, на каком бы фронте он ни появлялся. А как Гальдер о нём пишет! К примеру: *«11 июня 1942 года... Ликвидация противника в тылу 4-й армии проходит успешно. К сожалению, основные силы кавкорпуса Белова и 4-й авиадесантной бригады уходят на юг... 15 июня... На фронте группы армий «Центр» войска русского генерала Белова снова прорвались в направлении Кирова. Нам это не делает чести! ...17 июня... Кавалерийский корпус Белова действует теперь западнее Кирова. Как-никак он отвлёк на себя в общем 7 немецких дивизий»*.

А ведь по полному штату, которого у Белова от начала войны никогда не было, кавалерийский корпус имел до 19 тыс. человек, а немецкая дивизия - 16 тыс. То есть Белов дрался с противником, шестикратно превосходящим его в силах. Такой оценки, как П.А. Белову, Гальдер не даёт не только ни одному генералу войск противника (а ведь уже были разбиты поляки и французы, в Африке немцы загоняли англичан в Египет), но и ни одному немецкому командиру корпуса или дивизии. Получается, что по немецкому рейтингу П.А. Белов - лучший полевой генерал Второй мировой войны, по меньшей мере, её первой половины. С лета 1942 г. и до конца войны он командующий 61-й армией, с 1944 г. - Герой Советского Союза.

Но вот странное дело. В энциклопедии «Великая Отечественная война» статья о нём, конечно, есть, но вот статьи о его 1-м гвардейском

кавалерийском корпусе - нет. О 1-м гвардейском мехкорпусе есть, о 1-м гвардейском танковом корпусе есть, о 1-й гвардейской артиллерийской дивизии есть, о 1-м штурмовом авиакорпусе есть, о 1-й моторизованной инженерной бригаде есть, о 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии есть, а о кавкорпусе Белова - нет. Как это понять? Только так, что кому-то в угоду славного, кстати, русского полководца оттирали, стараясь оставить в истории как можно меньше о нём и его делах.

И ещё факт, который можно считать анекдотом. К дневникам Гальдера дан научный аппарат, в том числе и именной указатель, о каком человеке Гальдер вспоминает в дневниках и сколько раз. Фамилия Белова появляется у Гальдера во 2-й книге 2-го тома, и вот странность: фамилии Белова в именном указателе нет. Случайно опустили при подготовке книги к печати? Не похоже. Дело в том, что Гальдер упоминает ещё одного Белова - майора, а потом подполковника фон Белова из оперативного отдела Генштаба сухопутных войск Германии. Так вот, в 1-й книге 2-го тома - там, где пишется только о кавкорпусе Белова без упоминания фамилии командира, в именном указателе есть фон Белов, а во 2-й книге уже нет ни П.А. Белова, ни фон Белова - убрали обоих, чтобы не возникало вопросов, почему майор фон Белов есть, а генерал-майора П.А. Белова нет. О чём это говорит? Только о том, что кому-то не понравилось, что Гальдер о «величайшем полководце Жукове» ни разу не вспоминает, а о каком-то Белове вспоминает неоднократно.

Вот такие штрихи и показывают, что серая генеральская масса как до войны задвигала талантливых полководцев в тень, так и после войны тут же начала это делать любыми путями. И таких штрихов много, поскольку боевые генералы были боевыми только на фронте, а не в кабинетах военного ведомства.

Но вернёмся к сообщению о том, что генерал Лукин сообщил немцам.

Предшественник Власова

Учитывая источник получения документа с ответами Лукина на вопросы немцев, возникает вопрос: а этот допрос, опубликованный в «Хрестоматии по отечественной истории», - не подделка ли? Уж больно современные обороты речи, скажем, «россияне».

Но, видимо, всё же не подделка.

Во-первых, подлинник протокола, посланный в Берлин, был на немецком языке, и если его переводили на русский в наше время, то естественны и обороты речи нашего времени.

И дело не только в этом.

В Ржевско-Вяземской операции, бездарно проведённой Жуковым, был окружён 1-й гвардейский кавалерийский корпус Белова и части 4-го воздушно-десантного корпуса. Именно об этих боях и пишет Гальдер: *«Кавалерийский корпус Белова действует теперь западнее Кирова. Как-никак он отвлёк на себя в общем 7 немецких дивизий»*. Чтобы решить проблему, немцы пытались убить самого Белова. Для этого подготовили и

переправили вовнутрь окружённых войск корпуса Белова очень большую диверсионную группу из предателей в советской форме. Для предателей это был очень большой риск, этот риск требовалось как-то идеологически обосновать, поскольку просто за деньги на такой риск не идут. Нужен кто-то авторитетный, кто сообщил бы диверсантам, что он формирует войска Новой России *«без Украины, Белоруссии и Прибалтики»*, но *«в хороших отношениях с Германией»*, и что эти диверсанты воюют именно за такую свободную от большевиков Россию.

Так вот, войскам Белова удалось обезвредить эту группу, и в донесении Белова в штаб фронта об этом сообщается:

> «26 мая
>
> Из 4 ВДК-26.5.42 г.
>
> т. Жукову, Булганину, Белову
>
> Диверсионная группа численностью 300 человек почти полностью ликвидирована. Захваченный в плен майор 33 армии Богатов Алексей Матвеевич бывшей 160 сд показал:
>
> 1. На ликвидацию нашей группировки привлечён 4 армейский резервный корпус, 43 корпус с Милятино, с Богатырей и др. направлений.
>
> Танков для этой операции придаётся около 600 танков 20 тбр и 59 бронетанкового соединения, кроме того, привлекается корпус, сформированный из бывших военнопленных под командованием генерал-лейтенанта Лукина... командующего 16 или 20 армией. Наступление этого корпуса предполагается со стороны Дорогобуж...»

То есть на май 1942 г., задолго до генерала Власова, генерал Лукин у немцев то ли действительно командовал соединением, сформированным из русских предателей, и эти предатели уже воевали против находящихся в окружении наших войск, то ли освещал диверсионные группы предателей сообщениями о таком русском корпусе.

Да, конечно, можно не верить в предательство Лукина, прочитав только протокол его допроса, но как не верить, когда этот протокол дополняется ещё и сведениями о том, что это не генерал Власов, а генерал Лукин первым начал объединять предателей под знамёнами Гитлера? И эти предатели Лукина действительно воевали на стороне немцев.

Но тут возникает вопрос: а почему об этом в истории ничего не сказано, почему история создания неких регулярных русских войск, воевавших на стороне немцев, начинается с Власова?

Дело в том, что даже в середине 1942 г немцы полагали, что справятся с СССР силами объединённой Гитлером Европы. О создании регулярных вооружённых туземных формирований в СССР, тем более русских, и речи не шло. Как раз за месяц до этого в своей ставке «Волчье логово» Гитлер рассуждал о политике в отношении русских и безапелляционно заявил: *«Но самое глупое, что можно сделать на оккупированных территориях - это выдать покорённым народам оружие»*. Поэтому какие-либо крупные воинские формирования из русских исключались. Поэтому Лукин, как предтеча Власова, скорее всего окормлял именно такие диверсионные группы. А когда немцев клюнул жареный петух и им потребовались уже крупные силы предателей,

инвалида Лукина (у него была ампутирована нога) заменили Власовым.

Обычно задают вопрос: почему Сталин простил Лукина после войны? Контрвопрос: а Сталин знал о нём, рассматривал его дело? Только до войны в РККА было около тысячи генералов, после войны их стало три тысячи, как их можно было всех знать? Скажем, о генерал-лейтенанте Карбышеве Сталин до войны даже не слышал, а во время войны долго не слышал, что Карбышев уже сдался в плен. О послевоенном деле Лукина и высший командный состав мог ничего не знать либо формально просмотреть результаты его проверки органами СМЕРШ. Кстати, до войны главный комиссар Красной Армии Л. Мехлис требовал выгнать Лукина из армии, но Лукину или бездумно верили, или у него оказались надёжные друзья, которые, не исключено, помогли ему и после войны. Если не со службой, то с получением пачки орденов, а после уничтожения СССР и звания Героя России.

Ну что же, какова Россия, таковы и герои.

Послесловие

Так что нам надо? История или пропаганда?

Ответ уместно предварить вопросом к тем, кто яростно защищает пропаганду в уверенности, что это патриотично. А вы вдумайтесь - а кого, собственно, вы защищаете? И если вы вдумаетесь, то поймёте, что защищаете два института - институт пропагандистов и генеральскую мафию.

Я начал с того, что пропаганда нужна, но ведь и создание пропаганды является делом, которое нужно делать с умом и честно. Вот, скажем, случай с 28 героями-панфиловцами. На самом деле они не подбили столько танков, сколько приписал им пропагандист (для настоящего фронтовика это количество смешное и сразу указывает на ложь), да и не все стояли насмерть, кое-кто из взвода сдался в плен и даже служил немцам. Но значит ли это, что остальные не были героями? Были! Они герои потому, что не побежали и честно погибли. Ничуть не умаляло подвиг героев и то, что во взводе нашлась пара трусов. Да, таких героев были миллионы, но для пропаганды можно было выбрать, и именно этих, да вот только подвиг их описать надо было детально и умно - со знанием дела. Но для детального описания их подвига и даже для того, чтобы по-умному его приукрасить, надо было побывать там или хотя бы переговорить с очевидцами. А трусливые «мастера слова», трусливо отсидевшись в штабах и редакциях, накалякали статейку, руководствуясь собственным убогим умишкой.

Так вы, защитники пропаганды, Родину или этих трусливых и глупых пропагандистов защищаете?

28 панфиловцев были и останутся коллективным символом защитников Москвы, но правду знать надо, чтобы понимать, что дело пропаганды надо поручать храбрым, честным и умным людям, а не

трусливым и глупым проходимцам, грамотно умеющим писать по-русски.

Вот, скажем, Борис Полевой, автор легенды об умерщвлении евреев в газовых камерах Освенцима. Не сделал ни единого выстрела по немцам, но получил три ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны и орден Красной Звезды - количество наград, немыслимое для реального фронтовика. Не воевав, такое количество боевых наград за войну мог принять только бессовестный человек, а представлять его к боевым наградам могли только бессовестные генералы.

И уверяя, что байки этих пропагандистов и есть правда, мы кого защищаем - отечественную славу или трусость и тупость этих бессовестных бойцов Агитпропа?

Второй институт, который заменял историю прославлением собственных полководческих талантов, была генеральская мафия во главе с Жуковым, объединившаяся вокруг Хрущёва. Ведь даже находясь в опале, именно Жуков определял, о чём можно вспоминать о войне остальным генералам, а о чём нельзя. Вот члены этой мафии и стали в пропаганде великими полководцами, как в своё время стал им Кутузов.

Ведь иначе нельзя объяснить, почему бездарная Ельнинская операция попала в образцы полководческого искусства, а об операции под Сольцами можно было узнать только из мемуаров немецкого фельдмаршала Манштейна, а первое полное окружение и уничтожение немецкого корпуса под Ельцом вообще не упоминается в Энциклопедии «Великая Отечественная война», и почему о лучшем генерале начала войны П. Белове нужно узнавать из дневников начальника штаба сухопутных войск Германии Гальдера.

Почему бросившие своих солдат Кирпонос, Октябрьский, Лукин, Петров прославляются как герои и великие полководцы, а о командарме-33 генерале Ефремове знают только специалисты? Ведь когда из-за тупости Жукова 33-я армия попала в окружение, Ефремов не бросил своих солдат без командования, дрался в окружении почти полгода. А когда за Ефремовым послали самолёт, то он снова отказался бросить солдат и лично выводил их из окружения до своего тяжёлого ранения, а когда понял, что, раненый, обременяет товарищей, то застрелился. Прекрасная жизнь и прекрасная смерть! Нам что - некем восхищаться?

Немецкий историк П. Карель как историк не бог весть что, но ценность его книги «Восточный фронт» в том, что он записал массу рассказов немецких ветеранов - от солдат до фельдмаршалов. Записал очень некритично, так и видится, как немецкие старички, выпив шнапса, вешают этому историку «лапшу на уши» безо всяких возражений с его стороны, но тем не менее та война предстаёт в книге Кареля так, как её видели немцы.

И Карель вместе с немецкими генералами удивляется огромной разнице в морально-боевых качествах генералов Красной Армии. Вот, к примеру, немецкие генералы рассказывают Карелю о взятии ими в начале

войны двух советских городов - Лиепаи и Даугавпилса. Лиепая хотя и порт, но тупиковая точка, и от взятия её оперативная обстановка на северном фланге советско-германского фронта практически не изменялась. А Даугавпилс - крупнейший узел автомобильных и железных дорог, его, казалось бы, необходимо было защищать во что бы то ни стало. А реально дело происходило так:

> «Вечером 24 июня полковник во главе своего 505-го пехотного полка находился в одиннадцати километрах от Лиепаи. 25 июня он попытался захватить город врасплох стремительной атакой. Пехотинцы и моряки из морского штурмового подразделения под командованием капитан-лейтенанта фон Диета, приданного Ломейеру, атаковали укрепления по узкой полоске суши. Однако успеха достигнуть не смогли. Решительный штурм, предпринятый капитан-лейтенантом Шенке с его 530-м батальоном морской пехоты, также провалился. Прежде чем Ломейер смог перегруппировать свои силы и до того, как подтянулись два других полка дивизии, гарнизон Лиепаи при поддержке танков предпринял попытку прорыва. Некоторым из контратакующих удалось прорваться к самым позициям немецкой артиллерии. 27 июня русские устроили массированную вылазку, пробили брешь в кольце окружения и, прорвавшись к дороге у побережья силами нескольких боевых групп, создали критическую для немцев ситуацию. Закрыть «окно» немцы сумели лишь с большим трудом. В конечном итоге примерно в полдень батальонам 505-го пехотного полка и нескольким штурмовым пехотным группам удалось прорвать южные рубежи обороны, а на следующий день атакующие проложили себе путь в город.
>
> После этого там в течение следующих сорока восьми часов шли ожесточённые уличные бои. Для подавления тщательно замаскированных в зданиях пулемётных огневых точек русских пришлось подтянуть тяжёлую пехотную артиллерию, полевые гаубицы и миномётные батареи.
>
> Организация обороны Лиепаи находилась на высоком уровне. Советские солдаты имели хорошую боевую подготовку и сражались с отвагой фанатиков. Русские считали чем-то само собой разумеющимся жертвовать собой во имя того, чтобы их главное командование могло выиграть время или чтобы другие могли перегруппироваться и пойти на прорыв. В сражении за Лиепаю немцы впервые столкнулись с типичным для советского командования мышлением: оно безжалостно бросало в мясорубку мелкие подразделения ради спасения более крупных. Такой подход приводил к росту потерь у немцев: так, в Лиепае погибли оба офицера, командовавшие штурмовыми морскими подразделениями.
>
> Наконец 29 июня морская крепость пала. Пехота 18-й армии записала себе в актив первую крупную победу. Однако не обошлось и без печальных уроков: в Лиепае солдаты Красной Армии впервые продемонстрировали, что при наличии у них умного, опытного командира и при условии, что неуклюжая цепочка командования успевает сработать и организовать оборону, они вполне способны удерживать сильные позиции.
>
> В отличие от защитников Лиепаи, оборону Даугавпилса русские вели вяло, неумело и бестолково».

Лиепаю защищали части 67-й стрелковой дивизии генерал-майора Н.А. Дедаева, 12-й пограничный отряд и моряки военно-морской базы, командиры которых мне, к сожалению, неизвестны, а в городе вели бои ополченцы под командованием 1-го секретаря горкома партии М. Буки. Но кого интересовали и интересуют их имена?

Так кого мы защищаем, соглашаясь на подмену истории пропагандой?

Обычно мне задают вопрос, почему же Сталин, скажем, допустил эдакое позорное бегство Октябрьского и Петрова? Почему не приказал им разделить судьбу вверенных войск? Почему впоследствии доверял этим трусам командование, награждал, присваивал воинские звания?

Я это уже не раз подробно объяснял в своих книгах. Сейчас скажу кратко: любой руководитель, в том числе и Сталин, внешне имея,

казалось бы, неограниченный выбор кандидатур для назначения на должности, на самом деле работает с теми, кого ему пришлёт отдел кадров. И часто бывает так, что уже оценил, что данный работник - дерьмо, а работать с ним надо, поскольку никого другого просто не видишь. Именно «не видишь», поскольку на самом деле достойные люди есть, их много, но чтобы узнать их, нужно лично увидеть их в деле, а это чаще всего невозможно. Ну, а те, кого предлагают кадровики, могут быть далеко не лучше прежних.

Так вот и с Петровым или Мерецковым.

Один струсил, второй предал, но как военные специалисты неплохи, а лучших не видно! Комиссаров к ним, неусыпный контроль, внятная угроза расстрела в случае повторения малодушия или предательства - и вперёд! На безрыбьи и рак рыба.

Октябрьского, после его бегства из Севастополя, выкинули на Амурскую военную флотилию, но лучшего командующего флотом не нашли, и в марте 1944 г. Октябрьского снова вернули на ЧФ, снова не получив от него никакого толку - он, как и Трибуц на Балтике, так ни разу лично и не вывел флот в море.

Петрову давали армию, давали фронт, снимали, а новых Рокоссовских не находили. Снова ставили Петрова на фронт.

Образно говоря, в мирное время генералитет показывает правительству начищенную видимую сторону армейских медалей с выбитыми на них определёнными физиономиями, а реверс этих медалей правительству не виден и очень неприглядан. И сделать обратную сторону медалей приличнее трудно, а порою и невозможно, вернее, это требует резкого слома всей старой системы и замены её на новую, что не всегда возможно. Попробуйте сломать плот и из его материала построить судно. Технически проблем нет, но как это сделать, когда ваш плот уже в океане, а на нём люди? Как реорганизовать Армию, когда война уже идёт, как это сделать, если в Армии повсеместное сопротивление слому и желание иметь в ней те порядки, которые есть?

Один мой товарищ, бывший офицер, вспоминая армию СССР накануне его уничтожения, говорил, что его тогда поражали разговоры офицеров о том, что «сегодня и на гражданке можно достойно жить». То есть эти люди в СССР пришли в армию, чтобы достойно жить - жить лучше, чем гражданские. И только! Но ведь это не офицеры! В офицеры настоящей армии должны идти мужчины, чтобы достойно умереть! Тогда народ будет понимать, за что он в мирное время обеспечивает офицерам достойную жизнь.

Этот офицерский менталитет, эти порядки в армии надо ломать, и военная юстиция должна играть в этом ведущую роль.

Правда, я имею в виду будущую Армию России, народную Армию, а не Армию нынешней Раши, и настоящие суды, а не нынешнюю мерзость. Нынешняя Армия, с её целью оставить наворованное у тех, кто обворовывает Россию, мне безразлична, а нынешним судьям нельзя

доверить рассмотрение даже дел о штрафах за переход улицы на красный свет.

Вот бывший министр обороны образца 1994 г. П. Грачёв жалуется на генералов Российской армии образца 1994 г. Время ввода войск в Чечню и начала Первой чеченской.

> «Открыто с самого начала против ввода войск выступал только Борис Громов, но и он не подавал в отставку до поры до времени, выжидал. Ещё до ввода войск руководить операцией я назначил командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Митюхина Алексея Николаевича. А сам его подстраховывал. Но Митюхин, когда под станицей Слепцовской началась стрельба, запаниковал. Начал орать на подчинённых, растерялся. Я пробовал успокоить - не вышло. Потом позвонил ему: ты, говорю, видимо, «заболел», садись на вертолёт и лети в Ростов. Сам начал командовать. Но ведь я не мог, бросив всё, заниматься только Чечнёй. Приглашаю первого заместителя командующего сухопутными войсками генерала Воробьёва. В Моздоке он отвечал за подготовку частей к боям. На совещаниях в штабе всегда чётко и очень толково делал доклады: товарищ министр, такие-то части готовы идти в наступление, такие-то ещё готовятся...
>
> Он и сейчас в Государственной думе хочет выглядеть этаким бравым генералом - всё знает, всё умеет... Я объяснил ситуацию: Эдуард Аркадьевич, Митюхин заболел, сам бог велит вам возглавить операцию. И тут мой дорогой генерал Воробьёв, сильно покраснев и помолчав секунд 15-20, вдруг заявил: командовать отказываюсь. Как так? Я вам приказываю! А он: войска не подготовлены. Как это? Почему раньше молчали? Вот ваши доклады, вы отвечали за подготовку. Значит, вы меня обманывали? Вы знаете, чем это грозит? 15 лет или расстрел... Как хотите, отвечает, так и оценивайте, командовать не буду. В общем, отправил его в Москву, пригрозив судом. Он щёлкнул каблуками. В Москве я обо всём доложил Ельцину, даже сказал, что Воробьёва надо судить. Б.Н. попросил подобрать руководителя операции. Генерал Кондратьев мне сразу сказал, что с него хватит октября 93-го года, не выдержит - больной. Миронову даже не предлагал - больной, ещё в Афганистане сердце надорвал. Громов отказался, объяснил, что всегда выступал против ввода войск в Чечню, и тут же выразил готовность написать рапорт об отставке. Больше замов у меня не было... В мирное время все хорошие, умные, смелые, а когда начались боевые действия - в кусты. Такое бывает и у генералов».

Похоже, что только такое у подавляющей массы генералов и бывает...

Да, почётная судьба солдата - пасть в бою за своё Отечество. Да, враг хитёр и коварен, и солдат может пасть в бою, в том числе из-за ошибки своего генерала. Это уже плохо, но допустить такое можно. Но нельзя допускать, чтобы солдат был убит из-за трусости, тупости, лени или разгильдяйства своих генералов.

Сегодня у нас нет войны, а есть мерзость на месте государства. России не нужна реклама её продажных генералов, а нужна истина, в том числе и историческая, чтобы понимать, что делать во имя будущей России - как в генеральской среде отделять зёрна от плевел, и что делать во время войны, чтобы генеральская мерзость не губила своих же солдат.